

Словесница Искусств

**Дальний Восток
в пространстве Мифа и Легенды**

Словесница Искусств

№ 18
2006

Журнал Хабаровского краевого
благотворительного
общественного фонда культуры
Издаётся в Хабаровске с 1998 года
Выходит 2 раза в год

Свидетельство Дальневосточного
территориального управления МПТР ПИ
№ 15-0009 от 29 мая 2000 г.

Лауреат конкурса среди провинциальных изданий, пишущих о культуре,
проводимого АНО «Единство культуры и журналистики» совместно с Фондом
Форда (1999)

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Золотой Гонг-2001»

Лауреат Всероссийского конкурса журналистов «Лица российской провинции»
(2004)

Главный редактор	Елена ГЛЕБОВА
Художественно-технический редактор	Галина ПЕРШИНА
Корреспондент	Светлана ФУРСОВА
Выпускающий редактор	Наталья РОДИНА

Общественный совет	Г. БУТРИНА П. ГОНТМАХЕР Л. ВАРАКСИНА О. ИВАНОВА В. КАТЕРИНИЧ А. ЛЕПЕТУХИН Т. МЕЛЬНИКОВА Н. ХОЛОДОК С. ЧЕРЕПАНОВА
--------------------	--

Фотографии	С. БЕРЕЗНИЦКОГО А. ВОЛЬГУШЕВА Е. ГЛЕБОВОЙ С. ГОНЧАРОВОЙ С. МАРТЫНОВСКОГО Н. ТЭМИНОЙ Н. РУДОЙ В. ЯКОВЛЕВА
------------	---

Номер создан при финансовой поддержке Федерального агентства по делам
печати и массовым коммуникациям
и Министерства культуры Хабаровского края

Адрес редакции:
680000, Хабаровск, ул. Муравьева-Амурского, 17
Тел. (4212) 32-73-42, факс 32-73-85
E-mail: haki@mail.redcom.ru
Тираж 1000 экз.
Отпечатано в ООО «Омега-Пресс»
Тираж 1 000 экз.

На первой странице обложки:
И.Д. Лиханов. Из цикла «Уснувший Дракон».
2003. Бумага, акварель.

Перепечатка без разрешения редакции запрещена.
При использовании материалов ссылка обязательна

Вечные скалы – хранители времени и удачи

«Сакральный образ утеса и его духа-хозяина схож в представлениях местных народов. Хозяин обитает внутри скалы в пещере и по внешнему виду напоминает невысокого старичка с седой бородкой. Если не угостить хозяина утеса перед выходом на охоту или рыбную ловлю, он обидится и накажет человека: звери и рыба станут прятаться от такого промысловика, может перевернуться лодка на глубоком месте Амура или озера. Ритуал угощения хозяина утеса совершали вместе нивхи, негидальцы и ульчи. К хозяину утеса обращались за помощью и в случае гибели кого-либо из членов семьи на промысле: родственники приходили к утесу, приносили угощение на специальный камень у воды и просили духа, чтобы он обеспечил хорошую жизнь душам утонувших людей в потустороннем мире».

Сергей БЕРЕЗНИЦКИЙ
Стр. 26

Легенды Белой горы

«Одна из легенд рассказывает о том, что когда-то очень давно в Белой горе жили нивхи. Она служила им надежной защитой от постоянных набегов воинственных айнов. Наука это тоже подтверждает: ученые установили, что еще в XII веке айны боролись за эти территории с нивхами, которые, не будучи кочевниками, не желали оставлять насиженных мест. Так вот Белая гора, по легенде, представляла собой что-то вроде подземного стойбища с прорытыми ходами. Как только наступал момент опасности, нивхи укрывались в сопке, причем дымоходы из подземных жилищ выводили далеко в тайгу, и со стороны казалось, что Белая гора просто окутана туманом. Айнские воины, таким образом, предполагали, что враг далеко, и попадались в ловко расставленные сети».

Елена ГЛЕБОВА
Стр. 39

Дерево – молчаливый двойник человека

«Центральное место занимает дерево и в нанайском мифе о возникновении шаманства. Когда Гурэнтэ, убив два солнца, возвращался домой, то встретил на своем пути мировое дерево жизни *ялоан туйгэ* (*ялоан* – мир, *туйгэ* – небесное религиозное дерево). Это было огромное дерево, от земли до неба. Посмотрел он на крону, а там столько маленьких птичек, столько разных птиц. Когда они взлетали, то закрывали солнце; когда, полетав, они начинали садиться, снова закрывали солнце. Ствол этого дерева не могли обхватить сто человек. Его корой были лягушки и ящерицы, ветвями – удавы, листьями – круглые *толи* (*толи* – позднее сэвэн, помощник шамана, помогающий ему проникать в загробный мир *бун*), шишки звенели колокольчиками. Корнями дерева были змеи. Само дерево – сосна».

Наталья БЕЛДЫ
Стр. 50

Беловодье – страна древнего благочестия

«Пожалуй, ни одна из утопических легенд не была так притягательна для русского крестьянства, как легенда о Беловодье. Она появилась в период самого интенсивного освоения Сибири и способствовала продвижению русских крестьян-старообрядцев на восток. Вместе с освоением новых земель менялась и география легендарной страны. Длительное время (с 70-х годов XVIII века) местонахождением страны древнего благочестия была долина реки Бухтармы, затем уже и сами жители Рудного Алтая уходили в поисках ее дальше, в Китай, на о. Лобнор, и далее к островам Тихого океана или в «Опоныское царство» – Японию».

Вера КОБКОВА
Стр. 82

Славянская руница на священных камнях

«До сих пор любители старины находят на камнях, на предметах знаки руницы. К примеру, в одном только ракурсе валуна Макоши, главной славянской богини, найденного на Валааме, можно прочесть целую «эпоху», уходящую в седую древность. На этом камне начертаны слова «Перунова Русь» и «Святая Русь», что обозначает Карельский перешеек, где находится Валаам. А основная надпись посвящена богине судьбы Макоши: «Чай чело въ камоне, но и тело ищи Магужино». («Уповай на голову в камне, но и тело ищи Магужино.»).

Сергей КРАСНОШТАНОВ
Стр. 102

Мерцающие звезды сказок

«Я люблю сказки, легенды и интересные житейские истории слушать с детства, много слышала их в деревне, в нашем городе Имане, много сказок записала со слов своей матери, отца, соседей. Когда я жила в той части Имана, которая именуется Белой Речкой, с нами рядом жил инвалид Великой Отечественной войны Степан Дмитриевич Колесниченко. Он пенсионер, на досуге шьет и чинит обувь, целыми днями стучит сапожным молоточком, а под вечер выбирается на скамеечку под черемухами, и его окружает куча детворы. Иногда дядя Степа, как зовут его дети, заранее посылает своего сынишку Гену оповещать, чтобы в 6 часов приходили на бревна сказки слушать. Тогда от «публики» нет отбоя...»

Помню, что я, слушая сказки, любила смотреть на звездное небо, на гаснущий закат. И до сих пор у меня сказки связаны со звездами – такие же яркие, мерцающие, манящие...»

Екатерина СЫСТЕРОВА
Стр. 88

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка редактора

2 Елена Глебова. *Время мудрого Дракона*

ГЛАВНАЯ ТЕМА: Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

4 Елена Глебова, Юлия Шестакова, Глеб Мордовцев. *Уснувший Дракон. Сказки и легенды народов Приамурья*

26 Сергей Березницкий. *Вечные скалы – хранители времени и удачи*

37 Татьяна Мельникова. *Духи перевалов*

39 Елена Глебова. *Легенды Белой горы*

42 Сергей Скоринов. *Центр этнического мироздания*

47 Константин Бельды. *Охотники за удачей – духи коцали*

50 Наталья Бельды. *Дерево – молчаливый двойник человека*

53 Елпидифор Титов. *Проделки зайца. Тунгусская сказка*

57 Светлана Гончарова. *Путь шамана в XXI веке*

61 Наталья Соболевская. *Небесный и подземный мир из старых дневников*

65 Мира Горнова. *Корейские мифы родились в Сикачи-Аляне?*

70 Мира Горнова. *Каменные мифы озера Болонь*

77 Елена У. *История ульчского рода Уды*

ГЛАВНАЯ ТЕМА: Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: СЛАВЯНЕ

82 Вера Кобко. *Беловодье – страна древнего благочестия*

88 Елена Глебова. *Мерцающие звезды сказок*

93 Лидия Фетисова.

Мотив судьбы в обрядовом фольклоре славян-переселенцев

96 *Федор Бурмакин – победитель злых сил*

ГЛУБИНЫ ДРЕВНОСТИ

102 Сергей Красноштанов. *Славянская руница на священных камнях*

Сюжеты путешествий

104 Елена Глебова. *Голубь-легенда над куполами*

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Курсив времени

110 Ирина Добровольская. *Когда говорят музы, пушки молчат*

Наследие

113 Галина Егошина. *Молчаливые свидетели эпох*

Человек, который рядом

117 Светлана Фурсова. *Собирающий мгновенья*

Персона

120 Владимир Иванов-Ардасhev. *Опальный зверобой*

История

122 Светлана Фурсова. *Прекрасный час ученичества*

ГРАНИ ДУХОВНОСТИ

Событие

126 Светлана Фурсова. *Воплощенна молитва*

Вначале было слово

128 Елена Глебова. *Внутренний мир, хранимый иконой*

Жизнь церкви

131 Ольга Кулагина. *Благодать коснулась нас*

134 Елена Глебова. *Святитель Николай Чудотворец обошел дальневосточные земли*

136 Елена Глебова. *Добрые пастыри воспитываются здесь*

Хроника событий

Святые

139 Елена Глебова. *Путь святой Параскевы*

ЛИТЕРАТУРА

Персона

142 Светлана Фурсова. *«И единственной истиной мне остается дорога...»*

Посвящение

144 Андрей Земсков. *Стансы к Марине Цветаевой*

Книги

146 Татьяна Лаврова. *Свет далекой звезды*

Публикация

148 Иван Галактионов. *Ветер с берегов детства*

Негромкие слова

151 Владимир Клипель. *Услада для души. Из «Праздных наблюдений»*

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Содружество культур

156 Светлана Фурсова. *Дни встреч и раздумий*

158 Анастасия Берковская. *Современная немецкая графика*

из коллекции Юргена Вайхардта

162 Ольга Привалова. *Наполнить сердце добротой...*

Театр

167 Светлана Фурсова. *Театр из Бурятии: десять лет спустя*

171 Тамара Бабурова. *Приглашение на маскарад*

Территория творчества

174 Анастасия Ершова. *«Алый парус» – символ сбывшейся мечты*

Персона

176 Ольга Привалова. *«Фотография для меня неисчерпаемый источник радости...»*

Музыка

179 Джонни Райнхард. *Голоса земли и воды*

во Вселенской симфонии Чарльза Айвза

Сюжеты путешествий

182 Антон Вольгушев. *25 тысяч километров за 25 дней,*

или Что такое Конгнесс экслибриса

187 Татьяна Мельникова. *Человек поезда, или Во что верят проводники*

Время мудрого Дракона

Выпуск журнала «Словесница Искусств», завершающий 2006 год, продолжает тему «Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды», начатую еще в прошлом номере. Она легла в основу издательского проекта, объединившего духовные традиции коренных малочисленных народов Дальнего Востока и славян-переселенцев. Проект стал победителем конкурса российских СМИ, получил финансовую поддержку Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, и это говорит о его значимости и актуальности. В рамках заданной темы нам удалось реализовать еще один интересный проект – цикл сказок и легенд «Уснувший Дракон», задуманный несколько лет назад.

Дракон – символ мудрости, вечности и защищенности. Идея возникла после того, как я побывала в древнем селе Кондон, расположенном в Комсомольском районе Хабаровского края. Именно тогда возникло реальное ощущение, что ты оказался внутри древнего мифа о Драконе, который уснул и стал священной сопкой. Причем многие ниточки современной жизни нанайского села вели к этому культовому месту: ему поклонялись, боялись нарушить покой уснувшего крылатого гиганта, просили о чем-то, рассказывали о реальных случаях его помощи или, напротив, гнева.

Были командировки и в другие национальные села, и постепенно страницы моих походных блокнотов наполнялись нанайскими и удэгейскими (так уж сложилось) легендами, сказками, преданиями, а порой просто коротенькими фабулами с яркими штрихами, услышанными от самых разных людей – жительниц Сикачи-Аляна С.Н. Оненко и Е.Д. Мурзиной, художницы из Комсомольска-на-Амуре Л.У. Пассар, учителей средней школы национального села Кондон. Захотелось пересказать услышанное простым и лаконичным языком и соединить слово с художественным образом. Когда цикл сказок и легенд «Уснувший Дракон» был завершен (в него также вошли две удэгейские сказки, написанные в 1970-х годах дальневосточной писательницей Ю.А. Шестаковой и история «Как олень тигра перехитрил»,

придуманная хабаровским школьником Глебом Мордовцевым), Илья Лиханов, замечательный художник, живущий в Сикачи-Аляне, эвенк по национальности, специально для каждого сюжета создал акварели. В общем, пришло время мудрого Дракона.

Легенды и сказки коренных дальневосточных этносов, несмотря на почтенный возраст и всевозможные исторические перемены, – необычайно живой срез их культуры. Там обитают сильные и мудрые шаманы (иногда, правда, злые и беспощадные), храбрые охотники и дамы их сердца – северные красавицы, тоже смелые и находчивые. В сказочном мире все наделено разумом и гармонией – скалы и деревья, звери и птицы. Это своего рода «кодекс чести», как бы сейчас сказали, пособие по экпсихологии. Легенды и сказки рассказывали о различных табу и о том, к каким серьезным последствиям может привести их нарушение. Они словно бы примиряли человека и природу, объясняли многие явления, учили мудрому подходу к жизни.

Это уже потом пытливые исследователи стали записывать и оставлять на бумажных носителях мифы, легенды, сказки, издавать книги. Но прежде они существовали только в живом слове, и рассказывали их лишь те, кого природа наделила особым даром фантазировать, придумывать замысловатые сюжеты, проследить линии жизни многочисленных героев. В стойбищах и деревнях была традиция приглашать в дом такого вот «сказочника». Собиралась вся семья от мала до велика, приходили соседи, чтобы слушать удивительные истории, которые происходили когда-то в здешних местах либо в каких-то далеких и неведомых странах.

Сказки, как правило, рассказывали по ночам, и это вполне объяснимо. Вечер и ночь были единственным временем отдыха для взрослых, потому что дни наполнялись множеством важных дел: охотой, рыбалкой, ведением хозяйства, выделкой шкур зверей и кожи рыб, приготовлением пищи, воспитанием детей. Сказка могла длиться несколько ночей подряд. Сюжет закручивался в немыслимую спираль приключений, на каждом витке появлялись все новые и новые действующие лица, а когда заканчивалась одна история, рождалась следующая.

В сказочных историях встречаются герои и образы, которые живут в культуре других народов мира. И в этом уникальность жанра: он роднит людей самых разных национальностей. Как тут не вспомнить славянскую легенду об огромном полозе, обитавшем когда-то в Приморье и приносившем людям немало бед. Сразу возникает параллель с водяным змеем Пуймуром, существом тоже коварным, который встречается в сказках и преданиях ульчей и нанайцев.

Славянское пространство Мифа и Легенды на Дальнем Востоке, оставляя в своей основе традиционность сюжетов, постепенно наполнилось дальневосточным колоритом. Переселенческие народы привозили с собой легенды и сказки, но со временем в них проникали новые яркие детали. Сегодня мы называем дошедшие до нас фольклорные произведения живущих на Дальнем Востоке народов жемчужинами, и это абсолютно верно. Чего только стоит сказка о Федоре Бурмакине, записанная на Чукотке и пришедшая к нам из 1938 года! Почти через семь десятилетий она увидела свет на страницах «Словесницы Искусств».

Мифы, легенды, сказки возвращают нас к началу начал. Создаваемые на протяжении многих столетий, они стали оберегом Дальнего Востока и неким посланием в будущее: ведь в них так просто и ясно говорится о том, как нашу землю любить и беречь.

Елена ГЛЕБОВА

Илья Пиханов. Из цикла «Уснувший Дракон». Бумага, акварель. 2003

Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: КОРЕННЫЕ НАРОДЫ СЕВЕРА

Уснувший Дракон

Сказки и легенды
коренных народов Приамурья

Рисунки Ильи ЛИХАНОВА

Легенда о трех солнцах и храбрых братьях-близнецах

Много веков назад на этой земле все совсем по-другому было устроено. В тайге зверя всякого водилось видимо-невидимо, в реках плескалась рыба, и природа каждый год одаривала людей своими дарами: ягодами, орехами, целебными травами. Хорошо жилось людям, вольготно. Уважительно относились они к природе. И она не гневалась на них.

Но вот однажды все изменилось. На небе появились три солнца. Стали они безжалостно жечь землю своими раскаленными лучами. Почернела земля, потрескалась, все деревья и травы погибли. Вода в реке кипела, словно это был котел, который поставили на огонь, гибла рыба. Крылья у птиц обуглились. Старики говорят, что именно так появились на земле вороны.

Люди, спасаясь от трех солнц, рыли глубокие землянки и не покидали их до самой ночи. Только вечером они могли выйти из своих жилищ, и перед их глазами вставала страшная картина: обугленная земля, мертвая рыба в реке.

Стали люди молиться богу Земли дракону Кайласу. Просили сжалиться над ними, отвести беду, спасти их от верной гибели.

Сжалился дракон Кайласу над родом человеческим и решил послать им на помощь своих сыновей-близнецов Адо. Они были красивыми, сильными и храбрыми юношами. Ничего на свете не боялись. Сначала братья-близнецы решили спасти оставшуюся в реках рыбу, потому что всем известно, что рыба любимая и главная пища северных народов. А если погибнет она вся под лучами жаркого солнца, что тогда станут делать люди? Отыскали братья Адо много плоских камней и привязали к голове каждой рыбы. Под тяжестью камней рыбы ушли глубоко на дно и там, в прохладе, спасались от смертельной жары.

Но самое главное было еще впереди. Нужно убить два лишних солнца, чтобы спасти землю от вымирания.

Взяли братья-близнецы острые стрелы, натянули луки, прицелились и сразу же поразили насмерть одно солнце. Сраженное, оно ушло в подземный мир.

Однако еще было страшно жарко, и оставшееся в живых второе лишнее солнце со злостью стало опалить лучами и без того уже высохшую землю.

Снова взяли братья-близнецы острые стрелы, снова натянули луки, но промахнулись. Хитрое солнце уворачивалось от их стрел, а потом и вовсе спряталось за горами. Несколько дней братья Адо пытались поразить небесное светило. Совсем из сил выбились, но все-таки

победили! Меткая стрела одного из братьев пронзила раскаленный шар, и второе солнце тоже покатило в темное подземное царство.

И сразу на землю опустилась долгожданная прохлада. Люди вышли из своих укрытий и стали воспевать храбрых братьев-близнецов. Били им поклоны, благодарили за спасение. С той поры сыновья-близнецы дракона Кайласу сами стали богами. И называли их уже не иначе как Адо-сэвэни.

А земля постепенно возродилась. Снова ее украсил изумрудный ковер из трав, снова выросли могучие деревья. В тайгу пришли звери, в реке расплодилось рыба. И жизнь людей вошла в прежнее русло. Но никогда они не забывали подвига храбрых юношей Адо-сэвэни.

Уснувший Дракон

В далеком краю, там, где журчит быстрая и извилистая речка Девятка, есть большая сопка. Местные жители уважительно называют ее сопкой Дракон. Она и вправду похожа на огромное существо, которое разлеглось за рекой и сторожит небольшую деревушку, охраняет жителей от всякого зла.

Старики еще помнят эту удивительную историю, которую в детстве им рассказывали их бабушки и дедушки, а тем в свою очередь о таинственной сопке поведали далекие предки.

Много-много веков назад пролетал над этими местами крылатый Дракон. Он возвращался из далеких стран и сильно устал. Решил Дракон приземлиться и полежать на зеленой травке. Пролетел сквозь пушистые облака и опустился возле самой речки. Напился холодной воды и уснул крепким-крепким сном.

Долго спал Дракон. Может, двести лет, а может, триста. За это время на его теле выросли деревья и кустарники, а сильные ветры, которые в этих местах дуют без устали, засыпали Дракона песком и камнями. Но он спал так крепко, что ничего не чувствовал.

И вот наконец Дракон проснулся. Хотел он было подняться с земли, но не смог. Корни деревьев глубоко проросли и прочно приковали его к земле. Одну попытку сделал крылатый гигант, другую, а потом решил еще немного поспать, сил набраться. И опять уснул крепким сном, и опять несколько столетий прошло.

Как-то в один из дней, когда солнышко светило особенно ярко и согревало своими лучами молодые зеленые листочки на стройных березах, Дракон открыл глаза. Он решил, что пора ему отправляться в путешествие. Что-то залежался в этих местах, затекли его лапы и крылья. Попытался Дракон взлететь,

как бывало это прежде, но куда там! Деревья крепко-накрепко привязали его к земле, спутали мощными корнями крылатого странника. Долго Дракон пытался оторваться от земли, совсем выбился из сил и смирился со своей участью.

Так и остался он лежать у реки Девятки и постепенно превратился в большую сопку. Летом сопка Дракон одевается в зеленый наряд, осенью окрашивается золотыми красками, а зимой спит, укрывшись белым пушистым покрывалом. Легенда об уснувшем Драконе на берегу реки Девятки передавалась от стариков детям, а те, в свою очередь, потом рассказывали это предание своим ребятишкам.

Особым священным местом до сих пор считают люди сопку Дракон. Они ей поклоняются, приносят дары и стараются лишней раз не тревожить уснувшее на веки вечные божество.

Заячий шаман

В одном нанайском роду, который издавна селился по берегам могучей реки Амур, жили девять братьев. Природа сполна наделила их: все как на подбор красивые, ловкие, сильные.

Любили они перед людьми покрасоваться, силу свою показать, похвастаться. Бывало, шутя за один день могли вдоль всего Амура пробежать и назад вернуться. А река-то вон какая большая! Обычным людям несколько недель, а то и месяцев требуется, чтобы преодолеть это расстояние. Но для братьев, быстрых словно вихрь, такая пробежка была лишь шуткой.

А еще любили они ранней весной, когда река освобождается от крепкого ледяного панциря, остановить ледоход. Хватали мощными ручищами льдины и держали их. Мучилась река, вздыхала тяжело, пытаясь сбросить с себя ледяные оковы, но братья только смеялись.

Одним словом, на пустые забавы растрчивали свои силы братья. Не помогали старикам, на охоту редко ходили, а все только развлекались и шутки разные придумывали.

Однажды от скуки затеяли братья такую забаву. Поймали в лесу зайца, окружили его тесным кольцом и давай издеваться над бедным животным. Кололи острыми палками, цепляли за шкурку большими крючками. Кричал заяц от боли, метался по кругу, но братья стояли так плотно, что не было у него никакой возможности убежать от жестоких юношей. А те смеются! Ни у кого не дрогнуло сердце, никто не вступился за несчастного зайца.

Долго продолжалась злая игра. Только клочья летели от заячьей шкурки. И кто знает, сколько бы еще продолжали веселиться жестокие братья, но заяц вдруг закричал страшным голосом и умер. Душа его взлетела высоко

ко-высоко и попала в небесный мир. Там и нашла свой приют.

Как известно, северные народы делят весь мир на три части. В нижнем мире, который расположен под землей, обитают лягушки и змеи, в среднем мире живут люди и животные, а в небесном – боги. Только шаманы могут долететь до небесного мира, а еще птицы да стрекозы.

Видели боги, какие страдания достались бедному зайцу на земле, пожалели они его и сделали заячьим шаманом. А жестоких братьев наказали по всей строгости: они испытали всю ту боль, которую пришлось перетерпеть умершему животному.

Заячьего шамана зовут с той поры богом четвертого неба – защитником всех обиженных. Зорко следит он за тем, чтобы не мучили животных и птиц, не рвали понапрасну цветы, не ломали ветки ради забавы. И люди, живущие в таежных стойбищах или по берегам рек и озер, знают: это большой грех. Если идут за таежными дарами летом или осенью, обязательно попросят разрешения у духов – хозяев леса. А если на рыбалку отправляются, подарки приносят духу – хозяину реки. Так с давних пор заведено.

Таинственные рисунки на древних камнях

Есть на Дальнем Востоке деревня Сикачи-Алян. Маленькая такая деревушка, неказистая. Несколько домишек взобрались на высокий холм над Амуром, остальные растянулись пониже. Весной на Сикачи-Алян опускаются белые облака черемухи и смешиваются с розовой дымкой цветущих яблонь. Красота! Но главное чудо этой деревни – огромные камни, которые лежат вдоль всего берега. Кажется, что какой-то богатырь шутки ради рассыпал их, словно горошины, и забыл подобрать.

На этих камнях, если внимательно присмотреться, хорошо видны рисунки, сделанные рукой древних художников. Вот, смотрите – маска шамана. Брал он когда-то в руки свой бубен, бил по нему колотушкой, и летела над Амуром таинственная песня. Песня эта предназначалась богам, в ней шаман просил удачи для своего народа.

А чуть дальше – лицо северной девушки. Сразу видно, что она была красавицей. Наверное, многие храбрые юноши сватались к ней, да только строгий отец выбрал самого богатого. Он ведь как рассуждал: будет жить дочь в достатке – станет счастливой.

На огромном черном валуне нарисован большой лось. Голову его венчают ветвистые рога, тело украшено затейливым орнаментом. Лось – символ нашего мира,

его главный хранитель.

Этим рисункам много столетий, но о них до сих пор рассказывают сказки и легенды. Вот одна из них.

Раскинулось на берегу Амура одно нанайское селение. Мирно текла жизнь здесь, хорошо жили люди. Но однажды случилась беда.

Как-то раз муж с женой отправились на охоту в дальние леса. А у северных народов, как известно, мужья охотились и рыбачили вместе с женами. Одним словом, ушли они за высокие перевалы добычу искать, а тем временем недалеко от их стойбища произошло извержение вулкана. Огненная лава в один миг покрыла землю, погубив селение, его жителей и все живое вокруг.

Через несколько дней муж и жена вернулись в родное стойбище и глазам своим не поверили. Земля была покрыта толстым слоем остывающей лавы, и ни единой живой души вокруг. Поняли они, какая беда приключилась с их родичами, и стали оплакивать их.

Два дня плакали, кричали от горя, пока не потеряли голоса. За это время земля остыла и почернела. Стала похожа на черемуховую лепешку. А вот камни на берегу Амура все еще были мягкими. Пошли тогда муж с женой вдоль реки и стали рисовать на них пальцами. Они хотели оставить память о своих сородичах, о родном стойбище.

Эти мужчина и женщина оказались единственными уцелевшими после извержения вулкана людьми. От них и пошел потом нанайский род.

Дракон Сиймур из озера Дабанда

Старики рассказывают, что когда-то давно в районе озера Дабанда встречали охотники водяного дракона. Называли его Сиймур. Был он огромный, прожорливый и чем-то походил на крокодила, только во много раз больше. Впрочем, может, так все и было. Не зря же рассказывают, что климат в те давние времена в Приамурье был жарким, и какие только существа не населяли эту землю.

Встреча с водяным драконом таила много опасностей и могла закончиться трагедией. Дракон, ловкий и хитрый, заманивал человека и моментально заглатывал его в свое ненасытное чрево.

Как-то летом отправились отец с сыном на охоту. Самое время было панты добывать, пушнину. И пошли они к озеру Дабанда, потому что знали, что в тех местах звери выходят к водою. Тут и могла их настичь меткая охотничья стрела.

Остановились они возле небольшого красивого озера. Его окаймляли бархатные края, и вокруг росли чудные цветы. Однако не стали приближаться отец с сыном к озеру, шалаш поодаль соорудили, огонь развели. Старший отправился в тайгу, а младший остался присматривать за костром. Уходя, отец строго-настрого приказал сыну не подходить близко к озеру.

Долго не возвращался охотник, заскучал мальчик и забыл обещание, которое дал. Решил подойти к озеру поближе, рассмотреть красивые цветы, вдохнуть их аромат.

Когда охотник вернулся из тайги, то увидел, что сына нигде нет, а костер угас. Догадался он, что это водяной дракон Сиймур погубил мальчика. Горевал-горевал, но слезами разве несчастью поможешь? Начал охотник бересту с берез срезать и в большие охапки ее складывать. Потом притащил бересту к озеру, стал ее поджигать и бросать в воду. Смотрит, а изнутри озера ее словно глотает кто-то.

Целый день и всю ночь бросал охотник в озеро бересту, утомился, с ног от усталости падает. А на второй день видит, что на поверхности воды показалось что-то белое. Пригляделся, а это дракон всплыл кверху брюхом – объелся огненной бересты и погиб. Распорол охотник брюхо Сиймуру в надежде, что еще успеет спасти своего сына, но оказалось поздно: нашел только мизинчик.

С той поры люди опасаются близко подходить к тому месту.

Каменная старуха и семеро ее дочерей

В одном нанайском стойбище на берегу Амура жила-была старуха. Было у нее семеро дочерей и сын – самый младший в семье. Время шло, выросли дочери, состарилась их мать, а женихов все не было. Вернее, женихи-то сватались, только вот привередливые девушки всех отправляли восвояси. То один им не угодит, то другой.

Начала тогда ворчать старуха:

– Кто будет рыбу ловить, на зверя охотиться? Нам нужны помощники, а вы замуж не хотите выходить. Куда это годится!

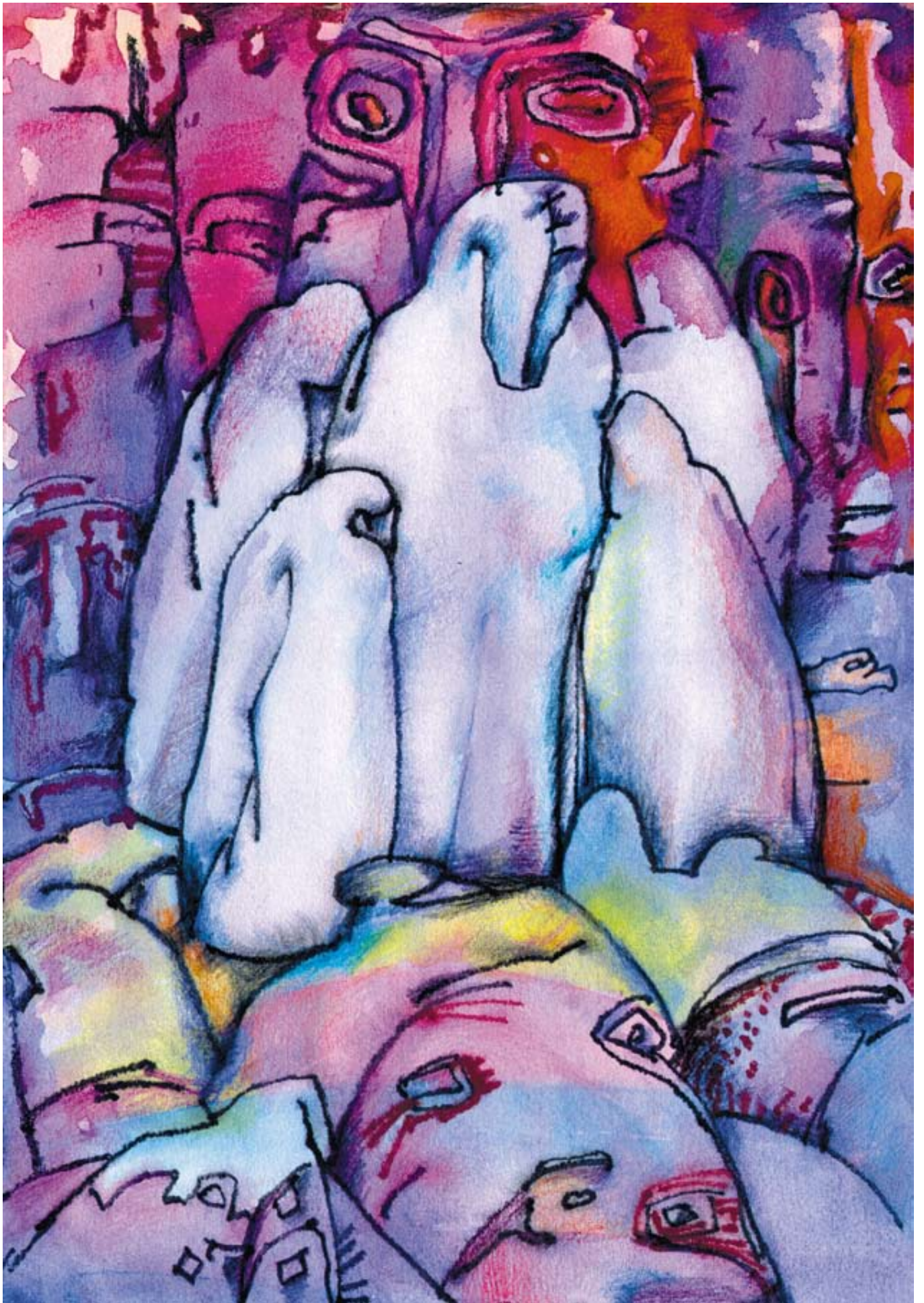
И так каждый день. Терпели дочери, терпели, а потом не выдержали обидных упреков и ушли из дома.

Осталась старуха вдвоем с младшим сыном. Жили как могли, тосковали в одиночестве, да что тут поделаешь? Состарилась еще больше старуха, уж и силы почти покинули ее. И вот однажды видит она сон.

Вроде встречает она своих дочерей и говорит им со слезами:

– Ну что же вы меня покинули! Старая я стала, немощная. Силы в руках нет, глаза ничего не видят. Хоть бы словом с вами перекинуться перед смертью. Знаю, что совсем скоро она за мной придет!

А дочери в том сне только качают головами и молчат. Потом старшая промолвила:

– Матушка, хотели мы покинуть отчий дом от обиды, а попали в царство мертвых и никак не можем оттуда выбраться. Злой дух заточил нас здесь навечно и никогда уже не отпустит.

И заплакали все семеро дочерей.

– Тогда давайте я к вам приду, – говорит старуха. – Только дорогу мне укажите, расскажите, как добраться до вас?

Рассказали ей дочери, что неподалеку от их стойбища, на высокой скале, есть пещера. И не простая это пещера, а ворота в царство мертвых – «буни».

– А как же мне пройти сквозь эти ворота? – продолжает спрашивать старуха, а сама так рада, что наконец с дочерьми встретится.

Одна из девушек ей отвечает:

– Прикоснешься к стене пещеры и оглянуться не успеешь, как попадешь в тот мир.

Проснулась старуха поутру и удивляется тому, какой чудной сон ей привиделся. Все слово в слово запомнила старая женщина и решила проверить, правдиво ли сновидение. Рассказала сыну, а тот стал ее отговаривать. Ведь если злой дух удерживает сестер в царстве мертвых силой, значит, вызволить их будет нелегко.

– И дочерей не спасешь, и сама пропадаешь, – упрашивал юноша старуху, но она была непреклонна.

Добралась старая женщина до того места, о котором рассказывали ей дочери, и увидела большую скалу. Присмотрелась и заметила вход в пещеру. Вошла туда с опаской, прикоснулась к холодной стене и... вмиг оказалась в царстве мертвых.

Долго ждал сын старуху. Может, день, а может, и три. А потом решил тоже отправиться в «буни», чтобы сразиться там со злым духом, испытать судьбу. «Если удастся победить его, освобожу мать и сестер, – думал он, – а если нет, одному все равно тоскливо на свете жить».

Стал юноша храбро сражаться со злым духом. Бился с ним, не боясь смерти. В то время, когда поединок между духом и человеком был в самом разгаре, открылись ворота в «буни». Решили старуха и ее дочери пройти сквозь них, чтобы снова оказаться на земле. Выбрались они из пещеры и хотели уже бежать к своему стойбищу, но тут злой дух из царства мертвых поразил насмерть храброго юношу. И в тот же миг старуха и дочери окаменели, превратившись в большие каменные статуи.

Так и стоят они по сей день на берегу Амура. Впереди – старуха, за ее спиной каменный идол, а еще дальше – семеро девушек. Люди поклоняются каменной старухе, просят у нее защиты. Если проплывают мимо на лодках, обязательно причаливают к берегу и кладут к ее ногам дары.

Невеста из далекой страны

Когда это случилось, никто уже и не вспомнит. И вообще, происходило ли на самом деле что-то подобное? Но старики так рассказывают...

Жил в одной деревне богач по имени Солодо. Всего у него было вдоволь: золота, мехов, красивой одежды. Амбары ломились от запасов еды. Одна только беда: младшему сыну богача боги совсем мало ума дали. Одним словом, дурачком он был.

Часто над ним смеялись в деревне, дразнили, а отец успокаивал:

– Не плачь, сынок, они просто завидуют, что ты самый богатый!

Решил как-то богач Солодо женить своего сына-дурачка. Стали они невесту выбирать, но не тут-то было. Вредный парень, вспомнив все прежние обиды, решил сам посмеяться над другими. Одной девушке сказал, что у нее руки короткие. Заплакала она от обиды и убежала. Другую высмеял за то, что у нее ноги короткие. И вторая девушка ушла, вытирая слезы. А вот третья очень понравилась дурачку. Красивая, стройная, с длинной косой. Но тут старик Солодо не согласился. «Бедная она, – говорит. – Нам такая не нужна». Заплакал дурачок, затопал ногами:

– Жениться хочу!

– Ничего, сынок, – говорит старик, – мы тебе такую невесту найдем, все будут завидовать! Красивую, знатную и богатую. Вот!

И решили они отправиться в далекое путешествие в Китай. К самому императору собрались императорскую дочку сватать! Нагрузили лодки мехами и поплыли.

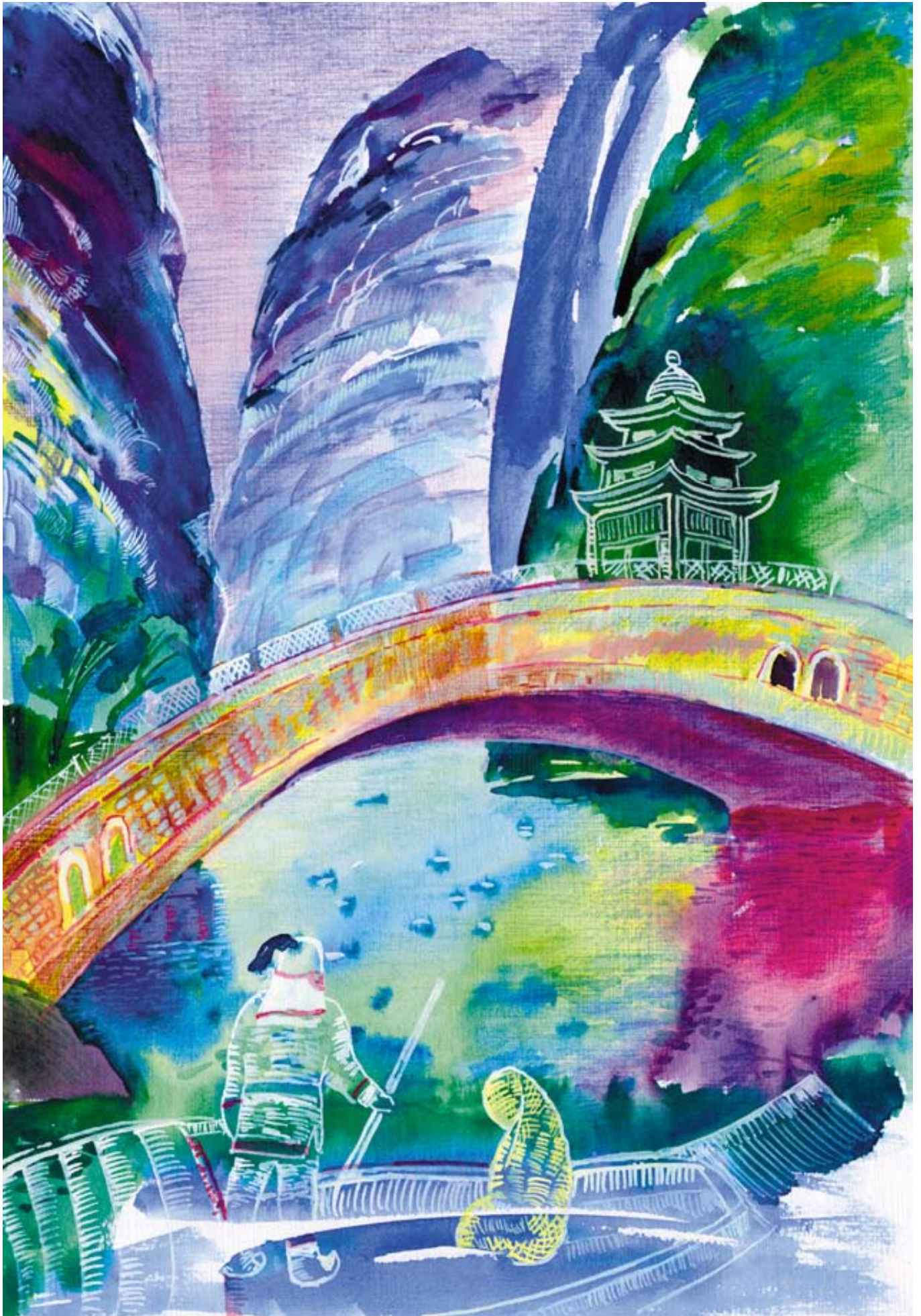
Долгим был этот путь, трудным, но они все же добрались до могущественного государства Китай. Пришли во дворец, рассказали, зачем пожаловали с берегов Амура, показали свои подарки.

Странное дело, но император страшно обрадовался гостям и с восторгом принял их предложение жениться на одной из его дочерей.

– Я отдам в жены твоему сыну свою самую любимую дочь, – обратился император к старику Солодо. – А вместе с ней и хорошее приданое.

Обрадовался Солодо, заблестели глаза у его сына-дурачка. Только одно условие поставил император: пока не доберутся они до своей деревни, в лицо невесте не заглядывать.

А невеста, странное дело, с ног до головы укутана в плотную шелковую ткань. Но старик с сыном на все согласны. Шутка ли, столько добра получили в придачу к невесте! С радостной песней отправились они в обратный путь, и не заметили, что через какое-то время их стал нагонять незнакомый корабль. Это были разбойники. Налетели они на старика, сына и его невесту, завернутую в шелка, напугали до смерти, забрали все императорские дары и умчались.

Расстроились вначале Солодо и его сын, что потеряли столько добра. А потом перестали горевать: у них ведь осталась знатная невеста, к тому же наверняка писаная красавица.

Приехали они в родную деревню, стали хвастаться невестой из китайского государства, самой любимой дочерью императора. А собравшийся народ просит открыть лицо невесты, чтобы все могли полюбоваться на ее красоту. Подошел гордый жених к ней, стянул шелковую ткань и... Что же это? Невестой оказалась дряхлая и беззубая старуха. Стоило за такой к китайскому императору ездить!

Лось-хвастунишка и мудрая лягушка

Встретились как-то лось и лягушка. Лось был молодой, сильный и хвастливый, а лягушка мудрая и находчивая. И вот заспорили они, кто из них быстрее бегают.

– А давай наперегонки побежим, – предложил лось. – Тогда и посмотрим, кто быстрее.

А сам уже землю копытом роет. Не терпится ему похвастаться своей силой перед лягушкой.

– Давай, – соглашается лягушка.

Побежали они. Сохатый несется сквозь лес как ветер. Прибежал к назначенному месту, отдышался и кричит:

– Эй, лягушка! Говорил же я, что со мной нечего тебе сравниваться.

А находчивая лягушка у него между рогами спряталась, соскочила незаметно на землю и отвечает как ни в чем не бывало:

– Я здесь, лось!

– Разве ты прибежала вперед меня? – удивился он.

– А я уже давно здесь, устала тебя дожидаться.

«Не может этого быть!» – подумал лось. Он ведь такой сильный и быстрый, не могла его какая-то крохотная лягушка обскákat. И предложил снова наперегонки. Лягушка согласилась и опять незаметно спряталась у лоса между рогами.

Бежит лось быстрее ветра, несется быстрее птиц. Прибегает он, зовет лягушку, а та уже на землю соскочила, разлеглась на травке, такой же зеленой, как и она сама, и отвечает:

– Ну что ты так долго, мне уже надоело ждать!

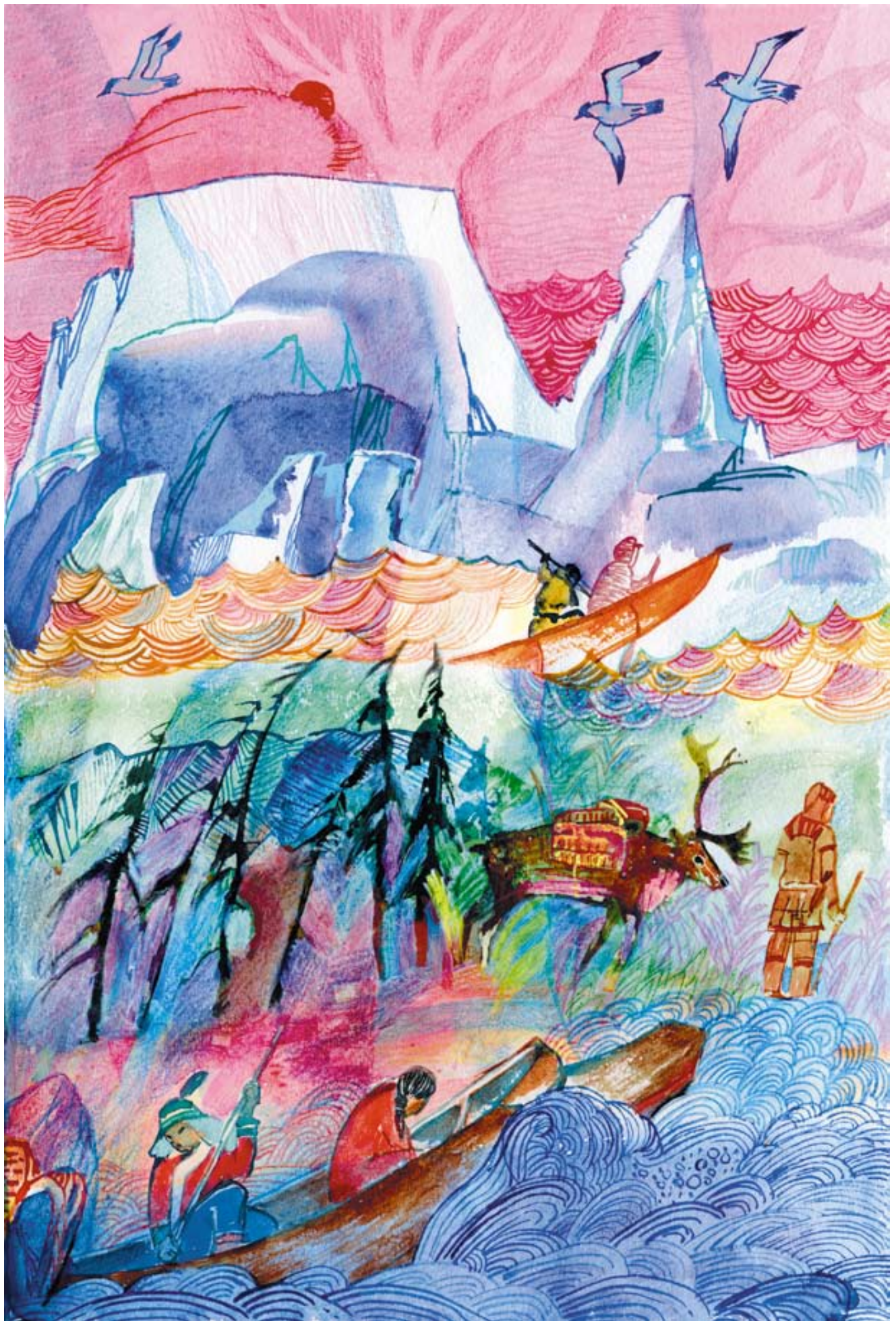
Совсем приуныл лось, но все еще не верит, что маленькая лягушка, которую ему ничего не стоит копытом придавить, оказалась быстрее. Решил лось в третий раз бежать. Собрал последние силы и помчался вперед. Прибежал к условленному месту, а лягушка, конечно же, уже здесь. Упал лось на землю, силы совсем покинули его. И решил он больше никогда не хвастать, а уж лягушек вообще стороной обходить!

Живая вода для китайского императора, или Сказка о том, как появились народы Дальнего Востока

Случилось это в далекой и загадочной стране Китай. Как и положено, правил ею император: в строгости держал свой народ, но старался быть справедливым. И все бы ничего, но тяжело заболел китайский император. Каким только лекари ни пытались лечить правителя, всевозможные снадобья готовили для него – все без толку. Император чахнул на глазах.

Как-то дошел до него слух, что где-то на земле есть живая вода, которая способна излечить самую тяжелую болезнь. Решил император, что это его последний шанс, и стал посылать своих слуг в разные уголки мира.

Сова-обманщица

В далекое и трудное путешествие отправлялись верные слуги. Переплывали быстрые реки, проходили через жаркие пустыни, пробирались сквозь лесные заросли, но нигде не могли отыскать источник с живой водой. Все они вернулись в Китай с пустыми руками.

Разгневался император, ведь не сбылись его надежды! Приказал отрубить им головы, и тотчас же отправил на поиски живой воды других людей. Однако спустя время они также вернулись с пустыми руками и, готовые к наказанию, склонились перед жестоким императором. И полетели их головы с плеч, и снова отправились императорские слуги на поиски чудодейственного лекарства.

Так продолжалось довольно долго, много народу погубил китайский император, а все не оставлял надежды, что отыщут для него живую воду. Однажды несколько молодых парней, зная, что и до них вскоре дойдет очередь, сговорились и решили сбежать от злобного правителя. Но так, чтобы он не догадался.

Пришли они во дворец и говорят императору:

– Решили мы собрать сто юношей и сто девушек и отправиться в те края, куда еще не добирались твои слуги. А вдруг там отыщется источник с живой водой?

Согласился император, но предупредил, что, если вернутся они ни с чем, – не пощадит!

Собрались в дорогу сто юношей и сто девушек. Зная, что никогда больше не вернутся в эту страну, попрощались с родителями, взяли с собой все необходимое и тронулись в путь.

Отправились они в те края, которые сегодня мы называем Дальним Востоком. Рассыпались пары юношей и девушек по огромному и необжитому краю – кто куда. Одни обосновались в лесах, тундрах, другие – на морях, реках и озерах. Строили жилища, охотились, рыбачили. Потом и дети пошли, а у тех – свои дети.

Так и появились разные народы Дальнего Востока – ульчи, нанайцы, ороки, удэгейцы, нивхи, эвенки.

А сказку про жестокого императора и находчивых юношей и девушек до сих пор можно услышать в деревнях.

Елена ГЛЕБОВА

Это было очень давно. Так давно, что старые вороны не помнят, когда это было. А вороны долго живут на свете. Может быть, двести, а может быть, и триста лет.

В лесном распадке около быстрой горной реки поселилась старая сова. Откуда она взялась? Когда прилетела в эти места? Никто не знал.

Сова была нарядная, в пышном оперении. Белые и дымчато-серые перья лепились перышко к перышку так густо, что, когда сова взлетала, бесшумная и легкая, она была похожа на большой клубок дыма.

В лесу всем птицам хватает места: кто вьет себе гнездышко между ветвями дуба, кто в развилке березы, кто на кустах, а то и просто среди травы. Сова залезла в дупло старой липы. Там она заранее устроила жилье для своей семьи, зная, что у нее будут совята.

Они и в самом деле появились на свет, сначала один, потом другой, третий. И еще один. Большеротые, головастые, беспомощные птенцы постоянно просили есть. О них нежно заботилась мать: то червей им принесет, то лягушку. Она умела охотиться: если где какой мышонок зазеваается, хватала его и тащила в дупло.

Жили совята в темном и теплом дупле, как в юрте. Оно защищало их от зноя, дождя, ветра и хищных зверей. Быстро подрастали глазастые птенцы. Самый старший из них уже несколько раз вываливался из дупла, когда искал воду, чтобы напиться. Вода была рядом: боковой сук, отломленный бурей от ствола, постоянно наполнялся до краев дождевой водой, словно чаша. Пей сколько хочешь!

Мелкие лесные птицы, пролетая поблизости, часто садились напротив липы, чистили свои перышки, порхали с ветки на ветку, пересвистывались, но не задерживались у гнезда совы. У них было много своих забот, да и сова не любила, когда ее понапрасну беспокоили.

Промелькнуло веселое лето, и наступила осень, подули холодные ветры. Попрятались жуки и червяки, затаились лягушки, трудно стало птицам добывать пищу. И вот как-то собрались вместе разные птицы и решили идти к сове: она считалась очень умной. Пусть научит, что делать. Прилетели к гнезду совы и защебетали все разом, такой шум подняли! Выслушала сова своих собратьев и ответила:

– Откуда я знаю? Мне с моими детишками тоже трудно становится жить.

Она помолчала, обдумала все и рассудила так:

– Вот что. Придется кому-то за море лететь, может, там лучше? Только путь туда длинный. Пожалуй, я сама слетаю. Если найду подходящее место, все туда переберемся.

Согласились птицы, лучше и придумать нельзя! Стали оно нахваливать сову: вот смелая какая, одна полетит! Вот какая умная!

В тот же день, как только солнце ушло на отдых за дальние горы, сова отправилась в путь.

Долго ее не было. Пока она летала, с деревьев много листьев осыпалось. Но вот как-то ночью вернулась сова, и по всему лесу разнесся протяжный крик:

– Аугу! Аугу!

Проснулись птицы, поняли, что это сова вернулась, и поспешили к ее жилищу. Много их собралось. Хлопают крыльями, отталкивают друг друга. Ждут, что же сова расскажет.

– Ну вот, друзья, – промолвила она наконец, – была я за морем, облетела много стран, но нигде ничего хорошего не нашла. Там тоже пусто и холодно, как здесь. Придется нам тут зимовать.

Услышав такую весть, опечалились птицы: в такую даль летала сова и все напрасно. Может, сова все же что-нибудь придумает?

Но птицы не знали, что сова их обманывает. Дождавшись, когда все пернатые улетят в свои гнезда, она села у входа в дупло, распустила крылья, так, чтобы никто не услышал ее, и сказала совятам:

– Ш-шшу! Молчите! Никому ни слова. Эти мелкие пташки очень глупые и жадные. Я не хотела им говорить, что нашла хорошее место. Завтра мы улетим на юг, там тепло и много всякого корма для нас.

Если бы сова знала, что ее слова кто-то услышит. Но она не знала этого. А за обман рано или поздно придется расплачиваться.

Утка, сидевшая в воде, вдруг захлопала крыльями так, что полетели брызги во все стороны. От неожиданности сова только глазами замигала. Хотела догнать утку, но та несколько шагов пробежала по траве, а потом расправила крылья и полетела к берегу.

– Птицы лесные! – закричала она. – Сова обманщица! Она всех нас обманула! Зря вы ей поверили, зря!

Белохвостый орлан первый услышал утку, покружил над лесом и сел у воды. Потом прилетел ястреб. И вороны тут как тут.

Села сова у своего гнезда, нахохлилась. Теперь, конечно, все птицы узнают, что в теплых странах нет зимы. Они найдут туда дорогу по солнцу, по южным ветрам, как нашла она. Кто с ней будет дружить теперь? Никто.

Утром, едва взошло солнце, птичьи стаи полетели на юг. Птиц было много. Там, где они летели, небо становилось темным. От их веселого крика дрожал воздух.

– Правильно ли мы летим? Спросить бы сову? – щебетали некоторые птицы.

– Она опять обманет! – сказал дрозд, усердно махая крыльями.

А гуси хохотали:

– Нашли вы у кого совета искать. Га-га-га!

Услышав, как птицы в небе переговариваются между собой и смеются, сова притихла.

– Ну а мы? Как же мы-то? – спрашивали нетерпеливо совята мать и оглядывались то на нее, то на летящие в небе стаи.

– Чего вам надо? Вы посмотрите, сколько птиц летит на юг! Они там все съедят, – сердито сказала сова. – Пусть улетают! Пусть! А мы останемся здесь.

Вот так с тех пор серая сова и зимует в дальневосточных лесах.

Богатырь с Кедровой речки

Жили в далеком таежном стойбище охотники. На берегу реки, в зарослях леса, поставили они несколько юрт и жили.

Как-то раз к ним из-за перевала явился еще один охотник – Тибеула. Он с морского побережья пришел, не молодой и не старый, так себе, средних лет человек, но шустрый, удачливый. Имя такое дали ему не зря: как птица стриж летал он с места на место, нигде не уживался. «Тибеу» – это ведь означает «стриж». Пришел он невесту искать.

Был он сам-то маленького роста, на коротких ногах и ходил вприпрыжку, а жену взял себе молодую, красивую. По древним лесным законам девушку не спрашивали, нравится ли ей тот, за которого она замуж выходит, любит ли она его. Если и не любит, все равно отдавали. Родители жениха и невесты договаривались между собой заранее. Парень еще с игрушечной острогой на речку бежал, а у него невеста уже была, где-то там, в люльке качалась. За нее потом, когда подрастет, отец потребует от жениха новый котел, соболиные шкурки, разный мех и деньги тоже.

Тибеула первый раз так и женился. Сколько-то лет кочевал с женой по тихим рекам, потом на морское побережье подался и там овдовел. Детей у них не было. А на охоте ему везло. И решил он снова жениться. Выменял у купцов на пушнину железный котел, набрал товару всякого и с этим богатством пришел к своим сородичам на таежную речку. Тут он и увидел красивую девушку Летигу и отдал за нее большой выкуп.

Но в стойбище ему жить не хотелось. Не нравилось ему любопытство сородичей. Все-то они знают: куда пошел, когда вернулся, сколько мяса с охоты принес. Да к тому же называли Тибеула не иначе как Канда-мафа – старый муж, и восхищались красотой Летиги. Стал Тибеула даже опасаться, что жена сбежит от него с каким-нибудь молодым парнем. Даже запретил ей ходить без него на берег.

– Послушай, жена, – сказал он как-то вечером. – Думал я и решил вот что: давай уйдем от людей подальше, на другую речку, там жить будем.

Жена не стала перечить, как муж говорит, так и надо

делать, – этому ее старшие учили. Согласилась она, хотя украдкой вытирала слезы: жаль было расставаться с матерью, со старенькой бабушкой, отцом.

Ранним утром, пока в стойбище все спали, Кандамафа и его жена попрощались со своей родней и стали собираться в дорогу: сложили в лодку кабаньи и медвежьи шкуры, копье, берестяную посуду, одежду, взяли своих собак и уплыли вниз по реке.

Долго они плыли. Из одной речки вода несла их в другую. Солнце уже низко висело над лесом, когда муж выбрал место и пристал к берегу. Там росли большие кедры, за ними гора стояла, а за той горой другие горы синели далеко-далеко.

Летига со страхом смотрела на мужа:

– Куда ты меня привез? Это медвежьи реки...

Вот тут и стали они жить вдвоем. Юрту поставили, потом амбарчик построили на четырех пнях. Живут без людей, никого не видят. Он рыбу ловит, охотится, она еду варит, одежду из рыбьей кожи шьет.

Часто вспоминала Летига свое стойбище, плакала. Были бы у нее крылья, улетела бы туда, чтобы взглянуть на мать, жива ли она?

Идет Летига с дровами, а белочка глядит на нее из-за кедрового ствола:

– Чего ты плачешь? – спрашивает.

– Скучно мне, – говорит Летига, – у меня мать на другой реке живет, о ней думаю...

– Не плачь! Сама скоро будешь матерью.

Хотела Летига спросить у белки, долго ли ждать ей, но белка схватила кедровую шишку и убежала.

Когда муж вернулся с охоты, жена все ему рассказала.

Кандамафа обрадовался.

– Это хорошая новость! – сказал он. – Давно хочу, чтобы дети были. Вот если бы сын появился! Мне помощник нужен.

С тех пор стали они ждать, когда у них семья прибавится. Весна уж наступила. Птицы по голосам ищут друг друга, поют. А время идет.

Родился у Летиги сын. Отец сделал для него люльку, но она оказалась тесной, пришлось другую делать. Стал расти парнишка быстрее, чем река в наводнение прибывает. Совсем скоро ходить начал, разговаривать стал.

К тому времени, когда снег выпал, сын уже головой верхние бревна юрты доставал. Зима тянулась долго, а парень рос быстро. Один раз взял отцовский топор, пошел в лес, нарубил много дров и принес в дом.

– Я не маленький! Давайте, – говорит, – мне халат теплее, штаны, как у отца, шапочку с беличьим хвостиком на макушке. Давайте лук и стрелы. На охоту пойду!

Мать быстрее мышки сбегала в амбар, где хранилась одежда мужа. Принесла все, что сын просил. Да еще и лыжи. Нарядился парень и ушел на лыжах сначала вниз по замерзшей Кедровой речке, потом на другую вышел реку и вверх подался. Отец и мать не успели ему даже вслед поглядеть, так быстро он скрылся из виду.

Бежит парень, поет песню, и сколько времени про-

шло, никто не знает. Неожиданно перед ним, как из-под земли, в березовом лесу выросла юрта. Вышла из нее девушка и, увидев парня, испугалась.

– Кто ты такой, как тебя зовут? – спрашивает.

– Не знаю, – говорит он, – родители не успели дать мне имя, слишком быстро вырос. И попросил девушку дать ему воды напиться. Она взяла ведро из бересты, зачерпнула из проруби воды, но так неловко подала парню берестяную чашку, что пролила все ему под ноги. Стал парень смеяться над тем, какая она неловкая, а девушка обиделась и сказала:

– Если будешь смеяться надо мной, я позову своих братьев. – И показала на куст, где сидели глухарь и рябчик.

– Птицы не могут быть братьями, – засмеялся парень. – У человека совсем другие братья. Этих ты мне поджаришь сейчас. Я проголодался, мяса хочу.

Он достал из сумки стрелы, снял с плеча лук и уже тетиву натянул, как вдруг девушка бросилась к нему со слезами:

– Не убивай их, богатырь! – стала просить. – Не трагично! Я тебя и так накормлю. Они и в самом деле мои братья: раньше были людьми, а потом злой орел превратил их в птичек. И сестру мою тоже. Идем ко мне в юрту, я тебе все расскажу.

– Раньше мы в верховьях большой реки жили, там много людей было, – начала рассказ девушка. – Потом отец и мать перекочевали на Березовую речку, но тут пришла беда – они умерли в один год. Плохо нам стало без них. Решили братья и сестра возвратиться к людям на старое место. Меня оставили собак кормить, юрту сторожить, но обещали обязательно вернуться за мной. Взяли братья каждый свой лук и стрелы, острогу (лодку), новые шести, а сестра в котомку еды набрала, и поплыли они вверх по реке.

Когда они доплыли до большого утеса, услышали вдруг сильный грохот, а в их лодку посыпались камни. Это злой орел-разбойник, притаившийся на утесе, проказничал. А потом поднялся в воздух, распустил крылья, и все увидели, какой он огромный и страшный. Старший брат пустил стрелу, но она отскочила и упала в воду. Младший брат пустил стрелу, она стукнулась о крыло и тоже упала в воду. А злой орел совсем близко подлетел к остроге, замахал крыльями, коснулся ими братьев и сестры, и они тотчас превратились в птичек.

– Надо убить орла! Я убью его, – сказал богатырь, выслушав рассказ бедной девушки.

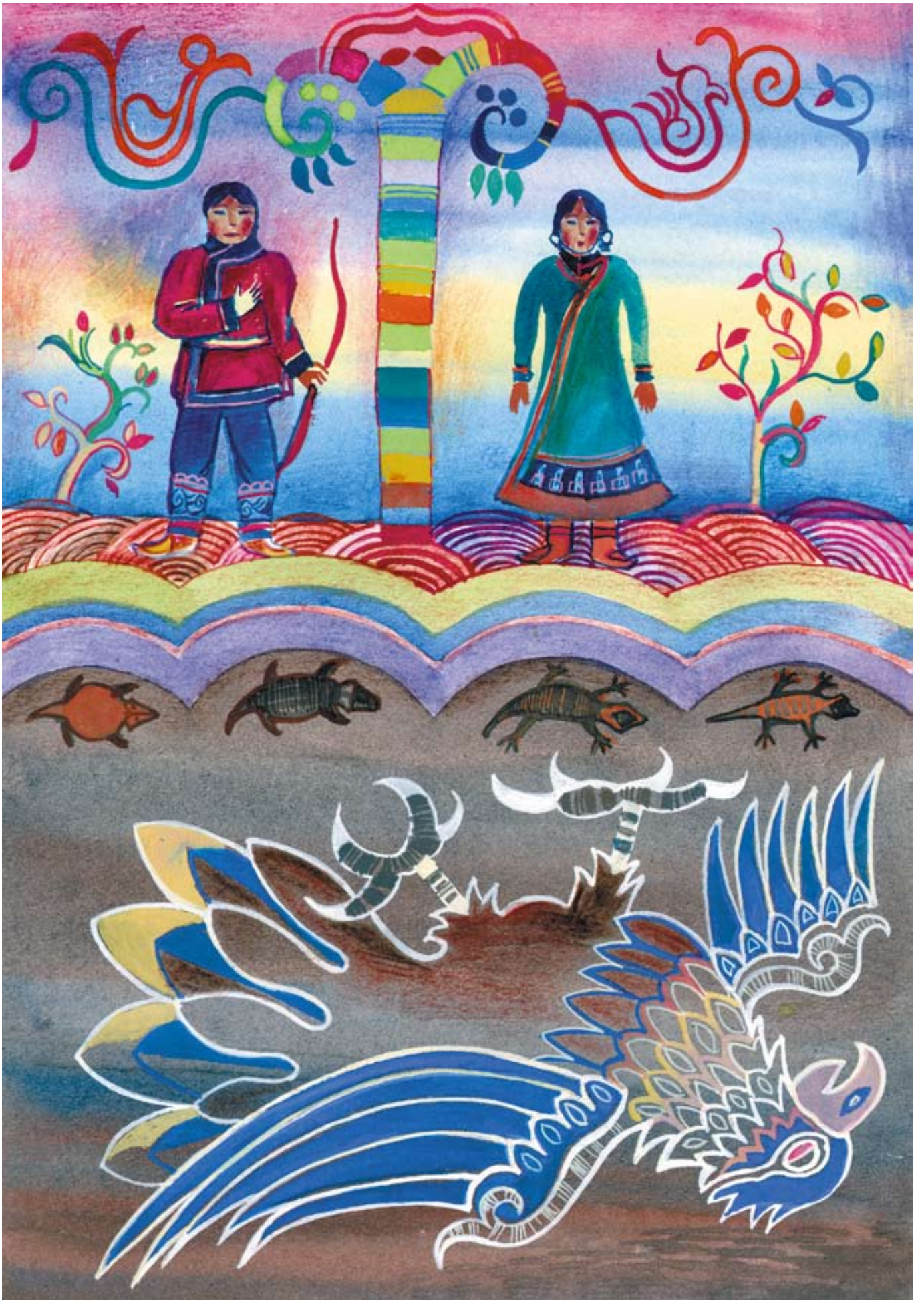
– Его убить не так просто, – возразила она. – У орла костяные крылья, а клюв железный. Не промахнись!

– Как-нибудь сумею, наверное, – говорит парень. – Я же сын охотника с Кедровой речки.

– Если убьешь орла, выгаци у него самое большое перо и принеси его с собой, – сказала на прощание девушка. – Это перо поможет нам.

Встал богатырь с Кедровой речки на лыжи и побежал навстречу солнцу все дальше и дальше.

Добрался до утеса и увидел большого орла. Орел си-

дел на вершине большого тополя, потом спустился пониже на корявый сук. Взял богатырь стрелу, прицелился и пустил ее в орла. Но тот отбросил ее железным ключом. Стрела упала на снег, а орел захохотал и поднялся на самую макушку тополя. Тогда богатырь взял другую стрелу, с железным наконечником, и пустил ее. Она угодила разбойнику под самую шею. Орел встрепенулся, издал протяжный крик и упал на землю.

Хотел парень стрелу из убитого орла вытащить, но она так глубоко вошла, что даже у богатыря силы не хватило. Рванул он изо всех сил и поранил себе ногу. Кровь так и хлынула ручьем. Вот как ему не повезло! Целый день пролежал он под деревом, ночь уже наступила, а кровь из ноги все течет и течет. Стали силы покидать храброго парня. Но тут он увидел знакомых птиц, тех самых, в которых злой орел превратил братьев и сестру девушки с Березовой речки.

– Не горюй, – сказали они. – Мы видели, как ты сражался с орлом. Слетали к сестре, и она передала тебе вот эти зернышки ягод. Съешь их, и кровь остановится.

Богатырь стал жевать зернышки, а одна из птиц тем временем полетела на Кедровую речку к его родителям.

А мать с отцом считали своего сына погибшим. С тех пор, как он оставил их юрту, много дней прошло, но парень не возвращался.

– Вот если бы люди были близко, кто-нибудь нашел бы его в тайге и помог бы ему, – говорила мать со слезами. – Это все ты виноват! – упрекала она мужа. – Тебе ведь хотелось жить без людей. Вот и потеряли мы сына.

– Парень-то наш не такой, как все, – возражал ей Канда-мафа, – он богатырь! Ничего с ним не случится.

Так ссорились мать с отцом, пока не прилетела птица. Села она на ветку дерева и заговорила человеческим голосом:

– Ваш сын живой, он победил злого орла, но нечаянно поранил себе ногу, лежит под тополем у Орлиного утеса, и ему сейчас очень плохо. Надо лекарство хорошее найти.

– Есть, есть у меня лекарство, – заговорила мать, вытирая слезы. – Это сухие красные ягоды, от них с каждым часом силы прибывают.

– Я могу отнести эти ягоды вашему сыну, – сказала птица. – Пока вы будете на собаках ехать туда, я на крыльях быстрее долечу.

Мать привязала маленький узелок с ягодами на шею птице, и та снова отправилась в путь. Да и родители богатыря засобирались к сыну.

Не думал парень, что птица так быстро вернется. Она опустилась на ветку ели и сказала ему про лекарство. Парень отвязал от ее шеи узелок и стал жевать целебные ягоды. Наелся и крепко уснул, а когда проснулся, сразу вскочил на ноги. Откуда только сила взялась у него? Смотрит богатырь, костер горит, возле него девушка. Смотрит на парня и улыбается.

– Ты была той птицей, которая мне лекарство принесла, что ли? – спросил он.

– Нет, это моя сестра. Она сейчас под елкой сидит,

плачет от радости, что выздоровел. А теперь, богатырь, достань самое большое перо у орла.

Парень кинулся к убитой птице, вытащил перо, самого же орла сбросил в овраг.

А когда вернулся к костру, увидел, что там стоят два парня и девушка в красном халате. А другая девушка, та самая, что с Березовой речки, воды в полыньи набрала и спешит с котелком к костру.

– Вот, богатырь, это мои братья и сестра. Спасибо тебе за все!

А по берегу мчатся нарты в собачьей упряжке, совсем уже близко. Это отец и мать богатыря едут.

Сколько радости было! Шумно стало у костра. Обо всем, что пережили, каждый по-своему вспоминает и рассказывает.

После того как все напились чаю, съели мясо и рыбу, отец парня поднялся:

– Ну что, сынок, пора нам домой ехать, – сказал он.

Богатырь обвел глазами мать, отца, новых друзей и сказал:

– Нет, отец, я с тобой не поеду. Там у вас скучно жить. Пойдемте к людям в стойбище.

– Правильно ты говоришь, сынок. Я тоже пойду с тобой, – сказала мать.

Канда-мафа почесал затылок, не думал он, что дело так обернется. Вот ведь какой настойчивый парень уродился!

– Ну а вы куда? – спросил он спасенных сестер и братьев.

Братья ответили разом:

– Куда богатырь зовет, туда и надо идти!

Сестры рассмеялись и тоже в один голос сказали:

– А мы от них не отстанем.

Вот так и отправились они в путь, вверх по реке, к людям. Кто на нартах, кто пешком. А впереди на лыжах шел богатырь с Кедровой речки.

Тигр и человек

Тигр, если сказать по-удэгейски, будет «куты». Можно прибавить к этому еще слово «мафа», означающее что это «он», то есть мужчина. Быть может, старик даже. И потому в этом слове уже заранее таится уважительность.

Итак, Куты-мафа. Чего только не рассказывают о нем! Говорят, будто бы тигр способен прыгнуть выше дерева, что если его разозлить, то у тигра из открытой пасти огонь пойдет! И еще говорят так: лучше не трогай тигра, обходи его стороной. А станешь за ним гоняться, он все равно тебя выследит, день будет хо-

дить, неделю, месяц, но подкараулит обязательно. И тогда прощай! От такого зверя не убежишь. Он как молния!

Верно, нет ли? Посмотрим. Об этом и сказка.

Жил в тайге Куты-мафа. Красивая шкура ему досталась, полосатая. Желтые полосы с белыми. Как будто на ней показаны тропы лесные: то зимняя, то осенняя, то зимняя опять, то осенняя снова. Тигра в тайге ни с кем не спутаешь.

Куты-мафа ловкий был и сильный, все его боялись, всякие звери, которые на четырех ногах по земле ходят. Он за ними охотился. Как-то раз, добыв себе мяса, тигр пообедал и прилег под деревом отдохнуть. Лежит он и думает: «А ведь сильнее меня нет никого на свете. Я самый сильный!» Он уже не первый раз думал так, привык считать себя победителем. Вдруг слышит тигр, кто-то будто позвал его. Смотрит, на ветке сидит птица Куа. О ней надо вот что сказать: она была вещуньей, все знала, где что делается, кто о чем думает, и могла разговаривать с кем хотела.

– Послушай, Куты-мафа, ты считаешь себя самым сильным? Но это не так. Сильнее тебя есть! – сказала она.

Тигр, услышав такие слова, сразу вскочил на все четыре лапы, отряхнулся и поглядел туда, где сидела птица с пестрым хвостом.

– Эх! Ты мне спать помешала... Зачем болтаешь? Кто сильнее меня? Кто?

Но Куа его не боялась: у нее были крылья!

– Человек сильнее тебя, вот кто!

Куты-мафа хотел было лечь на прежнее место, но раздумал. Что-то ему не понравилось, как с ним разговаривала птица Куа. Где она видела человека и кто он такой? Озадаченный тигр постоял у кедра и пошел пить.

– Ладно, человек от меня никуда не денется, – сказал себе Куты-мафа. – Если он тут, мы с ним встретимся...

Напившись воды, тигр перемахнул через ключ и очутился в березовом лесу. Идет, а навстречу ему лось.

«Что за зверь? – подумал тигр. – Первый раз вижу такую голову». И спрашивает:

– Ты человек, что ли?

– Нет, – говорит лось, – ошибаешься. Человек совсем другой. Зачем он тебе?

– Хочу посмотреть на него, – сознался тигр.

Лось отступил в сторону и говорит опять:

– Напрасно ты задумал такое дело. Человек сильный! Он может убить...

Не поверил тигр, смеяться стал и пошел дальше. Быстро идет, перемахивает с сопки на сопку. А сам ругает птицу Куа. Почему она про человека ничего не рассказала, какой он? Есть ли у него рога? С хвостом он или, как медведь, без хвоста? Думая так, Куты-мафа оказался на берегу реки, в густых зарослях деревьев. Тигр потянул ноздрями и прислушался. Ему показалось, что за кустами кто-то есть. Рванулся тигр вперед и замер... Перед ним стоял изюбр. Не сразу узнал его Куты-мафа и говорит:

– Вон тут кто! Я думал, это человек...

– Не трогай меня, – попросил тигра изюбр, – и сам беги отсюда. Поблизости человек ходит. Он сильный!

– Ты видел его?

– Нет, я только звон слышал у реки.

Оставил Куты-мафа изюбра в покое и пошел дальше. Вдруг видит, посреди поляны медленно передвигается какой-то зверь без рогов. Идет зверь, а на шее у него что-то гремит да гремит.

– Подскочил к нему тигр и спрашивает:

– Ты кто?

– Я – лошадь. Человеку служу.

– Выходит, ты знаешь человека? Скажи, сильный он или нет? Я хочу проверить, крепкие ли у него зубы и сможет ли он устоять против моих клыков? Как его найти?

– Найдешь, если не побоишься, – ответила лошадь.

Тигр помчался через поляну к сопке. Оттуда слышался стук. Кто-то стучал, должно быть, человек... Куты-мафа не ошибся, он почувал запах костра...

Притаившись в зарослях, тигр не сразу дал о себе знать. Стоял и разглядывал человека из-за кустов. Человек был на двух ногах и совсем небольшого роста. Он рубил дерево, вскидывал топор над головой и с размаху бил по стволу. А тигр, издав издав видя это, смеялся над ним: «Ну и силач... Одной лапой свалю!»

Думая так, тигр подошел к человеку сзади, но тот заметил его и опустил топор.

– Ух ты, – сказал человек громко. – Зачем пожаловал сюда?

Куты-мафа говорит:

– Пришел на тебя поглядеть...

А сам смеется, клыки показывает. Человеку немножко не по себе стало, он даже вспотел, но виду не подал и говорит, что сейчас некогда разглядывать друг друга. А сам следил за подрубленным деревом. Потом крикнул изо всех сил:

– Эй! Отойти, отойти! Дерево падает!

Куты-мафа отбежал в сторону, только успел спрятаться под липой, как услышал оглушительный треск. Тигр от страха зажмурился, а когда открыл глаза, понял, что жив. Гулкое эхо перекатывалось в горах.

«Такое дерево свалил... Значит, и в самом деле он имеет большую силу. А сам маленький. Где-то прячет ее», – подумал Куты-мафа, приближаясь к человеку снова.

– Покажи, где у тебя сила. Потом я тебе свою покажу, – настаивал тигр, но уже не смеялся.

Человек бросил свои дела и говорит:

– Хорошо, я согласен. Только послушай меня. Сейчас будет удар страшнее первого. Ты от него спрятаться не успеешь, поэтому я должен о тебе позаботиться...

Человек взял веревку и стал привязывать тигра к стволу дерева. Обходит полосатого зверя со всех сторон, вяжет узлы, а сам успокаивает: не бойся, говорит, так лучше будет.

Вот привязал он тигра к дереву, но топор уже не берет, отошел в сторонку, где недавно мелкие деревья ру-

бил, там у него на пеньке ружье лежало, думает про тигра: «Сейчас я тебе покажу твою силу...»

Молчит Куты-мафа, привязанный, только глаза вытаращил, смотрит, что дальше будет. Человек зачем-то палку взял в руки, приставил ее к своему плечу. Огонь и дым пошел кругом. У тигра из глаз искры посыпались. Заревел Куты-мафа, просит:

– Отвяжи меня! Зачем привязал? У тебя огонь страшный в руках.

Человек его успокаивает:

– Не бойся, я ворону убил. Она мою рыбу съела.

Он поднял убитую ворону, показал ее тигру и забросил в кусты. Сам же опять целиться стал.

Опять бахнуло! И снова дым пошел... Куты-мафа еще сильнее испугался, от дыма у него в глазах заскребло, из глаз бегут слезы.

А человек его успокаивает:

– Не бойся, это я волка убил. Он мою собаку растерзал. Пусть знает!

Сбежал он за убитым волком, принес его, под куст бросил и говорит:

– Я с него шкуру потом сниму, теплые рукавицы будут....

«Не зря птица Куа предупреждала меня», – подумал Куты-мафа.

А человек тем временем присел отдохнуть, посидел немного на пеньке и снова ружье зарядил. Идет опять к дереву, целится. Вот какое дело-то... Выстрелил опять!

От третьего выстрела тигр заревел сильнее прежнего, стал рычать, грызть веревку.

– Успокойся, – говорит ему человек. – Это я медведя отпугнул. Он к моей лошади подкрадывался.

– Вижу, что ты сильный. Отпусти меня! – просит тигр.

Человек стал отвязывать его:

– Ладно, – говорит, – так и быть, отпущу. Я тебя с самого начала уговаривал, не бойся. Люди не трогают тигров. Запомни это! Но если ты мне сделаешь плохо, берегись!

Давным-давно это случилось. Куты-мафа уже отгулял по тайге, он состарился и под землю ушел, а из-под земли вместо него кедр вырос и тоже состарился. Другие тигры появились и живут, гуляют по тайге. Но человека они не трогают. Такой уговор был!

Юлия ШЕСТАКОВА

Как олень тигра перехитрил

Как-то раз голодный тигр поймал оленя. Завел он добычу в свое логово и хотел уже с ним расправиться, как взмолился тот:

– О, великий Унгхурдэ! Не убивай мою душу! Пощади меня!

– Не могу, – отвечает тигр. – Не ел я три месяца и три дня, терпеливо ждал. И ты думаешь, что я пропущу возможность полакомиться твоим мясом?

– Но тогда тебе придется разделать мою тушу, – говорит олень.

– Зачем? – удивился тигр.

– Я видел, так делают люди, – принялся взахлеб рассказывать олень. – Они берут специальный ножик, которыми и разделяют кожу зверя, а потом...

– Ладно, ладно, – остановил оленя своим грозным голосом тигр. – Только скажи, где я могу найти этот загадочный ножик?

– Он находится у людей, в их жилище. А жилище недалеко отсюда, на краю леса.

Чтобы олень не убежал, тигр придавил ему ногу огромным валуном и пошел на поиски человеческого жилища. Наконец он добрался до него.

Смотрит тигр, а возле жилища охотник сидит, тушу кабана разделяет и песню напевает. Догадался тигр, что в руках у охотника тот самый нож, о котором олень говорил. Стал тогда он ждать удобного момента, чтобы выкрасть его. И дождался. Как только охотник зашел в жилище, тигр подскочил, схватил зубами нож и убежал обратно к себе в логово.

Увидев тигра, олень, конечно, испугался. Он надеялся, что полосатый зверь не осмелится близко подойти к жилищу человека. И стал думать, как бы ему тигра перехитрить.

– О, мудрый Унгхурдэ! – сказал олень. – А ты знаешь, как пользоваться этой вещью, которую ты взял у человека?

– Нет, – озадаченно ответил тигр. – И что же мне теперь делать?

– Не знаю, – говорит олень, – но слышал я как-то, что таким ножом может пользоваться только человек. А если он попадет в лапы зверя, жди беды.

Испугался тигр, захотел, чтобы беда обошла его стороной, и решил вернуть ножик охотнику. Снова побежал на край леса и бросил нож возле жилища. А когда вернулся, увидел, что оленя нет. А валун, который придерживал ногу животного, валяется поодаль. Удивился тигр. Как олень смог такое сделать?

Оказывается, пока тигр возвращал нож, благородный охотник увидел пойманного оленя. Он сдвинул огромный камень и освободил его.

Вот какой бывает милосердная душа человека.

Глеб МОРДОВЦЕВ

Ороч А.К. Пунадинка угощает скалу Мапача

Вечные скалы – хранители времени и удачи

Сергей БЕРЕЗНИЦКИЙ,
доктор исторических наук, профессор Института истории ДВО РАН
Фото и рисунки автора
Владивосток

Культ скал занимает важное место в мировоззрении и обрядах коренных народов амурсахалинского региона. Для получения промысловой удачи и защиты от неблагоприятных погодных и дорожных условий в таежной и морской охоте и рыбной ловле, для благополучной жизни в загробном мире, для умиротворения сверхъестественных существ, предков и хозяев они угощали и угощают сегодня скалы, утесы, перевалы и сопки.

Рис. 1. Скала Сивантай. Река Бикин

Угощение на удачную охоту

Умилостивительные ритуалы охотники совершали перед выходом на промысел в стойбище и непосредственно на месте охоты и рыбной ловли. Амгуньские негидальцы перед началом промысла на Чукчагирском озере совершали обряд жертвоприношения его духу-хозяину, живущему в пещере. При въезде в озеро охотники и рыбаки стреляли из ружья или высыпали заряд в воду, чем предупреждали хозяина озера о предстоящем промысле. Подъезжая к пещере на лодке, бросали духу табак, спички, монеты и просили удачи. Сходный ритуал выполняли амурские ульчи, заплывая в заливы.

В охотничьей культуре бикинских удэгейцев прежде и в настоящее время большое место занимает ритуал угощения священной скалы **Сивантай**. Эта скала находится на левом берегу реки Бикин в нескольких десятках километров выше села Красный Яр. В духовной культуре этой группы удэгейцев сохранились верования, связанные с этой скалой. Например, легенда «Скала Сивантай».

«Скала по-нашему называется **Сивантай**. А русские называют ее «Богомолка». Эту скалу нужно угощать, только когда идешь на охоту. В скале живет ее дух-хозяин. У него много названий – «бог», «Онку». Хозяин скалы похож на человека и немного на обезьяну. Только красный и очень страшный. Хозяин всегда находится рядом с этой скалой. Шуметь возле этой скалы нельзя. Если будешь шуметь, то хозяин скалы придет к тебе во сне. Его нужно угощать маленькой лепешкой **галяна**, пшенной кашей **джакта**, можно и рисовой кашей, обязательно нужно дать чуть-чуть водки. Араньше-то водки не было, и поэтому использовали

багульник. Палочки или листики багульника нужно жечь на костре, чтобы шел густой дым. Запах горящего багульника очень нравится духу-хозяину. Однако не только одному, но и всем зверям. Хозяина угощают, чтобы он дал охотничий фарт» (Березницкий Д. 415. Л. 148).

Во время следования на промысел удэгейцы всегда останавливаются и совершают умилостивительный ритуал жертвоприношения (рис. 1). Возле этой скалы для ритуала останавливаются не только удэгейцы и нанайцы, но и русские охотники и рыбаки. На скале, на высоте примерно пяти метров, установлен деревянный домик. Внутри стоит пустая рюмка, в которую нужно налить немного водки. Внизу на дереве привязаны различные предметы, дарованные в честь духов: зажигалка, пустые ружейные гильзы, цветные тряпочки. У подножия этого дерева нужно немного вылить спиртного, разломить несколько сигарет и попросить у духа удачи на промысле (Березницкий Д. 450, Л. 237–238; Д. 522, л. 30, 42–43). Бикинский удэгейец П.Г. Каленчуга всегда старается угощать священную скалу Сивантай, когда проезжает мимо нее на лодке. Однако он угощает водкой, сигаретами, хлебом не только саму скалу, а духа-хозяина охоты Лаобату и просит у него удачи (Березницкий Д. 434. Л. 104). Для охотников нет никакого противоречия в том, что их ритуал сочетает поклонение скале и угощение духа-проводника.

В комплексе верований и культов коренных народов региона можно выделить некоторые скалы, которым поклонялись для получения не только промысловой удачи, но и счастья в жизни, для обеспечения хорошей загробной жизни, например, хорошо известный на Нижнем Амуре Тырский утес (рис. 2). Большую роль в выборе этого места для жительства сыграл тот факт, что высокий берег не затапливается. Однако и в настоящее время своим величием утес притягивает внимание всех людей, проезжающих мимо. Издавна возле него поселялись нанайцы, нивхи, негидальцы, ульчи, эвенки. Для всех этих народов Тырский утес был и остается священным. Большое впечатление утес производит не только на местные народы. В XV в. посланец китайского императора Ишиха, вдохновленный прекрасным видом утеса, приказал построить на нем буддийскую кумирню в честь бодхисатвы Гуань-инь, или, по-другому, монастырь Вечного Покоя (Мичи 1868. С. 285–286; Артемьев 1997. С. 267; 2005). Со временем кумирня была разрушена. Однако Тырский утес не был лишен внимания волны русских пришельцев, которые в XIX в. построили на его вершине церковь. Православных священников тоже поразили величие скалы и прекрасная панорама, открывающаяся на окрестности. Сегодня не осталось следа и от этой церкви. Не давал покоя утес людям и в советское время: на нем производился торжественный

Рис. 2. Тырский утес

прием молодежи в пионеры и комсомол. Со временем исчез и этот элемент социалистической обрядности, и лишь коренные жители продолжают почитать священный для них природный объект (Березницкий Д. 403. Л. 242–248).

Сакральный образ утеса и его духа-хозяина схож в представлениях местных народов. Хозяин обитает внутри скалы в пещере и по внешнему виду напоминает невысокого старичка с седой бородкой. Если не угостить хозяина утеса перед выходом на охоту или рыбную ловлю, он обидится и накажет человека: звери и рыба станут прятаться от такого промысловика, может перевернуться лодка на глубоком месте Амура или озера. Ритуал угощения хозяина утеса совершали вместе нивхи, негидальцы и ульчи. К хозяину утеса обращались за помощью и в случае гибели кого-либо из членов семьи на промысле: родственники приходили к утесу, приносили угощение на специальный камень у воды и просили духа, чтобы он обеспечил хорошую жизнь душам утонувших людей в потустороннем мире.

В районе села Новое Омми расположены священные для нанайцев и орочей **Змеиные скалы**. Почитание этих скал связано с их внешним видом: горные породы расположены в виде ползущих по скале змей. К этим скалам обращались с просьбами при отправлении на охотничий промысел и рыбную ловлю, для получения удачи в жизни и т. п.

Сахалинские нивхи перед выходом на таежную охоту угощали спичками и табаком скалу, которая стоит в тайге, а перед выходом на морской промысел – скалу в море или на побережье моря. Имелись в традиционной культуре нивхов скалы, которые нужно было угостить по дороге на промысел.

Рис. 4. Буччу – повелитель ветров. Ульчи. Дерево. НГКМ

Скалы – повелители стихий

Скалы, превалирующие над местностью, считались повелителями стихий – ветров и дождей, от них зависела погода. По верованиям современных найхинских нанайцев, ниже села есть священная скала **эморон манани** – «покровитель северного ветра». Раньше нанайцы всегда угощали эту скалу, чтобы сильный ветер не перевернул лодку на середине Амура. По словам Р.А. Бельды, некоторые старики изредка ездят к этой скале и сегодня. У амурских ульчей подобным объектом поклонения является **Ауриинс-**

Рис. 3. Священная скала ульчей Аури

кий утес (рис. 3). Многие булавинские ульчи считают, что термин «аури» переводится как «спящая» скала. Это связывают с девушкой, которая однажды уснула у подножия скалы и до сих пор спит там. Нередко охотники и рыбаки изготавливали деревянное изображение хозяина ветра буччу и угощали его (рис. 4).

Возле нанайского села Ачан есть гора **Одзял**, которая всегда считалась нанайцами священной и повелителем ветров. Старики нанайцы говорили, что раньше там был город, в котором устраивали ярмарки – нанайцы менялись товарами с китайцами. Раньше нанайцы поклонялись горе Одзял, угощали ее и просили попутного ветра.

Скалы, почитаемые как сверхъестественные предки. Родовые скалы

Нанайцы считали хозяйкой поверхности внешнего обвода верхнего мира старуху **омсон мама**, которая вдвухала душу, давала жизненную силу детям и детенышам зверей. Однако зрительного образа этой хозяйки у

Рис. 5. Священная скала орочей Манача

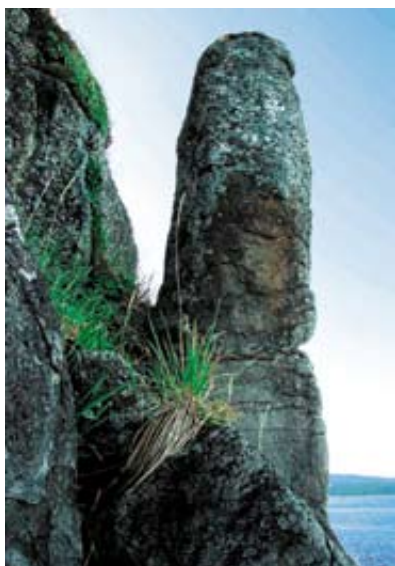

Рис. 6. Скала Мамача

нанайцев нет. Вероятно, представление об этой старухе было заимствовано нанайцами и другими народами Амура у маньчжуров, в мифологии которых хорошо представлены образ и функции божества **омоси мама** (Сем 1990, С. 125–126; Яхонтов 1992, С. 119). В космологических представлениях орочей, удэгейцев и нанайцев имеется образ великанши **омоко мамачи**, которая превра-

тилась в скалу в устье одного из притоков реки Коппи. Скала следит за порядком в бассейне этой реки и считается священной – охотники поклонялись ей и периодически совершали у ее подножия жертвоприношения (Арсеньев 1949, С. 210–211).

В традиционной культуре орочей каждый род имел свою священную родовую скалу. Например, у орочей Мулинка такая скала с пещерой была на реке Мули, у рода Хутунка скала белого цвета с углублением – в среднем течении реки Хуту (Арсеньев Д. 28. Л. 86; Липская Д. 56. Л. 71). У этих священных мест орочи всегда останавливались и совершали ритуал угощения. Подобные родовые скалы имелись и у рода Акунка на реке Тумнин (Березницкий 1999, С. 72). Тумнинские орочи до сих пор почитают две священные скалы (**Мамача** и **Мамача**) в устье реки Тумнин (Березницкий 1996, С. 34–35). Эти скалы имеют очень сложный полифункциональный образ. Они считаются первопредками орочей и объектами, могущими дать удачу на про-

Рис. 7. Священная скала орочей – собака-охранительница Мамачи

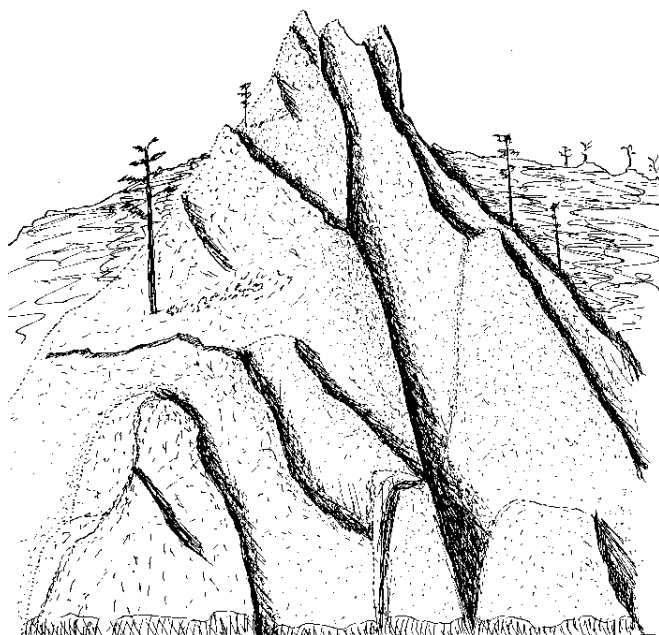

Рис. 8. Священная скала Гаппанки. Копия с фотографии Я.С. Эдельштейна. 1905

мысле, хорошую погоду, счастье и здоровье (рис. 5, 6). В начале 2000-х гг. ванинский краевед и видеооператор А.С. Грозин записал у орочей продолжение легенды об этих скалах, по которой на правой стороне бухты в устье Тумнина находится еще одна священная скала – собака, которая должна охранять скалу **Мамачу**, как завещал ей старик **Мамача** для сохранения орочского этноса: «... охраняй **Мамачу** от врагов как можно дольше, чтобы не пропал род орочей до времени» (рис. 7).

Рис. 9. Священная скала иманских удэгейцев Старик

Исследователи XIX в. зафиксировали у хунгарийских и тумнинских орочей почитание скалы **Гаппанки** (Эдельштейн 1905, С. 204) (рис. 8).

Почитаемые ранее скалы находятся на реке Иман в районе проживания иманской группы удэгейцев (рис. 9–10). До недавнего времени у них бытовало предание об этих скалах. Согласно преданию, раньше в этом месте скал не было. Здесь жила семья удэгейцев: отец,

Рис. 10. Священная скала иманских удэгейцев Старуха

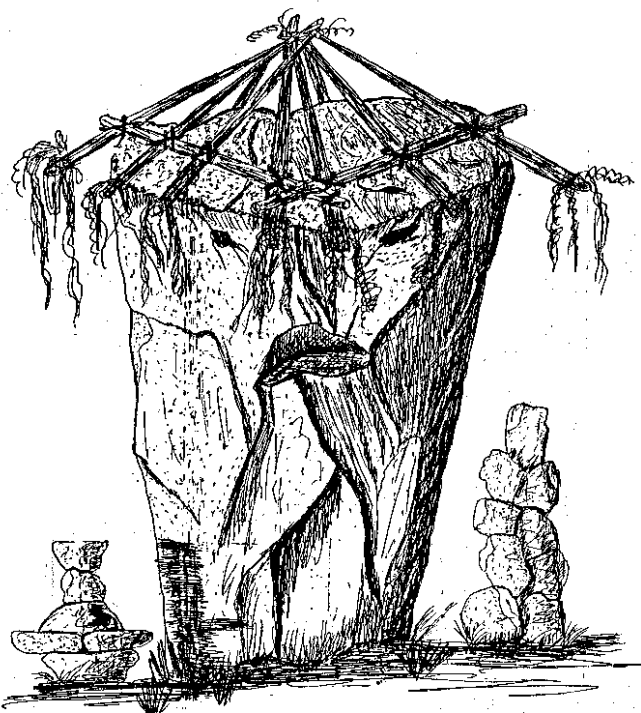

Рис. 11. Культурная скала негидальцев Дяла. Копия с наброска негидальца С.А. Гохты

мать, сын. Родители очень любили своего единственного сына. Однажды сын пошел ловить рыбу и утонул. Узнав об этом, родители окаменели от горя и превратились в скалы. Они и сейчас стоят на месте их фанзы. Удэгейцы называют их *Старик* и *Старуха*. Было время, когда между этими скалами стояла кумирня, в которой совершали жертвоприношения, читали молитвы и восхищались самоотверженными родительскими чувствами. *Старик* ранее имел «голову», которую взорвали русские сплавщики леса. Постепенно, со сменами поколений, почитание скал ослабевало. Разрушилась и китайская кумирня. В настоящее время удэгейцы в этом месте ритуалов не совершают. Представление о священных скалах осталось лишь в воспоминаниях стариков. Е.И. Кялундзига рассказала случай о том, как однажды один «плохой» удэгеец хотел свалить голову *Старика* при помощи ствола ясеня, однако не смог этого сделать и, более того, упал вниз и разбился. По мнению удэгейцев, *Старик* наказал удэгейца за зло. Анализируя этот пример, следует отметить слияние древних верований удэгейцев с напластованными на них китайским культом предков, произошедшее в результате длительных этнокультурных контактов.

У амурских негидальцев также имеется определенное количество преданий, связанных со священной скалой, которая ушла в тайгу, обидевшись на русских парней, пытавшихся ее разрушить. Скала внешним видом отдаленно напоминает фигуру человека (рис. 11). При определенном освещении, по словам негидальцев, можно было разглядеть голову, глаза, рот, в который перед промыслом охотники складывали угощение. Рядом со скалой находились ее каменные «дети». Однако эти «дети», скорее всего, были искусственного происхождения, так как были сложены из камней самими охотниками. Этот факт интересен тем, что показывает древние представления людей, их

веру во всеобщее оживотворение природы. Сверху скала закрыта своеобразной крышей-шляпой.

На Амуре, напротив села Нижнетамбовского, на вершине горы Адзи находятся останцы, носящие общее название *Медведь*, которые издавна считаются священными и имеющими большое влияние на жизнь людей. Коренные народы Амура и в настоящее время поклоняются им и часто обращаются с различными просьбами. Образ священных скал сказывается даже на духовной культуре русских переселенцев, которые связывают с ними изменения погоды. Однако в русской редакции эти скалы называются *Шаман-камень*, *Шаман-гора*. Русское население связывает название скал с погодными факторами – если на скалах стоят тучи, то скоро в деревне пойдет дождь, если ясно и горы хорошо видны, то будет хорошая погода. Считается, что эти скалы могут влиять на погоду или делать погоду. Ульчи эти скалы называют «*тиу пороны*», то есть три верхушки горы – хозяева местности. А иногда ульчи говорят, что это *Медведь* и *Охотник*, заимствуя тем самым нанайскую традицию обозначения скал. О скале *Медведь* существует ряд легенд. Один из вариантов легенды нам удалось записать в 1998 г. в селе Нижние Халбы у нанайца В.И. Гейкера: «Легенда о каменном охотнике, каменной девушке и каменном медведе» или «Легенда о великом охотнике *Ванде* из рода Гейкер».

«Это было так давно, что никто уже из нанайцев и не помнит, когда именно это было, какое было время. Однажды в стойбище Симасы в роде Гейкер родился мальчик *Ванда*, который до пяти лет не мог разговаривать. Слово «*Симасы*» в переводе на русский язык означает следующее. «*Си*» означает «ты». «*Маси*» означает, «сильный, крепкий». И вот вывели медведя для жертвоприношения богу. Ну, обычно жертвоприношения делал богу солнца направлением на рассвет. Медведя хотел убить копьём самый старый охотник рода. Мальчик подошел и вырвал у деда копьё. Потом сам заколол медведя копьём. А было мальчику пять лет. И сказал тогда мальчик впервые в своей жизни слова: «*Ванда, Ватямби*». Его и назвали *Ванда*. Мальчик быстро рос. Когда он стал юношей, он стал очень сильным. Играя с детьми, он часто калечил их. Мог сломать руку, ногу, сделать горбатым. А бежал он так быстро, что люди видели только пыль клубами у него под ногами. И вот настал день, когда *Ванда* стал ходить вместе со взрослыми охотниками на охоту. И спервых же дней он стал любить столько зверя: лосей, медведей, кабанов, соболей, белок, рысей, что его сородичи едва успевали вывозить туши из тайги и обрабатывать их шкуры. Сначала охотники радовались, что им достается все готовое. Но потом они совершенно перестали успевать обрабатывать туши за юным охотником, то есть они не успевали вывозить и обрабатывать убитых им больших и малых зверей. Через некоторое время охотники опомнились и поняли, что скоро *Ванда* изведет всех зверей в тайге возле их стойбища Симасы на правом берегу Амура. А если в тайге не станет больше зверей, то тогда людям нужно будет переезжать из этого стойбища в другое место, где еще есть звери. А это ведь большая забота. Нужно строить новые дома. Охотники стали уговаривать *Ванду*, чтобы он умерил свой охотничий пыл. Но он не согласился и продолжал убивать много зверей. Тогда охотники обратились за помощью к старейшине рода Гейкер. Те собрались и съехались со всех стойбищ на собачьих упряжках. Стали совещаться, что им делать. Некоторые старейшины говорили: «Такого делать нельзя. Этому охотнику нужно запретить охотиться. Это святотатство – так

опустошать тайгу. Мы жили раньше без такого охотника, проживем и дальше без него». Други старейшины говорили обратное: «Этого человека нам дал бог. Такого удачливого охотника еще никогда не было на Амуре. Пусть сам бог решает, как нам быть». Обратились к шаманам. Великие шаманы стали шаманить и просить у бога совета. Но он ничего им не ответил. Тогда снова собрали совет, и слово взял самый старый старейшина рода Гейкер: «Видимо, этого юношу нам дал бог не только для нашего рода. Он только родился в нашем роде. А охотиться должен для всего народа – для рода Самаридля рода Гаер, и для рода Дигор, и для рода Бельды, и для рода Киле. Пусть он всем помогает. Пусть он охотится и у нас, и на территории от стойбища Монгол до стойбища Бури. Пусть он идет по такому пути. Как раз к лету обратно к нам вернется». Все старейшины обрадовались такому мудромурешению. Обрадовались, что можно обойтись без крови. Что не нужно пускать кровь. На следующий день старейшины объявили свое решение юноше. Он согласился и помчался как вихрь на лыжах по другим стойбищам помогать людям добывать копытных и пушных зверей. Старейшина каждого стойбища считал за честь дать юноше в жены самую красивую девушку на тот срок, пока **Ванда** охотился в окрестностях их стойбища. И так **Ванда** дошел до самых верховьев Амура. Помогал людям, и каждый род мечтал, чтобы их девушка родила от охотника **Ванды** такого же богатыря, как и он сам. Прошло много лет. **Ванда** продолжал ходить по всему Амуре, помогал людям добывать зверей и рожать богатырей. И вот настало время, когда по всему Амуре осталось совсем немного зверей. Однажды **Ванда** возвращался из своего очередного похода по Амуре. С сопки Сиурону увидел красивую девушку, которая шла по берегу Амура заводой. **Ванда** стал быстро спускаться с сопки. На ходу он поймал заногуба, ударил его о дерево, убили положил себе на плечо. Он остановился, зачарованный, перед невиданной еще красотой девушки, пошел следом за ней и вместе с ней вошел в ее жилище. В жилище был отец девушки, старый шаман, который уже знал, что к ним в гости идет знаменитый **Ванда**. **Ванда** зашел в жилище, снял с плеч кабана. Быстро снял снежок и ушел. Девушка приготовила ужин. За ужином **Ванда** сказал шаману: «Отдай мне свою дочь в жены». Но шаман ему отказал и сказал: «Ты Великий охотник. Дети Великого охотника тоже будут Великими охотниками. Они перебьют всех зверей на Амуре. Не отдай тебе свою дочь в жены». А ночью **Ванда** и девушка сговорились и сбежали из дома шамана. Девушка взяла с собой своих двух любимых собак. Шаман утром проснулся, увидел, что нет двух собак, дочери и охотника, и сразу догадался, что они убежали. Шаман ударил себя ладошкой по затылку и превратился в орла. Орел поднялся в воздух, увидел на снегу следы беглецов и полетел за ними в догонку. Орел поднялся до самой вершины сопки и там увидел шалаш. Шаман догадался, что в шалаше его дочь и Великий охотник, которые провели в этом шалаше свою первую и последнюю брачную ночь. Но даже самый крупный орел не справится с человеком. Тогда орел превратился в огромного, как скала, медведя. Медведь заревел навсую тайгу и разбудил девушку и охотника. **Ванда** схватил копье, выскочил наружу и стал биться с медведем. Битва продолжалась сутра до вечера. Вокруг них растаял снег и поломались все деревья. Оба противника истекали кровью. Наконец **Ванда** изловчился и ударил медведя копьем прямо в сердце. С последним вздохом медведь обратился к богу и раздвинулся. Бог посмотрел вниз и узнал Великого охотника, которого сам послал к людям. Бог решил, что Великий охотник больше не нужен людям и бросил в них стрелу. И все живое внизу обратилось в камень. **Ванда**

стоял спиной к шалашу – так и окаменел. Поэтому скала с одной стороны похожа на человека, а с другой стороны на шалаш. Девушка, две собаки и медведь тоже окаменели. Окаменели также все птицы и звери, которые оказались поблизости. Об этом быстро узнали все невесты Великого охотника по всему Амуре и побежали его оживлять. С низовьев Амура они несли кипящий сохачий жир. Сверховьев Амура они несли кипящий медвежий жир. Одна невеста снизу добежала с жиром до скалы, которая теперь стоит возле Киселевки, споткнулась, упала и разлила жир. И вся сопка стала белой. Потом там стали добывать известь. Норусские геологи взорвали девушку-скалу в 1930-х годах. Сверховьев одна невеста немного не добежала до окаменевшего Великого охотника и тоже окаменела. А сопка с останками напротив Нижней Тамбовки стала с тех пор священной. Туда не должно наступать нога чужого человека, иначе он сразу окаменеет. И вот в назидание всем народам, живущим на Амуре, стоит каменный Великий охотник. Все должны помнить, что у природы нужно брать в меру и зверя, и птицу, и рыбу. Нужно думать о потомках и никогда не брать лишнего. Охотники из рода Гейкер каждую осень молятся возле этой скалы – Великого охотника **Ванды** из рода Гейкер, своего предка, и просят, чтобы он помог им в удачной охоте. От Нижней Тамбовки скала **Великий Охотник** видна в фас, а за спиной охотника шалаш. То есть из Нижней Тамбовки шалаша не видно. Великий охотник стоит лицом к Амуре (В.И. Гейкер. Нижние Халбы, 1998 г.) (Березницкий Д. 416. Л. 633–659).

В легенде упоминаются уже известные исследователям современные роды нанайцев, но, возможно, что основа сказания более древняя. Можно отметить сюжет противостояния охотничьего быта и института шаманства. Скорее всего, эти скалы связаны с культом этнического героя. В тексте имеется универсальный сюжет, встречающийся в эпосах многих народов мира, о необычности ребенка, отличительных признаках. Чаще всего, это сверхъестественная сила, как и у нанайского **Ванды**, немота до 5 лет, гиперсексуальные качества во взрослой жизни. Этимологически слово «**Ванда**» скорее всего можно объяснить большим количеством однокоренных слов тунгусо-маньчжуров «**ва, вана, ванаджа**» в значении «убить, добыча, охотник, умелый охотник» и т. п. (Сравнительный словарь..., 1975. С. 126–128).

Дальнейшие исследования в рамках совместной этноархеологической экспедиции могли помочь решению некоторых проблем относительно почитания священной скалы местными этносами. Хорские удэгейцы в настоящее время склонны отождествлять неолитических людей, сделавших наскальные рисунки в верховьях реки Хор, со своими возможными предками (Березницкий Д. 522, Л. 316). Возможно, что в результате комплексного изучения священной скалы **Медведь** появятся дополнительные материалы о почитании ее древним населением региона.

Скалы, связанные с шаманством

У найхинских нанайцев до сих пор бытуют предания, связанные со скалами **Жених** и **Невеста**. Скала **Жених** находится возле острова Крохалева, а скала **Невеста** вместе со своей – на острове Ядасен (мыс Нергуль с шестью братьями мысы Тейсинхонко, Сахархонко, Дайхонко, Нучихонко, Япаканхонко, Сактахонко и Сеглен на озере Болонь). С этими скалами связана легенда, записанная у Р.А. Бельды в Найхине в 1998 г. Как-то ехала невеста к своему жени-

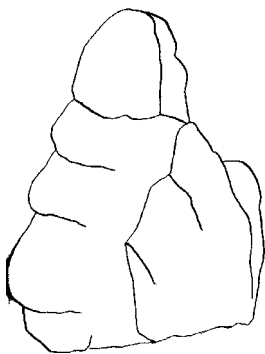

Рис. 12. Священная скала нанайцев Бабушка возле с. Сикачи-Алян. Копия с рисунка из музея УДТ с. Найхин

ху на лодках вместе с подругой, братьями и гостями. Внезапно на озере поднялся сильный ветер и сдул с невесты свадебную шапочку. Тут все увидели, что невеста лысая, и стали смеяться над ней. Но они не знали, что она сильная шаманка. Невеста рассердилась и превратила людей в скалы. Сама она тоже превратилась в скалу на острове Ядасен. Жених, когда узнал об этом, окаменел от горя. Подобная легенда имеется о скале в окрестностях нанайского села

Сикачи-Алян. Рассказывают, что когда-то давно была сильная шаманка. У нее были помощницы – девять девушек. И вот однажды эта сильная шаманка окаменела. А вместе с ней окаменели котел, бубен, *дюлин*, гроб и девушки (Березницкий Д. 450. Л. 7). Однако есть и другая интерпретация образа этой скалы. В окрестностях Сикачи-Альяна расположен огромный каменный *сэвэн* – «Каменная бабушка» (рис. 12). Каждый человек видит скалу по-своему. В музее центра детского творчества села Найхин хранится рисунок, по которому скала действительно похожа на сидящую бабушку-шаманку (Березницкий Д. 416. Л. 608). По мнению нанайцев, скала-бабушка дает удачу на промысле, если ее попросить об этом и хорошо угостить. Нанайцы и в настоящее время ездят к этой скале из других населенных пунктов, угощают ее и просят здоровья, удачи в жизни и счастья.

Скалы как герои аборигенных мифов

Священную сопку в окрестностях села Кондон нанайцы именуют *Дракон* (рис. 13). Часть сопки, на которой не растут деревья, называют *Сердце Дракона* (рис. 14). На этом месте раньше совершали ритуал поклонения восходящему солнцу *мехоранди*. Местность Сорголь называется нанайцами *Хвост Дракона* (рис. 15). Вниз по течению

Рис. 13. Сопка Голова Дракона. Кондон

Рис. 14. Сопка Сердце Дракона. Кондон

Рис. 15. Сопка Хвост Дракона. Кондон

Рис. 16. Сопка Мوريا. Кондон

реки Девятки (Хуин) есть еще одна священная для нанайцев сопка *Мوريا хурэн* – «Сопка-лошадь» (рис. 16). Считается, что название происходит от монгольского слова «*морин*» – лошадь. Эта сопка отличается скальным обнажением. На скале можно выделить фигуры лошадей, скачущих из реки на вершину скалы. Недалеко расположен распадок, почитание которого также связано с мифологией нанайцев (рис. 17). По верованиям кондонских нанайцев считается, что когда-то мифическая богатырка ударила по сопке кройльной доской *пудэн пачила хани*, и с тех пор осталась отметина. Нанайцы и в наше время угощают священные сопки *Мوريا* и распадок водкой и табаком. Нанайские легенды гласят, что на соседнюю сопку когда-то упала железная мифическая птица *Кори*. Там, где растеклась кровь этой птицы, ничего не растет (Березницкий Д. 450. Л. 85–86) (рис. 18).

Рис. 17. Священная сопка кондонских нанайцев, расколота мифической богатыркой

Рис. 18. Сопка – место падения железной птицы Кори. Кондон

В культуре иманских и бикинских удэгейцев имеется определенное количество священных скал, которые продолжают носить названия, данные им китайцами. Однако в основном культ осуществляется в соответствии с традиционными удэгейскими верованиями. Чаще всего такие скалы почитаются как податели промышленной удачи. Например, священная скала **Бахалаза**,

расположенная на левом берегу реки Бикин в 30 км выше села Красный Яр, скала **Селаза**, которая находится на реке Иман, ниже села Дальний Кут. Иманские удэгейцы помнят о почитании священной скалы и пещеры **Орочонский Бог** с использованием ритуальной скульптуры. Эти же информанты рассказали о почитании священных скал **Гонгулаза**, об отношении китайцев к этим природным объектам. Вот легенда о скале **Гонгулаза**.

«Так называются две священные для удэгейцев скалы. Одна находится в верховьях Бикина. А другая скала стоит в низовьях. Та скала, которая внизу, скаменной дверью. Перед плохой погодой эта дверь становится мокрой. А внизу, под этой скалой, была кумирня. Скала стоит прямо на правом берегу Бикина. Издалека кажется, что стоят два каменных солдата. К этой двери удэгейцы раньше таскали маленького кабанчика. Резали его и давали угощение скале: чуть-чуть крови, кусочек носа, языка, ушей, сердца. После угощения становились на колени и просили у скалы удача в охоте и в жизни, чтобы не болели дети. Эта скала стоит почти посередине расстояния до села Верхний Перевал. Раньше возле нее всегда останавливались удэгейцы: варили чай на кося, обедали, ночевали, жгли багульник. А кумирню разломали русские в 1935 г. С тех пор туда редко кто ходит. А еще одна скала **Гонгулаза** находится в верховьях Бикина. Раньше этот поселок назывался Улунга, а теперь называется Охотничий Участок. От Улунги до скалы около 50 км. Раньше к этой скале охотники тоже обязательно ходили и угощали ее для удачи» (Геонка С.Ч., Канчуга А.С. Красный Яр, 1997 г.).

В ритуальном комплексе амурских нанайцев есть еще одна священная скала с названием «**Дэхада мама**», которая находится у села Верхний Нерген. По верованиям местных нанайцев, когда-то скалу вытащил из воды богатырь **Онго**. Этот богатырь впоследствии окаменел и до сих пор стоит за **Каменной Бабушкой**. Даже сегодня видно, что эти скалы сильно обожжены. О причинах этого рассказывается в нанайском предании «Как сгорел сын китайского императора и обжег скалы».

«Когда-то к нам на Амур в это место приезжал сын китайского императора и китайский купец. Сын китайского императора приехал на Амур, чтобы стать наместником императора на Амуре. Совсем Амурсобралось много лю-

Рис. 19. Скала иманских удэгейцев. Копия с фотографии А.Ф. Старцева

дей. Сыну китайского императора было тогда 18 лет. Его одели в светящуюся одежду и шапку. Эта одежда и шапка так сильно светились, что обожгли скалы и самого сына императора. Сын императора сгорел. Когда император узнал об этом, он сказал: «Значит, мой сын был еще очень молод, чтобы носить императорские одежды» (Бельды Р.А. Найхин, 2001 г.). (Березницкий Д. 450. Л. 7).

Само происхождение скал, по верованиям нанайцев, связано с их богатырями и героями. Впоследствии на это древнее представление наслоилось более позднее под влиянием контактов с соседними китайцами.

Определенное влияние китайских компонентов можно выявить и при анализе современных представлений иманских удэгейцев относительно священной скалы **Гугя**. В середине 1970-х гг. А.Ф. Старцев записал у иманских удэгейцев предание об этой скале (Старцев Д. 45. Л. 71–77). (рис. 19). Анализ термина «**Гугя**» показывает, что у эвенков термины «**гугдакта**, **гугдан**» означают «горный хребет, высота, сопки»; у негидальцев **гогдакта** – «вершина, высокий горный хребет»; в хорском диалекте удэгейского языка **гугда** – «высокий» (Сравнительный словарь..., 1975. С. 166). В старинном предании говорится о том, что почитание этой скалы связано с таинственным стариком по имени **Гугя** из неизвестного племени наху. По нашей просьбе китайский этнограф профессор Чжан Цзябинь прокомментировал удэгейское предание о священной скале **Гугя** и предложил два возможных варианта этимологии термина наху. Термин «**наху**» может означать следующее: «**на**» – человек, «**ху**» – озеро. То есть **Гугя** – это «человек с озера». Другой вариант: «**на**» – юг, «**ху**» – озеро. Поэтому предположительно анализ термина «**наху**» показывает, что **Гугя** может быть «человеком с юга», «человеком, с южного озера» (Березницкий Д. 450. Л. 9). Таким образом, можно предположить, что термин «**Гугя**» имеет местные корни, а термин «**наху**», возможно, заимствованные. Бикинская удэгейка Е.И. Кялундзига рассказала в 1997 г. вариант предания о священной скале.

«Однажды из Китая приехал китайский священник по имени Лао Дао. Приехали сказать: «Я через три дня должен идти к скалам. Там есть пещера, в которой каменный столб, каменная дверь, каменная лежанка». И точно – через три дня пошел к скалам. И там все нашел: каменный столб, каменную дверь, каменную лежанку. И потом он пропал. Люди стали думать: куда он мог подеваться? Стали искать. Нашли эту скалу. Открыли каменную дверь и зашли в пещеру. Нашли этого священника. Он лежал на каменном столбе на каменной лежанке. Перед ним лежали семь каменных пампушек, которые он сделал из теста. В каждой пампушке торчала воткнутая китайская свеча. Оказалось, что это китайцы приходили к скале, чтобы угостить своего бога. Потом стали ходить и удэгейцы. Они тоже приносили угощение и просили счастья, удачу в жизни, охотничьего фарта, здоровья».

Современные удэгейцы села Островного (Санчихеза) считают, что эта священная скала раньше была китайским шаманом. Когда-то он пришел из Китая. У него были длинная узкая борода, длинные висюльки и китайская курительная трубка. Шаман пошел в тайгу и сел в пещере. Удэгейцы носили ему еду, но он ее не ел, а только курил трубку. Через некоторое время этот шаман сказал: «Вот это мое место» – и окаменел. После этого удэгейцы долгое время ходили к этой скале, угощали ее, молились и просили себе счастья (Березницкий Д. 434. Л. 42–45). Житель этого же села А.И. Суляндзига рассказал вариант этого предания, наполненный элементами других верований и сюжетов: «Скала *Гугя* – бога женьшеня».

«*Гугя* переводится как «бог женьшеня». Раньше *Гугя* был человеком. Родители у него были китайцы или тазы. Но только не удэгейцы. Когда *Гугя* было восемь лет, он решил, что будет поклоняться только такому богу, который хочет добра для всех народов. Он ходил повсюду и искал такое место, где можно было бы поселиться и служить этому богу. И вот постепенно он пришел на реку Бикин, а потом с Бикина перекочевал на реку Иман. Здесь он поселился в пещере на сопке Горелой. Он сам сделал себе из дерева стол и стул. И вот там он стал молиться своему богу и просить у него добра для всех людей. А потом вдруг на сопке случился пожар (почему ее и прозвали Горелой). Чтобы не сгореть, *Гугя* превратился в камень, и все, что у него было, – и стол, и стул, и еда, и трубка – все окаменело. Еще некоторое время удэгейцы ходили туда к нему вместе с китайцами и корейцами. А потом в 1937 г. советская власть выгнала с Имана китайцев и корейцев. *Гугя* узнал об этом и сильно расстроился. Пришли к нему удэгейцы в очередной раз помолиться, смотрят, а дверь в пещеру закрылась. Некоторые удэгейцы старались еще некоторое время ходить к этой скале, но стали сильно болеть и перестали. С тех пор к скале *Гугя* никто не ходит» (Березницкий Д. 434. Л. 57–58).

Можно отметить интересный характер трансформации древних преданий удэгейцев, связанных с этой скалой. Если раньше удэгейцы рассказывали, что человек пришел с юга, то сегодня удэгейцы все чаще идентифицируют его как китайца. Скорее всего, наш информант еще в детстве слышал от стариков сохранившиеся обрывки прежних представлений и интерпретировал их по-своему. Поэтому информант убежден в том, что когда китайцев выселили из региона, *Гугя* обиделся и навсегда скрылся, ушел от людей. Можно отметить также тонкую наблюдательность удэгейцев. Проживая в тайге и являясь частыми свидетелями лесных пожаров, они видели, что лишь скалы и камни остаются невредимыми.

Исчезновение почитания некоторых отдельных скал связано с этническими процессами, насильственным переселением отдельных групп амурских этносов.

Священные скалы, связанные с образом тигра

У ряда коренных этносов региона имеются верования о скалах, пещерах, особых местах в тайге, связанных с тигром. Многие из этих мест остаются табуированными и в настоящее время. Так, иманские удэгейцы до сих пор хранят воспоминания о священных скалах, связанных одновременно с образом тигра и шаманством. Эти скалы *куты агдуни* – «Тигровые пещеры», расположены недалеко от поселка Дальний Кут на реке Иман. Еще одна одноименная скала с пещерой находится недалеко от впадения в Иман реки Вахумбэ. Почитание этой скалы связано с верованием о том, что раньше сюда прилетали сильные шаманы и превращались в тигров. Некоторое время они в образе тигров жили в этой пещере, а потом улетали обратно. Из-за страха перед шаманскими духами скалы угощали с лодки. Впоследствии вокруг этой пещеры родилась легенда о том, что однажды один охотник нашел в этой пещере клад драгоценных камней (удэгейка Команко З.Н. Дальний Кут, 1999 г.). (Березницкий Д. 434. Л. 45).

У амурских улчей также встречаются предания, в которых тесно связаны верования о культе тигра и культе скал. В предании «Тигр-скала» тырской улчанки Н.И. Дяксул чувствуется тревога за священного тигра, которая проявляется предупреждением любопытным людям.

«Жила одна женщина. Раз пошла она в лес. И повстречала там тигра. Они полюбили друг друга и поженились. Мать долго ее ждала. И искала, искала, потом в лес пошла. И увидела две скалы. Одна скала – тигр, другая – ее дочь. Эти скалы до сих пор стоят в лесу выше села Булава. Но найти их нельзя, потому что давно дело было. А если кто и найдет, то тигр оживает и убивает человека, поэтому никто туда и не ходит. Все боятся» (улчанка Дяксул Н.И. 1996). (Березницкий Д. 403. Л. 296).

У найхинских нанайцев имеется верование о священной скале Тигровый Дом на реке Нельта, где тигрицы производят на свет потомство. Место это охраняется таежными великанами *калгами*. Несмотря на то, что многие нанайцы знают об этом месте, люди боятся даже близко подходить к нему (Р.А. Бельды. Найхин, 1998 г.).

Скалы, связанные с образом великана

Остроголовые великаны *калгана* живут одиноко и семьями с маленькими калганятами в пещерах, в скалах в верховьях рек, в ущельях, в каменистых и скальных местах. В пещере много припасов, орудий лова, одежды и других вещей. По мнению хунгарийских орочей, великан подчиняется главному доброму духу *Эндури*, иногда по ночам шаманит и никогда не уходит далеко от своей пещеры. По мнению современных информантов улчей и нанайцев, великан *калгана* живет в пещерах в скале Аури и в утесе Мариинском. Живет он также в Тырском утесе и в скале с пещерой возле бывшего села Ивановка на Капкуданской протоке. Возле скалы Аури есть одиноко стоящий утес, который называется улчами «Палец *кальдяму*» (рис. 20). В самой скале есть пещера, где по верова-

Рис. 20. Утес Палец Кальдямю – символ таежного великана. Комплекс скалы Аури. Окрестности с. Булава

ниями ульчей и обитает великан **кальдямю** (Росутбу И.П. Булава, 1997 г.).

Тумнинские орочи до сих пор обходят стороной несколько мест в тайге, которые традиционно считаются местами обитания великана **кадзямю**. В одном случае это

Рис. 21. Скала Кадзямю в окрестностях с. Уська-Орочская

огромное по площади скальное обнажение. Валуны покрыты разноцветным мхом. Другая скала считается одновременно и местом обитания великана, и им самим в каменном виде (рис. 21). Некоторые бикинские удэгейцы в настоящее время считают, что на морском побережье в пещере живет злой великан-людоед **мангму мафа**, который ловит людей и жарит их на костре (Пионка А.Е. 1997 г.).

В верховьях реки Нилан есть пещера, в которой, по мнению негидальцев, когда-то жили какие-то люди, возможно **калгама**. Внутри пещеры фарфоровые стены, а возле стен есть сиденья (Семенов В.С. 1991 г.). Ульчанка З.И. Пудан (1996) рассказала о великане, обитающем в пещере Мариинского озера. Это предание отличается от подобных тем, что пещера закрыта каменной дверью.

На Сахалине, возле нивхского поселка Катангли, имеется сопка, на которой, по мнению местных нивхов, обитают таежные великаны **ге нивгуны** (Березницкий Д. 416. Л. 324). (рис. 22).

Рис. 22. Сопка обитания великанов ге нивгунов. Окрестности нивхского поселка Катангли

Скалы, связанные с карликами

У нанайцев, удэгейцев и орочей существует представление и о таежном карлике со сходным именем **багде/багзе/багдыхе**. Карлик страшный: горбатый, одноногий, весь покрыт шерстью (Арсеньев Д. 27. Л. 247). Он занимает промежуточное положение между добрыми и злыми существами. Сам убить человека он не может, но заставляет людей блудить на охоте по тайге, может совершать и другие мелкие пакости. Чтобы отвести от себя эту беду, охотники изготавливали фигурку **багдыхе** из дерева или бересты и угощали с просьбой не мешать на промысле (Арсеньев 1949. С. 343–344). Обычно карлик живет в пещере **онго**. Скорее всего, верование, что карлик живет в пещерах, связано с тем, что в пещерах всегда гулко раздаётся эхо. Удэгейцы никогда не останавливались ночевать в пещерах. О таких местах охотники орочи и удэгейцы знали и предупреждали других охотников из поколения в поколение.

Относительно священных скал можно отметить древность и универсальность верований коренных народов региона: прежде всего почитанием пользовались скалы, преобладающие над местностью, выделяющиеся размерами или формами; многие скалы почитались одновременно и как сверхъестественные предки, и как податели промысловой удачи, и как повелители стихий. Культ скал в духовной культуре коренных народов представляет собой сложное переплетение разных в хронологическом и функциональном планах верований и ритуалов.

Булавинская ульчанка А.И. Дяфу рассказала предание о том, как некоторые ульчи прекратили почитать священную скалу Аури после японской бомбардировки. Один из аспектов почитания скалы был основан на веровании об окаменевших и спящих брате и сестре. Раньше их можно было отчетливо рассмотреть. Однако во время интервенции на Дальнем Востоке японские моряки расстреляли эти скульптурные природные изображения из корабельных пушек. Информантка, как и многие современные ульчи, считает, что если бы не японцы, то ульчи до сих пор ходили бы (вернее, ездили бы на лодках) и угощали эти священные скалы (Березницкий Д. 415, л. 61). Таким образом, влияние японцев прервало традиционный культ.

Нередко представители других этносов (в основном славянских) варварски относятся к культовым местам коренных народов, устраивают пикники и оставляют мусор. Подобные случаи часто фиксируются у священной скалы горинских нанайцев – **Кадахачан** – охранительницы озера **Эворон** (рис. 23).

Амурские эвенки поклонялись отдельным природным объектам на основе верования о безличном священном месте, например отдельной скале или сопке. Таким объектом до настоящего времени является сопка Веселая – **элаптын** – голец. В настоящее время некоторые эвенки стараются соблюдать традиционный обряд угощения монетами сопки Веселой. Чаще всего ритуал совершают из окна движущегося автомобиля. Причем монеты следует не выбрасывать, а держать на раскрытой ладони, и они от тряски сами падают в виде жертвы на землю.

В верховьях реки Семилек, на сопке, есть большой камень, который, по преданию, принесла женщина-богатырка, чтобы показать, что она сильнее мужчин. Многие эвен-

Рис. 23. Скала Кадахачан – охранительница озера Эворон

ки, якуты, эвены с побережья и народы с Амура пытались поднять камень, устраивали состязания и праздники. Но до сих пор ни один мужчина не смог поднять этого камня.

Таким образом, можно отметить древность и универсальность верований коренных народов амуро-сахалинского региона относительно священных скал. Почитание основывалось на первоначальном опыте людей. Прежде всего, почитанием пользовались скалы, преобладающие своими размерами над местностью, выделяющиеся видом и формами. Многие скалы почитались одновременно и как сверхъестественные предки, и как податели промысловой удачи, и как повелители стихий. В верованиях коренных народов об окружающем мире, отдельных культовых природных объектах имеется определенный процент заимствованных компонентов духовной культуры маньчжуров и китайцев, проникших в результате тесных этнокультурных контактов. В целом же исчезновение почитания отдельных скал связано с культурной динамикой, уходом из жизни носителей культовых знаний и т. п. Однако большая часть священных скал перестала почитаться в результате этнических процессов, этнокультурного славянского воздействия, насильственного переселения отдельных групп этносов. Например, коппинские орочи почитали прежде священную скалу на этой реке, но затем их переселили, и их дети ничего не знают о скале (Высоцкий, 1973, с. 146). Относительно других скал культ прекратился в результате разочарования людей, ожидавших от священного природного объекта мести в адрес славянских обидчиков, но так и не дождавшихся.

В целом можно сказать, что культ скал в духовной культуре коренных народов региона представляет собой сложное переплетение разных в хронологическом и функциональном планах верований и ритуалов. По сравнению с другими формами мировоззрения культ отдельных скал продолжает свое существование и в настоящее время.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ:

1. Арсеньев, В. К. Путевой дневник 1. 1914–1925 гг. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦР-ГО–ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 27, л. 247.
2. Арсеньев, В. К. Путевой дневник 2. 1914, 1917, 1926, 1927 гг. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦРГО–ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева, оп. 1, д. 28, л. 86.
3. Березницкий, С. В. Этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура : этногр. исслед. 1992, 1995, 1996 гг. / С. В. Березницкий // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 403. – 303 л.
4. Березницкий, С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина : этногр. исслед. 1997 г. / С. В. Березницкий // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 415. – 182 л.
5. Березницкий, С. В. Этнокультурные контакты, этническая история и духовная культура коренных народов Нижнего Амура и Сахалина : этногр. исслед. 1998 г. / С. В. Березницкий // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 416. – 711 л.
6. Березницкий, С. В. Духовная и материальная культура иманских и бикинских удэгейцев. Этнографическая наука в Китае : этногр. исслед. 1999 г. / С. В. Березницкий // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 434. – 116 л.
7. Березницкий, С. В. Материалы по культуре народов Восточной и Северо-Восточной Азии : этногр. исслед. 2000–2001 гг. / С. В. Березницкий // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 450. – 311 л.
8. Березницкий, С. В. Материалы по культуре бикинских и хорских удэгейцев : этногр. исслед. 2002 г. / С. В. Березницкий // Арх. ИИАЭ ДВО РАН. Ф. 1, оп. 2, д. 522. – 401 л.
9. Липская, Н. А. Предания и сказки орочей Тумнина / Н. А. Липская // Арх. ИАЭ РАН. Ф. 5, оп. 5, д. 56. – 83 л.
10. Старцев, А. Ф. Материальная культура удэгейцев (середина XIX – 70-е гг. XX в.) / А. Ф. Старцев. – Владивосток, 1975 // Арх. ДВО РАН. Ф. 13, оп. 1, д. 45. – 166 л.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Арсеньев, В. К. Сквозь тайгу / В. К. Арсеньев. – М. : Географиздат, 1949. – 404 с.
2. Артемьев, А. Р. Памятники буддийской культуры XV в., открытые первопроходцами: проблемы интерпретации тогда и сегодня / А. Р. Артемьев // Взаимоотношения народов России, Сибири и стран Востока: история и современность : докл. Второй междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. Н. Е. Кутищев; Тэгү, Иркутск. гос. пед. ун-т. – М. ; Иркутск, 1997. – Кн. 1. – С. 264–271.
3. Артемьев, А. Р. Буддийские храмы XV в. в низовьях Амура / А. Р. Артемьев. – Владивосток : ДВО РАН, 2005. – 202 с.
4. Березницкий, С. В. Священные скалы орочей и удэгейцев / С. В. Березницкий // Четвертая Дальневосточная конференция молодых историков : докл. и тез. – Владивосток, 1996. – С. 34–35.
5. Березницкий, С. В. Мифология и верования орочей / С. В. Березницкий. – СПб. : Петерб. востоковедение, 1999. – 208 с.
6. Высоцкий, К. К. Над головой – тайга / К. К. Высоцкий. – Хабаровск : Кн. изд-во, 1973. – 208 с.
7. Мичи, А. Путешествие по Амуру и Восточной Сибири А. Мичи с приб. статей из путешествий Г. Раде, Р. Мака и др. / А. Мичи ; пер. с нем. П. Ольхина. – СПб. ; М. : Изд-во книгопровадца-типографа М. О. Вольфа, 1868. – 351 с.
8. Сем, Ю. А. Космогонические представления нанайцев. «Верхний мир» / Ю. А. Сем // Религиоведческие исследования в этнографических музеях : сб. науч. тр. / отв. ред. Б. В. Иванов. – Л., 1990. – С. 114–128.
9. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков : материалы к этимол. слов. / отв. ред. В. И. Цинциус. – Л. : Наука, 1975. – Т. I. – 672 с.
10. Эдельштейн, Я. Северный и Средний Сихотэ-Алинь / Я. Эдельштейн // Изв. ИРГО. – СПб., 1905. – Т. 41, вып. I. – С. 195–233.
11. Яхонтов, К. С. Книга о шаманке Нисань / К. С. Яхонтов. – СПб. : Петерб. востоковедение, 1992. – 147 с. – (Фольклор народов Маньчжурии ; вып. 1).

Духи перевалов

Татьяна МЕЛЬНИКОВА,

главный хранитель Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова

В 1978 году члены туристского клуба «Баджал» из Комсомольска-на-Амуре отправились в лыжный переход по маршруту: поселок Аян – поселок Нелькан и посвятили его 80-летию со дня рождения писателя, геодезиста Г.А. Федосеева. Путь в 345 км они преодолели за 16 дней. Туристы вышли на маршрут 3 ноября 1978 года от Аяно-Майского райкома комсомола в селе Аян. Пришли в Нелькан 20 ноября. Хребет Джугджур переваливали по самому опасному и трудному перевалу – Казенному. Накануне штурма очень переживали: «Завтра будет денек не из легких»¹. Участник похода Валентин Балыков успокаивал товарищей: «Охотники здесь бывают, а олениводы, а те, кто первыми проложил путь из Якутска к морю?»²

Вот дневниковые записи 9 ноября 1978 года под говорящим названием «Джугджур гневается»: «Идти по дну ключа уже небезопасно. Прямо над распадком огромный наддув снега (козырек), виден огромный лоток и вынос массы снега. Одна из лавин уже сошла, и готов козырек для следующей. Выбрали правый склон по ходу движения. Склон наветренный. Под ногами камни и плотные наддувы снега. Медленно, шаг за шагом поднимаемся все выше и выше. Рюкзак всей тяжестью старается опрокинуть тебя, ему помогает ветер. Неосторожное движение, и ты теряешь равновесие. Не окажись страховки – загремишь вниз. Крутизна склона достигает 40–50 градусов. Перед самым перевалом круто забираем вправо и обходим карниз для большей надежности. И здесь со всей силой обрушивается на нас Джугджур. Его дыхание становится невыносимым, минутное промедление – и щеки обморожены, глаза слепит снег. Единственное спасение – маска на лице. Впереди ничего не видно. Неистовый, пронизывающий ветер. Под ногами твердый, почти заледенелый наст»³.

Однако перевал был преодолен: «Ура! Мы на перевале! Вот она, священная чаша с дарами: монеты, патроны, гильзы и маленький деревянный крест. Оставляем и мы свои дары»⁴.

Откуда пошла традиция оставлять на перевалах «подарки» и кому они предназначались? Коренные жители этих мест эвенки регулярно делали жертвоприношения духам-хозяевам природы и конкретных территорий.

По представлениям верхнебуреинских и тугуро-чумиканских эвенков духом Дюгдюрского перевала через Джугдюрский хребет был старик-эвенк Дюгдюр – «высокий и сутулый». В легенде «Красавица Катэ и ее отец Дюгдюр» говорится: «Прежде чем перейти через перевал, каждый путник обязательно делал какой-нибудь подарок перевалу, иначе будет плохо, постигнет неудача»⁵.

На перевалах, где кочевали эвенки, были места – дерево или каменная чаша, куда клали жертвоприношения. «Может, верхнему богу, – сказал мне в 1993 году эвенк Савелий Николаевич Симонов, – может, духу перевала». Так, на перевале с Джаны на Маймакан, который в детстве с родителями он не раз и не два переваливал, они вешали тряпочки, клали монетки, еду, сигареты, спички (ПМА. 1993 г., от Симонова С.Н.).

На перевале через Джурджур от Керана на Маймакан стояла лиственница. На нее «и золото вешали, и книги, одеколоны, духи, приемники, деньги. Трогать было нельзя. Даже геологи знали и соблюдали этот обычай эвенков, тоже вешали», – вспоминал З.Г. Чепалов. Однажды Захар Гаврилович ехал через перевал с кинемехаником, так его попутчик повесил на дерево несколько журналов «Советский экран». «Тоже хороший подарок», – выразил свое мнение мой собеседник (ПМА. 1993 г., от Чепалова З.Г.). Лиственница, на которую эвенки вешали дары духу-хозяину, росла и на Торомском перевале – в сторону реки Тыл (ПМА. 1993 г., от Катаевой Е.А.).

Если срубить священное дерево перевала, то, по представлениям эвенков, сразу «одуреешь» – «с головой плохо станет», а если уснешь под ним (под ним можно спать), то увидишь сон о будущем (ПМА. 1993 г., от Чепалова З.Г.).

Эвенки верховьев Зеи, проезжая Яблонный хребет, тоже оставляли в «святых местах» различные дары, чем старались задобрить духов, чтобы они помогли благополучно перебраться через вершины⁶.

Сегодня и мы, вслед за эвенками, благодарим духов-хозяев перевалов. Удивлены? Вспомните дерево на перевале после затяжного подъема на трассе Хабаровск–Владивосток. Оно все расцвечено разноцветными ленточками. Признаться, дорогой читатель, среди них есть и твоя...

Информанты:

1. Катаева Е А, 1927 г. р., с. Удское.
2. Симонов Савелий Николаевич, 1950 г. р., с. Тором.
3. Чепалов Захар Гаврилович, 1926 г. р., с. Неран.

«Дары» на перевале Казенном.

Фото из фондов ХККМ им. Н.И. Гродекова

Литература:

1. Дзевенис, А. А. Фольклор и обычаи эвенков, проживающих в верховьях Зеи / А. А. Дзевенис // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск, 1961. – Т. 5. – С. 78–87.
2. Клуб «Баджал»: отчет о лыжном походе V категории сложности по Джугдзюру. – Комсомольск н/А, 1978 // Фонды ХККМ.
3. Полевые материалы автора (ПМА). Экспедиция в Тугуро-Чумиканский район Хабаровского края, 1993 г.
4. Сказки эвенков Верхней Буреи / сост. Л. И. Шкурченко. – Хабаровск: КНОТОК, 2005. – 38 с.

Примечания:

- ¹ Клуб «Баджал»: отчет о лыжном походе V категории сложности по Джугдзюру. – Комсомольск н/А, 1978 // Фонды ХККМ, л. 31.
- ² Там же. – л. 31.
- ³ Там же. – л. 32.
- ⁴ Там же. – л. 32.
- ⁵ Сказки эвенков Верхней Буреи / сост. Л. И. Шкурченко. – Хабаровск, 2005. – С. 12–13.
- ⁶ Дзевенис, А. А. Фольклор и обычаи эвенков, проживающих в верховьях Зеи / А. А. Дзевенис // Записки Амурского областного музея краеведения и общества краеведения. – Благовещенск, 1961. – Т. 5. – С. 80.

Белая гора со стороны с. Макаровка

Легенды Белой горы

Елена ГЛЕБОВА
Хабаровск

Если идти берегом Амурского лимана от поселка Пуир до Макаровки (это Николаевский район Хабаровского края), ровно на половине пути вас встретит Белая гора. Именно так называют местные жители каменистую сопку, поросшую кедровым стлаником, с вершины которой прямо к соленой воде лимана словно бы стекает водопад белых камней. Говорят, что Белую гору хорошо видно даже с противоположного берега. А там, как известно, остров Сахалин.

Покой Белой горы время от времени нарушают путники. То макаровские ребята за хлебом в Пуир отправляются, то пуирские родственники решают навестить своих в Макаровке. Дорога, если не особо спешить, занимает часа два, что по здешним меркам совсем немного. Иногда на влажном песке можно разглядеть медвежьи следы: лесные жители тоже идут по своим маршрутам. Вода выбрасывает на берег причудливые камни, и на их глянцевой поверхности просматриваются пейзажи, похожие на те, что окружают тебя в данный момент. Или таинственные письмена, в которых, быть может, сама природа зашифровала легенды здешних мест. Например, о Белой горе.

На семи ветрах

Белая гора разделила когда-то амурский берег на две половинки. В Пуире жили нивхи (сегодня, конечно, население смешанное), в Макаровке – переселенцы из российских губерний, Мордовии и Белоруссии. Надо сказать, что никто не ходил со своим уставом в чужой монастырь, а как-то гармонично дополняли друг друга. Скажем, в Макаровке выращивали картошку, а нивхи с Пуира и ближайших островов обменивали ее на красивые покрывала, отрезки ткани. Об этом вспоминала Анна Ивановна Моисеенко, для которой Макаровка не только родина, но и самое красивое место на Земле. И хотя сегодня она живет в Пуире, ей хорошо знакома дорога от одной половинки Белой горы к другой.

Пуир, как и многие амурские селения, стоит прямо на берегу реки. Его необычное название в переводе с нивхского звучит как «сильный ветер», «место сильных ветров». Словом, на семи ветрах, что вполне соответствует действительности. Ветер в Пуире дует всегда, и такое ощущение, что одновременно со всех направлений. Но для местных жителей он так же естественен, как закаты и восходы над Амуром.

Пуир – поселок гостеприимный. Я вспоминаю теплый дом Натальи и Сергея Рудых, приютивших меня на время командировки. Поразила искренняя, непоказная любовь к родным местам. Сергей приехал в Николаевский район уже после службы в армии, а Наталья родилась в Пуире и, не считая нескольких лет учебы в Комсомольске-на-Амуре, жила здесь всегда. Человек творческий и активный, Наталья Рудая была автором и вдохновителем многих праздников, проходящих в Пуире, а в последние годы ее избрали на пост главы администрации поселка. Наталья Рудая – русская, но это не мешает ей хорошо знать жизнь и обычаи своих ближайших соседей-нивхов.

Я благодарна также Эмме Николаевне Кечиной, жительнице Пуира, мастерице, предоставившей для нашего журнала уникальные фотографии из своего семейного

Пуир

альбома, которым бы, наверное, позавидовал любой краеведческий музей. Низкий поклон Анне Ивановне Моисеенко, о которой я уже говорила в начале статьи, за ее уникальную память и любовь к северным народам. А также всем, кто щедро делился своими воспоминаниями.

Маленький рай Макаровка

Вторая половинка берега, разделенная Белой горой, – деревня Макаровка. Дорога, ведущая к ней, сплошь заросла крупным шиповником, и в начале лета аромат роз смешивается с морским воздухом. Здесь непривычно тихо, словно бы Белая гора запретила ветру врываться в Макаровку, а климат мягкий и благоприятный для сельского хозяйства. Правда, иллюзию рая разрушают пустующие дома. К сожалению, когда-то процветающая деревня попала в разряд вымирающих. Но ниточка пульса все равно пробивается. Не так давно зарегистрирована национальная семейная община, во время школьных каникул деревню наполняют детские голоса, а каждую весну в небольшой дом окнами на лиман приезжает старожил здешних мест бабушка Панак. Возвращается из городской квартиры дочери в любимые места и живет здесь вплоть до самых холодов.

Макаровке как славянскому поселению, наверное, около ста лет, а может, и больше. Нивхи жили здесь еще раньше, но, как рассказывала бабушка Панак своей дочери Марине, к слову, кандидату наук, преподавателю нивхского языка в Николаевском-на-Амуре педагогическом училище, маленькое стойбище стали одолевать злые духи, и люди покинули обжитое место. А вот русских и мордвы эти напасти не коснулись. Напротив, макаровская земля оказалась благодатной и плодородной. Впрочем, какие только события не происходили на этом отрезке берега Амурского лимана, каких только людей не было в здешних местах!

Бабушка Анны Ивановны Моисеенко рассказывала, что еще до 1920 года в Макаровке жил одинокий старый эстонец по фамилии Муц – бывший каторжанин. В 1920-х годах здесь находились японские военнопленные, строили дома-временки. За мысом располагался их барак. Здесь же они ловили рыбу.

Макаровка 1930-х годов считалась селом крепким, благополучным, и об этом говорит тот факт, что нигде в ближайших окрестностях – ни в Пуире, ни на острове Байдукова и других небольших поселениях – не было школ. Только в Макаровке. Сюда привозили детей учить грамоте. В 1938 году в классе насчитывалось 60 ребят и на всех один учитель. Среди тех школьников была и наша Анна Ивановна Моисеенко. Ее отец во время Великой Отечественной работал председателем сельсовета, позднее – председателем колхоза. Он слишком много сил отдавал работе и завершил земной путь слишком рано – в 53 года. Анна Ивановна к тому моменту уже закончила педучилище (между прочим, она стала первой из Макаровки, кто получил такое образование, обычно четыре класса – и все), работала в Аяно-Майском районе, но после смерти отца вернулась в Макаровку к матери и младшим сестрам и братьям.

Макаровка была в основном русским селом, и только в 1952 году произошло объединение с нивхами, часть которых переселилась с острова Байдукова. Так переплелись два мировоззрения, два образа жизни, что, впрочем, не привело к растворению одной культуры в другой.

Бабушка Панак, к примеру, всегда жила по традициям своих предков. Даже когда ее стали называть на русский лад – баба Пана. Она родилась на острове Меньшикова (в те времена, конечно, название острова было нивхским), где сегодня остался только маяк. Еще маленькой ее увезли в село Коль-Никольск. Здесь она жила долго, осиротела и перешла на воспитание к деду с бабушкой. Во время войны работала в колхозе: рыбачила, сено косила. Приходилось очень трудно, хлебные карточки особо не спасали, да еще и рыбы в 1942 году как назло практически не было. Но ловили на море нерпу, и это здорово выручало. А когда война закончилась, стало легче. Правда, опять появились талоны – теперь уже на промышленные товары. В 1947 году бабушка Панак купила цинковую ванночку, в которой купала только что родившегося сына. Эта реликвия до сих пор хранится в ее старом макаровском домике, а бабушка Панак мечтает, что вот женится ее внук Андрей и будет купать в ней своих ребяткишек.

А.П. Потак с сыновьями Юрой и Геней. Макаровка, 1960

Бабушка Панак...

... и ее внук Андрей

Память Белой горы

Места на Нижнем Амуре и дальше по побережью вдоль Амурского лимана, где мне посчастливилось побывать, уникальны по своей красоте. Это подтвердят художники, кто приезжал сюда на этюды и чьей палитры порой не хватало, чтобы выразить истинный цвет неба и воды, передать ощущение ветра. И в центре этого пространства – Белая гора. С ней связано немало легенд и преданий, и все же такое чувство, что свои главные тайны она хранит где-то глубоко внутри.

Белая гора со стороны Пуира

Одна из легенд рассказывает о том, что когда-то очень давно в Белой горе жили нивхи. Она служила им надежной защитой от постоянных набегов воинственных айнов. Наука это тоже подтверждает: ученые установили, что еще в XII веке айны боролись за эти территории с нивхами, которые, не будучи кочевниками, не желали оставлять насиженных мест. Так вот Белая гора, по легенде, представляла собой что-то вроде подземного стойбища с прорытыми ходами. Как только наступал момент опасности, нивхи укрывались в сопке, причем дымоходы из подземных жилищ выводили далеко в тайгу, и со стороны казалось, что Белая гора просто окутана туманом. Айнские воины, таким образом, предполагали, что враг далеко, и попадались в ловко расставленные сети.

Анна Ивановна Моисеенко вспоминала, что в 1960-е годы неподалеку от Белой горы разбушевавшаяся природа выворачивала с корнями вековые деревья. Таким образом открывались большие пласты земли, где стали находить предметы нивхской культуры – черепки, наконечники стрел, посуду и прочее. Директор школы в поселке Пуир, человек, очень увлеченный краеведением, вместе со старшеклассниками специально отыскивал эти археологические редкости и даже сделал небольшой школьный музей. Эти экспозиции хорошо помнит и Марина Тэмина, дочь бабушки Панак, которая училась в пуирской школе уже в 1970-х годах. К сожалению, позднее уникальная коллекция древней нивхской культуры была утеряна: видимо, новый директор школы не слишком о ней радел.

Другие легенды Белой горы тесно связаны с сахалинской каторгой. По одной из версий, каторжники с Сахалина бежали зимой и укрывались опять же в Белой горе, где уже существовало тайное «стойбище» с его ходами. По другой версии, в этом укрытии беглых поджидали сами нивхи и, поймав каторжан, сдавали их властям за 25 золотых. Беглых называли варнаками (у аборигенов это слово ругательное), и потому сострадание и помощь исключались. Причем опять срабатывал эффект дымоходов: выведенные глубоко в тайгу, они создавали видимость пустынного берега. Ничего не подозревавшие беглецы попадали прямо в руки нивхов.

Не исключено, что эти легенды могут основываться на реальных событиях. И побег с острова Сахалин не такая уж невозможная вещь. Дело в том, что между Сахалином и районом нынешнего Де-Кастри проходил большой торный путь (сейчас мы бы назвали его «зимником»), который связывал аборигенов Приамурья и айнские племена. Об этой древней дороге, связывавшей Сахалин и Приамурье, впервые заговорил известный российский естествоиспытатель и путешественник Александр Федорович Миддендорф, составивший естественноисторическое описание Северной и Восточной Сибири и Дальнего Востока. В 1845 году он совершил большое и достаточно опасное путешествие к берегам Охотского моря и посетил низовья Амура.

Словом, много загадок, которые укрывает Белая гора. Но главное, что легенды, связанные с ней, – живые. Их рассказывают представители самых разных поколений, формируя таким образом уникальный пласт памяти. Возможно, именно он и питает корни Большого Древа здешних мест.

Гиляцкий летник

Центр этнического мироздания

Сергей СКОРИНОВ
Хабаровск

СКОРИНОВ Сергей Нестерович, доктор культурологии, кандидат исторических наук, доцент, первый заместитель министра культуры Хабаровского края.

В 1980 году закончил филологический факультет Комсомольского-на-Амуре государственного педагогического института, в 1991-м – исторический факультет Хабаровского государственного педагогического института.

С 1991 по 2001 годы являлся преподавателем, заведующим кафедрой теории и истории культуры Хабаровского государственного педагогического университета. Основные направления научной деятельности – культурология, этнология, мифология, обрядовая культура, история и культура тунгусо-маньчжуров и нивхов Дальнего Востока России. Опубликовал 49 научных и учебно-методических работ, в том числе 2 монографии, 4 учебных пособия.

Мифы и ритуалы домоустройства нивхов

Мифология и обрядность домоустройства являются одной из важнейших составляющих элементов культуры любого когда-либо существовавшего на нашей земле человеческого сообщества, потому что в них в своеобразной кодированной знакосимволической форме выражается как древнейшее, так и инновационное космовидение человека, его понимание прошлого, настоящего и будущего.¹ В мифах и ритуалах домоустройства безусловно проявились все самые ценные смыслы человеческого бытия: дом, домашний очаг, тепло, кров, пища, рождение, любовь и т. п. Домоустроительные мифы и ритуалы – это еще один из древнейших способов человеческого обживания мира природы, создания культурной среды обитания и гармонического социального общежития. Несомненно, что они есть и результат конкретных условий этнического местораз-

¹ В этом отношении примечательна оценка Л.И. Шренком нивхского домоустройства. По его мнению, еще в середине XIX века нивхи сохраняли свои первобытные жилища и постройки и до известной степени сами могли быть «приравнены – зимой к жителям пещер или троглодитам, а летом к людям свайного периода.» По европейской научной традиции их можно отнести ко времени принадлежащему «к далекому прошлому, к... доисторическому». С учетом данного высказывания можно, по всей видимости, утверждать, что анализируемая нами домоустроительная мифология и обрядность нивхов сохранила достаточно древнюю мифосимволику.

вития: природно-климатических, международного окружения и культурного взаимодействия, хозяйственно-экономического опыта выживания и пропитания, практики «архитектурного» моделирования жизненного пространства, строительства и эксплуатации жилых построек.

В домоустройственной мифологии и обрядности среди других известных нам культов доминирующее положение, как нам представляется, занимал родовой культ, потому что жилище для всех народов, в том числе и нивхов, являет собой овеществленную идею центра этнического мироздания, единства и благополучия родового общежития. А материалы, из которых изготавливается жилище, есть не что иное, как строительный остов вселенной, ее первородные структурные элементы.

Предварительно необходимо заметить, что нивхи проводили ритуалы новоселья в летнем доме² (в отличие от зимнего) по упрощенной схеме. Об этом еще свидетельствовал Е.А. Крейнович. Поэтому основное наше внимание хотелось бы сосредоточить на мифах и ритуалах обустройства зимнего жилища.

Мифы и ритуалы домоустройства нивхов можно условно разделить на два мифоритуальных комплекса:

1. Мифоритуальный комплекс, связанный с созданием и обустройством сакрального центра родового сообщества. Основную роль в нем играли так называемые профилактические магические ритуалы, цель которых – оградить весь род и каждого из сородичей от злокозненных сил враждебных существ.

2. Мифоритуальный комплекс, связанный с продуцирующей магией и обрядностью, которые должны были обеспечить сохранение, благополучие, деторождение и милость божеств – покровителей рода.

В первом мифоритуальном комплексе необходимо обозначить несколько составных сюжетных частей.

Во-первых, это **мифы и ритуалы выбора места размещения жилища**, которые представляют собой совокупность профилактико-продуцирующих магических текстов и действий. Как правило, нивхи с этой целью проводили гадание и по следам, оставленным на муке или других сыпучих веществах, рассыпанных на предполагаемом месте закладки дома, определяли возможность поселения на нем. Считалось, что если наутро будет запечатлен след человеческой ноги или вообще не будет никакой отметины, то место выбрано хорошее, если же обнаружат след руки или звериных лап, то это плохая примета, и поэтому следует срочно переменить месторасположение жилища.

Во-вторых, это **мифы и ритуалы – обереги дома**. Было принято при установке основных несущих конструкций жилища – столбов – в землю класть под них обереги: шиповник и кремь. Шиповник уберегал от злого духа – *милка*, а кремь придавал прочность столбам и защищал от поселения в них демонов. Иногда в строящееся жилище втыкали топор, лезвие которого направляли в сторону входа. Это магическое действие было призвано предохранить дом от проникновения в него того же вредоносного черта.

В-третьих, **мифы и ритуалы, связанные с окончанием строительства и освящения дома**. Они, судя по

их описанию Л.Я. Штернбергом, структурно включали в себя два сюжетно-образных компонента.

Первый заключался в том, что по окончании сооружения нового дома нивхи устанавливали по обеим его сторонам (спереди и сзади) по одной палке и между ними протягивали нитку, на которую затем навешивали изображения солнца и луны. Впоследствии данная конструкция ими не возобновлялась. Мифосмысл этого магического ритуала не вполне ясен. Вероятно, данная конструкция должна была олицетворять модель нивхской вселенной, центром которой и являлось их родовое жилище. Таким образом, у нивхов, как, впрочем, и у других народов, жилище – своеобразный микрокосм, малая родовая вселенная. А этот ритуал, наверное, должен был знаменовать факт нового возрождения микромира родового сообщества, подобного естественным и вечным законам природного самообновления.

Второй, по-видимому, тесно был связан с магией и ритуалом приглашения в дом его духа-хозяина – *Тыв ыза* и зажжения домашнего очага или очагов. По представлению нивхов, «настоящий хозяин» обыкновенно бывает спрятан под землей». И для того чтобы он поселился в доме, нивхи-домочадцы устраивали ему жертвоприношение. С этой целью по окончании строительства жилища готовили «пищу богов» – *мос* (ритуальное блюдо, основной компонент которого – рыба-кожа), ягоду, кашу из риса или пшена, а также варево из рыбы-линька или головы кеты и многие другие угощения.

Обязательно в жертву приносили собаку, причем неважно, какой масти. Количество жертвенных собак варьировалось от одной до четырех. Примечательно, что когда строился особой значимости и почитаемости так называемый родовой «священный дом», предназначенный для проведения медвежьих праздников, то обязательно было принято устраивать ритуальное убийство медведя, желательно специально для этой цели вскормленного. Если же не удавалось по каким-либо причинам добыть медведя, то в жертву приносилась собака черной масти. Она, по словам нивхов, «все равно как медведь».

Жертвенных собак убивали ритуальным способом, задушив на передних углах вновь построенного дома. Череп и лапы таких собак подвешивали снаружи над дверью или зарывали под порог, и они служили оберегами от демонических сил.

Ритуалы кормления хозяина дома Тыв ыза и других домашних духов-покровителей подробно описаны Л.Я. Штернбергом и Е.А. Крейновичем. Обобщая их материалы, можно выделить следующие ритуальные действия. Во-первых, подготовительные ритуалы, а именно: приготовление жертвенных блюд; изготовление на четырех вертикальных столбах антропоморфных изображений (утверждалось, что это были две мужские и две женские личины); круговое обвязывание длинной нитью жилища, образующее внутренний настил крыши, называемое – *не зихнд*; подвязывание на поперечных стропилах дома изготовленных специально для этих целей стружек – *инау*; установление в очаге трех небольших елочек и т. д.

Во-вторых, непосредственное исполнение самого ритуала кормления духов-хозяев жилища. Он состоял из следующих элементов: кормления кровью собачьего сердца несущих столбов с антропоморфными изображениями; кормления жертвенными блюдами четырех углов, всех столбов, поперечин дома, а также тех мест, где, по представлению нивхов, мог обитать *Тыв ыза* – это или под

² По описанию Е.А. Крейновича, летнее жилище не имело ни пола, ни потолка. Первый заменяла земля, второй – крыша из коры. Внутри жилища было трое нар – двое продольных, идущих вдоль боковых стен, и поперечные – вдоль задней стены. В пространстве между нарами был расположен квадратный очаг, состоящий из четырех толстых досок, внутри которых насыпали песок. На песке был разложен костер.

Гиляцкий покойник в юрте

одним из столбов, либо под камнем, или под куском чугуна; жертвоприношения хозяйке порога; угощения духов-покровителей «паром» жертвенных блюд; кормления духов земли, для чего рылись три ямки и туда укладывали жертвенный *мос* и другие ритуальные блюда, предварительно завернутые в *инау*; окуривания жилища дымом багульника, как думали нивхи, очень приятного для родовых духов и божеств.

В-третьих, необходимой частью ритуала кормления являлось произнесение кратких просьб-молитв к духам-хозяевам дома, огня и другим покровителям рода и каждого сородича.

В-четвертых, угощение «пищей богов» всех единокровцев и чужеродцев, приглашенных на общеродовой праздник новоселья.

Исследователи обрядовой культуры не зафиксировали у нивхов отдельного **ритуала зажжения огня домашнего очага**. Наши респонденты также затруднялись ответить на этот вопрос. По-видимому, самостоятельного ритуала возжигания домашнего очага уже к концу XIX века не существовало. Но в то же время его фрагменты были включены в **мифоритуальный комплекс «кормления дома»**, который в свою очередь состоял из следующих элементов:

- во-первых, ритуалов выбора места для очага и его сооружения;

- во-вторых, ритуала, называемого нивхами *к'ласинд*, что означает «дно класть». Согласно ему в середине очага, поближе к задней раме раскапывалось место – *эврф*. В него клали веточку ели, стружки – *инау*, а сверху – *мос*. Все это затем засыпалось песком;

- в-третьих, непосредственного исполнения ритуала кормления домашнего очага. С этой целью *мос* клали в *пишу* *эспф* – место, куда во время медвежьего праздника

втыкали елочку, имеющую особое название *пишу*. Затем студнем слева направо обмазывали углы и раму очага;

- в-четвертых, церемонии зажигания огня родовым огнивом;

- в-пятых, ритуала жертвоприношения хозяевам огня с произнесением к ним просьб-молитв. По некоторым версиям считалось, что в огне ближе к входу находилась его хозяйка – *Т'уз'р мам*, а за огнем – хозяин *Т'уз'р ыз*;

- в-шестых, ритуала установления трех елочек у очага и тайного их сжигания глубокой ночью. Эти деревца перевязывались между собой двумя саранками и травой – пучкой. Интересно, что, по мнению Л.Я. Штернберга, такую повязку нивхи называли «маленький медведь», а по Е.А. Крейновичу – «изображениями медведей».

Второй мифоритуальный комплекс составляли различного рода магические тексты и обряды, направленные на изгнание нечистой силы, поселившейся по каким-либо причинам в доме-новостройке. Ритуалам предшествовала гадальная магия. С закатом солнца накануне освящения жилища в дом тайно проникал «надежный человек» и внимательно наблюдал за приметами. Если он на рассвете слышал какой-то треск или замечал ярко-светлое сияние, то это считалось хорошим предзнаменованием для проведения праздничных церемоний новоселья. Если же во время заката раздавался треск и виделось багровое сияние, то такие приметы указывали на то, что в доме поселился не «настоящий хозяин», а *кинс* – злой дух.

В магическом ритуале изгнания демонических сил, как правило, принимал участие шаман. Этот ритуал обычно проводился так. Из травы делали фигуру и устанавливали на трех ногах в центре дома. Куклу за шнур держал человек, в его свободной руке находилась дубинка. Задача шамана и всех участников этого магического действия заключалась в том, чтобы загнать нечистую силу в травя-

ную куклу. Поэтому шаман и его духи-помощники «гонялись за чертом» до тех пор, пока он не прятался в кукле. Сигналом была неожиданно появляющаяся дрожь в руке человека, держащего за нить куклу. И тогда начиналось избиение дубиной злого духа до тех пор, пока он не выйдет через порог дома. Об этом должна свидетельствовать сама кукла, повернувшись своей головой в сторону двери. Сразу же следующим вечером после выдворения незванного гостя шаман проводил обряд приглашения «настоящего хозяина» дома, сопровождавшийся обильными жертвоприношениями духам – покровителям рода.

К мифам и ритуалам домоустройства следует отнести и ежегодно проводимые нивхами *ритуалы кормления духов – хозяев дома, огня, порога и других родопокровителей*. Обычно это происходило осенью, когда нивхи переселялись из летних жилищ в зимние и возобновляли в нем очаг. Вначале его очищали, снимали верхний слой глины и насыпали новый, потом родовым огнем зажигали огонь. Приносились жертвоприношения, укладывались священные *инау*, устанавливались три елочки, а потом тайком от непосвященных в это таинство домочадцев они сжигались. Иногда в то время, когда все ложились спать, жертвенные угощения бросались через отверстие на крыше вверх, причем делали это по очереди то женщины, то мужчины. В другой раз эти ритуалы кормления хозяев дома проводились по усмотрению старейшин рода.

Ритуалы кормления и очищения дома, огня в полном объеме или в качестве отдельных фрагментов исполнялись в самые ответственные моменты родового бытия в мифическое время испытания. Например, во время проведения похоронных и поминальных обрядов. Так, вслед за покойником выносили подметенный мусор, золу из очага. Сразу же после выноса тела у порога в пол вбивали какой-нибудь острый предмет, например: кусок кремня или чугуна, которые должны были служить оберегами от разного рода чертовщины. Кроме того, под карнизом крыши дом обвязывали веревкой, что должно, по мнению нивхов, укрепить устои родового сообщества, символом которого и являлся дом, а также предохранить от проникновения в него нечистой силы. Отметим, что данные обряды профилактической и продуцирующей магии совершали не только нивхи и соседние с ними тунгусо-маньчжурские народы, но и другие аборигены Сибири.

Кроме того, ритуал кормления огня и очистки очага совершался и после родов. Во время проведения промысловой обрядности всеми нивхами осуществлялись ритуалы кормления хозяев огня. Им жертвовали в качестве дара листик табака, сладкий корень и т. д. Нивхи полагали, что охотнику, находящемуся на промысле, обо всем, что происходит дома, сообщает хозяйка огня. Можно предположить, что огонь охотничьего очага, костра являлся не чем иным, как одной из ипостасей единого родового огня, посредником между человеком и горно-таежным миром. Отсюда такое бережное отношение к нему нивхо-охотника. По мнению Ч.М. Таксами, нивхи-охотники относились уважительно к огню еще и потому, что считали его хозяина способным оказывать помощь на охоте. Если хозяин огня не убил для охотника никого, пока тот спал, то и охотник ничего не добудет. Поэтому-то нивхи своей жертвой и подкрепляли силу хозяина огня, чтобы он мог обеспечить им удачную охоту.

Некоторые обрядовые фрагменты медвежьего праздника также можно соотнести с ритуалами домоустройства. Так, например, у нивхов Амура и западного побережья

Сахалина перед устройством самого праздника практиковалось введение и содержание в течение нескольких дней медведя в «священном доме» (*уйг'лан' дыф*). Своим присутствием в нем медведь оберегал родовое сообщество от нечистой силы;

Финальное мифообрядовое действие последней «прогулки» медведя – ритуал обведения зверя вокруг дома его хозяина *таф тагавид* – буквально означал «оказывать жилище». Он заключался в том, что медведя трехкратно обводили вокруг жилища хозяина. Перед этим заблаговременно из дома удалялось все живое: люди, животные, птицы. Только старейший рода, по сведениям Л.Я. Штернберга, оставался в сенях жилища и каждый раз, как только медведь оказывался напротив входа, длинным шестом с несрезанной кроной ударял его по боку так сильно, что шест ломался. При этом старик не забывал произносить ласковые слова медведю. По свидетельству Ч.М. Таксами, старик-хозяин во время проведения данного ритуала держал один конец веревки, а другой конец был в руках одного из его сыновей. Мифосмысл данного действия, по всей видимости, заключался в укреплении устоев рода, связи поколений, получении благорасположения хозяина тайги для всего родового сообщества, охранении дома и его домочадцев от всевозможных разрушительных демонических сил. По Е.А. Крейновичу, после проведения данного обряда такой дом становился священным – *пал рафом*.

Обобщая этот материал, необходимо констатировать, что нивхские мифы и ритуалы домоустройства, а точнее, те их сюжетно-композиционные фрагменты, сохранившиеся и зафиксированные этнографами в конце XIX – середине XX веков, являются важнейшим культурным наследием народа. Они в особой символической форме донесли до нас информацию об историческом прошлом нивхов, их культуре. Однако эта информация настолько специфична, что, наверное, не может быть расшифрована лишь с помощью научной интерпретации. Нужны другие методы ее декодирования.

Но уже сегодня можно сказать, что домоустроительная мифология и обрядность зародились в глубокой палеолитической древности как результат контаминации первичных мифологических представлений и обусловленных ими ритуалов поклонения земле, огню, небу, а также анимистических идей о душе человека, одухотворении всего видимого и невидимого мира этнобытия. Они также свидетельствуют о тесных культурных контактах нивхов с соседними народами, что находило свое непосредственное отражение в домоустроительных мифотекстах и ритуальных действиях.

Жизненное пространство современных нивхов

Современное нивхское домоустройство коренным образом отличается от традиционного. Изменения произошли под непосредственным влиянием русской культуры. Русские бревенчатые однокамерные дома, начиная с конца XIX века, получили признание у нивхского населения, и уже в период коллективизации в конце 20–30-х годов XX века этот тип жилища стал преобладающим. На нивхском языке данное строение получило название *юрх'у тыф* или *лоча тыф*, что в переводе означает «русский дом».

К 80-м годам XX в. нивхи стали проживать в деревянных и каменных домах, представляющих собой типичные

Гиляки в зимнем одеянии

постройки для городской и сельской местности. Переход в новый тип жилища, а в большей степени изменения в хозяйственной и мифоритуальной практике, повлекли за собой прекращение строительства и использование в жилых целях традиционных типов строений – летников *ке тыф*.

Изменился и интерьер нивхского дома. По свидетельству Ч.М. Таксами и наших респондентов, широкое распространение, начиная с 50-х годов XX века, получило среди нивхов сооружение перегородок в однокомнатных квартирах, отгораживание кухни, что свидетельствовало о новом пространственном мифомышлении и усилении личностного фактора в семейных отношениях.

В 1950–80-х годах нивхи приобретали в магазинах мебель фабричного изготовления. Предметы старинной обстановки сохранялись лишь в отдельных домах, особенно в семьях, проживавших в старых селениях. Это дощатые нары, низкие столы, подвесные колыбели, продольные жерди над печью для сушки одежды, старинная посуда и различные предметы домашнего обихода.

Важные изменения произошли и в обрядовой практике, связанной с мифологией домоустройства. Это находит свое отражение в ритуалах праздника новоселья. По сравнению с традиционной обрядностью они проводятся в упрощенной форме и носят светский характер. Главная мифоидея этого обряда, по мнению нивхов-респондентов, заключается в выражении своей радости по поводу важного события в жизни семьи и желании разделить ее вместе с родственниками, друзьями и теми, кто непосредственно причастен к строительству или предоставлению жилья. Обычно после вселения в дом или квартиру (чаще всего в первый вечер, что в основе своей восходит к

традиции) хозяева устраивают угощение. Гости и хозяева веселятся, поют, танцуют.

По сведениям нивхов-информаторов, в редких случаях им приходилось присутствовать при исполнении традиционных ритуалов, связанных с новосельем. Исполнителями их были старики. Они осуществляли ритуал кормления всевозможных хозяев дома, очага, порога, духов-покровителей, окуривали дом дымом багульника, произносили при этом краткие молитвы-просьбы. По их словам, такие случаи были часты в 1930–40-х и встречались еще в 1960-х годах. У некоторых представителей нивхской интеллигенции и стариков в доме имеются различные скульптурные изображения духов-покровителей. Так, по просьбе нивхинки Л.П.Семеновой в 1995 году была изготовлена скульптура духа-хранителя дома, по виду похожего на сэвэна. Своего «божка» дома имела и М.Н. Пухта, известный в Хабаровском крае специалист нивхского языка и культуры.

О необратимости произошедших изменений в области нивхского домоустройства и связанных с ним мифообрядовой практики могут свидетельствовать опубликованные П.В. Роговским статистические данные проведенных в 80-х годах социологических исследований среди нивхского населения Сахалина. Согласно им, 59,1% респондентов из числа нивхов Сахалина имели отдельные квартиры в многоквартирных деревянных домах, 22,4% – квартиры в многоквартирном кирпичном доме, отдельный кирпичный дом – 2,8%, в отдельных деревянных домах проживали 15,7% опрошенных нивхов. Примечательно в этой статистике то, что из всех респондентов никто не жил в этнических типах жилища, а пожелал иметь традиционное жилье лишь один человек.

Статистика зафиксировала доминирующую тенденцию среди нивхов 1980-х годов – их стремление независимо от уровня образования, возраста и пола иметь жилище с полным набором коммунальных удобств: водопроводом, канализацией, центральным отоплением, горячей водой и т. п. Сходная тенденция выявлена автором этой статьи в 1990-х годах и среди нивхов Хабаровского края в результате проведенных собеседований и опроса. При этом интересен тот факт, что лишь некоторая часть респондентов высказали в качестве пожелания предложение, чтобы в архитектуре, декоре, экстерьере и интерьере по возможности воспроизводились бы элементы традиционного оформления, орнамента, сохранялась бы в качестве эстетического оформления этническая специфика.

**Иллюстрации из книги Л. Шренка
«Инородцы Амурского края»**

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гаер, Е. А. Традиционная бытовая обрядность нанайцев в конце XIX – начале XX в. / Е. А. Гаер / Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР [и др.]. – М.: Мысль, 1991. – 126 с.
2. Крейнович, Е. А. Нивху: загадочные обитатели Сахалина и Амура / Е. А. Крейнович. – М.: Наука, 1973. – 495 с.: ил.
3. Нивхи Сахалина: современное социально-экономическое развитие / В. И. Бойко [и др.]; отв. ред. В. И. Бойко. – Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1988. – 221 с.: ил.
4. Таксами, Ч. М. Нивхи: современное хозяйство, культура, быт / Ч. М. Таксами. – Л.: Наука, 1967. – 272 с.
5. Таксами, Ч. М. Основные проблемы этнографии и истории нивхов, середина XIX – начало XX в. / Ч. М. Таксами; АН СССР, Ин-т этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. – Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1975. – 238 с.: ил.
6. Шренк, Л. И. Об инородцах Амурского края: в 3 т. / Л. И. Шренк. – СПб.: Акад. наук, 1883–1903. – Т. 1. – 1883. – 323 с.: ил.; Т. 2. – 1899. – 314 с.: ил.; Т. 3. – 1903. – 145 с.: ил.
7. Штернберг, Л. Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны: ст. и материалы / Л. Я. Штернберг. – Хабаровск: Дальгиз, 1933. – 778 с.

Охотники за удачей – духи коцали

Константин БЕЛЬДЫ

с. Троицкое Хабаровского края

С самых древних времен нанайцы тесно связаны с живой природой. Лес, тайга, реки, озера всегда были для них одушевленными существами, которые, по поверьям, способствовали удачному промыслу охотника, рыбака, а также людям в любом деле. И все же порой удача на охоте отворачивалась от промысловика, и никакие ухищрения не помогали. В таких случаях нанайцы считали, что к охотнику пришли *коцали*.

Проделки таежных духов

Коцали (*коцалин*, *коцалико*) – это духи, мешающие охотничьему или рыболовному промыслу. Они представляли собой *паняны* родственников (даже жены или детей охотника), близких людей, знакомых или товарищей. По-нанайски *панян* – это тень (душа) человека. *Панян*, как и сам человек, может ходить, навещать знакомых, друзей хозяина, места, где хозяин бывал когда-то или часто бывает. В отличие от самого человека, то есть своего хозяина, *паняны* в качестве *коцали* могут пошлать, пошкодничать, хотя сами хозяева этих *панянов* не имеют в голове ни единой мысли вредить охотнику. Желая успехов и удачи охотнику, отправившемуся в тайгу, жена и дети своими мыслями (независимо от их воли)

мешают ему. *Паняны* уходят в тайгу за теми, о ком думают люди, чаще всего вредят промыслу и лишь иногда могут сопутствовать удаче.

По словам моего отца, известного к Хабаровскому краю охотника Макто Бельды, и других охотников, с кем мне доводилось промышлять вместе или по соседству, *коцали* могут перевоплощаться в животных – в собак или свиней, в птиц – сов или кур, в других существ. По представлениям охотников, они ходят вместе с ними по путикам (промысловая тропа охотника), проверяют охотничьи снасти – капканы, самострелы *дэнгурэ* или другие настояренные орудия охоты. В редких случаях *коцали* остаются возле капканов и других ловушек, отпугивают крупных и пушных животных от ловушек лаем, хрюканьем, гиканьем сов или голосами других птиц.

Почему нанайцы связывают *коцали* с образами собак, свиней, сов, кур? В нанайском языке названия этих существ связаны со словами, обозначающими что-то недоброе. Например, слово *инда* (собака) начинается с буквы *и*, с которой также начинается и нанайское слово *иламо* – стыд. Есть даже такая поговорка: «Постыдишься, когда останешься ни с чем». Нанайское название свиньи – *олигиан*. Слово *оркин* тоже начинается с буквы *о* и означает буквально – плохо, плохое, нехорошее. Если

ночью охотнику приснилась свинья, то днем у него произойдет что-то неприятное. Эта примета проверена многими поколениями охотников, причем сбывается она не только на промысле, но и в быту. Слово *оксаран* означает сову, но по своему звучанию близко к названию свиньи. По представлениям нанайцев, в сове заключен злой дух. Курица – *чико*. Это слово начинается со слога *чи*, и с него же начинается слово *чила* (*чилахан*), означающее следующее – не может, не получается, неудача.

Коцали может принимать образ домочадцев: жены, детей или других родственников. Поэтому, когда охотник находится на промысле в тайге, домашним запрещается часто

его вспоминать и говорить вслух об отце, муже и вообще об охотнике и его промысле. Кроме того, в то время, когда мужчина отправился на охоту, домочадцам нельзя скандалить и ругаться. По словам охотников, домашние склоки гулом отдаются в ловушках таежника, да так, что ни одно животное не может подойти к ним близко.

Возникновение представлений о *коцали* обусловлено, вероятнее всего, тем обстоятельством, что у охотника порой наступала длительная полоса неудач, и если никакие рациональные действия не помогали, он воспринимал ее как результат воздействия каких-либо духов, отпугивающих от него удачу. И тогда охотник начинал делать различные изображения, чтобы мешающие ему духи могли войти («прыгнуть») в них. По словам охотников, появление на промысловом участке *коцали* ощущается достаточно явно: проявляется в сновидениях как самого промысловика, так и тех, с кем он охотится, сказывается на поведении животных, на действиях самого охотника.

Обряд изгнания коцали

Охотник, почувствовав воздействие *коцали*, как бы между прочим начинал изготавливать из травы, соломы, гибкой древесной коры или тонких веток с хвоей небольшие фигурки каких-либо животных, птиц или людей (чтобы отогнать духов *коцали*, охотники в основном делали только колечки, а остальные фигурки – собачки, совы и др. – просто подразумевались). Для придания формы, очень приблизительной, фигурки обвязывались нитями, этой же травой либо тонкими полосками луба дерева. Когда подготовка заканчивалась, охотник, словно невзначай, открывал дверь палатки, зимовья или другого временного жилища или выглядывал в окно (при его наличии), делал вид, что удивляется увиденному, и восклицал: «А-та-та... Эй, найсал исихачи биэсину! Гудиэлэ, дёнгомариа дичичитэниэ...» Это означало следующее: «А-та-та, к нам люди прибыли! Бедненькие, соскучились и пришли в такую даль...» После этих слов охотник «узнавал» среди

прибывших гостей многих знакомых, родственников и домочадцев и с восторгом называл их по именам. Среди гостей могли быть не только односельчане, но и знакомые из других сел. После приветствий охотник приглашал всех в жилище попить чаю, побыть с ним и другими охотниками, побеседовать.

Разговаривая с прибывшими, охотник расставлял фигурки (сэвэнов) перед собой. Беседа с «гостями» касалась самых разных тем: о дальнем пути на промысловые угодья, о малом количестве зверей и, соответственно, пушнины, о житье-бытье дома и т. д. В общем, обычная беседа нечаянно встретившихся людей. Во время разговора охотник изредка произносил: «Цовал-л-л...» Это слово означает бесконечный гомон беседующих людей, и произносилось оно для того, чтобы духи «прыгнули» в свои изображения, то есть одушевились. Беседуя с «гостями» и произнося «цовал-л-л», охотник мог даже угостить их табаком. Он сам сворачивал самокрутки с махоркой, прикуривал их или трубки с самосадам и предлагал покурить – ставил перед сэвэнами.

Беседа могла длиться 5, 10 или 15 минут, чтобы «гости» поверили в добрые намерения охотника. Потом он неожиданно брал приготовленный заранее прут или метлу, которой подметается жилище, и начинал бить сэвэнов, кричал и ругал незваных гостей, которые вредят и мешают охоте: «Пуйк! Пуйк! Пуйк, энимбэри катовани най ваицайвони коцангимари дахачису! Ам-м-м, чицуньчицудюэни дякасал, хадён тавондоани ода сиосимеанмари дигилэй усэлтэвэ пунгнэчису! Эй, ангдадиари сумиэлкумэри, оцоанмари коцалисутань! Пуйк! Пуйк, хэмэнусу, хэм хаднгосо! Энимбэри катовани ная дахачису!»

Произнося слова «Эй, ангдадиари...» – «этими ртами...», охотник брал висящие на прутике колечки из узких полос коры дерева, своим острым ножом разрезал их на куски и выбрасывал на улицу. Эти действия символизировали разрезание ртов коцали. Не переставая колотить сэвэнов, охотник хватал их руками и выкидывал на улицу, приговаривая: «Пуйк, пуйк!» («Вон, вон отсюда!»). Всю труху от разломатившихся сэвэнов он выметал на улицу, не забывая при этом отметить, как «убегают» незваные гости: «Гэ, сойгол тутугуэлмэ! Пооктани дохолочи гурундэ бирэ, поактани цортокочимари тутугуэсилкэ. Гэ, улэн такасома, сакпорини!»

Если среди коцали были жена, любимая женщина или дети, охотник собирал фигурки, которые их символизировали, заматывал в какую-нибудь тряпку или ненужную одежду, связывал и клал куда-нибудь, где не пришлось бы их часто задевать и трогать, чтобы не тревожить. Когда промысел заканчивался, охотник обязательно должен был освободить фигурки из тряпки и положить в укромное место. Считалось, что таким образом охотник освобождал души своих домочадцев, и теперь они могут уйти домой.

Если же охотник забывал освободить фигурки и уходил, оставив их связанными, то, по представлениям нанайцев, люди, чьи души остались невыпущенными, могли заболеть. Возможен был даже летальный исход, если охотник не вспоминал о своих «пленниках» и не возвращался в то место, где спрятал фигурки, чтобы их «освободить».

После совершения описанного здесь обряда у охотника наступала удачная полоса. К слову, я испытал это и на своем небогатом охотничьем опыте.

Все виды коцали по-нанайски называются *най тини* (разговорный вариант) или *най тайни* (литературный вариант), что в дословном переводе означает «рук человеческих дело».

«Хавол-хавол» – закружилась голова

Среди коцали есть еще один вид *най тини*, называемый *хаволи* (*хаволин*). Он относится к разряду коцали в том случае, когда души думавших об охотнике и его добыче людей коцали хаволин вселялись непосредственно в души зверей. От этого дикие животные становились очень чуткими и осторожными, замечали малейшие изменения в тайге, улавливали запах охотника и настороженных ловушек. Более того, они словно чувствовали точное местонахождение капканов, самострелов и других охотничьих приспособлений и обходили их.

В этом случае охотник брал одну из разделанных, без шкурки, тушек пойманных ранее пушных животных (как правило, тушки без шкурок охотник складывал в одном месте), отрезал ей голову, брал кусочек мягкой проволоки и обвязывал голову зверька следующим образом: пропускал проволоку сбоку от клыков верхней челюсти и через нос заматывал ее концы. На голове животного получалась своеобразная уздечка. К проволоке охотник привязывал прочную нить, второй конец которой закреплял на коротком прочном пруте. Нить использовалась потому, что во время исполнения обряда изгнания коцали проволока могла переломиться. Держа в руках прут, охотник садился перед горящим очагом, начинал передвигать голову зверька по полу в разные стороны, выводил ею круги в разных направлениях, приговаривая при этом: «Хавол-хавол, хавол-хавол...», что означало: «Закружись-закружись голова, забывая о любом страхе». После этих слов охотник заводил разговор с раскручиваемой головой как с живым животным. Мол, ты, зверек, стал очень чутким и осторожным из-за того, что в тебя вселились коцали, ты видишь их глазами, слышишь их ушами, чуешь их обонянием, поэтому ты так далеко и обходишь мои ловушки. Повторяя «хавол», охотник продолжал разговаривать с быстро раскручиваемой головой зверя, насыпал на земляной пол (в противном случае на жесть или в какую-нибудь посуду с низкими бортами) горящие угли и быстро водил по ним. При этом говорил следующее: «Чтобы твоя голова закрутилась, перестала бояться, забыла об осторожности, чтобы бежала без страха, не чуя ног к капканам, чтобы глаза не видели нарушенных следов на снегу, чтобы твой нос больше не чуял никаких посторонних запахов, чтобы от горящих углей стянуло кожу на твоей голове, и от этого ты стала боязливой и, как мотающаяся голова, на поводке шла ко мне».

Обряд хаволи продолжался минут пять-десять, но не больше. Через некоторое время охотник мог его повторить. Окончательно завершив обряд, он убирал прут с привязанной головой животного куда-нибудь далеко от своей постели или непосредственно под постель.

После проведения обряда поведение зверьков действительно менялось, и, независимо от засевших в них коцали, пушные зверьки начинали попадаться в ловушки.

На фото: коцали из коллекции ХККМ им. Н.И. Гродекова работы К.М. Бельды (с. Троицкое Хабаровского края)

Дерево–молчаливый двойник человека

Наталья БЕЛЬДЫ
Санкт-Петербург

БЕЛЬДЫ Наталья Андреевна, студентка Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург). Родилась в с. Джонки Нанайского района, окончила Найхинскую среднюю школу. Занималась в центре детского творчества с. Найхин у известного краеведа и этнографа Раисы Алексеевны Бельды. В настоящее время студентка 4-го курса РГПУ им. Герцена (факультет культурологии). В 2006 году получила диплом лауреата Всероссийского студенческого конкурса за научную работу, посвященную Холокосту. Вместе с другими победителями побывала в Париже.

Даже на самых ранних ступенях своего существования человек старался объяснить окружающий мир, искал причины происходящих в нем явлений с такой же страстностью и вдумчивостью, как и наш современник. Но в этих поисках при ограниченности знаний, неизбежной примитивности методов познания первобытный человек имел только один критерий – собственное «я», один только метод – психологический. Следуя, таким образом, от хорошо ему известного (своего «я») к неизвестному, он сознательно или бессознательно переносил на все окружающее атрибуты своей собственной природы: одушевленность, разумность, волю, активность.

Именно так мыслили и воспринимали мир нанайцы. Тому, чего не понимали, они приписывали разного рода сверхъестественные качества. Данные представления об окружающем мире складывались веками и не могли исчезнуть из нанайской культуры под иноэтническим влиянием. Среди современных нанайцев, особенно пожилого возраста, все еще бытуют многие традиционные представления и обряды предков.

Заметное место в мифологии и религии нанайцев занимает дерево. Обряды, связанные с деревьями, сохранились до настоящего времени.

Дерево играло центральную роль в промысловом обряде нанайцев. Некоторые охотники соблюдают его и сегодня, только в несколько упрощенном виде. Назначение этого обряда заключалось в следующем: задобрить духов-хозяев горных речек, озер, сопок – *боа эдендуэни*.

Добравшись до прошлогоднего зимовья (*аонга*), охотник бил земной поклон дереву, растущему рядом, после чего устраивал, приводил в порядок свое временное жильё. Обряд задабривания хозяев местности он совершал только в определенном месте. Подальше от зимовья охотник выбирал одно из деревьев лиственной породы с мягкой древесиной (тополь, липа) и вытесывал на нем лик духа-хозяина охотничьих угодий – *тиухэ*, обращенный на восток. Перед деревом он втыкал четыре вилообразные палки, на них клал две перекладины, на которые настилал еловые ветки. На этом настиле охотник раскладывал жертвенную пищу. Рот личины он мазал водкой. Ею же брызгал в направлении четырех сторон света, после чего созывал на избранное дерево всех духов-хозяев местности и обращался к ним с просьбой об удаче в промысле. В данном обряде дерево являло собой вместилище душ хозяев местности.

Центральное место занимает дерево и в нанайском мифе о возникновении шаманства. Когда Гурэнтэ, убив два солнца, возвращался домой, то встретил на своем пути мировое дерево жизни *ялоан туйгэ* (*ялоан* – мир, *туйгэ* – небесное религиозное дерево). Это было огромное дерево, от земли до неба. Посмотрел он на крону, а там столько маленьких птичек, столько разных птиц. Когда они взлетали, то закрывали солнце; когда, полетав, они начинали садиться, снова закрывали солнце. Ствол этого дерева не могли обхватить сто человек. Его корой были лягушки и ящерицы, ветвями – удавы, листьями – круглые *толи* (*толи* – позднее *сэвэн*, помощник шамана, помогающий ему проникать в загробный мир бун), шишки звенели колокольчиками. Корнями дерева были змеи. Само дерево – сосна.

Увидел Гурэнтэ у корней этого дерева Человека. Спина его крепко-накрепко была прилеплена к мировому дереву жизни, смотрит он на крону и ловит ртом птичий помет. Эндурри создал этого Человека вместе с мировым деревом в качестве его хозяина-сторожа. Гурэнтэ сорвал с древа жизни колокольчики *конгор*, листья *толи*, рога *тимо*, оторвал Человека и вместе с ним вернулся домой. Дома Гурэнтэ развернул мешок и увидел, что его содержимое со свистом исчезает через *чонко*. Листья *толи*, колокольчики *конгор*, рога *тимо* полетели в разные стороны к людям, достойным шаманского звания из разных родов: Юкаминкан, Удинкан, Бельды, Од-

Фрагмент орнамента женского свадебного халата (сикэ). XIX в. ХККМ им. Н.И. Гродекова. Хабаровск

зял и других. Таким образом, стало много шаманов.

Человека с Древа жизни звали Хадо. Он стал мужем дочери Гурэнтэ. От него позднее появились все люди, потомки которых живут и сейчас.

У каждого шамана возле его дома стояли, подобно мировому дереву жизни, священные деревья *туйгэ*, или по-другому *торо*. А.В. Смоляк описывает их так: «Непременными атрибутами нанайских шаманов были стоящие у дома своеобразные столбы *тороан* (ульч. *тура, туру, дару*), нечто вроде жертвенника. Их было три: средний, диаметром до 20–25 см, выше дома, по бокам – столбы поменьше. Иногда столб был только один. Это были обык-

новенные деревья, несколько обтесанные снизу. Средний столб имел в размере форму четырехугольника (или такое сочетание имела только средняя часть столба). На его поверхности, как говорят старики, рельефно вырезали изображения змей *симум*, драконов *мудур*, ящериц *исэлэн*, жаб *кутуэ*. На высоте одного метра от земли на южной его стороне (иногда на боковых столбах) вырубалось изображение лица духа Сангиа Мапа. На вершине центрального столба (иногда на всех трех) помещались скульптурные фигуры птиц (чаще кукушек). По данным, полученным в 1970 г. от шамана Моло Оненко на старинных *тороан* изображали птиц, летевших к верхнему богу: ласточку *киниало*, кукушек двух видов – *кэнггэрэ кэку* и *тонггору тонто*, иногда все три изображения птиц были одинаковыми (кукушки). <...> В МАЭ (Музей антропологии и этнографии в Санкт-Петербурге) имеется часть шаманского столба из села Дондон; на его поверхности вырезаны рельефные изображения четырех драконов (или змей) *симум* с ногами, ящерицы, лягушки. У подножия центрального столба *тороан* обычно ставили деревянную фигурку – поясное изображение *диулин* или *ливэнэ диулин*. Нижнюю часть фигуры закапывали в землю. Рядом помещали изображения других духов – по три ящерицы *исэлэн*, пять змей *симум*, шесть черепашек *аян*.

<...> Шаманские столбы *тороан*, согласно предположению Л.Я. Штенберга, являлись как бы символами «мирового дерева», оно росло в подземном мире *доркин*, проходило через нашу землю и выходило в верхние сферы неба (Смоляк А.В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (Народы Нижнего Амура), М., 1991. – С. 247, 248).

В настоящее время у каждого шамана имеется дерево *торо*. У сильного шамана оно называется *туйгэ*. Обычно это лиственница. Сразу после прохождения шаманом обряда посвящения высаживается несколько лиственниц. Одна из них становится для шамана *торо*. На *торо* во время камлания шаман созывает духов. Они слетаются отовсюду и садятся на это дерево. Существует поверье, что у этого дерева нельзя оторвать и веточку – заболеешь. Нельзя говорить про них – тоже можно заболеть.

По утверждению Ч.Д. Пассар, дерево с изображением кукушки наверху принадлежало не шаману, а *дянгиану* (Полевые материалы автора. 2001 г., от Пассар Ч.Д.). *Дянгиан* – нанайский судья, который знал все законы, обряды, обычаи и судил споры среди нанайцев. *Дянгиан* были не в каждом селении.

У нанайцев-нешаманов были «личные священные» деревья, которым они молились и приносили жертву. В данном случае дерево также выполняло функцию посредника при обращении к духам.

В 1926 году этнограф И.И. Козьминский после поездки по Амуру писал, что, по представлениям нанайцев, у каждого человека имеется три души: **дюлемди**, **паниа** и **морсо**. Последняя была душа-дерево, невидимое дерево, вырастающее якобы в начале жизни человека и падающее с его смертью. **Морсо** растет по мере роста человека и дряхлеет по мере приближения его к старости. Таким образом, **морсо** представляло собой дерево-двойник человека (Козьминский И.И. *Отчет об обследованиях материальной культуры и верований горинских нанайцев*. Л., 1929. С. 42.).

Когда человек сильно болел, шаман обращался к небесным богам (**эндури**) Санси, Сангиа и другим за помощью, просил о выздоровлении больного. Для совершения этого обряда выбирали живой тополь **потоха**. На его восточной стороне делали затес и треугольное углубление вершиной вверх. Под деревом ставили угощение богам в виде водки, крови животного, каши. Затем маленькие кусочки каждого угощения клали в этот треугольник. Шаман просил милости и здоровья для больного. Такое дерево нельзя было трогать, ломать – иначе больной мог заболеть еще больше и даже умереть. В настоящее время из-за невозможности сохранить дерево в неизменном виде стали отрезать фрагмент дерева, отметив сначала его восточную сторону. На ней делают треугольное углубление, приносят домой, где и совершается обряд. Это дерево, а также его часть, называется **пиухэ**. Иногда делают изображение дерева **пиухэ** на ткани. Оно называется **дусху**.

В жизни каждого нанайского рода дерево имело большое значение для его продолжения. А.Н. Липский в работе «Элементы религиозно-психологических представлений гольдов» писал: «По представлению гольдов, на небе для каждого **хала** – рода растет очень большое дерево, по внешнему виду оно весьма отдаленно сходно с ивой; называется оно **омиа мони**. Очень много птичек живут в нем. Птички эти вьют гнезда и выводят птенцов, питаются плодами этого дерева **тимтикта**. Количество полов птичек (**ниче** – душ) – **омиа** одинаковое, т. е. души-**омиа** самцов и самок здесь появляется поровну. Самцы от самок отличаются окраской: самки серенькие, самцы пестрые. Выросшие **чока** или **ниче**, т. е. души-**омиа**, опускаются по очереди на самую нижнюю ветку и оттуда переселяются в ту или иную женщину. Душа-птичка **омиани-чока** оживотворяет **уксуки** – душу тела будущего ребенка, который рождается от **уксуки** – души тела матери. Но сама **омиа** остается в виде птички и не изменяется во всю жизнь человека. В момент рождения ребенка к нему присоединяется еще одна душа, уже третья по счету – **паниа**, которая сопровождает человеческое тело беспрестанно и везде. **Омиа** по своему желанию может войти в женщину и покинуть ее, отчего иногда и семимесячная беременная может оказаться без родов. В таком случае, равно как и в случае смерти ребенка до 9–12-месячного возраста, **омиа** возвращается на **омиа мони**. И этим все счеты с покойником прекращаются. **Омиа** возвращается на дерево душ, садится на его вершину, спускаясь вниз, ожидает очереди нового рождения, которое может быть (второй раз) только через три года после первой смерти, и в случае, если ребенок умирает в том же возрасте, третье рождение возможно только через 6 лет».

Халат женский свадебный **сикэ**
Вид сзади. XIX в. Ткань, аппликация, вышивка. ДВХМ, Хабаровск

По традиции родовое дерево вышивалось и на женском свадебном халате **сикэ**. Оно соответствовало дереву рода, к которому принадлежала невеста. Поэтому деревья на нанайских свадебных халатах **сикэ** разные. На макушках родовых деревьев всех свадебных халатов **сикэ**, которые видела автор статьи, были вышиты птички – души детей, которые должны были родиться у невесты. Эти птички – пожелание родителей (халат всегда вышивала мать невесты) иметь столько детей, сколько птичек вышито. Разноцветный ствол также является характерной особенностью изображения родового дерева, символизирующей смену поколений. Если внимательно приглядеться к родовому дереву нанайского свадебного халата **сикэ**, то в некоторых случаях можно заметить некоторые части мифического мирового древа жизни: круглые листья **толи**, колокольчики **конгор**, рога **тимо**. По ним можно определить принадлежность невесты к шаманскому роду. Отдельные родовые деревья вышивались со змеями вместо корней, ящерицами, жабами. Под деревом мастерица вышивала изображение тотема рода – священного предка, от которого произошел род. Это мог быть и человек, и лось, и косуля, и орел, и коршун. Традиция вышивки свадебных халатов **сикэ** сохранилась до нашего времени. Их продолжает народная мастерица, член Союза художников России Лариса Ганзулишна Бельды.

Статья написана под руководством Р.А. Бельды, педагога дополнительного образования Центра детского творчества села Найхин Хабаровского края.

«Я сын земли...»

Под таким заголовком в Амурске вышел сборник статей, очерков, рецензий, литературных работ дальневосточного этнографа и журналиста Елпидифора Титова, о чьей трагической судьбе журнал «Словесница Искусств» рассказывал в № 14, 15.

Книга, подготовленная родственниками Елпидифора Иннокентьевича, состоит из двух основных разделов. В первом представлены собранные по крупицам литературные, этнографические и публицистические работы, которые в 1920–30-х годах публиковались в различных журналах и газетах Иркутска, Читы, Хабаровска, а также критика и библиография. Во втором помещены документальные материалы из личного архива дочери Титова Марии Елпидифоровны: свидетельские показания и воспоминания его коллег, письма, факты, рассказывающие о жизни и творчестве писателя.

Как замечает в предисловии к сборнику главный хранитель Амурского городского краеведческого музея, она же редактор-составитель Лариса Синицына, «... во всех работах Титова поражает широта кругозора знаний. Такие знания мало чего стоят, если передаются читателю сухим научным

языком, не берущим за сердце. У Титова образность языка, словесная доказательность идеи потрясающи. Серьезные научные изыскания, литературные произведения, очерки и статьи читаются на одном дыхании, даря не только радость познания, но и наслаждение уму от встречи с ярким, емким, образным русским слогом». Автор предисловия делится впечатлениями от удивительного ощущения живого слова писателя, словно «... я не читаю книгу уже давно ушедшего из жизни человека, а слушаю его, как собеседника, сопереживаю ему, чувствую его энергетику и обаяние».

Выход в свет сборника работ Елпидифора Титова «Я сын земли» – это своеобразный литературный подвиг его соавителей, подготовивших материалы к публикации для того, чтобы сегодняшние читатели могли услышать голос человека, который в очень сложное время жил и работал на Дальнем Востоке и много сделал для прославления нашего замечательного края. Как справедливо сказал о себе сам Титов в одном из стихотворений:

Я сын земли, давно забытой Богом,
И для меня иной отчизны нет,
Чем этот скудный край, где жидкий свет,
Как молоко, дрожит зеленым логом.

Я был рожден, когда упрямым логом
Вражда вспорола тело мирных лет,
Когда убийства бешеный стилет
Змею проблистал по всем дорогам.

Но я не бросил матери укора –
Я сын земли, и эта жизнь моя
Тебе одной, одной тебе,
Земля.

ПРОДЕЛКИ ЗАЙЦА

ТУНГУССКАЯ СКАЗКА

Елпидифор ТИТОВ

Иллюстрации Игоря ГРАБОВСКОГО

Комсомольск-на-Амуре

ГОЛОДОВКА

В давние времена, когда еще люди звериный язык понимали, жил у одной старой тунгуски прирученный заяц. Старуха любила его, как родного сына. Кроме зайца, был у нее еще костяной нож, хороший, крепкий нож, выточенный из ребра дикого кабана.

Однажды настала такая пора, что не оказалось в доме ни кусочка мяса, ни хвостика рыбы, ни корочки хлеба. Заяц – тот еще питается кое-как: кору березовую грызет, прошлогодние грибы из-под снега выгребает, шишки кедровые собирает. А у старухи дела совсем плохие: сидит она в избушке своей на оленьей подстилке и ремешок с голодухи жует.

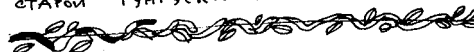
А был у этой старой женщины богатый брат, он неподалеку кочевал со своими оленями. Вот старуха и говорит зайцу:

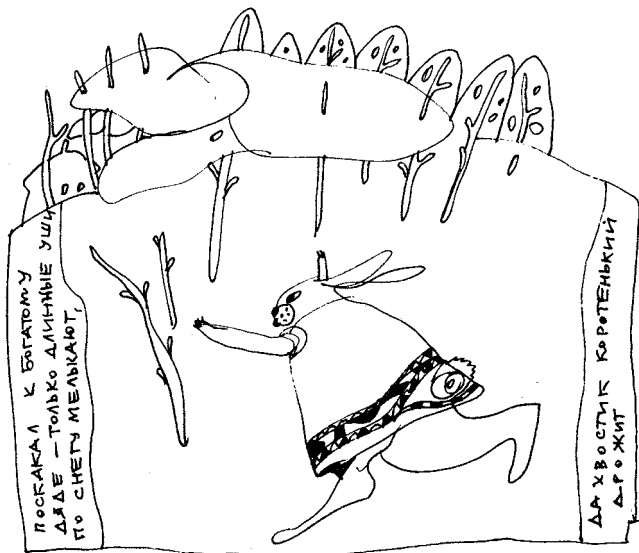
– Раньше тунгусы друг другу в беде помогали. Сбегай к брату, попроси займы хоть кишки оленя...

В ТЕ ДАВНИЕ ВРЕМЕНА, КОГДА ЛЮДИ
ЗВЕРИНЫЙ ЯЗЫК ПОНИМАЛИ, ЖИЛ У ОДНОЙ

СТАРОЙ ТУНГУСКИ ПРИРУЧЕННЫЙ ЗАЯЦ

Заяц спорить не стал, поскакал к богатому дяде – только длинные уши по снегу мелькают да хвостик коротенький сзади дрожит.

БОГАТЫЙ БРАТ

Подбежал заяц к стойбищу. Сразу видно, что богатый человек живет: оленей видимо-невидимо; колокольцами позвякивают олени, рога к небу подымаются, как дремучий лес. Собаки навстречу выскочили – большие, клыкастые, остроухие; щетинятся от злости, драться лезут.

Но заяц под ногами у собак прошмыгнул, невредимый в юрту пробрался, поздоровался с дядей, сел на задние лапки и заплакал:

– Мать помирает с голоду-у! Дайте что-нибудь поку-у-шать!

А дядя был нехороший человек. Начал он подшучивать над зайцем:

– Почему это у всех людей дети как дети, а у моей сестры сын зайцем родился. Как это смешно!

Заяц не стерпел насмешки, обиделся. Ничего не взял у богатого, побежал домой.

ДЯДИНЫ ГОСТИНЦЫ

Дорогой заяц думает:

– Конечно, богатый бедному не товарищ, но чем же это я теперь старуху буду кормить?

Разбежался заяц по перелеску, нос себе об дерево разбил, заморозил в снегу крови ком, приносит домой.

– У дяди мясо все вышло, – сказал заяц матери, – осталось немного оленьей крови. Вот он послал тебе гостинец...

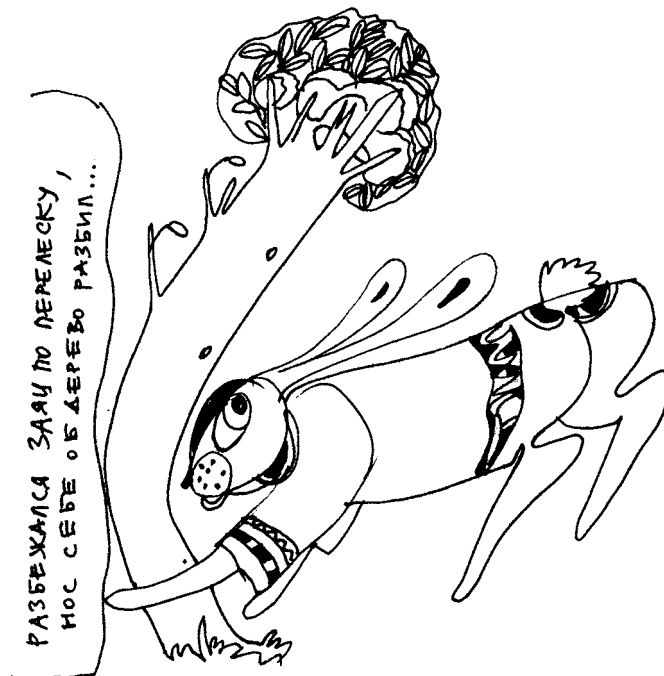
Старуха осталась очень довольна, натолкла ско-

рее в деревянной ступе сосновой коры, замесила кашу на заячьей крови, зовет зайца кушать. А заяц отказывается:

– Спасибо, мама, что-то мне не хочется, я у дяди сытно покушал.

Наелась старуха вечером каши до отвала, лежит возле огонька, трубку курит, песню зайчье поет:

Бурбулин, бурбулин,
Спи, мой зайчик, спи, мой сын,
Буду сыну песню петь,
Чтоб не съел его медведь.
Бурбулин, бурбулин,
Сон хороший видит сын:
Будто вырос он здоровым,
Стал веселым звероловом.

НОЖ

А зайцу между тем спится плохо. У него забота: чем завтра старуху кормить? Говорит он ей:

– Знаешь что, мать? Дай-ка мне костяной нож, а то он все равно зря на стене висит, пылится только да место занимает.

Старухе ножа не жалко, она о себе беспокоится. Говорит зайцу:

– Зачем тебе нож? С ножом на охоту ходят, а какой же из зайца охотник?! Еще проткнешь себе бок, и останусь одна-одинешенька...

Зимняя ночь длинная. С большим трудом дождался заяц утра. Только последняя звезда погасла, забрал заяц костяной нож и ускакал в лес.

ОПАСНАЯ ВСТРЕЧА

Сидит заяц в лесу под лохматой елкой, усами поводит, а под лапой у зайца – нож. Бежит мимо волчонок, по сторонам зеваает, добычу ищет. Завидел зайца – прыг к нему, сцапал за шиворот, заорал диким голосом:

– А, косой, попался! Вот я тебе сейчас голову оторву.

Заяц не растерялся, кричит волчонку:

– Подожди, серый, не дерись! У меня игра хорошая есть.

Волчонок – зверь кровожадный, жестокий, но любопытный. Отпустил зайца, говорит ему:

– Ладно, показывай игру! Только не вздумай убежать, а то в другой раз попадешься – съем без разговоров.

Заяц объясняет игру:

– Вот, – говорит, – ты знаменитый зверь и всех в лесу обидеть можешь. А если побежишь со мной на эту гору взапуски, я тебя, знаменитого зверя, пока ты до вершины ковылять будешь, трижды обгоню.

Задели волчонок зайцевы слова: очень он самолюбивый был, а тут еще какой-то худенький заяц издеваться вздумал:

– Хорошо, заяц, побегим в гору, но если ты не догонишь меня – кончилась твоя жизнь на белом свете.

СОСТЯЗАНИЕ

Стали звери плечом к плечу, сосчитали до трех и помчались в гору во весь дух.

Ну, тут дело ясное: у зайца ноги длинные, бежит он и в крутую гору, как по ровному месту, а волчонок, глупая голова, – трюх-трюх, через пеня-коренья скачет, бока себе обдирает, ушибается.

Перегнал заяц волчонок раз, вернулся под горку – перегнал два и вот уже догоняет его по знакомой тропинке в третий раз.

А гора высокая, волчонок от усталости язык высунул, в глазах у него темнеет, на зубах пена кипит.

У зайца зрение замечательное: он и позади себя видит так же хорошо, как впереди, – его недаром косым прозвали. Заметил заяц, что выбился волчонок из сил, едва ноги волочит, догнал его потихоньку, сел волчонку на загривок и давай костяным ножом горло резать. Волчонок взмолился, хрипит:

– Отпусти, заяц! Что ты жмешь мне шею своими костлявыми ногами?.. Караул!

А заяц ему:

– Да, отпусти тебя... Знаю я вашу разбойничью породу, любите вы слабых зверей душить. Ни одной белки, ни одного зайца, ни одной козочки ни разу не пожалел волк. Получай теперь по заслугам!

Кричал, рычал, ругался волчонок, угрожал всех зайцев со света сжить – ничего не вышло: заколол волчонок зайца. Взвалил добычу на спинку и – домой, к матери.

– Вот, мать, ты смеялась, куда я с ножом иду, а я, смотри, зверя добыл.

Мать обрадовалась, развела посередине домика на земляном полу огонь высокий. Сидят, счастливые, мясо жарят, облизываются. Волчонок оказался жирный, сосунец.

ВОЛЧИХА ИЩЕТ СЫНА

Разрезала зайцева мать волчонок на кусочки, насушила мяса, развесила в избушке под дым. А голову хотела спрятать в кладовой на всякий случай. Заяц не согласился:

– Надо, – говорит, – выставить эту голову на дворе, чтобы все знали, какой я знатный охотник. Больше уважать будут.

Спорила, спорила с ним старуха, не могла переспорить. Заладил заяц одно: выставить голову на дворе и никаких разговоров.

Ну, выставили. А как раз в это время идет мимо избушки волчиха, сына ищет. Видит: голова волчонок на пне лежит, глаза побелели, слезы висят ледяными сосульками. Волчиха к зайцу:

– Ты, заяц, не знаешь, кто убил моего сына?

– Я убил, – отвечает заяц.

– Врешь, где тебе, зайцу, волка убить?! Хвастун!

Заяц не унимается, отвечает волчихе:

– Уж не хочешь ли ты, желтоглазая, чтобы я и из тебя тоже дух вышиб?

Волчиха не на шутку рассердилась:

– Что ты, косой заяц, говоришь мне глупости? Да я с тебя с живого шкуру сдеру, ты и не заметишь...

Заяц прыгнул в избушку, кричит в окно:

– Приходи, серая воровка, со своей звериной родней, посмотрим, кто с кого больше шкур надерет!

Волчиха была старая и осторожная. Она рассудила: никогда не видано было, чтобы заяц с волком так разговаривал, что-то тут неладно, надо подумать.

– Хорошо, – говорит, – я пойду домой, до свидания!

СОВЕТ ЗВЕРЕЙ

Пришла волчиха домой, собирает знакомых зверей.

Раньше всех явилась лисица: все обнюхивает, хвост пушистый на весу держит, боится запачкать.

Рысь прирысила пестрая, глаза золотые, уши треугольником – на всех щетинится, фыркает, спину выгибает.

Два волка прибежали, племянники волчихины, ругаются из-за обглоданной кабарожьей кости, зубами щелкают, будто орехи грызут.

Медведи в это время по берлогам зимним сном спали. Но день выдался тихий, солнечный, погода стояла мягкая. Одному косолапому надоело дремать в берлоге, захотелось пошататься по снегу, плечи размять. Поднялся медведь-шатун на задние лапы, видит: знакомые звери совет держат, пошел помогать.

Сели звери кружком возле волчьего логова на полянке под старой сосной.

Лес шумит, волчиха рассказывает:

– Так и так, – говорит, – заяц силу набрал, грозит нас, крупного зверя, со света сжить.

Больше всех удивился медведь-шатун, но не испугался, сказал:

– Врет заяц. Вот я ему покажу кузькину мать! Пойдемте!

Пошли все: медведь впереди, с боку на бок переваливается, всем на ноги наступает, за ним волчиха, за волчихой волки-племянники, за ними рысь – глаза золотые, а позади всех лисичка бежит помаленьку, все обнюхивает, щурится, хвост пушистый на весу держит, боится запачкать.

ЧТО ПРОИЗОШЛО В ИЗБУШКЕ

Дорогой звери уговорились: сразу зайца не задирать. Пусть сначала угостит, жиром накормит, кладовую откроет, а там видно будет.

Подходят звери к избушке, а заяц уже завидел гостей, велел матери спрятаться, сам – во двор, встречает:

– Пожалуйста, почтенные гости! Давно не бывали! Как здоровье? Детки здоровы ли? Промысел добрый ли? Зима не морозна ли?

Медведь спрашивает:

– А у тебя жир есть?

– Есть, у меня все есть! Проходите, пожалуйста, в передний угол, сейчас принесу...

Ввалились звери в дом, пушистые шубы свои отряхивают, на огонь косятся. Жутковато им немного, человеческий запах тревожит. А заяц запер дверь на задвижку, сам на крышу влез и давай оттуда через дыру в потолке прямо на огонь жир валить.

Огонь затрещал, зашипел, посыпались искры, повалил вонючий чад. И стало так темно и страшно в избушке, что звери полезли друг на друга.

Больше всех испугался медведь-шатун. Попал в огонь, лапы обжег, кинулся в сторону, передавил всех насмерть и до тех пор по дому метался, пока не расшиб себе голову о стену.

Ободрали заяц с матерью звериные туши, заготовили мяса на целый год. Живут, толстеют.

НАКАЗАННЫЙ БОГАЧ

Разнеслась по тайге весть о том, что у старухи мяса всякого великие запасы. Дошла весть до богатого брата. А был он человек плохой, недружелюбный, жадный, завистливый. Захотелось ему свежей медвежатины отведать. Стал он на широкие лыжи, обшитые шкурками с лосиных ног, взял в руки два легких березовых посоха и отправился к сестре.

Приходит, важный такой, нелюбезный, с зайцем даже не здоровается, просит у старухи мяса взаймы.

Мелкого мяса в доме не оказалось, осталось только два медвежьих окорока. Сестра говорит брату:

– Осталось у нас два медвежьих окорока. Один возьми, пожалуйста...

А заяц вмешался в разговор, объясняет дяде:

– Мяса у нас, действительно, великие запасы, только вот беда: в дверь-то окорока не влезут, придется тебе, дядя, через крышу их на веревках тащить.

Полез богач на крышу, стал через дымовое отверстие на веревках медвежий окорок поднимать, а заяц подгрыз веревку, она и лопнула. Богач в дыру на пол упал, прямо носом в горячий пепел, больно-пребольно расшибся. Ничего не взял, ушел домой несолоно хлебавши.

Так ему и надо, жадному!

А заяц костяным ножом орудовать наловчился, стал на охоту ходить, хищных зверей ловить. Зажил со старухой счастливо.

Опубликовано в журнале «На рубеже».
Хабаровск, 1934 год, книга 4–5

Путь шамана в XXI веке

Светлана ГОНЧАРОВА,
кандидат исторических наук,
заместитель директора по научной работе
Хабаровского краевого краеведческого музея им.
Н.И. Гродекова
Фото автора

Традиционное мировоззрение народов Сибири и российского Дальнего Востока – шаманизм – является особой формой видения и познания мира, рассматривающей человека как часть Космоса. Оно нацелено на непосредственное восприятие мира, постижение взаимосвязи природы и человека. Шаманизм как явление сформировался в рамках древнего дуалистического мировоззрения, разделяющего мир на повседневный и сакральный. В основе его концепции лежит анимистическая картина мира: вера в духов и божеств природы, душу людей и духов-помощников шамана.

В традиционной культуре понятие «шаманизм» означает и целостную систему, включающую в себя религиозно-мифологическое мировоззрение, и широкую культовую практику, и институт шаманства. Шаманы, будучи посредниками между миром людей и миром духов, обладали не только способностью видеть иную особую реальность и путешествовать в ней, но и пребывать одновременно в двух мирах. Вселенная представлялась особой реальностью – сакральным пространством и временем, в котором действуют свои особые законы, отличные от обыденной жизни.

Традиционно шаманы играли важную роль в жизни соплеменников. Связанные с широким кругом людей, они выполняли значимые социальные функции: сохранение языка и традиций, передачу знаний и навыков, связанных с культовой практикой, родовыми устоями, межличностными отношениями, врачебной практикой и др. Можно сказать, шаманы были хранителями памяти, основ духовной культуры этноса. «Большинство шаманов пользовались авторитетом, как лица, приносившие пользу людям и обладающие большими знаниями и жизненным опытом, а также исключительной мудростью благодаря своим духам. Все были заинтересованы в деятельности шаманов, если же их в селении не было, в случае необходимости за ними ездили в другие селения» [Смоляк А.В., 1991, с. 263].

Важно отметить, что в шаманской практике народов Амура (нанайцев, удэгейцев, орочей и других) шаманство в равной степени сочеталось с производственной и календарной обрядностью. Традиционная обрядовая культура достаточно долго сохранялась в повседневной жизни народов Приамурья. По свидетельству А.В. Смоляк, шаманы камлали (т. е. обращались к духам) для рыбаков и охотников до 50-х годов, а культовая практика у нанайцев и улчей сохранялась вплоть до 70-х годов XX века [Смоляк А.В., 1991, с.155].

В центре внимания двух этнографических экспедиций 2004–2005 годов, организованных Хабаровским краевым краеведческим музеем им. Н.И. Гродекова, были удэгейцы, проживающие на территории Хабаровского края. Специальное изучение шаманизма не входило в основные планы экспедиций. Между тем сведения о верованиях, обрядах, и, в частности, о шаманах содержатся в рассказах многих информантов.

Фото из семейного архива А.Д. Кялундзюга. На заднем плане – шаманка Гауня. 1950-е годы. с. Гвасюги Хабаровского края

Результаты экспедиционных исследований позволяют сказать, что традиционная культовая практика в селе Гвасюги сохранялась вплоть до рубежа XX–XXI веков. По материалам опубликованных источников и полевых исследований у удэгейцев Хабаровского края, можно сказать о широком распространении родового шаманства. Практически в каждой семье есть предания о родственнике-шамане, который мог камлать и своим родственникам, и членам другого рода. Сохраняются сведения не только о предметах культа, их назначении, сэвэнах, хранившихся в домах, но и о специальных священных местах для проведения обрядов.

«Недалеко от дома родителей было место, где молились, – вспоминает Леля Яковлевна Кялундзюга. – Возможно, это было дерево черемуха (?). Во время ритуала там располагались сэвохи и картины, нарисованные на ткани. Эти картины хранились в свернутом положении, намотанные на палочки. Во время молитвы использовали кровь специально убитого петуха. А мама пекла маленькие лепешки из белой муки. Обычно такие обращения, молитвы были связаны с болезнью кого-либо из детей»¹. Леля Яковлевна помнит такой обряд, связанный с лечением у нее заболевания руки, где образовалась большая опухоль. «Просьбы и обращения могли проходить и рядом с болотом, где обычно они (родные – Г.С.) вешали полоски ткани (разноцветные)»².

В прошлом среди удэгейцев было значительное количество шаманов и нешаманов, т. е. людей, способных провести обряд. В Гвасюгах многие жители села и сегодня считают, что могут обратиться с просьбой к духам. «У нас может любой шаманить, кто хочет»³. Память односельчан сохранила имена шаманов: Куфеса Кимонко, Адзихини Кялундзюга (Кимонко), Гауня Кялундзюга и др. По свидетельству Антонины Акиевны Кялундзюга, в селе проходили даже своеобразные встречи – праздники шаманов в 50-х годах XX века. «Раньше, в детстве, я помню, шаманили, провожали на тот свет... Шаманы собирались, сорев-

новались между собой, кто лучше будет шаманить. У нас среди шаманов были и старший, и младший. Каждый по-своему шаманил. Людей много собиралось. И все сидели на полу, вокруг. А это просто как бы игра. Кто лучше становится, пошаманит. Шаманов раньше много было, сейчас нет. Но не так шаманили, как сейчас молодежь (имеется в виду выступление фольклорного ансамбля – Г.С.). У них совсем по-другому, чем у стариков. У них плавно было, а сейчас резкие движения. И бубен не так стучит. На состязание приезжали шаманы с Анюя. Дед один приезжал, старый, но он страшно шаманил. Позднее я вместе с мамой ездила к нему. Жил он недалеко от поселка Бира»⁴.

Больше всего сведений сохранилось о последней сильной шаманке – Гауне Кялундзюга (188?–1963 (1965) гг.), ее культовой практике и повседневной жизни. По воспоминаниям жителей села Гвасюги, бабушка Гауня (так ее называют и сейчас) лечила от различных болезней, помогала охотникам и рыболовам, провожала души умерших в загробный мир.

«Бабушка Гауня высокая была. Большая шаманка. Хорошая бабка была, – вспоминает одна из старейших жительниц села А.А. Кялундзюга. – Я помню, печки у нас не было раньше, камин был железный. Так она ела горящие угли. Берет уголь руками голыми – и в рот, и жует. Несколько раз. ... А потом она запивала настойкой из почек багульника (?)»⁵.

Л.Я. Кялундзюга вспоминает, что «после того, как у отца украли добычу (изюбра) или сильно заболела сестра, то обращались к сильной шаманке – Гауне Кялундзюга. Она помогла вернуть удачу на охоте и лечила сестру, шаманила. Костер в центре дома, кукла соломенная, рогатина. Шаманка глотала угли и пускала огонь изо рта. Самым страшным был момент, когда кукла стала подниматься. Г.К. закричала: «Бейте, бейте!» Куклу прижали рогатиной к полу. А когда стали выносить из дома, кукла соскакивала с рогатины. Мне было лет двенадцать»⁶.

Наиболее ценными являются воспоминания о своей бабушке-шаманке О.А. Кялундзюга (Кимонко). Долгое время бабушка жила вместе с семьей своей единственной дочери Сифу Денчужевны Кимонко (Кялундзюга) (1926?–1970 гг.), воспитывала внуков, вела домашнее хозяйство. Впоследствии бабушка осталась в Гвасюгах и жила одна. Традиционное жилище удэгейцев состояло из одного помещения, поэтому все, что происходило в нем, было известно всем, в том числе и внукам. В доме были две кровати, под которыми дети прятались во время камлания. В детстве Онисия Александровна очень любила слушать, как бабушка рассказывала сказки, в которых было много действующих лиц и каждый персонаж пел песни.

Бабушка-шаманка пользовалась авторитетом и уваже-

нием односельчан, к ней часто обращались за помощью и советом. Вместе с тем они жили очень бедно, в основном питались тем, что выращивали на огороде и собирали в лесу. Другие продукты появлялись в доме как дар от людей, которые приходили с просьбой о помощи, проведении того или иного обряда.

«Бабушка шаманила и этим зарабатывала на жизнь. Шаманила дома поздно ночью, окна занавешивали, закрывали, чтобы никто не знал. В то время это преследовалось (советский период). Вместе с тем она не могла долго не шаманивать: ей хотелось покамлать. Особенно запомнилось одно камлание... Страшно, темно; она (бабушка – Г.С.) говорит: «Угли рассыпьте». Соседи, заказавшие камлание, изготовили куклу из свежей травы с руками и ногами.

Сначала кукла стояла дома во время камлания. Потом ее выносили на улицу. Бабушка могла пить крутой кипяток и танцевать (камлать) на горячих углях. Обычно просили полечить кого-нибудь, покамлать об удачной охоте и рыбалке. С такими просьбами приходили старшие в семье (родители) охотника. Взамен просители приносили продукты, табак (т. к. бабушка курила); выпивали вместе по окончании камлания спирт из маленьких чашечек»⁷.

Бабушка Гауня помогла вылечить открытую форму туберкулеза у сводной сестры О.А. Кялундзюга – Ляли Мишиной Вальдю (Кимонко) 1940 года рождения. «Бабушка шаманила, и духи сказали ей, что лечить надо не мазями, а улитками. Наутро после камлания собрали улиток и расположили их на ране. Процедура была ежедневной... постепенно эти раны закрылись, и сестра выздоровела»⁸.

Значительный интерес представляет и рассказ внучки о покровителях шаманки: «У бабушки на огороде был ясеневый пенёк (в центре огорода) с дуплом сверху, в котором жили змеи. Они выползали на солнце и грелись. Бабушка запрещала бить змей. Даже когда надо было идти за водой, змеи пересекали тропинку... У бабушки были духи-покровители – змеи, которые помогали ей шаманить. Она им поклонялась, они давали ей силу. Змеи и тигр помогали бабушке. Где бы ни жили, змеи всегда сопровождали бабушку»⁹.

По свидетельству Валентины Тунсяновны Кялундзюга, Гауня проводила в загробный мир душу Джанси Кимонко, первого удэгейского писателя¹⁰. Летом 1949 года, возвращаясь с охоты, он был смертельно ранен медведем. Когда тело Д. Кимонко привезли в Гвасюги, односельчане приготовили специальные блюда и поставили палатку, где поместили гроб. В это время большинство жителей поселка уехали на рыбалку и не могли присутствовать на похоронах. «Через шамана Джанси попрощался с братом, женой, Надеждой Исауловной и другими... Потом его дух (изображение, изготовленное из травы – Г.С.) посадили на нарты (т. к. в загробном мире была зима). Собрали продукты в мешочках, подарки своим и повезли его, потому что он был болен и не мог сам пойти. И скитался бы, мучился бы по миру, шаман должен его отвезти. Шаманка говорит: «Вот следы чьи-то, кто-то идет в загробный мир... Это, наверное, с Амура, у нас никто не умер», – вот она доходит, а там скала и дыра. Шаманку привязали кожаным ремнем и крепко держали. Она с бубном шла, как будто везет Джанси. Потом ныряет, согнувшись, а там ее встречает человек (например, мужчину провожают – встречает мужчина). Она его описывает, а остальные вспоминают, кто это был такой. Впоследствии она его (Д. Кимонко – Г.С.) оставляет и возвращается, вынырнув из дыры». Этот же эпизод описан в книге канадской исследовательницы К. Ван Дейзен¹¹: «Гоуня взяла его душу... и отправилась в длинную поездку, войдя в отдаленную гору, она пришла к земле мертвых. Там было темно. Когда они прибыли туда, она передала его душу умершим членам его рода, родство было подтверждено подарком, который положили в гроб при прощании. После путешествия в загробный мир шаманка вернулась в реальный мир при содействии помощников, которые держали конец кожаного ремня, завязанного вокруг ее талии» [Van Deusen, 2001, p. 122].

Данные, сообщенные В.Т. Кялундзюга о проводках Джанси Кимонко, интересны, но, к сожалению, не подтверждаются другими информантами, фрагментарны и не обладают полнотой информации, поэтому нуждаются в дальнейшем исследовании и изучении.

Летом 2005 года на празднование 100-летнего юбилея Джанси Кимонко в Гвасюги приехал Василий Ивано-

вич Дункай – шаман из поселка Красный Яр Приморского края. Непростой путь преодолел он, прежде чем стать в тридцать три года шаманом. В течение долгих девяти лет он болел и даже предполагал уйти на пенсию, т. к. причина была серьезной – постоянные сильные головные боли. В этот сложный период его во многом спасали поездки в лес, отдых на природе и общение с духами. «В тайге я был прикрыт своими богами. При въезде в поселок опять наступала боль. Осознавал, что это шаманская болезнь, а не какое-то другое заболевание»¹². После принятия решения стать шаманом и обряда очищения его меньше стали беспокоить головные боли, нормализовалось давление. Наставником Василия Ивановича стал ольхонский шаман – Валентин Хангаев (?) который, приехав в Красный Яр провел обряд посвящения. Важно отметить, что это значимое действие проходит только в родных местах посвящаемого, в окружении местных богов. Перед началом проведения обряда шаман и его воспитанник пришли к святилищу «мио» (икона, произносится как «мё» [Самар, 2003, с.54]) и попросили разрешения исполнить ритуал.

В настоящее время В.И. Дункай не только признан как практикующий шаман, но и выполняет ряд необходимых социальных функций: воспитывает уважение к памяти предков, возрождает традиции управления жизнью и деятельностью поселения. По его мнению, для возрождения культуры необходимо, чтобы у каждого поселка было священное место, куда мог бы прийти любой желающий и обратиться с просьбой к духам-покровителям. «В Красном Яре очень сложно все начиналось, но сделали «мио» и теперь там натоптанная тропа... Необходимо (место, где есть возможность – Г.С.) попросить у духов удачи, поклониться предкам. У удэгейцев в каждом роду был свой дух, в лесу было свое место поклонения, но было и общественное «мио». Не запрещалось всем, кто идет, подойти и помолиться»¹³. Находясь в Гвасюгах, в присутствии гостей и жителей села он провел обряд обращения к духу огня.

В заключение можно сказать, что основы традиционного мировоззрения и обрядовая культура для современного человека – это поиск пути обретения гармонии с собой и восстановления во многом утраченных связей с природой и культурой как единого целого. Значительную роль в формировании нового миропонимания продолжают играть люди, соблюдающие обычаи и обряды предков, пользующиеся уважением односельчан.

Литература:

1. Смоляк, А. В. Шаман: личность, функции, мировоззрение (народы Нижнего Амура) / А. В. Смоляк. – М.: Наука, 1991. – 280 с.
2. Van Deusen Kira The Flying Tiger: women shamans and storytellers of amur. – McGill-Queen's University Press, 2001. – 260 p.
3. Самар, Е. Д. Под сенью родового дерева: записки об этнокультуре и воззрениях гэринских нанайцев рода Саманде-Моха-Монгол (рода Самар). Легенды, предания, священные места, священные объекты, сэвэны и амулеты гэринского этноса нанайцев / Е. Д. Самар; худож. Е. А. Киле. – Хабаровск: Кн. изд-во, 2003. – 210 с.: ил. – Библиогр.: с. 209. – Текст на рус. и нан. яз.

Примечание:

- ¹ ПМА, 2004 г. Кялундзюга Лёля Яковлевна, 1948 г. р.
- ² Там же.
- ³ Там же.
- ⁴ ПМА, 2004 г. Кялундзюга Антонина Акиевна, 1937 г. р.
- ⁵ Там же.
- ⁶ ПМА, 2004 г. Кялундзюга Лёля Яковлевна, 1948 г. р.
- ⁷ ПМА, 2004 г. Кялундзюга (Кимонко) Онисия Александровна, 1949 г. р.
- ⁸ Там же.
- ⁹ Там же.
- ¹⁰ ПМА, 2004 г. Кялундзюга Валентина Тунсяновна, 1936 г. р.
- ¹¹ Ван Дейзен Кира – фольклорист, специализируется на изучении устных традиций и обрядов народов Сибири, проживает в г. Ванкувере (Канада).
- ¹² ПМА, 2005 г. Дункай Василий Иванович 1960 г. р.
- ¹³ Там же.

Небесный и подземный мир из старых дневников

Дальневосточные мифы, легенды, предания и сказки в записях и рисунках В.К. Арсеньева

Наталья СОБОЛЕВСКАЯ,
кандидат исторических наук, доцент ТОГУ
Хабаровск

Время все дальше отодвигает нас от литературного и научного наследия этого замечательного человека, по-своему расставляя приоритеты. Надеюсь, мой журнальный материал – своеобразное напоминание к вековому исследовательскому юбилею В.К. Арсеньева.

В 1900 г. молодым офицером Владимир Клавдиевич Арсеньев прибыл во Владивосток. Опыт и знания многих видных местных исследователей, с которыми он познакомился, изучение научной литературы помогли сформироваться ему как специалисту по комплексному, всестороннему изучению края.

С 1906 г. при поддержке Приамурского отдела ИРГО, властей края В. К. Арсеньев начинает полевые исследования юга Дальнего Востока. Цели и задачи этой и последующих экспедиций – военно-географическое, колониационное и естественноисторическое изучение района Сихотэ-Алиня. В экспедициях Арсеньев вел дневники, в которые записывал разнообразный материал о природе и населении, об экономике и путях сообщения, описывал собранные коллекции по минералогии, зоологии, этнографии и т. д.

После окончания экспедиций в 1908–1912 гг. выступал с докладами в Хабаровске, Петербурге, Москве. В это время начинают выходить его первые научные работы, он занимается научно-просветительской деятельностью, его избирают членом различных научных обществ Дальнего Востока, России.

Как знающий специалист Арсеньев привлекается к работе в ведомстве Переселенческого управления ГУЗ и З, в 1917 г. занимается вопросами народностей во Временном правительстве Приморской области. В последующие годы В. К. Арсеньев совершает экспедиции и в северные районы Дальнего Востока – на Камчатку, Гижигу, Командорские острова... В 1926 г. уже известным дальневосточным ученым, высоким специалистом принимает участие в проведении 1-й конференции по изучению производительных сил Дальнего Востока, является консультантом по вопросам развития населения «северных окраин». Деятельность этого незаурядного человека прервалась в 1930 году.

Вклад В.К. Арсеньева в географию, биологию, картографию, экономику, историю, этнографию, музееведение содействовал становлению этих отраслей науки в Дальневосточном регионе. Более того, Арсеньев является автором значительного числа научно-литературных работ, посвященных своеобразной природе и людям этой далекой окраины России: *Краткий военно-географический и военно-статистический очерк Уссурийского края 1901–1911 гг.* (Хабаровск, 1912); *Амба. Ли-Цун-Бин* (Никольск-Уссурийск, 1920), *По Уссурийскому краю* (Владивосток, 1921), *Дерсу Узала* (Владивосток, 1923), *В делях Восточной Сибири* (Берлин, 1924) и другие произведения. Список опубликованных работ В. К. Арсеньева насчитывает 120 названий.

Дальневосточным исследователем в первой четверти XX века был собран значительный фольклорный материал дальневосточных аборигенов – удэгейцев, орочей, нанайцев, коряков. Записи сказок, легенд и мифов сделаны В.К. Арсеньевым во время экспедиций 1907, 1908–1910, 1917–1918, 1922 гг. в районы Сихотэ-Алиня, Приамурья, Гижиги и Камчатки. Часть их автор успел опубликовать, часть же так и осталась лежать в его неизданном архиве. Фольклорные материалы записывались Владимиром Клавдиевичем порой подробно и тщательно, иногда схематично, поспешно. В начале своих исследований ученый не разграничивал удэгейский и орочский фольклор, это было сделано им позже – трудность разделения орочского и удэгейского фольклора объясняется их близостью. Свои записи Арсеньев делал на русском языке, хотя известно, что исследователь изучал языки этих народностей.

Произведения устного народного творчества сохраняют и передают последующим поколениям элементы древних культурных традиций. В.К. Арсеньев отмечал поэтическое звучание орочских сказок: «Язык орочей богат интонацией. Это заметно в особенности у них в сказках, которые они говорят нараспев: «Боляни-боляна», т. е. «давно, очень давно», украшается очень длинной красивой интонацией».

Культурное пространство, которое сотворено мифами, сказками и легендами дальневосточных аборигенов, населено множеством добрых и злых существ: в нем действуют и разговаривают не только люди и звери, птицы, но и окружающие людей горы, реки и даже предметы, помогают или, наоборот, вредят главным героям.

Мифологические представления удэгейцев, орочей, нанайцев не составляли логически стройной системы, они отражали во многом еще первобытное анимистическое сознание людей дальневосточной тайги. Верховное небесное божество Эндурри, его помощники – гром

Агды в виде дракона, небесная собака Боа, старик Чинихе Мафа и старуха Тагу Мама владеют многими благами и по просьбам людей дают их. В водной стихии живет хозяин – седобородый Ганихи, владелец рыб Сугдзя, их помощник касатка Тэму. В лесах всеми животными и птицами распоряжается звероподобный Онку.

С точки зрения современных исследователей, ряд фольклорных текстов орочей, удэгейцев, нанайцев, записанных Арсеньевым, представляет смесь нескольких жанров – сказки и мифа, предания и мифа: *Край земли и неба*, *Сказание о солнце*, *Два мира – небесный и подземный*, *Уиза*, *Кяхта силянкуни* и некоторые другие. Выделяются в записях родовые предания орочей и удэгейцев, различные варианты тотемного мифа о происхождении их от медведя, других животных. Есть шаманские мифы и предания: *Нэн-гуй*, *Шаманское число 7*, *Тору*, *Онку севохины*.

Значительная группа сюжетов, связанных с топонимикой – *Предание о скалах Мэка*, *Предание о сопке Гугдаманты*, *Сказание о Хехцире* и ряд других – отражают веру в хозяев гор, рек, скал, называют культовые места народностей юга Дальнего Востока.

Элементы китайской мифологии отражены в сказках и легендах о лисе-оборотне, о священной пещере с культурными сокровищами горы Лао-хутун (одной из вершин Сихотэ-Алиня). В.К. Арсеньев записал услышанные им в Уссурийском крае варианты китайских и маньчжурских легенд о волшебном корне женьшене – источнике жизни, обладающем «удивительной способностью превращаться в человека, в тигра, в птицу ...». В мир древней истории Уссурийского края, сражений маньчжурских князей и взятий крепостей (остатки которых искал и находил неутомимый исследователь) уводят легенды о Куань-Юне. Видимо, без этого фольклорного пласта культурная история не была бы такой своеобразной – ведь это во многом история единого культурного пространства юга Дальнего Востока.

Необычайно фантастический и одушевленный мир лесных людей, пусть несовершенный и не совсем понятный современному читателю, но он существовал и будет существовать в культуре Дальнего Востока, пока будет сохраняться память о нем, устная или письменная. Именно для этого служат и фольклорные произведения в записи Арсеньева.

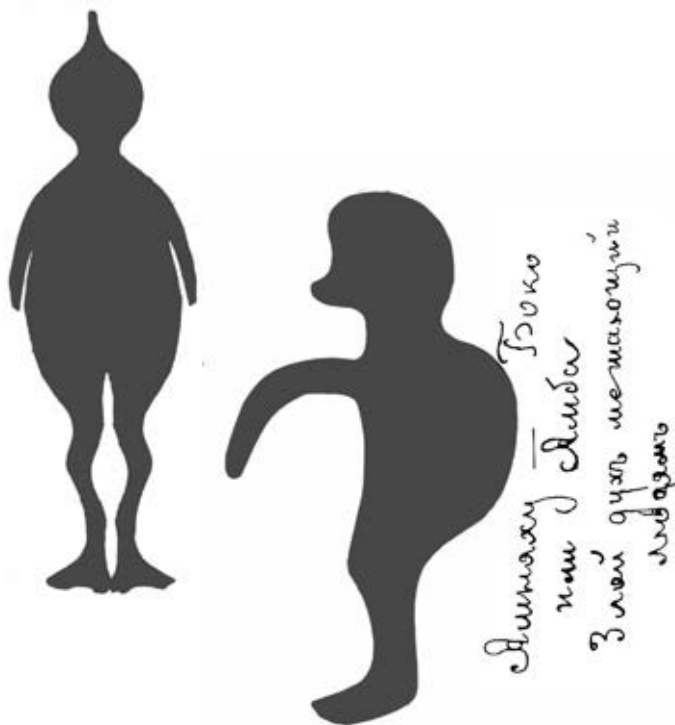
Полевые записи ученый нередко сопровождал рисунками орудий охоты, рыбных промыслов, средств передвижения (лодок, нарт), культовых и хозяйственных построек, одежды и орнаментальных узоров, украшений, шаманской атрибутики. Рядом с рисунками Арсеньев порой помещал целый словарь терминов на удэгейском, орочском и русском языках. Эта часть полевой работы В.К. Арсеньева во многом дополняет и документирует этнографические исследования автора. Необходимо отметить и несомненные художественные способности исследователя, его стремление к предельной достоверности изображения, даже документальности в графических зарисовках. Рисунки В.К. Арсеньева (точнее их копии) предлагаются как иллюстрации к двум публикуемым здесь арсеньевским текстам мифов впервые.

В материале использованы копии полевых дневников В.К. Арсеньева из научно-вспомогательного фонда Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова.

ЭХО (УКЗЕНИ)¹

Раньше, когда тайга покрывала все сопки, в горах жил багдиһэ² – это был маленький карлик, весь в волосах, даже лицо покрыто шерстью. Этот багдиһэ в некоторых местах устраивал эхо. Он делал так, что в лесу, околоскал, в ущельях люди слышали свой голос. Люди боялись этих мест и старались так распределить свой маршрут, чтобы обойти их стороной. Место такое имеет признаки. Тут всегда есть след на одной лыже, след маленьких лыж, оставленных Багдиһэ.

Примечания:

¹ Эхо (укзени). Арсеньев, В. К. Путевой дневник 1. 1917–1925 гг. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦРГО–ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. – С. 735.

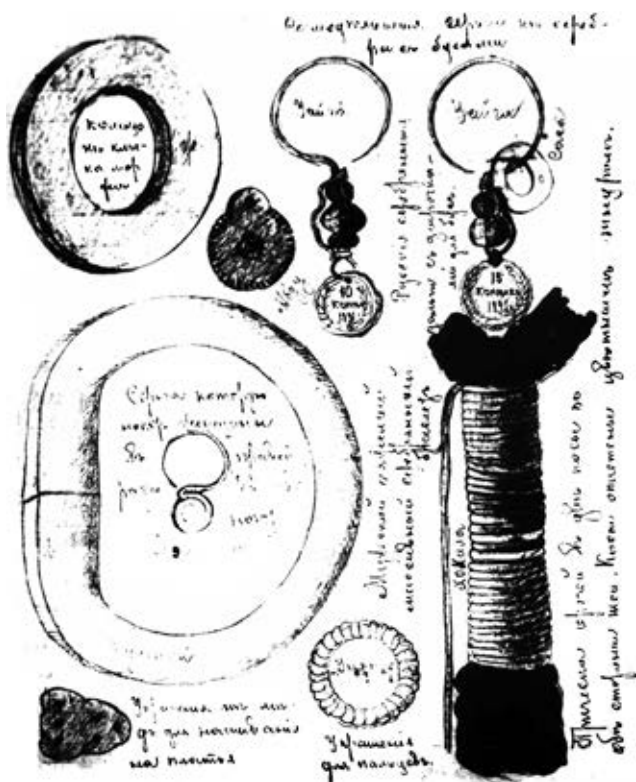
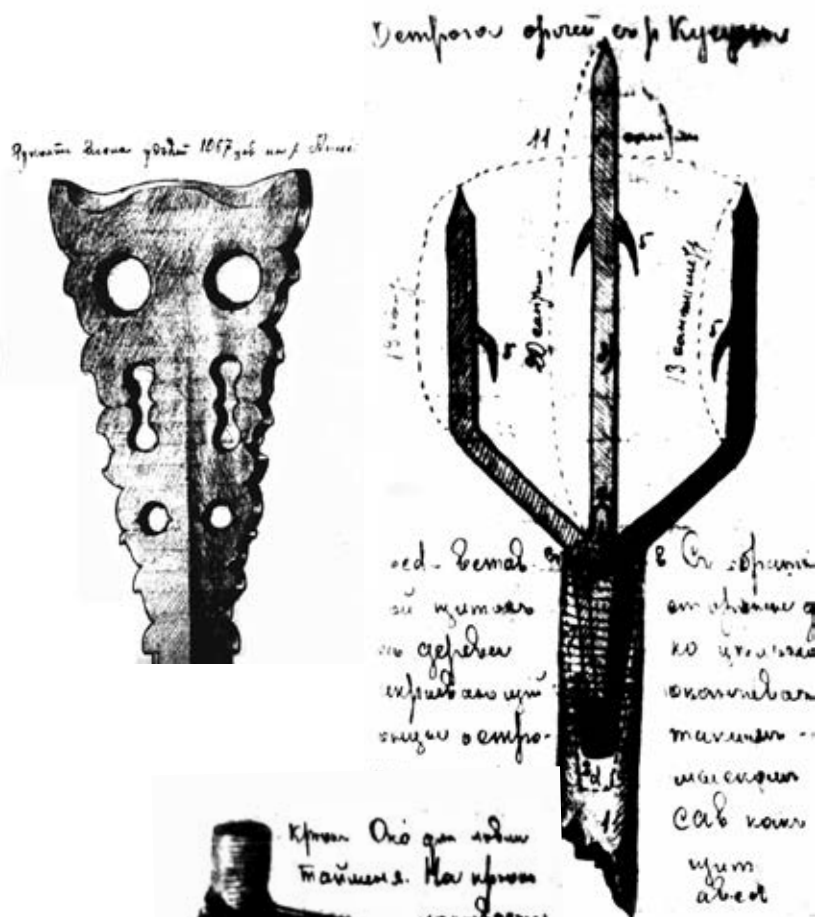
² Мифическое существо багдиһэ – одноногий карлик, который «ведает» эхом. Похож на описание черта Боко в книге В. К. Арсеньева «Лесные люди удэгейцев», 1926. – С. 33: «Черт Боко – это горбатый карлик, на одной ноге и с одной рукой. Он живет в болоте. Благодаря его козням, люди часто блуждают в лесу и не могут найти дороги».

К злым духам, которые мешают людям жить спокойно, удэгейцы относили и горного духа Какзаму. «Удэгейцы представляют его худотелым великаном, на тонких кривых ногах и с головой редькообразной, обращенной тонким концом вверх. Какзаму обитает в самых истоках рек среди скал и осыпей. Он хватает людей, превращает их в камни (Када-ни) и заставляет окарауливать сопки», – пишет В. К. Арсеньев.

В полевых дневниках Арсеньев помещает и изображения (вырезанные силуэты – заготовки к шаманским рисункам) этих вредоносных лесных, горных и морских духов.

ВОДЯНЫЕ ЛЮДИ ГАНИ(Н) И УДЭХЕЙЦЕВ¹

В воде обитают люди – мужчины и женщины. Они прячутся от людей и иногда мешают земным людям: прогоняют рыбу, ломают лодки и т.п. Удэгебули Кялондига с р. Анюя однажды в верховьях этой реки близ притока Уоленкув в 1924 году видел, как навстречу ему сверху спускалась лодка, и в ней сидело два человека – мужчина и женщина. Он очень удивился, так как знал, что в верховьях никого из людей нет и никто туда на охоту не ходил. Лодка с неизвестными мужчиной и женщиной шла прямо на перекат туда, где было опасно и где никакой разумный человек не пойдет. И вдруг на его глазах улимагда² с таинственными людьми стала носом погружаться в воду и, как рыба, исчезла и более не появлялась на поверхности реки.

Примечания:

¹ Водяные люди Гани(н) и удэхейцев. Арсеньев, В. К. Путевой дневник 2. 1914, 1917, 1926, 1927 гг. / В. К. Арсеньев // Арх. ПЦРГО-ОИАК. Ф. В. К. Арсеньева. – С.1158.

² Улимагда, улимагда – речная долбленая лодка, оморока

Корейские мифы родились в Сикачи-Аляне?

Мира ГОРНОВА,
доцент ТОГУ, ландшафтный архитектор
Хабаровск

Многие современные археологи предостерегают исследователей от соблазна интерпретировать древние наскальные рисунки в качестве сюжетов еще более древних мифов. Тем не менее очевидность общих тем и образов космогонических мифов, широко распространенных во всем мире и, в частности, в Юго-Восточной Азии, с петроглифами на берегу Амура в Сикачи-Аляне настолько ярко выражена, что не замечать этого уже нельзя. В качестве примера обратимся к книге известного дальневосточного археолога Д.Л. Бродянского «Искусство древнего Приморья».

Он показал обратную связь между археологическими находками и реконструкцией корейских мифов времен палеолита. Впервые использовала этот прием Марианна Ивановна Никитина, прекрасный специалист в области корейской истории, культуры и литературы. Проанализированные ею материалы из различных археологических находок, собранных на Алтае, в Китае, в Корее, касаются фигуры единорога, фантастического существа, найденной в 1971 году в городе Конджу при раскопках гробницы правителя Мурей-вана и его супруги. В IV–VII веках город Конджу был столицей древнекорейского государства Пэкче. В огромном кургане с подземной гробницей имелся замурованный входной коридор – дромос. В нем была обнаружена каменная фигура необычного животного, обращенная к входу в гробницу. Это была свинья с четырьмя глубокими канавками-полосами на спине, завитками длинной шерсти на боковых наружных поверхностях ног и длинным оленьим железным рогом, растущим из середины лба назад. Особенно реалистично выполнена задняя часть Свиньи. По Никитиной, данное существо воплощает двух мифологических персонажей: Мать-Свинью и Сына-Оленя, порожденного ею из головы. Они ожидают Отца-Вепря. Этот сюжет, взятый из древних легенд, стал основой «Повести о верном Чхое» в XIX веке. М.И. Никитина утверждает, что образ Единорога отражен и в других корейских мифах. В частности, в росписях когурёской гробницы VII века в Кансо присутствует Белый Тигр, в поперечных полосах которого Никитина видит сходство с вышеописанной фигурой Свиньи. В данном случае Единорог из гробницы – это Мать-Свинья в тигровой шкуре и ее Сын-Олень. В книге, изданной в Корее, подробно рассказан и показан в цветных фотографиях весь процесс вскрытия кургана и раскопок гробницы, находки многочисленных вещей. Все предметы

реставрированы и использованы в проекте музеефикации гробницы.

М.И. Никитина отметила также выявленную ею связь мифа о Черепахе, породившей Солнце, с мифом о Матери-Свинье.

Мифологические образы единорогов, а также драконов, змеи-черепахи, дракона-черепахи и василисков были повсеместно распространены на всем евроазиатском континенте. Например, древний герб города и царства Казани имел изображение дракона в короне на щите. Изображение Единорога-носорога вполне может быть обосновано, так как носороги исчезли на большей части северной Евразии всего-то около трех тысяч лет назад. Обнаруженные на юге Кореи в устье реки Тэхве изображения носорога и оленя с длинейшим рогом, неестественно направленным вперед, относятся к неолиту и вполне могут отражать миф об Олене-Единороге.

Представляет интерес для прочтения длинной мифологизированной цепочки образов приведенный Бродянским пример из раскопок в Синем Гае (Приморье), где обнаружена каменная фигурка Сусано – бога ветра. На оборотной стороне фигурки есть изображение боро-

Сын-Олень (Единорог) и Мать-Свинья

ва-вепря. Одной из ипостасей бога ветра является боров. Насельники Синего Гая зайсановской эпохи разводили свиней, и, естественно, этот образ был им знаком и понятен. Этим же автором анализируются петроглифы Приамурья. По его мнению, на берегу Уссури, вблизи села Шереметьевского, выбиты на скале изображения свиньи с полосатой раскраской, горбом на спине и рогом, а также оленя с поперечными полосами и рогами лося. С точки зрения автора данной статьи, первый рисунок животного с выпуклой спиной и разветвленным рогом скорее напоминает черепаху с оленьим рогом, но задняя часть туловища может принадлежать свинье. Под рисунком оленя имеется изображение лапы медведя (по Бродянскому) или тигра (автор). Слева от лапы есть кружок или овал. Если традиционно интерпретировать овал как женский половой орган, то можно предположить в рисунке наличие Тигра-Отца и Матери-Свиньи-Черепахи для появления Оленя-Сына. В собранных Никитиной центральноазиатских аналогиях олененка рождает Мать-Тигрица (свиней кочевники не разводили).

В качестве еще одного примера Бродянский приводит петроглиф из Сикачи-Аляна (Сакачи-Аляна), который изображает кабана, якобы атакующего падающую фигуру человека (камень № 48 в пункте 2). А.П. Окладников также видел здесь образ человека рядом со свиньей. И в этом случае автор данной статьи совершенно не согласен с Бродянским и Окладниковым. Петроглиф, скорее всего, изображает Мать-Свинью-Тигрицу и Оленя с характерными

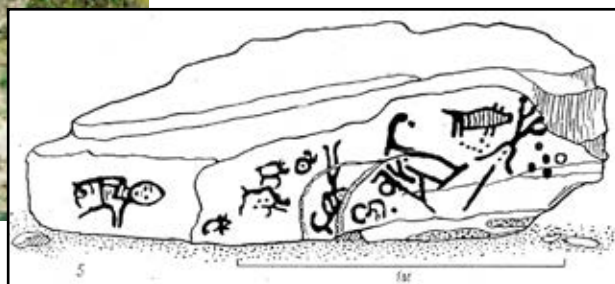
ми рогами именно северного оленя – с двумя крупными ветвями, направленными назад и вверх, и двумя меньшими ветвями, направленными вниз и вперед. Лишь на концах каждая ветвь раздваивается и каждый отросток сильно утолщается. Ниже изображены явные символические признаки мужского пола. Внизу под фигурой свиньи выбит узор в точечной технике. Весь этот рисунок нанесен на правой части каменной глыбы. Стадо диких свиней с мощным вепрем в центре движется с левой стороны камня по направлению к полосатой свинье. Между ними помещен сложный множественный рисунок. Может быть, он тоже относится к данной композиции рисунков. Совершенно очевидно, что на камне № 48 нанесен развернутый сюжет мифа о Матери-Свинье-Тигрице и ее Сыне-Олене.

Хочется обратить внимание читателей на еще один рисунок на камне № 72 в пункте 2, где изображены животное, похожее на крысу (по Окладникову), и антропоморфная фигура. Но, скорее всего, этот динамичный рисунок также отображает мифологический текст о Матери-Свинье и ее Сыне-Олене с большим рогом. Голова оленя изображена в виде вытянутой притупленной толстой линии, продолжающей форму тела. Она напоминает вытянутую в беге голову оленя. Рог закинут на спину бегущего оленя, который имеет заметно выраженные характерные антропоморфные черты. Оба камня с композициями рисунков Свиньи и условного оленя расположены по краям каменной гряды, прижатой к обрыву высокой береговой террасы в пункте 2, и не затапливаются. Почти так же близко к скалам утеса, но еще выше по склону, вблизи выступа мыса Гая, расположен вертикальный камень № 44, на котором есть петроглифы. Один из них давно всем известен. Окладников его характеризует как личину, богато декорированную. Ниже овала «личины» есть пустой овал. В нижней части этой плоскости камня нанесен миниатюрный рисунок полосатого животного с коротким хвостиком. Видимо, это Тигрица-Свинья. На другой плоскости камня, на одном уровне и почти рядом с овальной личиной изображена совершенно схематично круглая личина меньшего размера и рядом полосатая фигурка, стоящая вертикально на двух ногах. Головка ее трактуется в виде узкой полоски, повернутой почти под прямым углом, и притуплена на конце. Автор интерпретирует личину в качестве изобра-

Фрагмент камня справа. Сюжет о Матери-Тигрице и ее Сыне-Олене

Сюжет о Матери-Тигрице и ее Сыне-Олене. Слева – герои мифа о Тигрице-Свинье

Сусаноо – бог ветра – муж Женщины-Солнца. Изображение на камне 44. Упорно повторяется мотив антропоморфной безногой полуфигуры с вытянутой левой рукой. Подобный есть на камне 48

жения Черепахи-созидательницы Земли. Многие народы изображали ее в виде овала, пересеченного диагональным крестом и украшенного дополнительными деталями. Круглая и овальная личины по соседству могут изображать Женщину-Солнце, которую родила Черепаха из своей головы. Присутствие полосатой свиньи связывает всех персонажей в сюжет мифа, упомянутый у М.И. Никитиной. Возможно, с этими героями связана перевернутая вниз головой безногая антропоморфная фигурка, вырезанная на противоположной плоскости камня.

Петроглифы с сюжетами о Матери-Свинье-Тигрице и Сыне-Олене появились в Приморье и в Приамурье еще в неолите, а возможно, и ранее неолита. Это свидетельствует о глубокой древности мифов, опубликованных М.И. Никитиной. Анализируя места размещения вышеупомянутых камней на верхней террасе, можно сделать вывод, что рисунки были выполнены в период высокого уровня воды в Амуре, то есть это время относится к периоду таяния ледников мощного последнего оледенения, охватившего северную часть земли 10–15 тысяч лет назад. Лишь много позже закодированный миф о Единороге-Тигрице-Свинье нашел отражение и зафиксирован в Корее в виде фигуры Единорога в гробнице в Пэкче и

на живописном изображении в гробнице в Кансо уже в VII веке. Древние легенды не забыты в Корее и в XIX веке нашли художественное отражение в литературном произведении.

Отсюда следует заманчивый и привлекательный вывод о том, что первоначальным источником зарождения мифов о Черепахе, рождающей Женщину-Солнце, о Боге-Ветре, супруге Солнца, о Матери-Свинье в тигриной шкуре и ее Сыне-Олене были берега Амура. И, возможно, именно отсюда двинулись на юг изображения единорогов и других мифических фантастических существ.

Подтверждением могут служить находки новых, ранее не обнаруженных и не описанных, петроглифов в Сикачи-Аляне. Группой исследователей в 2004–2005 годах были найдены и зафиксированы прекрасно сохранившиеся глубокие рисунки на камнях в пункте втором. Анализ этих новых и некоторых выявленных ранее рисунков позволяет сделать попытку интерпретировать их в соответствии с мифологическим сюжетом. Один из петроглифов, по мнению автора, передает образ Бога-Ветра, предтечи японского Сусаноо, мужа или брата Женщины-Солнца. Личина занимает нижнюю треть изображения, над нею расположены горизонтально волнистые множественные линии. Недалеко помещен камень с изображением свиньи, рождающей олененка. Это весьма трогательное изображение появления нового существа. Удивительно красивая емкая и лаконичная композиция одного тела и двух характерных головок свиньи и олененка с подчеркнутой разницей изображения ушей и носа.

Сусаноо – бог ветра

Мудур – бог ветра (Адо-Сэвэн)

Общий вид на пункт 1. Мудур-дракон. Камень 25

Фото А.Р. Ласкина, С.А. Дыминского

Свинья рождает олененка

В 2000 году в пункте 1 автором был выявлен на южной стороне камня № 9 плохо сохранившийся крупный рисунок личины, верхние две трети которого представляют собою ярусно расположенные угловатые линии. Среди них можно прочесть еще одно «лицо с глазами». Возможно, что это древнейшее изображение двойного бога-сэвэна, упомянутого в нанайском мифе о трех солнцах. Миф записан О.П. Киршовой на озере Болонь. Адо-Сэвэн (адо – двойняшки) это бог воды и бог земли. В записанном варианте мифа именно Адо-Сэвэн спасал рыб в горячей воде рек и морей, когда три солнца на небе сжигали землю. Вода кипела, лили смоляные дожди, камни плавались. Адо-Сэвэн клал в голову каждой рыбки маленький белый камушек, чтобы она не всплывала, а плавала вблизи дна, где вода прохладнее. Более ярко отражена двойная личина на камне № 25 в пункте 2, известная у аборигенов под именем Мудур-дракон. На верхней плоскости камня, лицом к небу, лежит еще более крупная, необычно богато декорированная личина. Автор высказывает мнение, что они обе символизируют Адо-Сэвэна – бога воды и бога земли. Спасая жизнь на Земле, Адо-Сэвэн пошел на восток и, дождавшись восхода жгучих светил, застрелил первое и третье из них. Оказывается, Адо-Сэвэн оставил на небе Гелиос – Солнце, чтобы оно светило и обогревало Землю. Он застрелил на небесном своде звезды Фаэтон и Милиусу либо в 7100 году до н. э., либо в 12700 году до н. э., либо в 18300 году до н. э. В 1500 году до н. э. последний раз «на перекрестке встреч» звезды Фаэтон (его орбита находится между Марсом и Юпитером) и Милиуса (находится между Юпитером и Сатурном) приняли участие в параде планет, и это событие было зафиксировано. Тогда произошла санторинская трагедия, погибла эгейская цивилизация, разразился всемирный потоп, на небе «светили три солнца», отмечалось «падение неба», вода в Амуре изменила свое течение. Об этом приводится интересная информация в статье Оксаны Гайнутдиновой («Словесница Искусств» № 12 2003 г.), которая опирается в своих расчетах на гипотезу русского астронома Л. Колесниковой. Период следующего страшного для живых организмов Земли парада планет, то есть опасного одновременного максимального приближения этих планет к Земле, произойдет в 4100 году. Следовательно, время появления в Приамурье древних мифов о трех солнцах может быть определено довольно точно. Сроки разнятся значительно по сравнению с протяженностью жизни человека и незначительно в геологическом времени. В мифах фиксировано глобальное событие, произошедшее либо один раз, либо несколько раз. Нетипичное событие зафиксировано навеки и в камне.

По камню справа можно судить, что большую часть времени верхушки самых высоких валунов видны над водой (светлая часть камня покрыта илом)

С точки зрения автора, космическими событиями определяется вероятность времени появления в Сикачи-Аляне некоторых рисунков с фантастическими животными. Историки связывают период 9900 (9700) лет до н. э. со временем гибели легендарной Атлантиды. Тогда в очередной раз изменилось место Северного географического полюса. Обледенела Европа, значительно увеличился таймырский ледовый панцирь, погибли мамонты. Из-за недостатка легкодоступной крупной добычи пратунгусы переселились в Приамурье и Приморье. Период с 7100 года до н. э. принес новые трагедии. Начали стремительно таять ледники севера и юга, потоп погубил древнюю цивилизацию Индии. Следовательно, повысился уровень воды в реках, в том числе и в Амуре. Максимум потепления климата приходится на время 6 000 тысяч лет назад. Не тогда ли начали пить воду на камне № 9 похожие на гиппопотамов звери? Примерно в 1270 году до н. э. изменился географический полюс Земли, экватор переместился с Поамурья на сегодняшнюю линию. Изменился климат, изменился растительный и животный мир Приамурья. Исчезли теплолюбивые популяции растений и животных.

В каких мифах отражены эти и другие природные катаклизмы, можно определить по сюжетам. Например, миф о том, как небо низко нависало над землей, и женщины, которые толкли зерно в ступах, задевали за него. Очевидно, это время активной вулканической деятельности в определенный период, когда тучи пепла и дыма плотно окутывали землю. Во времена развитых дальневосточных цивилизаций произошел и зафиксирован в летописях очередной неполный парад планет в 1200–1300 годах. Усилился вулканизм, тучи пыли закрывали небо. Сквозь пыль ярче солнца зловеще светила неведомая звезда. Это звезда Трансплутон гостила у больших планет. Погибла дальневосточная чжурчженская цивилизация.

Как видим, всегда смотреть в небо и следить за звездами человеку просто необходимо. Можно предвидеть важные глобальные события, влияющие на жизнь людей. Не зря именно Солнцу поклонялись предки. Бог ветра, супруг Солнца, не зря так почитаем, ведь он разгоняет тучи и дает возможность видеть светило и пользоваться его теплом.

Громадная каменная фигура Черепахи с рисунком личины-солнца на голове выходит из реки при низком уровне воды в Амуре (она описана в предыдущем номере журнала). Географически в виде треугольника расположены фигура Черепахи, изображение головы Оленя на

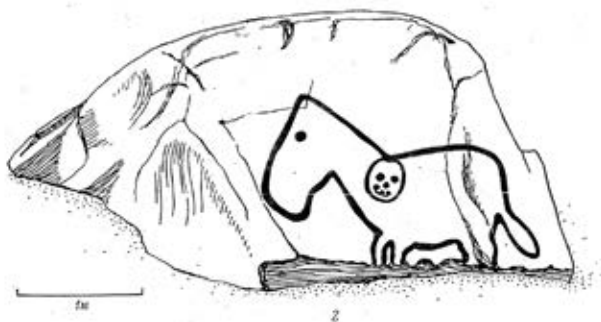
камне № 15 и личина двойного бога Адо-Сэвэна на камне № 9. Вполне вероятно, что где-то в этом районе может находиться (или могло там находиться, а затем было утрачено) изображение Свины или Свиньи в тигровой шкуре. Восточнее Черепахи, между нею и камнем № 9, лежит «Змеиный» камень № 10 с рисунком десятка змей. Корейская мифология (по Никитиной) также подчеркивает связь змеи с драконом, с рождением Солнца. Обращает внимание довольно компактное размещение камней с мифологическими сюжетами в пунктах 1 и 2 в Сикачи-Аляне. В следующих четырех пунктах базальтовой гряды таких рисунков не наблюдалось и не зафиксировано. Напрашивается вывод о вероятном первичном графическом и скульптурном отображении на камнях Сикачи-Аляна мифов о Матери-Свинье-Тигре и ее Сыне-Олене, о Черепахе-родительнице Женщины-Солнца, о Боге-Ветре, супруге Женщины-Солнца, о змеях и драконах. Характер техники выполнения петроглифов, их размещение на камнях по отношению к акватории Амура свидетельствуют о одновременном и последовательном развитии наскального искусства в Сикачи-Аляне. Одновременно они отражают этапы заселения берегов Амура с учетом условий ориентации в пространстве, безопасного проживания в довольстве.

Хотелось бы также обратить внимание любителей мифов и легенд на загадочный большой рисунок лошади, нанесенный на грань крупной глыбы № 20, которая ориентирована в сторону Амура (пункт 2 по Окладникову). На боку лошади, чуть ниже шеи, помещена Личина. А.П. Окладников описал и никак не пояснял данный рисунок. Автор предлагает рассматривать петроглиф в качестве визуализации нанайского мифа о черепахе, который долго жил одиноко в лесу. Однажды прибежал конь, вскинул этот череп себе на спину и принес его в шалаш, где жила одинокая женщина. Она ударила череп палочкой. Череп превратился в мужчину и остался жить в доме женщины. Этот миф неоднократно встречается у нанайцев, у удэгейцев и других народов Юго-Восточной Азии. У удэгейцев и нанайцев существует еще один миф о черепахе, который жил недалеко от реки и каждую ночь ходил пить воду, даже тропу натоптал до берега. В пункте 1 в Сикачи-Аляне, недалеко от камня-черепахи нами обнаружен крупный округлый камень с глазницами, провалом носа и щелью рта – настоящий череп. Его лицо повернуто в сторону Амура, на север. Поскольку он лежит среди огромных слегка окатанных глыб ниже Черепахи и ближе к воде, то редко виден с реки и никогда не различим с берега. При очень низком уровне воды в Амуре его удалось сфотографировать в 2000 году. Если предположить зарождение мифа о черепахе в Сикачи-Аляне, то дату его появления можно отнести к периоду очень низкого уровня

воды в Японском море и в Амуре, в период последнего глобального похолодания и ледникового периода, то есть, примерно 15 тысяч лет назад. Автор высказывает только свою гипотезу и не претендует на аксиому.

В заключении своей книги Д.Л. Бродянский делает замечательный и вдохновляющий вывод о том, что «в петроглифах и в скульптуре широко использовался прием полиэпического (с многими героями. – Прим. авт.) изображения: разные образы в различных ракурсах вещи образуют семантический ряд. Такие находки создают мощное информационное поле, стимулирующее поиск аналогичных текстов мифов: полиэпическое изображение иллюстрировало такой текст». Еще ранее в тексте (стр. 138) он подчеркивает направление усилий исследователей ископаемого искусства на дешифровку семантики, смыслового содержания вещей и связанных с ним действий, на реконструкцию социального содержания образов и композиций, в которые они включены. Адекватность семантического прочтения помогает приблизиться и к пониманию древней эстетики... Мифология синкретически соединила положительные знания, религию, этику и мир образов – искусство, в системе образов миф формировался и передавался от поколения к поколению». Многие ученые используют мифологическую парадигму в современных исследованиях первобытного и древнего искусства. Некоторые из ученых склоняются к мысли, что «мифотворчество – это важнейшее явление в культурной истории человечества, явление, господствовавшее над его духовной жизнью в течение десятков и сотен тысяч лет».

Автор надеется своей статьей пробудить интерес к изучению космогонических мифов и бережному исследованию рисунков на камнях Сикачи-Аляна. Их ценность в мировой культуре незаслуженно принижена. Попытки чиновников и туристических фирм использовать базальтовые глыбы, испещренные петроглифами, только в качестве «карманных» местных туристических ресурсов недопустимы. Тем более что некачественные экскурсоводы постоянно допускают профанацию исторических фактов, чем отпугивают уже довольно просвещенную публику. Памятник мировой культуры «Петроглифы Сикачи-Аляна» нуждается в особом статусе в виде охранной и охраняемой зоны. Прекрасный пример осуществленного проекта огромного культурно-природного музея «Томская писаница» на берегу реки Томи недалеко от города Кемерово показывает эффективность постоянного совместного творчества ученых, археологов, архитекторов, банков и крупнейших фирм-спонсоров музея. Сегодня у ворот этого музея стоят туристические автобусы со всей страны. Если не поторопиться со спасением каменного ожерелья Амура, оно скоро исчезнет в безжизненных зарослях леса и наносах ила и песка.

Литература

1. Бродянский, Д. Л. Искусство древнего Приморья (каменный век – палеометалл) / Д. Л. Бродянский. – Владивосток : Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 220 с. : ил.
2. Евсюков, В. В. Мифология китайского неолита : (история и культура востока Азии) / В. В. Евсюков. – Новосибирск : Наука, 1988. – 127 с.
3. Киршова, О. П. Записи рассказов информаторов на озере Болонь о мифе про три солнца.
4. Окладников, А. П. Лики древнего Амура. Петроглифы Сикачи-Аляна / А. П. Окладников. – Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во, 1968. – 238 с. : ил.
5. Монин, А. С. История Земли / А. С. Монин. – Л., 1977. – С. 1–228.
6. Гайнутдинова, О. Три солнца в нанайских легендах – миф или реальность? / О. Гайнутдинова // Словесница искусств. – 2003. – № 12. – С. 31–33.
7. Материалы из собственных архивов М. И. Горновой по экспедициям в культурно-исторические ландшафты Приамурья 1976–2005 гг.

Эморонский Дед

Каменные мифы озера Болонь

Мира ГОРНОВА,
доцент ТОГУ, ландшафтный архитектор
Рисунки автора
Хабаровск

«Пегий пес, бегущий краем моря». Так назвал свою повесть киргизский писатель Чингиз Айтматов. И посвятил ее счастливым мгновениям жизни рыбака, возвращающегося домой из тяжких многодневных скитаний по водной стихии. Эпизод радостного узнавания знакомой скалы на далеком морском побережье описан эмоционально и подробно. Слова бесконечной благодарности произносит человек в адрес пес-тро-рыжей скалы, похожей на бегущую собаку, которая указывает путь к родному дому.

Тысячи лет такие чувства испытывают люди, проживающие в природной среде с ее безграничными и многомерными пространствами. В этом нам помогла убедиться экспедиция в район древнего культурно-исторического ландшафта озера Болонь в 1995–1999 годах. Участниками научно-исследовательской экспедиции были учащиеся Хабаровского архитектурного лицея, Нанайской художественной школы, школьники из Детского трудового центра города Амурска, участники студии «У подножия Хехцира», студенты архитектурно-строительного института Хабаровского политехнического института, ученые из академических институтов, учителя школ и преподаватели вузов Хабаровска, Владивостока, Петербурга, экологи из Америки.

Среди направлений исследования особенностей местного ландшафта, его истории, условий и законов проживания в нем людей особое место занимало культурологическое направление. Собирались местные песни, сказки, мифы и легенды, отражающие специфику взаимозависимого сосуществования человека и природы. Автор данной статьи своей целью ставит выявление ландшафтных акцентов, нашедших отражение в местных мифах и легендах.

В древние времена сформировалась система разломов в коре Земли. Одна из линий разлома в Приамурье тянет-

ся в юго-западном направлении южнее поворота Амура на восток в районе нынешнего города Комсомольска-на-Амуре. 140 миллионов лет назад здесь отмечалась активная вулканическая деятельность. Позднее по заболоченной низменности зазмеились реки в сторону Амура. Они промывали наносы вокруг вулканов-островов, прорывали более глубокие русла. Около 15 миллионов лет назад образовалось озеро со звонким именем Болонь, Болонь – Одзля. Помимо острова Ядасен (Туф) над поверхностью воды озера возвышается еще один плоский остров вулканического происхождения Гиудельген (Соболий). Западный берег озера Болонь каменистый, с девятью мысами, нависающими над водой, постепенно поднимающимися к гребням хребта. Округлый залив Тейсин в северо-западной части озера окружен высокими обрывистыми берегами. С них стекают громадными черными мягкими складками остывшие потоки излившейся когда-то лавы. Низменный, заросший цицанией (диким реликтовым рисом) залив Сюмнюр в юго-западной части озера принимает в себя речку Сюмнюр. С южной стороны в озеро впадают реки: Симин (Хими), Силгон (Сельгон), Харпи, Олкан (Олькан). Симин переводится как «удав»: издавна существует предание о том, что у реки есть хозяин Симин-мапа (старик Симин), от воли и благосклоннос-

Озеро Болонь. Облако-черепаха над озером – дух озера

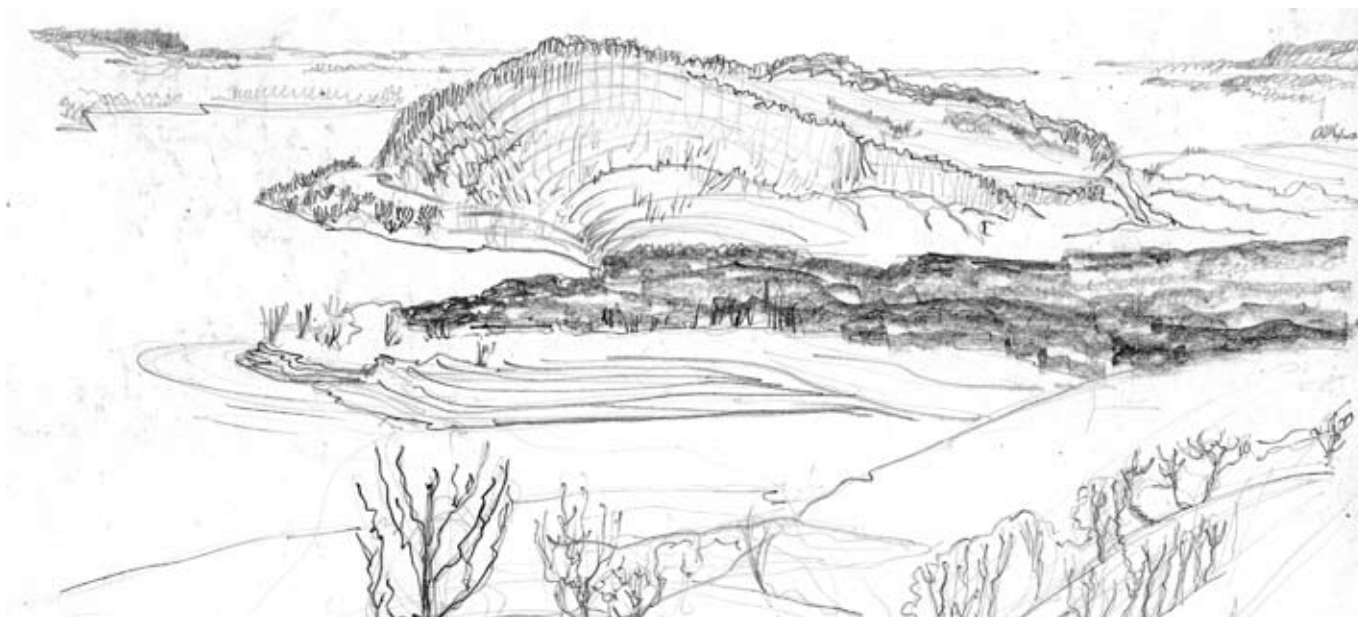
ти которого зависит удача на охоте и на рыбалке. Вплоть до сегодняшнего дня старики придерживаются строгого обычая: попав на эту реку, прежде всего вспомни хозяина, обратись к нему с просьбой уделить немного из его запасов.

Обширный участок низменности в южной оконечности озера ныне включен в состав Болонского заповедника. В туманные дни или когда дым лесных пожаров прижимается к воде, это место таинственно светится и сияет нежной зеленью рисовых зарослей. Тогда рыбаку на моторной лодке лучше держаться подальше от приближающейся опасности. Здесь можно надолго застрять в зарослях наматывающихся на винт длинных, крепких стеблей цицании. По словам Аллы Борисовны Мельниковой, научного сотрудника Большехехцирского заповедника (также участника нашей экспедиции), благодаря особенностям микроклимата озера цицания широколиственная имеет здесь гораздо более крупные размеры, чем в других местах произрастания. Этот же микроклимат (защищенность от сильных ветров в долине Амура, дополнительное тепло за счет отраженной от скал тепловой радиации) обеспечил появление на берегах озера больших плантаций редкого растения монохории подорожниковой, которое встречается только на юге Приморского края. Это место теперь объявлено заказником и охраняется.

Хозяином озера Болонь считается рыба – гигантский сом Солдатова. Широкая протока Сий выносит воды озера в Амур. По пути протока образует несколько остро-

вов, освоенных для своих хозяйственных нужд местным населением. Нанайские роды: Ходжер (Хэдер), Киле (Килэн), Бельды (Билдай), Одзял (Одзал) издавна проживают в окрестностях озера Болонь. Жители стойбищ Болан (Болонь), Дзуен (Джуен), Ордан, Япан и Нергул по рекам Натки, Симин, Харпи в 30-х годах XX столетия были переселены в села Болонь и Джуен, где организовались рыболовецкие артели. В настоящее время три селения остались на берегах озера Болонь. Самый крупный поселок Ачан (ранее Болонь – от слова Болон – глубокое, уловное место) возрождается вновь. Почти заглохла жизнь в маленьком поселке Тейсин. Ближе всех к железнодорожной станции Болонь селение Джуен. Оно раскинуло два крыла своих улиц по обе стороны мыса Джуен напротив острова Ядасен и как бы парит птицей над водной озерной гладью. Стойбище Джуен, бывшее Дзуен (Зуен), переводится как «два огонька», «два очага». По топонимике, приводимой Киле, Зуэ – два и ен – уголек (два костра, огня, в переносном смысле – два очага).

Жизнь и благосостояние местного населения всегда были связаны с озером и зависели от удачи рыбаков. Поэтому люди стремились беречь природную среду, в которой проживают. Чтобы беречь и любить этот благодатный уникальный край, надо его хорошо знать. Издревле складывался свод законов совместного проживания человека и «лесных, водных и горных людей». Эти заповеди передавались из поколения в поколение в мифах, легендах, сказаниях, песнях, танцах, в декоративно-прикладном искусстве. В них нашли отражение особенности ре-

Амурск. Остров Сахалин – жених Ядасен

льефа, состояние водной акватории, ветрового режима и ледового покрова. Название каждого мыса, скалы, речки, залива, утеса точно указывают его значение для жизни человека и способ природопользования.

Например, легенда об Эморонском старике гласит следующее. Если на Амуре сильный ветер, шторм, то, отправляясь на лодке в верховья или в низовья Амура, надо попросить Эморонского Деда, и он даст легкий путь и попутный ветер. Действительно, сильно извивающаяся протока Эморон ответвляется от Амура чуть ниже поселка Троицкое, стремится на север и вновь встречается с Амуром напротив Иннокентьевского утеса. У последнего крутого изгиба протоки от нее отделяется узкая и спокойная протока Накки. Прихотливо вьется она по заболоченной низменности и впадает в протоку Сий недалеко от села Ачан. Ею чаще всего пользуются аборигены, стремясь уменьшить риск плавания по широким могучим протокам и Амuru. Ширина Эморонской протоки несравненно уже, чем Амура. Ветер здесь имеет меньшую силу, волна не так высока и опасна. Вода в протоке имеет темно-рыжий цвет. Примерно в средней части Эморонской протоки возвышается заросший лесом высокий холм. Когда-то на нем было стойбище. По преданию, у подножия холма, в месте впадения в протоку небольшой речки со светлой прозрачной водой, стояли два больших камня антропоморфной формы – Старик и Старуха. Перед ними плоский камень – стол, на который выкладывалось угощение с прошением попутного ветра и легкой дороги. И сегодня можно побывать в гостях у Эморонского Деда, посидеть перед ним на свайном настиле, сплетенном из ивняка. Но он уже одинок, нет рядом старухи. Фасады камня выглядят по-разному, если смотреть на них со стороны протоки Эморонской или с тропы, спускающейся с гребня холма. Боковой фасад узкий, и силуэт его напоминает старика. Фронтальная поверхность более широкая, расплывчатая. Когда мы искали скалу Эморонский Старик, то плыли по протоке Накки, потом по Эморонской протоке до высокого холма, мысом выступающего в протоку. Мыс был обрывистый, заросший лесом. На нем сиротливо торчала и с тру-

дом просматривалась дощечка с надписью «Памятник природы. Охраняется». Никакой отдельной или выделяющейся скалы не было заметно. За мысом продолжалась протока. Покрутившись вокруг обрыва на лодке несколько раз, мы уже собирались возвращаться. Вдруг с противоположного плоского берега что-то упало в воду и поплыло в сторону мыса. Приняв это событие за знак, повернулись к мысу и стали наблюдать. Поперек речки плыла головка маленькой енотовидной собачки, видимо, щенок добирался до своей норы. Только угол «усов» волны от пловца выдавал его присутствие. Вскоре он одолел поток, выполз на камень, отряхнулся и исчез. Мы отправились за ним на другую сторону мыса, в глубину залива, и там нас встретил Эморонский Старик.

Озеро Болонь, изобилует эффектными выходами магматических пород и имеет в своей акватории два острова-вулкана. Берега озера насыщены легко узнаваемыми скульптурными скалами в виде останцев, выступов скал, естественных природных барельефов и рисунков на выветренных скалах. Мифы, поясняющие сюжеты скульптурных скал, содержат не только навигационную информацию, но и отмечают особенности локального природно-климатического комплекса.

Один из самых показательных и широко распространенных здесь мифов связан с островами-вулканами Ядасен и Гиудельген (Гиудэлгиэн). Он повествует о прекрасной девушке Ядасен, которая славилась своим искусством вышивать покрывала на голову. К ней посватался мэрген Сахалин. По обычаю после празднования этого события в доме невесты Ядасен вместе с подругами отправилась в дом жениха. В лодку уложили домашних сэвэнов, котел, сундук с одеждой, кукол, детскую колыбель, рыбу калугу, большой нож, свинью – символ богатства. Приданое невесты и подарки семье жениха отправили на другой лодке со слугами. Среди приданого было много соболей, туесков с разной ягодой. Жених, его отец и девять братьев выехали навстречу невесте. Когда лодка с невестой оказалась посреди озера, вдруг поднялся сильный ветер. Он сорвал покрывало с головы Ядасен, и все увидели, что она лысая. Стоявшие на берегу женщины и

Озеро Болонь. Остров Ядасен (Туф). Своей формой остров напоминает традиционную нанайскую лодку с полукруглым навесом в середине ее. Слева на носу «лодки» висится каменная свинья. Вид с юга

девушки из другого селения Нергуля засмеялись. Ядасен была сильной шаманкой. От стыда и обиды она окаменела, а вместе с нею превратились в камень и лодки со всем добром в них, и насмешливые люди, и жених с братьями и отцом.

Стоят с тех пор посреди озера два острова. В низкую воду боковой фасад острова Ядасен со стороны Ачана представляет собою точную копию традиционной длинной нанайской лодки с полукруглым навесом в центре – это купол вулкана высотой чуть больше 15 метров. На носу лодки висится громадная фигура свиньи, обращенная в сторону мыса Джуен. Второй остров тоже довольно высокий, плоский, заросший лесом, изобилует разными ягодами. На нем смотрят в сторону Ядасена каменные лица слуг в виде скульптурных скал. А на подходе к острову со стороны Тейсина хорошо видны на склоне высокого берега Гиудельгена юркие соболи. Одинокое стоит каменным останцем у подножия маленькой сопки на мысе Чаори старик-отец. Его сыновья девятью мысами замерли над озером. А удрученный горем жених все еще едет к невесте по Амуру островом Сахалян в районе города Амурска. У местных жителей он считается плохим и злым местом.

Довольно печальный сюжет мифа, но его содержание отразило многие особенности ландшафта озера Болонь. Прежде всего, химический состав воды и микроорганизмы в воде действительно способствуют потере шевелюры у человека и ухудшению слуха. Такие показатели выяви-

ли медицинские обследования местного населения села Джуен нашим экспедиционным врачом. Характерным для озера является необычный ветровой режим. Каждый день примерно с четырех часов пополудни до шести часов вечера вдруг появляются в чистом небе высоко над озером вихри облаков. Сильный ветер врывается в долину озера и разводит высокую волну. Почти двухметровой высоты стоячие волны способны перевернуть лодку и напугать путешественника. Возможно, эти явления связаны с непрерывающейся деятельностью разломов под озером. Попавшие в эту ситуацию люди (и мы в том числе) с надеждой молятся и покорно ждут милости от духа озера или помощи. К нам она явилась в виде катера рыбанадзора. Мужчины понимающе разглядывали наши опознавательные нашивки и снабдили горючим, чтобы мы могли добраться до Джуена.

Основные герои мифа продолжают жить в виде скульптурных скал антропоморфных и зооморфных форм. На острове Ядасен автором, руководителем экспедиции на озеро, и участниками ее найдены и зарисованы многие персонажи мифа. Это каменная свинья, голова калуги, большой каменный нож, сэвэн, игрушки, детская нанайская люлька, сундук (или каменная гробница), головки девушек-подруг, повернутые в сторону протоки Сий навстречу жениху. С большим трудом обнаружена и сама Ядасен. На плоском каменном обрывистом склоне вулкана, обращенном в сторону Джуена, автором выявлен большой рельефный портрет девушки высотой бо-

Озеро Болонь. Остров Ядасен. Окаменевшая свинья в лодке невесты

лее четырех метров. Гордое лицо Ядасен имеет ровный, почти египетский профиль, длинный нос, и... на голове ее действительно нет волос.

Каждый мыс над озером имеет свое легко запоминающееся «лицо». Это помогает ориентироваться в сумерках, в туманные и в дымные дни, когда плоское зеркало воды кажется бескрайним. Образ отца – Чаори (Чиора) очень напоминает фигуру древнего воина в шлеме. Киле поясняет топоним Чиора хурэкэни – сопочка Чиора. Слово Чиора несет в себе представление о чем-то узеньком (речка). Вероятно, Чиори хурэкэни – узкой грядой протянувшаяся сопочка. В самом деле, небольшой холм, у подножия которого стоит старик Чаори, имеет вытянутую форму отрога, обращенного в сторону устья речек на южной оконечности озера.

Мысы-сыновья имеют свои легко узнаваемые облики. Именно орографические особенности позволяют использовать их в качестве навигационных ориентиров. Подянахоан – хозяин очага. Небольшая скала в виде слегка сгорбленной фигуры старика наклонилась над очагом. Рядом с ним лежит собачка. Япокан – маленький выступ, мыс. Сакта хонкони – гора-циновка, может быть расшифровано как дьяволова гора, второе значение, воз-

можно, более верное. Сахарин хонко – черная гора. Сиякта – песчаный (берег), Сиякта хурэни (дуэни) – гора над песчаным берегом. Соболи хурэкэни (дуэни) – гора над сободем. Тейсин хурэни – гора Тейсина. Ороним «Тейсин» означает место обработки рыбы (от нанайского тэсин – место обработки рыбы, или обработка рыбы). В не столь отдаленные времена на мысе Тейсин ежегодно проводились свадьбы. Нучи Ганггокан – маленький гранит, Даш Ганггокан – Большой гранит.

Киле также упоминает об острове Ядасиан (Туф), с которым связаны многие легенды. Старики показывали ему камни, по своей форме напоминающие национальную утварь: Уткэн – большая мешалка, весом более центнера; Гуйсэ – сундук почти в натуральную величину (может быть, и не сундук, а гробница ребенка); Эмуэ – люлька, внешне напоминающая нанайскую; куски распиленной на пять частей калуги (осетра) и другие предметы.

В мифе, записанном Киле, остров Ядасиан, соседний с ним Гиудэлгиэн и некоторые каменные выступы Хурэндизэ связаны с легендой нанайцев, в которой повествуется о том, что во время свадебной процессии жених узнал, что его невеста лысая, и от стыда окаменел. Окаменели и невеста, и их свита. Ядасиан, Писэлгиэн, Гиудэлгиэн и соседние с ними острова названы именами этих персонажей. Сам же остров Ядасиан, по всей вероятности, был местом, где происходило священнодействие древних предков нанайцев, ульчей и других этнических групп. Так предполагать позволяют нам и те гранитные и базальтовые объекты, о которых упоминалось выше. Местная легенда повествует об острове Ядасен как месте фаллического культа. Жена из бездетной семьи после недолгого пребывания на острове могла иметь детей. По рассказам местных жителей, остров в старые был местом моления духам и ритуалов, во время которых женщина соединялась с любым пожелавшим ее мужчиной.

Не раз упоминается о наличии на острове Ядасен пещеры. В нее привозили больных и оставляли на не-

Серебряный утес над протокой Серебряной. Вид с реки Амур

Профили каменных мэргэнов

ИНАУЕНА

которое время, после чего они выздоравливали. Восточная сторона Туфа сохраняла в себе довольно большое углубление в виде туннеля, верхний свод которого поддерживался одной колонной. В этом туннеле до 30-х годов XX столетия играли дети. Об этом рассказывали Киле в Джуене и в Болони местные старики. По местным поверьям, ничего не следует брать в пещере, иначе вскоре погибнешь.

Совершенно странный и невероятный рассказ мне удалось записать со слов своего студента, который сам там не был, но пересказал рассказ одного из молодых участников нашей экспедиции, якобы самостоятельно посетившего пещеру.

Еще один миф озера Болонь связан с проведением обряда унди – очищения жилища после долгой зимы с помощью снопа кудрявых стружек. У славянских народов этот обряд под названием Троица также характеризуется ритуалом очищения жилища, его атмосферы от всяческих микробов и болезней с помощью растений. В дом вносились букеты свежих ароматных березовых и дубовых веток, богатых фитонцидами. Полы густо укрывались свежей травой. Исследования натуралистов отмечают такой же ежегодный ритуал очищения своего укрытия с помощью фитонцидных растений у многих животных и насекомых. Текст нанайского мифа повествует о том, как шаманка и сопровождающие ее девушки переходили из одного дома в другой, изгоняя злых духов (болезни). Одна девушка засмеялась. Вдруг небо потемнело, поднялись на небо три солнца, полились смоляные дожди, загорелась земля под ногами. Все люди и все стойбище окаменели. С тех пор никто здесь не живет. Этот миф связан с группой скульптурных скал на склоне выпуклого утеса мыса Нергуль, фланкирующего вход в озеро. Вероятно, сюжет запечатлел последствия землетрясения или парада древних планет. С мысом Нергуль также связана легенда о существовании на нем старинной крепости. Наши обследования выявили наличие валов и рвов на верхней кромке округлого утеса, нависающего над плоским небольшим покатым мысом. Нергуль – мифический герой или персонаж, или географическое название у предков нанайцев.

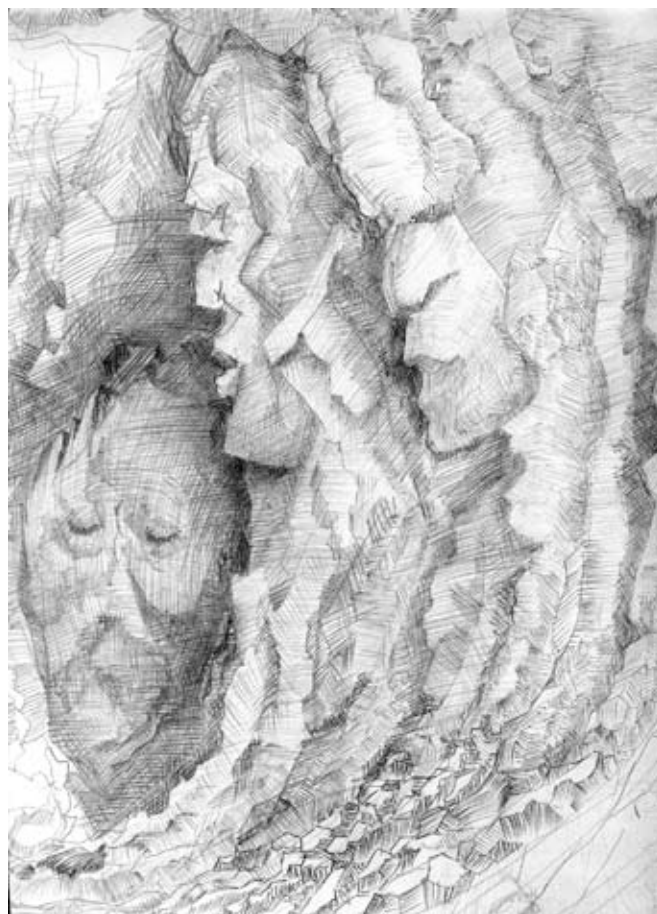
Между мысом Нергуль и поселком Ачан есть небольшой плоский мысок. Эта прибрежная полоса называется Сэвэн тоини – берег Бурхана. О нем есть предание – легенда в поселке Ачан. Давно, лет двести назад, рыбакам в сети попался большой тяжелый камень. Когда сеть вытаскивали, то камень плескался, как рыбы. Он был плоский и не похож на окружающие камни. Перед камнем преклонились, и с тех пор всегда был богатый улов. В 30-х годах XX столетия организовали в селе колхоз и заставили селян вскопать землю на этом мысе и посадить помидоры. Камень-сэвэн обиделся: ведь он всегда давал людям достаточно пищи. Рыба перестала идти в сети. Урожай помидоров был небывалый – все поле красное. Наутро приехали на лодках колхозники убирать урожай, а на поле нет ни одного помидора. Решили, что это их сэвэн наказал, за то, что землю растревожили, вскопали. «Наверное, бурундуки съели», – решили колхозники и никогда больше не использовали это поле в лесу.

В 1996 году лишь два человека в селе еще помнили миф о Сэвэне, но никто из них не видел его. Мы с Раисой

Алексеевной Бельды (преподавателем фольклора в Найхине) отправились в лодке на берег Бурхана. Она пошла в глубину леса, я обследовала прибрежную часть. Недалеко от берега в зарослях обратила внимание на необычную форму кроны высокого куста. Под ним светлела узкая полоска закопанного камня. Откопали из-под моховой подушки из земли большую плоскую плиту белого цвета ромбовидной формы. Сфотографировать плиту не удалось, почему-то не срабатывал фотоаппарат. Зарисовала каменную пластину – сэвэна. На ней было замечательное лицо с тремя глубокими круглыми большими глазами, приоткрытым маленьким ртом с гримасой полуулыбки. На «голове» был старинный шлем воина. Раиса Алексеевна считает, что это Подя – дух воды озера Болонь.

На протоке Серебряной за селом Ачан есть высокий утес Серебряный. Считается, что в нем живет в пещере дух Одзял. У подножия склона утеса действительно есть пещера. Она имеет искусственное происхождение. На расстоянии 10 метров от входа пещера разветвляется на два штрека. Под низкими сводами температура не поднимается выше 6 градусов, даже когда каменная стена у входа нагревается до 40 градусов. В конце левого штрека на плоской стене светом фонаря высвечивается овальное лицо старика-нанайца. Наверное, это дух Одзял. При определенном освещении можно увидеть в сколотых профилях стены силуэты мэргэнов, охраняющих покой Одзяла. Золотистые искры россыпей мышьяковистого колчедана сверкают на обломках скалы, придавая пугающую таинственность подземному зрелищу.

На склонах Серебряного утеса есть несколько скальных выступов-барельефов, напоминающих мужские про-

фили. Скала Кодан названа по имени древнего героя. Ее силуэт легко заметить как с береговой тропы, так и с воды при передвижении вблизи берега. Особенностью человека является стереоскопическое зрение на расстоянии 11–14 метров. При этом глаза видят объемную форму, которую не всегда фиксирует фотоаппарат. Это свойство позволяет аборигену увидеть и запоминать зрительные образы береговых скал. Их последовательное чередование закреплено в мифах, легендах, сказаниях. Получается визуальная путеводная нить (вспомним мифологическую нить Ариадны). Сохранение и заучивание опознавательных зрительных ориентиров чрезвычайно важно и сегодня. В этом мы убедились в 1996 году, когда дым от лесных пожаров застилал плотной пеленой почти все пространство Нижнего Амура и ориентироваться при передвижении на лодках на дальние планы было невозможно.

Мистическими свойствами награждает легенда самостоятельно передвигающийся камень в верховьях речки Харпи. Камень очень большой, почти прямоугольной формы. Незадолго до начала войны 1941 года охотники заметили, что он сдвигается и за ним остается черный след, на котором не растет трава. Оценили это явление как недобрый знак, предвестье беды, что и случилось. Однако профессор-почвовед Валентина Ивановна Росликова развеяла миф. По ее предположению, возможно, слабо выраженное углубление русла и долины речки спровоцировало сползание камня. Болотистая почва с линзами многолетней мерзлоты под большим давлением протаивала. В результате сильного трения в почве происходила химическая реакция с проявлением большого количества алюминия. Из-за него трава не может вырасти по следу камня.

Легко запомнить и узнать характерные особенности речки Харпи – ее сильно извилистое русло. По легенде, связанной с речкой, на берегу Харпи жил старик со своей дочерью. Отправляясь по своим делам далеко, отец наказал дочери не отлучаться из дома, беречь его. Девочка не послушалась отца, села в лодку и поехала в гости к подружке. Заигрались они. Когда девочка вернулась домой, то с ужасом увидела, что медведь навестил их жилище, разорил его и унес все припасы. Рассерженный отец прогнал нерадивую дочь из дома. Печальная, поплелась девочка к озеру, заливаясь слезами. Шнурки ее обуви развязались и вились среди травы. След их наполнялся слезами. Так появились речки Харпи и Харпинка.

На другом берегу Амура, вблизи села Нерген, есть невысокая скала с округлой верхушкой, выступающая из воды недалеко от берега. Сбоку она похожа на головку девочки. Спереди можно увидеть на ней лицо страдающего человека. На склоне утесов за спиной «девочки» просматриваются несколько скульптурных мужских лиц. С этой многофигурной композицией скульптурных скал связана тоже грустная легенда. Отец нескольких сыновей и маленькой дочери надел на шею своей любимце дочке наследственный фамильный браслет. Дети

подросли. Сыновья начали требовать, чтобы отец отдал им браслет. Но снять браслет с шеи девочки было уже невозможно. В отчаянии отец схватил меч и снес голову девочке. Голова покатила к реке и остановилась в воде. Ужаснувшиеся беде братья горько сожалели о своих притязаниях. Они устремились за отцом, но было уже поздно. Так и окаменели всей семьей. Эта окаменевшая легенда напоминает людям о тщете материальных ценностей.

Таким напоминанием о могуществе природных стихий служит скульптурная группа на самом острие мыса Нерген. Старик и старуха припозднились на осенней рыбалке и не успели вовремя переправиться через Амур. Пошла шуга. Мокрые липкие торосы мягкого еще льда заполнили поверхность воды в реке и налипали на лодку, тащили ее по течению. Старики решили переждать на берегу до ледостава. Долго сидели они у своей лодки, да так и замерзли.

Между вышепоименованными двумя группами скал на мысе Нерген выделяется еще одна скульптурная скала – утес необычно яркой окраски. Она выглядит обгорелой. Легенда повествует о горделивом молодом юноше – наместнике императора, который кичился своим золотым нарядом. Жаркое солнце не пощадило его и раскалило золотой панцирь одеяния. Сгорел в нем несчастный юный повелитель. Император сказал, что кара настигла гордеца поделом, слишком молод он был и не способен еще править народом.

Как прелестны, точны и емки по информации нанайские мифы, связанные с озером Болонь! В них нет ни одного лишнего или праздного слова. Они не перенасыщены эмоциями и красноречием, как, например, героический эпос эвенков.

Мы видим из вышеописанного, что изучение, сохранение и распространение старинных народных знаний не потеряло своего практического применения и сегодня. Такое важное информационное значение микро рельефа и макрорельефа на берегах рек и озер заставляет местное население более бережно относиться к использованию каменных природных ресурсов, не разрушать их, чтобы не нарушить одухотворенность и одушевленность этих мест. Чрезвычайно привлекательны такие живые ландшафты для туристов, ученых и всех неравнодушных людей. Многослойные историко-археологические памятники подобных мест вкупе с природными причудами, одушевленными мифами и легендами становятся источниками ежедневного путешествия зрителей в мифологическом времени и пространстве.

Источники:

1. Записи опросов местных информаторов и записи мифов участниками групп Бельды Раисы Алексеевны и Киришовой Ольги Петровны.
2. Киле, Н. Б. Нанайские топонимы района озера Болонь / Н. Б. Киле // Филология народов Дальнего Востока. – Владивосток, 1977. – С. 59–63.

Аким Поликарпович Уды.
1940-е

Аким Поликарпович Уды.
1977

Аксинья Акимовна Ван.
2000

История ульчского рода Уды

Елена У,
сотрудник Ассоциации коренных малочисленных
народов Севера Хабаровского края

История одной фамилии, одного рода – не просто родословная нескольких людей, объединенных кровным родством и общим прошлым, это всегда история народа. Работа над статьей «История ульчского рода Уды» началась с простого вопроса: «Кто же были мои бабушка и дедушка?». Мама часто говорила, что они были людьми интересными и что у нас очень много родственников. Но ответить на многие вопросы можно, лишь занявшись этим всерьез, погрузившись в этнографические источники и пообщавшись с близкими, которые сохранили последние «капли» нашей крови...

Эта небольшая исследовательская работа посвящена моему деду Уды Айкину, который жил в селе Кольчём Ульчского района, близ древнейшего озера Удыль, а также всему ульчскому народу. Возможно, она поможет кому-то еще восстановить прошлое своего рода, так как в ней переплетается множество судеб.

У Елена Анатольевна родилась в селе Булава Ульчского района Хабаровского края. Окончила художественно-графический факультет ХГПУ. После окончания руководила художественной студией «Волшебные кисточки» при центре детского творчества Хабаровского района.

Со временем основой профессиональной деятельности становятся проблемы культурного наследия коренных малочисленных народов Севера, а также социально-экономические вопросы их жизни. С 2004 года Елена У старший научный сотрудник отдела этнографии Хабаровского краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова, а с 2006-го – сотрудник Ассоциации коренных малочисленных народов Севера Хабаровского края.

Село Кольчём. 1948. Справа – Аким Уды с женой Еленой Дятала

Состав ульчей, как и состав других народностей Приамурья, чрезвычайно пестр. О происхождении ульчей правомерно суждение Л.Я. Штернберга, которое он высказывал в адрес нанайцев: «Это конгломерат родов различного происхождения». По мнению А.В. Смоляк, в составе ульчей весьма существенен нанайский компонент, но в сложении этого этноса большую роль сыграли и нивхи, эвенки, орочи, негидальцы, айны. Однако основой, несомненно, стали аборигены, жившие на Нижнем Амуре до прихода всех вышеперечисленных народов. Примером такого сложного происхождения может служить ульчский род Уды.

На многокомпонентность рода указывают два этнонима – Уды и Пильдунча. Род Уды-Пильдунча проживал в Джолмаки, Джолоко, Кеньжа, Кольчём, Сучу, Халан. По сведениям А.В. Смоляк, он состоял из трех групп. Одна из них удэгейского происхождения, вторая – негидальского (выходцы с реки Амгунь, длительное время жившая по притоку реки Пильду-Битки) и третья – род Удан, издавна живший на Удыле. А. М. Золотарев же напрямую относит роды Зятала, Пилдунча, Уды к родам удэгейского происхождения. (Имеются в виду роды Дятала, Пильдунча, Уды.)

Сегодня значительные сведения о происхождении этого рода хранит старейшая жительница села Кольчём – Аксинья Акимовна Ван, 1929 г. р. (в девичестве Уды). Опираясь на ее рассказ, можно сделать предположение,

что ее дед был основоположником удэгейской ветви рода Уды.

А.А. Ван сообщила, что ее дед спустился по реке Пильда на озеро Удыль вместе с нанайским родом Онинка. Это сообщение первоначально вызвало удивление, так как фамилия Онинка не распространена на этой территории. Но в настоящее время потомки ульчского рода Дятала говорят, что их предком был Онинка – старик с сыновьями, приехавшие откуда-то с верховьев Амра. Нанайцы Онинка, живущие в современном Нанайском районе, в прошлом жители реки Анной, помнят о переселении части их рода по течению – на озеро Удир (Удыль). Вопрос о смене названия рода Онинка на род Дятала раскрывает А.В. Смоляк. Она, опираясь на сведения своих информантов, связывает этноним Дятала с термином «дятала», означающим один из видов тальника, в изобилии росший в той местности, где обосновались и долго жили переселенцы Онинка. Таким образом, этноним произошел от названия места, которое можно перевести как «Тальниковое». Вообще многие названия подразделений ульчских родов имеют «территориальный характер» (от названий местности).

Для того, чтобы делать предположения о происхождении рода Уды, опираясь на утверждение А.А. Ван о совместном приходе ее предков с Онинка на Удыль, следует обратиться к происхождению рода Онинка. По одним версиям их далекие предки вышли со Средне-

го Амура (как говорят потомки рода Онинка, из района Благовещенска), спустились до устья Усури, затем расселились по Хору и Самарге, жили по притокам этих рек. В результате ссоры часть Онинка переселилась на реку Анюй (бывшая Они), потом вышла на Амур, где члены этого рода постепенно стали нанайцами, слившись с жителями Амура по культуре и языку, вследствие ассимиляции. Часть Онинка ушла с Анюя вниз по Амуру к озеру Удыль.

По другим преданиям, Онинка жили раньше по реке Коппи (Хабаровский край), впадающей в Татарский пролив – традиционный район проживания удэгейцев и орочей. Они поднялись вверх по реке, а затем перешли на Анюй. Возможно, в то время, до их обоснования на реке Анюй, они имели другое наименование рода, так как название Онинка происходит от топонима «Они» (так раньше назывался Анюй, в переводе с нанайского «горная река»). Возникает вопрос об этнической принадлежности Онинка, живших в прошлом на Анюе. Некоторые Онинка считают, что их предками были удэгейцы. Онинка Нанайского района очень близкими себе считали удэгейцев рода Кялундзига, не вступали с ними в брачные отношения.

Возможно, и часть ульчского рода Уды была связана с удэгейцами близкими родственными отношениями. У Дятала (в прошлом Онинка), с которыми Уды роднились и имели экзогамные отношения, и части Уды, живших в селе Кольчём, очень сходны предания о происхождении: те и другие говорят о первоначальном проживании на реках Хунгари и Анюй, но первые считают, что их предками были нанайцы, а вторые – что удэгейцы. А.А. Ван хорошо помнит семейное предание, что ее дед из рода Уды имел двух братьев, один из которых был Онинка, оставшийся жить в Нанайском районе, а сам же он с другим братом продолжил свой путь до реки Пильда, впадающей в озеро Удыль. Придя на эту реку, они стали называться Пильдунча, что означает «люди, живущие на реке Пильда» (в ульчском языке прибавление к названию местности «нча» означает принадлежность ей). Но удэгейское самоназвание «удэ» у них сохранилось и стало родовым этнонимом (близко к Удан – родовому названию местных обитателей побережья озера Удыль). По данным А.А. Ван, в конце XIX века здесь они организовали золотой прииск. «Затем на это место пришли корейцы и китайцы, прослышав о богатом месторождении, где золото лежало прямо под ногами». Между ними возникла вражда, о которой сохранились устные предания: «Они воевали между собой, убивали друг друга, чтобы только остаться в этом месте». Позднее русские золотопромышленники организовали здесь прииск «Агние-Афанасьевский», из-за чего братьям пришлось спуститься вниз по течению, где они вышли на озеро Удыль. Факт совместного с Дяталом прихода рода Уды на озеро Удыль подтверждает и А.В. Смоляк: «Ульчские роды Дятала и Уды, пришедшие с рек Хунгари и Анюй, избрали местом жительства озеро Удыль. Со своими сородичами они совсем не общались (расстояние не менее 300 км), но вступили в тесные контакты, все более сближались с жившими на месте нового расселения негидальцами, ульчами. В настоящее время отличий в их культуре от ульчской уже почти нет». По словам Акси-

ньи Акимовны, еще обитая на реке Пильда, они занимались сельским хозяйством: держали лошадей, коров, овец, возделывали поля, сеяли овес, пшеницу, просо. Придя на озеро, братья заняли острова недалеко от селения Кольчём, один из них называется сегодня «Рогачевский», где они также занимались животноводством и земледелием. Девушки из рода Уды считались богатыми невестами, потому что в состав их приданого обязательно входили лошадь и корова. «Местные жители из села Кольчём часто по ночам совершали набеги на их поля. Но семья обрабатывала земли и держала стада животных намного больше, чем это нужно было для того, чтобы прокормить себя. Поэтому всегда было много излишков зерна, молока, которые они раздавали местным жителям». Такое хорошее знание животноводства и земледелия на данной территории и в этот период времени очень удивляет, так как по всему видно, что, придя на новое место обитания, эти люди взялись за это занятие со знанием дела. Видимо, навыками сельского хозяйства они овладели намного раньше. Возникает вопрос, откуда. Исторический источник указывает, что в то время почти все народы Амура были незнакомы с этим видом деятельности. Лишь в 1890–1895 годах русская администрация предприняла попытки внедрить земледелие среди ульчей, но эта новая отрасль хозяйства прививалась с большим трудом. Обрабатывать землю ульчи первоначально отказывались не только из-за непривычки к этому занятию, но и в результате традиционных религиозных воззрений. Удэгейцы в 90-е годы XIX столетия были знакомы с сельским хозяйством. По реке Бикин при каждом удэгейском селении было разработано от 1 до 2,5 десятины земли, на которой выращивали картофель, кукурузу, лук, тыкву, капусту, огурцы и другие культуры. Некоторые бикинские и иманские удэгейцы держали мелкий рогатый скот, свиней и кур. Но такую деятельность, скорее всего, можно назвать огородничеством, которое в отличие от земледелия не предполагает выращивания зерновых культур. Единственным народом, знавшим земледелие до того периода времени в верховьях Амура, были дауры. В результате походов XVII века русские в своих донесениях все время подчеркивают: «...а хлеба у них родится много». Даурами культивировались овес, ячмень, просо, гречиха, горох, конопля, огурцы, мак, бобы, чеснок, яблоки, груши, орехи. У них было довольно значительное количество скота и лошадей. Таким образом, можно предположить, что предки рода Уды либо в прошлом имели тесное общение с этим народом, либо сами вышли из него.

Поликамп Уды (по-ульчски Кистан Уды), один из братьев, уже живя на Удыле, женился на девушке из местного рода Ходжер. В этом браке родились дочери и два сына – Семен и Аким (по-ульчски Айкин) Уды – отец Аксины Акимовны Ван. Во время коллективизации Аким Поликарпович Уды все семейные угодья передал в колхоз и сам стал председателем колхоза. В 1937 году Поликарпа Уды и его сына Акима репрессировали, обвинив в шпионаже в пользу Японии. Отца расстреляли в Николаевске-на-Амуре, а Аким сидел в тюрьме в Комсомольске-на-Амуре до 1945 года.

Все это время семья хранила свой родовой знак в виде тщательно отшлифованного круга с круглым от-

вертием в центре из светло-желтого непрозрачного камня. Наружный диаметр (около 10 см) окаймляли повторяющиеся фронтальные изображения китов (одинаковые), остальное пространство декорировано маленькими кружками и точками. А.А. Ван помнит историю об этом знаке: «У одного из братьев долго не было детей – рождавшиеся дети все умирали. И тогда, чтобы уберечь нового ребенка от смерти, ему на грудь подвешивали этот каменный круг». Знак передавался по наследству от отца к сыну. Но получилось так, что последней хранительницей его была Акси́нья Акимовна как старшая дочь Акима Поликарповича Уды, так как сыновья в то время еще не определились в жизни. А.А. Ван берегла родовой знак до смерти отца, который умер в 1986 году. Во время похорон она положила этот знак в гроб отца, никому не сказав об этом. А.П. Уды был похоронен в селе Булава Ульчского района.

То, что на знаке основным элементом является круговой орнамент из изображений кита, дает возможность предполагать, что корни рода Уды уходят к народу, обитавшему на морском побережье, который видел это морское животное и, возможно, охотился на него, а может быть, считал его первопредком.

А.А. Ван вспоминает, что ни дед, ни отец не верили местным шаманам, хотя отца часто просили вырезать сэвэнов. Он ругался, но не мог отказать людям в просьбе, так как был хорошим мастером. Последний медвежий праздник в Кольчэме проводился, когда Акси́нья Акимовна была совсем маленькой, примерно в 1940-х годах. Медведь был выращен ее отцом, но когда подошло время празднования, он отказался его проводить сам и отдал медведя односельчанам, которые организовали обряд в честь его дочери. По всему поведению Акима Поликарповича Уды можно судить, что он не знал этого обряда и не верил в него. А когда в 1930-х годах семью репрессировали, то во время обыска на дне одного из сундуков нашли детскую библию с красочными картинками. Библия могла оказаться в семье либо в результате крещения, либо после общения с русскими миссионерами. В 1860-х годах на Нижнем Амуре началась деятельность русской православной миссии, и уже вскоре были крещены многие нивхи, ульчи и нанайцы. В 1890-х годах в районе расселения ульчей при Мариинском, Софийском и Больше-Михайловском станах были открыты одноклассные церковноприходские школы для детей коренного населения. В 1913–1917 годах функционировали одноклассные школы в ульчских селениях Удан и Пули. Отец и дед, по воспоминаниям А.А. Ван, с желанием откликнулись на все эти мероприятия русских, но факт их крещения неизвестен.

Если придерживаться версии, что предками рода Уды были люди, обитавшие на морском побережье, беря во внимание родовой знак с изображением кита, то, возможно, это и есть та ветвь, имеющая удэгейские корни, от которой произошла одна из трех частей ульчского рода Уды. Удэгейцы, проживавшие на реке Коппи, имели свободный выход к морю, так как эта река впадает в Татарский пролив.

Что же касается второй ветви рода Уды – негидальского происхождения, то имеется интересная ин-

формация от второй дочери Акима Поликарповича Уды – Мираиды Акимовны Шафрановой (в девичестве Уды), 1948 г. р. Она сообщила, что в конце 1970-х годов отец упоминал об их родстве с родом Дигор. А.В. Смоляк пишет, что нанайский род Дигор – выходцы с реки Амгунь. «Старики (видимо, из рода Дигор) называют старинные селения Сирухэ и Хольдами в верховьях Горина, в которых первоначально жили их предки. Затем они спустились к устью этой реки, в село Бичи, стали выселяться в амурские селения». В конце XIX века небольшая группа Дигэр встречается в ульчско-нанайских селениях по Амуру, их потомки обитают здесь до сих пор. В 1958 году старик Ф.Г. Дигэр из села Карги рассказывал, что его сородичи жили в прошлом также на озерах Удыль и Кизи. Возможно, он говорил о роде Уды. Видимо, Уды могли породниться с Дигор, если они по реке Анью дошли до ее устья, переправились на другую сторону Амура и вышли к истоку реки Горин.

И третья часть рода Уды – это древний местный род Удан. Пришедший с верховьев Амура род Уды, по-видимому, встретился с этим родом и объединился с ним. Лишь часть Удан, ушедшая в свое время на реку Амгунь, сохранила самостоятельность и свое название. Они считают ульчей Уды сородичами: в 1923 году старики из рода Удан сообщили В.И. Цинциусу, что их сородичи живут на озере Удыль. Можно предположить, что они имели в виду ульчей Уды.

В заключение важно отметить, что все явления и процессы, обозначенные в статье, были характерны не только для конкретного рода. Аналогичные явления происходили и с другими ульчскими родами, лишь отличались народы и немного периоды времени. На это повлияло множество факторов: здесь много веков пролегал путь для различных народов, как идущих со стороны моря через Татарский пролив, озеро Кизи, так и для тех, кто шел с верховьев Амура по горным рекам, впадавшим в озера. Но для того периода, который описывается здесь, немаловажной причиной передвижения народов является интенсивное заселение Дальнего Востока русскими. Наиболее полную характеристику этому явлению дает А.В. Смоляк: «Подобные перемещения на Нижнем Амуре – явление очень древнее, однако особенно интенсивно оно происходило с переселением на Амур русских. Все это нарушало традиционные контакты и способствовало возникновению новых этнических связей. Некоторое влияние на эти процессы оказало создание русских ярмарок. Различные по происхождению этнические группы, издавна находившиеся в дружественных или родственных связях, спланивались, однако эта близость была не столь тесной, чтобы у каждой народности Нижнего Амура до революции возникло сознание своего этнического единства и завершилось формирование единой культурной общности. Отсутствие общего самосознания объяснялось множеством локальных культурных и языковых особенностей: их чрезвычайная разбросанность на огромной территории, наличие многих диалектов, говоров, особенностей в культуре – все эти факторы повсеместно препятствовали появлению общего национального самосознания».

Дмитрий Романюк. У папы в мастерской. Линогравюра. 1987

Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды: СЛАВЯНЕ

БЕЛОВОДЬЕ: страна древнего благочестия

Вера КОБКО,
зав. сектором реставрации Приморского
государственного музея им. В.К. Арсеньева
Владивосток

Экономические причины были, безусловно, решающим обстоятельством в крестьянском переселении на пустынные берега Тихого океана с необъятными земельными просторами. Но в том случае, когда речь идет о переселении старообрядцев, нельзя забывать и о другом важнейшем факторе – религиозной свободе.

Переселению на Дальний Восток старообрядцев, а также сектантов, во многом способствовало Положение, принятое 4 июля 1860 года и разрешившее переселение на окраину России всем категориям раскольников, кроме скопцов. Оно оказалось как нельзя кстати и впервые открывало легальный путь старообрядцам на Дальний Восток. Слухи о религиозной свободе, которой они не пользовались в других местах, были чрезвычайно заманчивы для сектантов и раскольников и послужили одним из сильнейших толчков к переселению. Еще довольно длительное время местные власти будут демонстрировать лояльное отношение к «раскольникам». В сложных условиях освоения дальневосточных территорий, пожалуй, у них и не было альтернативы.

Логин Григорьевич Давыдов, 1915. Его отец Григорий – «вечный странник», искатель Беловодья на берегах Сырдарьи, в Японии

Во время интенсивных миграций и освоения все новых просторов на востоке страны исключительное значение приобретают легенды о далеких землях. Утопическая легенда тесно переплелась с реальностью колонизационных и социальных процессов. Любой исторический анализ обязан учитывать специфику социально-утопических легенд.

Пожалуй, ни одна из утопических легенд не была так притягательна для русского крестьянства, как легенда о Беловодье. Она появилась в период самого интенсивного освоения Сибири и способствовала продвижению русских крестьян-старообрядцев на восток. Вместе с освоением новых земель менялась и география легендарной страны. Длительное время (с 70-х годов XVIII века) мес-

Федор Михайлович Нагорнов, один из потомков приморских искателей страны древнего благочестия. 1996.

Фото А.М. Паничева

Приморье... Отсюда пролегали пути искателей Беловодья. Фото А.М. Паничева. 1996

тонахождением страны древнего благочестия была долина реки Бухтармы, затем уже и сами жители Рудного Алтая уходили в поисках ее дальше, в Китай, на о. Лобнор, и далее к островам Тихого океана или в «Опоньское царство» – Японию.

Со времени присоединения Приамурья и Приморья и с установлением дипломатических отношений с Японией появляется наконец реальная возможность проверить правильность этих текстов и слухов. В 1898 году, решив добраться до Японии морским путем, в кругосветное путешествие отправляются уральские казаки-старообрядцы. Но мираж так и не стал действительностью.

Нам представлялось интересным проанализировать

На развалинах «земного Рая». Один из уцелевших домов бывшего старообрядческого х. Новокаменского. 1993

состояние Беловодской легенды в среде современных приморских старообрядцев, опираясь на устную традицию (воспоминания, слухи, предания, легенды).

Учитывая особое географическое положение Приморья и уже известные публикации, мы смели надеяться на хорошие полевые результаты. Но каково же было наше недоумение и разочарование, когда в течение нескольких лет работы нам ни разу не удалось услышать утвердительного ответа на вопрос о Беловодье.

Впервые, как это ни странно, нам удалось записать рассказы о Беловодье не в старожильческих селах, а в молодом таежном селе Ясном Чугуевского района, где с середины 60-х годов XX столетия обосновалась небольшая группа старообрядцев – репатриантов из китайской провинции Западный Синьцзян. Как оказалось, о Беловодье слышали и знали все без исключения синьцзянцы, правда, в самых общих чертах. Подробностей маршрута в Беловодье не знал никто. О Беловодье говорили как о праведной, благочестивой земле, но рассказывали об этом, что также удивило нас, с явным скепсисом. То, что именно этой группе старообрядцев была известна легенда о Беловодье, объяснялось просто: все они были выходцами из района Рудного Алтая, реки Бухтармы, потомками так называемых «каменщиков». Среди мест выхода информаторами называются села Фыкалка, Погуляйка, Мяконька, Уймон, Печи, Верх Уймон и др. Именно в этих местах появилась и сравнительно долго просуществовала вольная бухтарминская община. Слухи о вольной мужицкой земле быстро распространились среди европейских и сибирских губерний и еще долгие годы подпитывали и на-

полняли реальным смыслом утопическую легенду о Беловодье. Реальная часть маршрутов известных текстов «Путешественников» обрывается на Бухтарме, учитывая таким образом историю алтайских «каменщиков» XVIII века. Отсюда же начиналась легендарная часть маршрута через Китай в Беловодье. Часть семей из уже упомянутой нами группы старообрядцев перебралась в Западный Сынцзян из района Бухтармы еще до революции, часть – уже в годы начавшейся коллективизации. Район Западного Сынцзяна – это район реки Черный Иртыш, городов Урумча, Кульджа, где по документированным источникам в 60-е годы XIX века происходили наиболее интенсивные поиски Беловодья. Таким образом, устная традиция не была прервана, и слухи о Беловодье, хотя в очень упрощенном виде продолжают сохраняться и у нынешнего поколения сынцзянцев, правда, только у людей пожилого возраста. Молодежь, родившаяся и выросшая в Приморье, уже ничего о Беловодье не знает.

Два года назад экспедиционные дороги привели меня в поселок Единка на северном побережье края. В прошлом большое старообрядческое село, сегодня – пустынное, умирающее. Один из жителей села Кирик Логинович Давыдов рассказал о том, как его дед Григорий Давыдов «долго искал счастливые земли... На Сырдарью ходил, в Японии побывал». Радость моя при этом известии была все же несколько омрачена тем, что более никаких подробностей Кирик Логинович вспомнить не смог, уточнил, правда, что поездка деда в Японию состоялась уже после того, как семья переселилась сначала в Амурскую область, а затем уже переехала на северное побережье Приморья в начале XX века. Родом Григорий Давыдов из Самарской губернии села Черные Ключи. Упоминание о путешествии Григория Давыдова на Сырдарью в поисках счастливых земель также не было случайным. К.В. Чистов в известной своей работе о Беловодской легенде упоминает и другие социально-утопические предания, появившиеся в XIX веке, среди которых малоизвестная и неизученная легенда о реке Дарье. После неурожая 40-х годов XIX века между крестьянами некоторых губерний распространился слух о массовом переселении на Дарью с сытной водой, кисельными берегами. Эту же легенду упоминает П.И. Мельников-Печерский в «Отчете о состоянии раскола в Нижегородской губернии». Оба автора отмечают, что легенда о реке Дарье была распространена в основном в приволжских губерниях.

Совсем недавно в музей поступил интереснейший источник – письмо Климентия Филипповича Нагорнова, одного из старожилов северного побережья Приморья. В числе прочих важных событий он упоминает и поиски местными старообрядцами истинного священства: решением одного из всероссийских соборов отправились искать истинное священство, «которое будто бы есть в Абиссинии, в Японии... там русские православные церкви существуют, мол, в полном благолепии. В Абиссинию (ныне Эфиопия) ездили, ничего там не нашли. Поехали в Японию. Из наших самарских я знал Давыдова Ефима Никитича. Кое-что слышал от него самого. С ним ездил тоже Давыдов Фадей Лазаревич. Кто был из Черепановых? Надо полагать, Олимпий Трифионович, но хорошо я не знаю, а ездили Давыдовы не вдвоем, а может быть Фунтиков Егор Иннокентьевич, но я точно не знаю. Поездка

эта состоялась в 1903 или 1904 годах А найти священников по этим легендарным статейкам не удалось и в Японии... А статейки писались от руки в книгах, называемых «Цветниками». В «Цветники» писались выдержки из священных книг, хорошо известные молитвы, и между ними помещались статейки, кем-то выдуманные... писали... о картофеле бесовском, о чае идоложертвенном...».

История, рассказанная К.Ф. Нагорновым, очень похожа на историю о поездке уральских казаков в 1898 году в поисках Беловодья и истинного священства. По всей видимости, сам факт посещения уральскими казаками Японии был известен рассказчику. К.В. Чистов в своей известной работе уточняет, что поездка уральских казаков связана не только с поисками Беловодья, сколько со стремлением проверить достоверность грамот Аркадия «Беловодского». В 70–90 годы XIX века в связи с легендой о Беловодье появился некий Аркадий, выдавший себя за архиепископа «беловодского поставления» (подлинная фамилия его А.С. Пигулевский). Он побывал в северных, центрально-русских губерниях России, а также Пермской, Вятской, Оренбургской губерниях, повсюду распространяя грамоты с описанием своего путешествия в Беловодье (морского путешествия!), получения там чина и последующего возвращения в Россию. Возможно, именно эти грамоты Аркадия Беловодского и имел в виду К.Ф. Нагорнов, называя их «легендарными статейками». Состав приморских искателей Беловодья, безусловно, требует уточнения. Дело в том, что Давыдовы появятся на северном побережье только в 1910–1911 годах. До этого, по нашим сведениям, они жили какое-то время в Амурской области. Фунтиковы и Черепановы – старожилы Улахинской долины, переселятся на северное побережье также примерно в это же время. Тем не менее мы не исключаем возможности переселения улахинцев на северное побережье немногим ранее.

Уже после окончания Русско-японской войны в поисках Беловодья отправляются в Японию еще несколько старообрядческих семей из Владивостока. Об этом важном и интересном для нас факте мы узнали из статьи «Староверы в Японии» японского ученого Е. Накамуры. Семьи Савельевых и Васильевых поселились в местности Сасанагарэ, рядом с горячим источником, «но Япония оказалась не похожей на утопию – страну с молочными реками». Разочарование наступило довольно быстро, и через некоторое время семьи постепенно переселяются в Северную Америку. Для нас чрезвычайно важно было знать, откуда переселились семьи Савельевых в Приморье. Долгое время мы не могли найти подтверждений о пребывании этих семей здесь. И только материалы дела о старообрядческих волнениях 1932 года на северном побережье края смогли расставить все точки над і. Оказалось, что и этот интереснейший факт опять-таки связан с семьей Давыдовых. Во время следствия выяснились связи жителя села Кхуцин – Ивана Ефимовича Давыдова (сына того самого Ефима Давыдова, которого упоминает К.Ф. Нагорнов) с «японскими интервентами». Более того, оказалось, что в Хакодате у него живет сестра Ксения Ефимовна с мужем Фадеем Савельевым! «С сестрой моей и ее мужем, – рассказал на допросе Иван Ефимович, – не виделся (И.Е. Давыдов побывал в Японии в 1921 году для перезаключения договора по поставкам леса. – Авт.), правда, делал попытки, но мои ста-

рания ничем не увенчались, т. к. они жили в 80 км от порта Отару в поселке Хакодате. Зять мой Савельев выехал в Японию в 1914 году весной как верующий, желающий пробраться в Америку-Канаду к своим староверам. Но почему-то застряли и остались на жительство в этом порту. Известно из писем, что он содержал там молочных коров и сдавал молоко. После 1924 года он писал брату, что имеет большое молочное хозяйство до 20 коров и живет там хорошо, туда не звал. И у меня стремления не было».

Итак, Приморье конца XIX – начала XX века связано было, судя по публикациям, уже с заключительным этапом жизни Беловодской легенды, когда все чаще появлялись рассказы о том, как искали и не нашли Беловодье.

За время экспедиционной работы на северном побережье нам удалось записать две легенды, связанные с поисками счастливых земель. Обе легенды записаны в селе Усть-Соболевка от старообрядцев урало-сибирского происхождения.

«У нас рассказывали, плыл как-то корабль. Буря случилась, а у них вода кончилась, а земли не видать. Слышат только, колокол бьет. Ну, поплыли туда, увидели остров. Примкнули к острову. К ним люди все в белом пришли, дали им воды и наказали никому не говорить об этом острове. А Петр Первый всех заставил искать этот остров и присоединить его к России. Стали искать, да не нашли. Бог прикрыл этот остров».

«У нас тут другое рассказывали. Бежало много царских чиновников с разодетыми женами. Они уплыли на пароходе. Куда уплыли, никто не знает, но один мужик заблудился в море, и его прибило к острову, где он увидел, как хорошо они там живут. Море прикрывало этот остров». В этих легендах явно позднего происхождения есть некоторые приметы, сближающие их с другими социально-утопическими легендами и Беловодской легендой в том числе. Согласно почти всем текстам редакций «Путешественника» Беловодье расположено за морем на 70 и более островах или на берегу океана. Островное положение счастливых земель не случайно («Остров Утопия» Т. Мора, «Остров Солнца» Кампанеллы). По мнению Ю.М. Лотмана, в средневековой системе мышления сама категория земной жизни противостоит жизни небесной. Поэтому и земля как географическое понятие входит в оппозицию «земля – небо» и получает несвойственное современным географическим понятиям религиозно-моральное значение. Те или иные земли воспринимаются как праведные или грешные. Праведные земли, прекрасные земли, как правило, наиболее удаленные, исключенные из сферы плохой, грешной действительности. Признак географической удаленности был обязательным в утопических легендах. Движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей, верхняя ступень которой находится на небе, в раю, нижняя в аду. В связи с темой символики пространства вспоминается факт реально существовавшего в Приморье места под названием «Рай». В русской утопии существует понятие особой географии, особого климата. Рай – это место особенно благодатное, с приспособленным для жизни человека климатом. В раю плодородная почва, все растет само в изобилии (так и в Беловодье, этом земном раю). По всем приметам хутор Новокаменский Чугуевской волости, ви-

димо, подходил под это определение как нельзя более. Он был основан несколькими старообрядческими семьями еще задолго до революции и просуществовал до начала коллективизации. Хутор находился за рекой, в уютной, очень живописной долине с плодородными почвами (650 га пахотной земли), рядом богатейшая уссурийская тайга, река, целебные ключи, безбедное житье вдали от властей. Здесь селились наиболее крепкие в вере христиане. Совсем недалеко отсюда находились тайные скиты пустынников. Словом, благословенные Богом места. Не случайно хуторяне повесили на раскидистое дерево перед въездом в хутор табличку с надписью «Рай». Многие старообрядцы еще вспоминают об этом сегодня.

Итак, счастливые, или праведные, земли могли быть расположены только вдалеке от реальной действительности, исключены из нее. В нашей легенде, возможно, остров и находится где-то рядом (на лодке далеко не уплышь), но «море прикрывает остров», он невидим для всех остальных.

Примечательно, что народная фантазия в одной из записанных нами легенд помещает на этот остров не мужиков (лишь одному из них случайно удастся побывать на острове), а «царских чиновников с женами», тогда как во всех редакциях «Путешественника» подчеркивается, что Антихриста в Беловодье нет и не может быть, т. е. нет и не может быть царя, армии, помещиков, чиновников, представителей светской власти. На мой взгляд, здесь произошла фольклоризация реальных событий, наложение легенды на реальные события 20–30-х годов XX века в Приморье. В 1922 году, навсегда покидая родину, уходили из Владивостока последние пароходы с белоэмигрантами. Старообрядцы, возможно, сочувствуют им как людям, пострадавшим от безбожной антихристовой власти и символизирующим добрые старые времена. Народное сознание помещает и их на таинственный остров, где они продолжают жить счастливо. Характерно, что в этой легенде не говорится об острове как о праведной и благочестивой стране. Последние строчки легенды создают впечатление недостижимости счастливой жизни. Ранее подобный интересный вариант наложения Беловодской легенды на реальные факты миграции алтайских крестьян-старообрядцев упоминался Н.Н. Покровским.

Пожалуй, больше всего вопросов поставила передо мной информация, услышанная от старообрядцев-федосеевцев, переселившихся в начале XX века из Житомирской губернии. С этого времени и до середины 30-х годов старообрядцы-федосеевцы согласно статистическим отчетам проживали в селах Стольное и Ивановичи Южно-Уссурийского края. В связи с начавшейся коллективизацией большинство жителей этих сел переселилось во Владивосток, где поселилось компактно в районе современных улиц Громова, Окатовой. Разговаривая с одной из старообрядок, я вдруг услышала от нее совершенно незнакомый для меня топоним – «Сиричино». Я уточнила: «Так называлось село, место, куда вы переселились?» «Нет, – ответила она, – так старики называли Дальний Восток, Приморье, когда собирались переселиться сюда. Поедем, говорят, в Сиричино. Жизнь тут свободная была, спастись можно. Когда стали жить здесь, то больше так не называли». Очень соблазнительно было связать этимологию

этого топонима с птицей Сириин, птицей-девой, фантастическим существом, образом, пришедшим на Русь с Востока, олицетворявшим солнце. Солнце же как источник света, тепла является с восточной стороны. Для христианской религии характерна восточная ориентация в пространстве: расположение храма, расположение алтаря в храме, ориентация погребения, поведение духовенства во время службы. С Востоком же связаны мистические ожидания духовной благодати. Такое прочтение топонима было бы вполне допустимо. Суффикс «ищ» обычен и типичен в словообразовании для обозначения места (селище, кладбище, топоним в Приморье – «Монастырище»), но, по мнению многих филологов, согласно правилам словообразования слово «Сирицино» от слова «Сириин» образовать нельзя, так как буква «н» основы должна была бы остаться, замена ее на «щ» тоже невозможна. Нужно было искать другое объяснение. Снова возвращаюсь все к той же Беловодской легенде. Почти во всех редакциях «Путешественника» есть упоминание о христианах – «асирианах»: «асириане от папы римского гонимы были из своей земли, отлучились на 500 лет...» в Беловодье «церквей сирских... сущих христианских российских церквей 44, и христиане у них митрополиты занялись от сирского патриарха». «...170 церквей имеют православного патриарха антиохийского поставления...». Вряд ли ко времени появления легенды можно было встретить на тихоокеанских островах или в Японии ревнителей древнего благочестия. На Курилах, Алеутских островах, Сахалине жили в основном язычники, в Японии с XVI века наступает период гонения христиан. И все же эти сведения о живущих в Беловодье «асирианах» имели под собой некоторое легендарно-историческое обоснование. Представление о том, что где-то на Востоке живут христиане, могло возникнуть на почве воспоминаний о несторианах, последователях учения ересиарха сирийского Нестория о Христородице. Большинство несториан было сосредоточено в Антиохии, затем от жестоких гонений вынуждено бежать в Персию, из нее распространилось в Средней Азии, Индии, Китае. В X–XI веках на северо-востоке Китая существовало государство киданей Ляо, в котором христиане играли решающую роль. Несториане говорили на древнесирийском, «сирском» языке и долго сохраняли его в качестве церковнообрядового и книжного языка. В связи с «сирским» языком, мне кажется, необходимо вновь вернуться к Аркадию Беловодскому. Для большей убедительности самозванец распространял среди населения «ставленные грамоты», в которых он рассказывал о своем путешествии в Беловодье, получении там чина. К этим грамотам, написанным полууставом, прилагался рукописный, якобы подлинный, вариант на «сирском языке». Использование Аркадием Беловодским «сирского» языка в качестве аргумента в доказательстве подлинности документа также неслучайно. Еще в сказании «О письменах» Черноризца Храбра утверждается, что Бог первоначально сотворил именно сирийский язык, что на этом же языке говорил Адам и все люди до Вавилонского столпотворения. В пользу этого высказывался также Феодорит Кирский в своем толковании на книгу Бытия, ссылаясь на сирийское происхождение библейских имен Авель, Каин, Адам, Ной. Под сирийской литературой истари принято понимать только христианскую. С именем одно-

го из знаменитых отцов сирийской церкви и известного писателя (особенно популярного в среде старообрядцев) Ефрема Сирина связывают начало расцвета сирийской литературы. Наконец, с древнейших времен Сирия известна как одна из стран, где возникает монашество, основной идеей которого является служение Богу. Сравните: Беловодье – страна древнего благочестия.

Позднее рассказ еще одного информатора из той же общины подтвердил нашу версию. «В нашем селе, – рассказала жительница г. Владивостока, – еще на Украине жил мужчина один, он много по России ходил, когда вернулся, все ходил по соседям, рассказывал, приходил к моим родителям, говорил: Россия большая, дошел я до самой Сирии. После этого многие семьи поехали на Дальний Восток». Итак, Сирия, возможно, это еще одно название Беловодья?

Благодаря помощи Л.Е. Фетисовой удалось обнаружить еще один источник, также свидетельствующий в пользу нашей версии. Журнал «Старообрядческая мысль» (№ 4 за 1914 г.) опубликовал небольшой материал о встрече на одной из железнодорожных станций автора со стариком-крестьянином. На груди у старика на шнурке вместе с нательным крестом, бережно завернутая в несколько холщовых тряпочек хранилась записка, в которой был указан конечный пункт путешествия старика: «Город Асирийский близу тихава моря-акьяна въ деревню благодатную». Записку с таким маршрутом дал старику странник, наказывающий хранить ее пуще глаза, «по ней придешь в такую страну, в которой леса могучие, речки многорыбные, земли урожайные, просторные... В Расее жить стало невозможно. Муть какая-то пошла. Пришли времена последние. Брат восстал на брата и сын на отца. Того и гляди придет Антихрист. А в городе том, сказывал тот человек Божий, все не так, все по-хорошему. Нет ничего эдакого». Упоминание старика об Антихристе, последних временах, позволяют предположить принадлежность его к старообрядцам, в среде которых, как мы уже упоминали, популярна была легенда о Беловодье. Но самое главное, что железнодорожный билет у того старика был взят до Никольск-Уссурийска! Наличие в топониме «Никольск-Уссурийский» имени святителя Николы, имени, занимающего исключительное место в русском религиозном сознании, но, более того, фонетическое созвучие топонимов «Ассирийский» – «Уссурийский», по-видимому, были признаками весьма значительными и служили для старика важными аргументами в доказательстве правильности маршрута в поисках «Ассирийского города». «Господа все хотят скрыть, утаить от нашего брата, да только не удастся. Нет! И города такого нет и страны нет... Не может такого быть, чтобы не было. Безпременно есть! Как же иначе?» (Орфография оригинала. – Ред.)

Подытоживая сказанное, можно отметить, что при отсутствии архивных материалов фиксация фольклора имеет чрезвычайно важное значение. Сеем надеяться, что наша информация отчасти расширяет круг источников о Беловодской легенде, подтверждает уже известные сведения о бытовании, распространении легенды в определенных районах России, знакомит с новыми подробностями бытования легенды на Дальнем Востоке, в Приморье.

Мерцающие звезды сказок

Елена ГЛЕБОВА

К уникальному фольклорному пласту, собранному в 30–60-е годы прошлого столетия жительницами Дальнереченского района Приморья Ефросинией Ананьевной Ляховой и ее дочерью Екатериной Николаевной Сыстеровой, мы уже обращались. («Живое слово Дальнеречья», журнал «Словесница Искусств», № 17, 2006). Материалы, предоставленные редакции профессором С.И. Красноштановым, настолько разнообразны и объемны, что хватит на десятки публикаций. И хотя основа этого архива – народные песни, в нем немало сказок, легенд и преданий, что гармонично укладывается в рамки нашей главной темы – «Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды».

Но прежде несколько слов о собирателях «живого слова Дальнеречья» и их фольклорном наследии. В 1966 году на кафедру литературы Хабаровского педагогического института пришел увесистый пакет из Москвы от ведущего российского фольклориста В.П. Аникина. В сопроводительном письме он сообщил, что получил из Приморья фольклорные материалы от учительницы Сыстеровой и решил отправить их в Хабаровск. Так Сергей Иннокентьевич Красноштанов, известный дальневосточный фольклорист, впервые познакомился с Екатериной Николаевной Сыстеровой. Между ними завязалась переписка, которая продолжалась всю жизнь. Материалы, присланные В.П. Аникиным, Сергей Иннокентьевич передал в Санкт-Петербургский институт русской литературы (Пушкинский дом), где они хранятся в секторе русского фольклора. За долгие годы общения, когда собранные фольклорные материалы Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляхова уже направляли непосредственно С.И. Красноштанову, сформировался серьезный архив, который Сергей Иннокентьевич постепенно передает в фонды Госархива Хабаровского края.

Конечно же, для собирателя фольклора важно, чтобы материалы публиковались. В 1969 году в Хабаровском книжном издательстве вышла книга «Тропами таежными» (песни и частушки Гражданской войны на Дальнем Востоке). Ее составитель С.И. Красноштанов включил в сборник около десяти текстов, записанных Е.Н. Сыстеровой в 1930–60-е годы в разных районах Приморья. В 1986 году в издательстве Дальневосточного университета (Владивосток) под научной редакцией С.И. Красноштанова вышел сборник «Фольклор Дальнеречья, собранный Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой». Его составитель и автор комментариев Л.М. Свиридова включила в книгу сказки, легенды, предания, заговоры, обрядовые и необрядовые песни, частушки, многие из которых являются зеркальным отражением того или иного исторического отрезка.

Уникальность тетрадей-рукописей Е.Н. Сыстеровой и Е.А. Ляховой еще и в том, что они содержат не только

Е. Н. Сыстеровой

Е.А. Ляхова и С.И. Красноштанов

то или иное фольклорное произведение, но и комментарии собирателей, где отражены многие важные моменты – среда бытования, характеристика рассказчика и реакция слушателя, сравнительный анализ и т. д. Материалы Ефросинии Ляховой любопытны еще и потому, что слышала она их (а потом по памяти восстановила) еще в детстве, приблизительно в 1913–1916 годах. Как пишет она в одном из писем С.И. Красноштанову, дедушка плел лапти, и чтобы не было скучно, рассказывал внукам сказки да легенды, пел старинные песни.

А вот строки из письма Е.Н. Сыстеровой: «Я люблю сказки, легенды и интересные житейские истории слушать с детства, много слышала их в деревне, в нашем городе Имане, много сказок записала со слов своей матери, отца, соседей. Когда я жила в той части Имана, которая именуется Белой Речкой, с нами рядом жил инвалид Великой Отечественной войны Степан Дмитриевич Колесниченко. Он пенсионер, на досуге съет и чинит обувь, целыми днями стучит сапожным молоточком, а под вечер выбирается на скамеечку под черемухами, и его окружает куча детворы. Иногда дядя Степа, как зовут его дети, заранее посылает своего сынишку Гену оповещать, чтобы в 6 часов приходили на бревна сказки слушать. Тогда от «публики» нет отбоя...

Помню, что я, слушая сказки, любила смотреть на звездное небо, на гаснущий закат. И до сих пор у меня сказки связаны со звездами – такие же яркие, мерцающие, манящие...»

Фото из Госархива Хабаровского края

ДОЛЯ

Сказка

Жили на свете два брата. Сеяли они хлеб одинаково, но как станут собирать урожай, так у одного все хорошо на поле, а у другого – стебли срезаны.

И решил бедняк проследить, кто же стебли срезает и почему на братовых стеблях по 3-4 колоска. Сел он, сидит на поле и думает: «Бедному жениться – и ночь коротка, а богатому черти детей колышут». Только подумал, так и видит: кто-то ходит, срезает на полосе бодылья и на братовы вяжет. Так вот почему на братовых стеблях по 3-4 колоса! Поймал его бедняк и спрашивает:

– Скажи, кто ты?

– Я твоего брата доля. Я твоему брату помогаю, богатство наживаю.

– А моя где доля?

– А твоя в кабаке гуляет.

Не понравилось это бедняку, стал он просить совета. И говорит ему тогда братова доля:

– Иди до сход солнца в воскресенье в кабак, выйдет оттуда седенький дедок – это твоя доля.

Так и сделал бедняк. Пошел он до сход солнца к кабаку, а оттуда выходит седенький дедок. Он его остановил и пытается:

– Ты что же? Братова доля брату богатство наживает, а ты в кабаку гуляешь?

Доля и отвечает ему:

– У тебя в хозяйстве есть две золотокрылые утки. Так вот обрежь у них крылья, свари, съешь – и будешь ты лавкой торговать, а я буду тебе помогать, деньги считать.

Пришел бедняк домой и велит жене резать уток и сварить ему крылья. А жена: зачем да зачем. Он и рассказал ей все. А у жены был любовник. И решила она лучше любовника накормить этими крылышками, а мужу сварить простых крылышек.

Тут вскоре пришел к ней любовник, и она стала ему все рассказывать. А дети втихоря подслушали, поймали тех уток, убежали в лес, разожгли костер, обрезали крылья, сварили их в котелке и съели.

Узнала об этом жена, змея лютая, и решила своих детей убить. Жил у них на печи отец, столетний дед, век доживал, умом тронутый был от старости. Она деду и приказала:

– Иди, старый, зарежь моих сынов, вынь у них сердца и принеси мне. Тогда разрешу на моей печи тебе век доживать.

Дед пошел. А сыновья идут через лес, ничего не знают. Встретил их дед, рассказал все как есть. Дети и придумали: поймали двух собак, убили, в землю зарыли, а сердца их дед дочке понес. Та и накормила полюбовника собачьими сердцами.

А сыновья домой уже не вернулись, побоялись. Ушли на чужую сторону и там выросли, выучились и захотели побывать на родине. Переоделись старцами, приходят в родной дом. А в родном доме гулянье шло. Просятся они переночевать. Отец разрешает, а мать гонит. Любовник, который в собаку давно уже обратился, на них гавкает.

Ну, отец все же их приветил, накормил на кухне, а потом к гостям вывел, чтобы они что-нибудь интересное рассказали. Поднесли им по чарке, они выпили, и начал старший брат рассказывать все как есть.

Мать кричит:

– Да гоните вы их!

А сыновья говорят:

– Позовите сюда вашу собаку.

Дали они ей наговоренной травы – и стала она опять тем, кем была. Все люди поняли, что тут такое. Отец стал детей обнимать, а мать и собаку-любовника прогнали бесчестно. Старик еще живой был, ему дали чарку, и он тоже все подтвердил.

И стали они жить-поживать, отцу помогать, добра наживать.

Кто меня слушал, тот пирог с маком скушал.

Сказка записана Е.Н. Сыстеровой в 1957 г. в г. Имане от С.Д. Колесниченко

ГУСКА

Сказка

Была у мужика баба ленивая, нерадивая. Только бы ей по дворам шляться, по чужим порогам сплетни собирать. А дома до того дошло, что ни войти ни сесть. Да и сама осталась в одной рваной юбке.

А мужик бедный целый день работает и никак из нужды не вылезет.

Вот один раз поехал он в город зерно продавать.

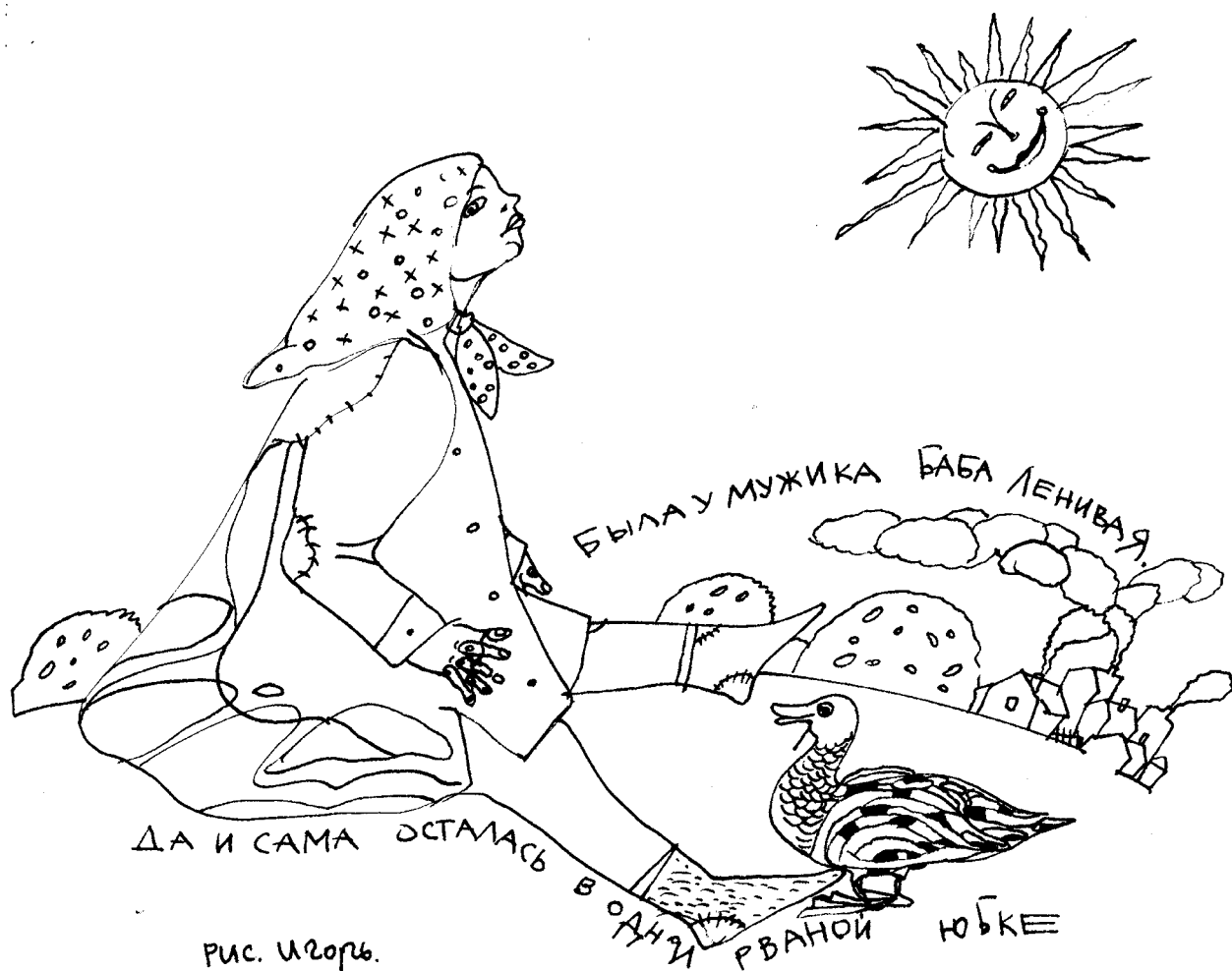
– Купи ж мне там юбку! – кричит ему вдогонку жена. А телега тарыхтела, он и не расслышал.

Продал он зерно, походил, походил по базару и купил гусыню. «Авось, – думает, – нанесет гуска яиц, выведет гусят, будет моя баба с ними водиться – перестанет шляться по чужим дворам».

Приезжает домой. А баба голову из двери высунула и кричит:

– Ну, купил?

– Купил, – отвечает мужик, – да гуску!

«Ну, – подумала баба, – хоть и узку, да купил, а широких я не люблю».

Сняла с себя старую худую юбку – да в печь. Стоит в одной рубахе и ждет. А мужик достает из мешка гуску.

Заплакала баба. Что делать? В одной рубахе на люди не покажешься. Так и пришлось ей сидеть дома. А тем временем гуска вывела гусят, стала баба за гусятами глядеть и перестала по соседкам шататься.

Сказка записана в 1961 г. от Е.А. Ляховой

КОРЕНЬ-МОЛНИЯ

Легенда

Далеко-далеко в сопках среди огромных кедров, густого папоротника и колючего не-чепай-дерева затерялся маленький студеный ключ. Неторопливо бежала вода, омывая камешки, слетались к воде птички лесные, звенели над ней комары и отражались в ее зеркальной поверхности стебельки трав и цветов.

Звериной тропинкой ходили лечить сюда свои раны медведи, пили из ключа барсуки, в норе за сопкой, а однажды даже тигрица целое лето прожила здесь со своим тигренком. Но вот однажды в тайге потемнело. Насу-

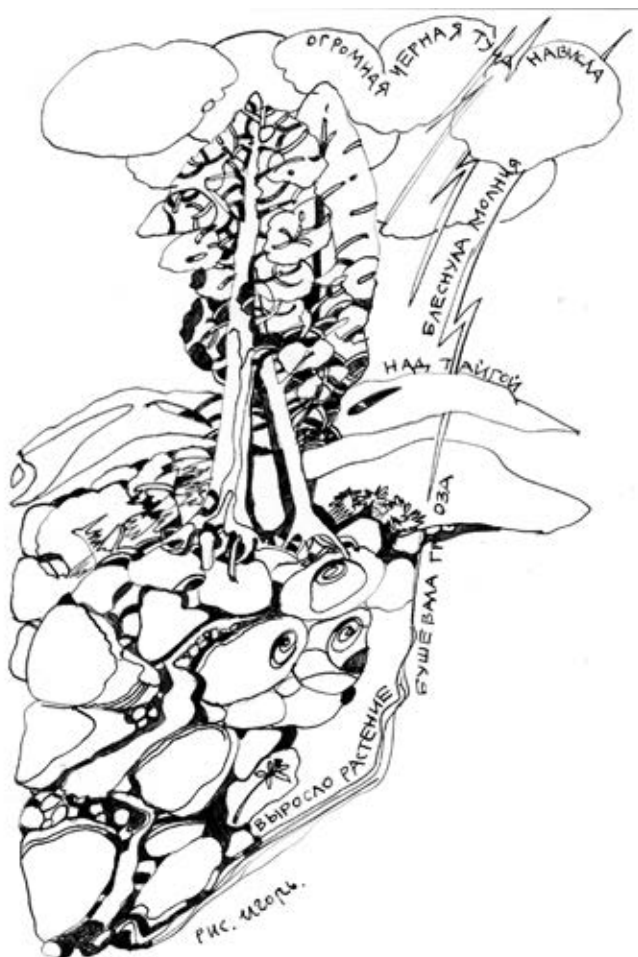
пилось небо, подул сердито ветер, замахали мохнатыми ветвями ели, кедровые, задрожала круглыми листочками осинка, выросшая у воды, и глухо захлопал листьями старый дуплистый дуб.

Огромная черная туча нависла над тайгой. Такой тучи никогда не знала вековая тайга, выдавшая всякие виды. Брызнули первые тяжелые капли, и разразился ужасный ливень – тайфун. Не капли падали с неба – струи, и хлестали, с силой бились о лес, о землю. Лес гудел глухо. Земля не успевала впитывать влагу, понеслись по склонам стремительные ручьи, опавшие листья и хвоя разбухли, размокли.

Но вот небо словно раскололось на мелкие крошки. Блеснула такая ослепительная молния, что казалось, тайга зажмурилась. И тут же раскатился такой страшный гром, будто он хотел заставить лес замереть, будто хотел приглушить все живое.

И когда замерли его последние раскаты, не слышно стало плеска дождевых струй о поверхность ключа. Ушел он в расщелину между двух камней, куда ударила молния. Долго еще то бушевала, то утихала гроза. Наконец утихла. Лес, освеженный, взлохмаченный, расправлял свои зеленые листья, подставляя их солнцу и ветру.

Прошло время, и забыл лес об этой грозе. Мало ли чего не бывает! А на другой год на том месте, где ударила молния, выросло чудесное растение, таящее в себе

силу небесного огня и крепость целебного источника, именуемое женьшенем. Недаром же в китайской древней письменности женьшень иногда обозначают иероглифы: «женьшень – дань», то есть «корень-молния».

Тетрадь-рукопись Е.Н. Сыстеровой. 22.05.1966

ОТ СУДЬБЫ НЕ УЙДЕШЬ

Легенда

Брала девушка лен и пела песни. Красивая была девушка и работящая. А рядом на траве под яблоней лежал парень. Яблоки свисали над самой его головой, но ему лень было встать, сорвать и съесть яблоко.

В это время из лесу вышел святой Петро.

– Помогай бог трудиться, девица!

– Спасибо!

– Дай мне водицы.

Девушка принесла ему свежей воды, он попил и говорит:

– Благодарствую тебя, девица! Чтoб тебе этой осенью замуж выйти.

Улыбнулась девушка и отвечает:

– Да тут и не за кого выйти.

– А вон лежит под деревом.

– Ой, да ведь это лодырь из последних! Он ведь сам

на себе рубаху ленится застегнуть. Что я буду с ним делать?

И сказал тогда святой Петро:

– Грех тебе так говорить, девица! Это твоя судьба. Без тебя он умрет с холоду и голоду! От бога заведено, чтобы каждый слабый был опекаем сильным, чтобы каждый трудящийся кормил бы нетрудящего и не роптал! Иди к нему и будь его женою.

Заплакала дивчина и пошла того лежня грушами кормить.

Комментарий

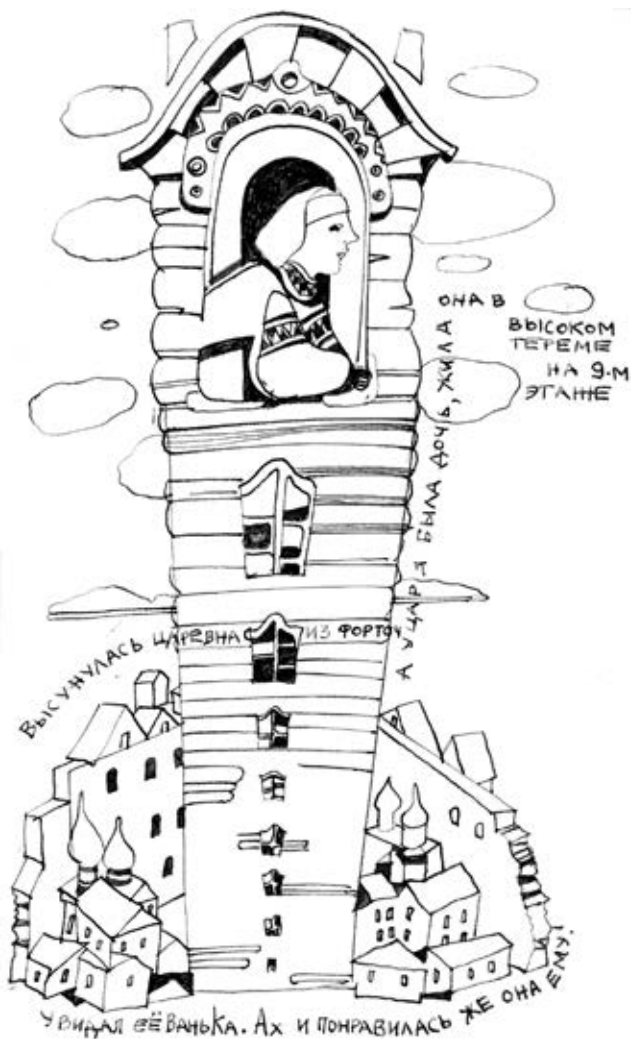
Эту легенду я услышала от бабушки Пелагии Осиповне Коваленко, которая жила в Имане на Белой речке, а раньше проживала с мужем в селе Стретенка нашего Иманского района. Пелагея Осиповна шила маме платье и рассказала эту легенду, я записала ее почти слово в слово.

Тетрадь-рукопись Е.Н. Сыстеровой. 07.01. 1967

СКАЗКА О ЗОЛОТОЙ РЫБКЕ, ИВАНЕ И ЦАРЕВОЙ ДОЧКЕ

Жили-были старик со старухой. Было у них три сына: двое умных, а третий Ванюша-дурачок. Братья были женаты, а Ванюша холост. Сидел он дома и помогал по хозяйству невесткам. Однажды братья уехали в лес по дрова, а Ванюша остался дома. Велели ему принести воды. Взял он топор и ведра, пошел к реке. Во льду прорубил лунку, хотел набрать воды – глядь! – плавает золотая рыбка. Он ее ведром подцепил, потом выловил из ведра

и сунул за пазуху. Рыбка стала метаться, проситься на свободу. Тогда Ванюша обещал выпустить ее, но с условием: исполнять его волю.

– Первая моя воля – снеси-ка ведра домой.

– Скажи, – говорит Рыбка, – «по моему прошению, по рыбьему повелению». Тогда все исполнится.

Так и сказал Ванюшка. И ведра – марш! марш! – домой поскакали. С тех пор он на печке сидел да командовал, а дома, по рыбьему повелению, все было в порядке.

Однажды просится Ванька с братьями в лес – не пускают братья. Тогда сел он в пустые сани, велит мчаться саням через ворота. А ворота заперты. Перемахнул через ворота и мчится по селу. А люди думают, что это колдун. Толпами стали собираться на улице и говорить меж собой, как бы им убить колдуна.

А Ваня прикатил в лес и отдал приказ рубить дрова – и прямые, и кривые – в сани сбрасывать, а веревке – увязывать. Поехал домой, а двое парубков решили санки остановить, уцепились сзади за грядущку. Велит тогда Ванька их отхлестать.

Узнал об этом царь. Ах, бунт! И послал слуг за ним. Ванька им с печи показал дулю и заявил, что никаких царей он не понимает и сам себе «лисает»: «Куда хочу, туда и еду!» И велит царю передать дулю.

Братья испугались, стали шептать царским слугам, что Ванька любит красное и этим можно его сманить. Посулили слуги Ивану красный кафтан и исподнее,

красный колпак и ичиги. Тогда послал он слуг наперед, а сам поехал на грубе (печи). А тут как раз невестка на шесток чугунок с борщом поставила.

Подъехал Ванька под парадное крыльцо и красуется. А у царя была дочь, жила она в высоком тереме на девятом этаже. Высунулась царевна из форточки и смотрит. Увидел ее Ванька. Ах и понравилась же она ему!

Говорит он:

– По рыбьему повелению, по моему хотению, пусть только меня любит и больше никого!

Повернулся и поехал домой. Пока съездил, и борщ поспел, так что царь не дождался Ваньки. Разгневался он, велел снова доставить Ивана во дворец. А Ванька разочаровался в царя: костюм красный обещали, а не дали.

И снова царь посылает за Ванькой. Тот поехал не ради царя, а на царевну поглядеть. А царевна так влюбилась в Ваньку, что не ест, не пьет, все в окно глядит. Услышала она от слуг, что отец хочет убить Ваньку за своевольство и говорит:

– Государь мой батюшка, вели и меня казнить вместе с Иваном. Я без него жить не могу.

Разгневался царь и велел свою дочь и Ваньку засмолить в бочку и бросить в кипучее море. Напоили Ваньку допьяна, втолкнули в бочку, с ним и царевну, и бросили в море. Спит Ванька, не чуя беды, а царевна плачет-разливается и будит его. Встал Ваня – головой о крышку стукнулся.

– Где я? Кто ты?

– Я царская дочь. Мы в бочке, в море, по милости моего отца.

– По рыбьему повелению, по моему прошению, волна, сволнуйся, выкинь нас на берег.

Сволновалась волна, и очутились они на берегу. Выдавил Ванька крышку; и вышли они на воздух. Остров прекрасный, нет на свете лучше. Но вот находит туча-хмара, дождь собирается. Просит царевна сделать прихилище, чтоб под дождем не измокнуть. Велит Ванька рыбке сделать хату золотую и двор золотой, а царевна стала просить, чтобы он стал красавцем и умником. Попросил Ванька и об этом рыбку.

– Рыбка, рыбка! Сделай меня таким красавцем и умником, чтоб и на свете лучше не было.

И вмиг стал Ванька таким красавцем и умником, каких и не было, и теперь нет.

Поселился вокруг большой город. Отпустил Ванька рыбку, сам стал так умно хозяйничать, что умней его и теперь никого нет. Жили они, поживали и добра наживали.

Вот и сказке конец, а кто слушал молодец.

Комментарий

Записала в 1957 году в городе Имане со слов сапожника-инвалида Великой Отечественной войны Колесниченко Степана Дмитриевича. Представляет собой вариант известной сказки про Емелюшку.

Тетрадь-рукопись Е.Н Систеровой. 19.05.1966

Иллюстрации Игоря ГРАБОВСКОГО
Комсомольск-на-Амуре

Мотив судьбы в обрядовом фольклоре славян-переселенцев

Лидия ФЕТИСОВА,
кандидат филологических наук,
директор Центра по исследованию истории культуры Дальнего Востока России
(Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН)
Владивосток

Фото Е. ГРОМОВОЙ (ОБШАРИНОЙ)

Сказочник из пос. Лазо
Г.П. Елисеенко с женой
У. И. Елисеенко

Исполнительница из села
Беневского У. Я. Дудко

Фольклорный коллектив
из села Беневского (слева
направо): В.И. Заприса,
А.Ф. Ворожбит, И.Г. Бастина,
А.М. Богач

Обыденному сознанию свойственно рассматривать миф исключительно как рассказ, что значительно ограничивает возможность увидеть глубинные истоки мифотворчества восточных славян. При таком подходе известность получили преимущественно представители низшей демонологии – домового, леший, русалка, кикимора и прочие обитатели жилых и хозяйственных построек, промысловых и сельскохозяйственных угодий. В результате складывается ошибочное впечатление, что предки русских, украинцев, белорусов обладали узко прагматическим мышлением, не ломали голову над проблемами мироздания и не задумывались над происхождением живой природы, в том числе человека, а следовательно, не создавали особое информационное пространство доступными им средствами искусства. На самом деле мифологические мотивы можно обнаружить не только в жанрах устной прозы, но и в фольклорно-песенном фонде, а также в обрядовых действиях, в декоре рушников и праздничной одежды. Как писал Б.Н. Путилов, «мифологические знаки, доступные лишь пониманию посвященных, нанесены на десятки предметов», они прочитываются в пластике танца, оживают в звуках музыкальных инструментов».¹

Восточнославянское население Приамурья и Приморья сформировалось сравнительно недавно, но это отнюдь не означает, что в региональной культуре нельзя обнаружить древних корней. Засельщики Дальнего Востока являются такими же законными наследниками материнских традиций, как и жители исторической родины. Более того, стараясь превратить новые земли в органическую часть России, первопоселенцы бережно хранили духовное наследие предков. Среди трех восточнославянских народов самыми консервативными оказались белорусы. Это мнение ведущих отечественных ученых подтверждается и результатами этнографо-филологических экспедиций, проводившихся в местах компактного проживания приморских белорусов. Полевые отчеты фольклористов содержат достаточно большое число текстов, имеющих мифологические сюжеты. Среди них выделяется своеобразный пласт балладных песен. Так, исключительной

популярностью у представителей старшего поколения пользовалась баллада, имеющая в научной литературе название «Дочка-пташка». Этот сюжет записывался также у русского и украинского населения, но наибольшее хождение он имел именно в белорусской редакции.

Каноническая версия начинается с преамбулы, в которой говорится о том, что девушке, выданной замуж «на чужую сторону», не разрешается появляться в родительском доме в течение определенного времени – обычно 3 или 7 лет. Женщина, обернувшись кукушкой («язюлей»), прилетает «к своему таточку в сад» и начинает жалобно куковать. Многие тексты, записанные в Приморье, не имеют преамбулы, а начинаются сразу с появления «дочки-пташки», но во всех случаях общим является последующее противопоставление уклада в отчем доме уклада в доме свекра. Причем желаемый эффект достигается обычно не прямым сравнением, а идеализацией отношений в семье родителей:

Да родимый мой таточка
Да й по сеням ходит,
Ой, ходит.
Да невестушек-ластушек
Да й побуживая.

Правда, некоторые исполнители этим не удовлетворяются и обращаются к «арсеналу» художественных форм, используемых в поздней семейной лирике:

Во чужих-то людях
Без беды беда,
А свекор да свекровушка
Злые как змея...
И далее:
Деверечку не вгодила –
Русы кудри не вила,
Золувушке не вгодила –
Косы русой не плела.²

Здесь акцент делается на несчастной доле замужней женщины, которая только в облике птицы может поведать близким о своей участи. Такое восприятие сюжета продлило его жизнь в активном репертуаре, однако затемнило первоначальный мифологический смысл. Согласно древним воззрениям замужество являлось не просто изменением социального статуса, но умиранием в добрачной жизни, чтобы возродиться в новом качестве. «Смерть-свадьба» – распространенный метафорический образ традиционного фольклора. Выходя замуж, девушка навсегда прощалась с прежней жизнью, и ее родные принимали это как должное: «Отрезанный ломоть» – говорили в старину. Тогда становится понятным центральный образ дочка-пташки. В виде птицы отлетала душа человека после смерти. Птицы служили посредниками между мирами. По мнению ученых, кукушка – одна из наиболее мифологизированных птиц в славянской традиции. Вместе с тем в народных поверьях и фольклорных текстах она описывалась противоречиво, хотя чаще всего связывалась со свадьбой или смертью. С одной стороны, кукушка считалась вестницей «с того света», нередко ее отождествляли с душой умершего. С другой стороны, постоянное появление птицы вблизи какого-либо дома воспринималось как предупреждение о несчастье: «Кукушка кукует, горе вещует».³ В таком случае становится понятным, почему «серую язюлю» пытаются не только прогнать, но даже убить:

Да большой брат говоря:

– Я ружжо заряжу.

Заряжу.

Да средний брат говоря:

– Я пойду застрелю.⁴

Сестра рассматривается теперь как представитель враждебного мира. Из этого следует, что финальные версии, где мать или один из братьев (обычно младший) приглашают кукушку в дом, возникли позже, когда язык мифа перестал быть понятным исполнителям.

По нашим наблюдениям, для белорусского фольклора характерен известный фатализм: убежденность в неизбежности свершения предназначенного судьбой, что можно увидеть в старых балладах. Типичная коллизия о ненависти свекрови к невестке на восточнославянском материале реализуется в нескольких версиях. Сюжет о превращении невестки в дерево является классическим. Неприязнь свекрови обычно не мотивируется, лишь констатируется:

А взяла нявестку
Да не по любви.

Сложность внутрисемейных отношений читается между строк. По тексту можно судить о том, что сын принимает сторону жены, поэтому мать не действует открыто:

Як поехав сынку
В вялику дорогу,
Послала нявестку
Братъ белого лёну:
Не выберешь лёну,
Дак не йди до дому.

О заведомой невыполнимости задания прямо не говорится, но на это указывает отчаяние молодой женщины, которая «скинулась» «зеленой тополей». Как и во многих других балладных песнях, свекровь губит невестку руками сына:

Ой, сынок, сыночек,
Бяри топорочек,
Ой, сяки тополю
Дай под коренечек.⁵

В этом же ряду можно рассматривать сюжет о том, как, желая отравить невестку, свекровь случайно губит и сына, который также выпивает яд. Чтобы окончательно разлучить супругов, на могиле сына свекровь посадила «червону калину», на могиле невестки – «колючу шипшину» (шиповник), однако спустя некоторое время растения сплелись ветвями, так что злодеяние не принесло исполнительнице удовлетворения.

Идея фатальности пронизывает сюжет «Вдова и сыновья-корабельщики», известный всем восточным славянам, но получивший особое распространение в южных губерниях России. В балладе говорится о том, что женщина, вдовевшая семь лет, тайно родила двух сыновей, которых отправила по реке:

Двох сыночков родила...
Сама бабою* была...
Сама имя им дала –
И Ванюшу и В(а)сила...
В китаячку сповила...
На Дунай-речку снесла...
В корабель послала...⁶

В ряде версий основной текст дополняется концов-

* Баба – повитуха.

кой об инцесте (кровосмесительном браке), которую Ю.И. Смирнов считает самостоятельным сюжетом⁷: спуская много лет вдову и ее дочь сватают два молодца, прибывшие на корабле, по-видимому, из дальних стран.

Як у том же кораблю
Два матроса молодых...
За Ванюшу сама йду,
За Василя дочку шлю.

Надо сказать, что в таком виде баллада бытовала не повсеместно, а главным образом на Украине и в Белоруссии, откуда и была привезена приморскими первопоселенцами. В поздних версиях финалом служит наказание за инцест:

А что ето свет настал,
Брат сястры ня взнал...
Як пайду я в дубраву,
Я скинуся траву,
Пускай мяне зверю есть.⁸

Возвращаясь к основному сюжету, отметим, что речь всегда идет о рождении близнецов, которых (во всяком случае, одного из них) архаическое сознание связывало со сверхъестественными силами. В данном случае можно с достаточной долей вероятности предположить, что отцом был Дунай. Брак с хозяином водной стихии через жертвоприношение женщины – один из типичных мифологических сюжетов, зафиксированных исследователями на территории белорусского Полесья. О том, что Дунай может выступать в мужском антропоморфном облике, свидетельствует, в частности, песня «Дунай стал зятем».⁹ В рассматриваемом тексте путем жертвоприношения отцу возвращаются дети. Заслуживает внимания тот факт, что вдова не топит детей, как это делает, например, обесчещенная девушка в поздних балладах, а отправляет «на корабле» (ср. с обычаем древних славян провожать «на тот свет» в ладье).

В мифопоэтических текстах многих народов мира зафиксирован инцестуальный брак разнополых близнецов. В восточнославянском балладном фонде также есть подобный сюжет. Тексты, записанные в Приморском крае, обычно начинаются строкой «Что под Киевом, под Черниговом», которая указывает на место выхода значительной части переселенцев. Песня исполнялась во время весенних молодежных гуляний, открывавшихся после пасхальной недели. Содержание вкратце сводится к тому, что при переходе брата и сестры через реку последняя утонула, дав брату следующий наказ:

Не коси, братец, у лузе травы,
Ох, и эй лёли, у лузе тра...

(Припев с повторением части строки и усечением окончания исполняется после каждой строки)

У лузе трава – то коса мая...
Не лови, братец, у мори рыбы,
У мори рыба – то тело мое...
Ты не пей, братец, у мори воды,
У мори вода – ой, то кров(ь) моя...
Встречаются и другие варианты концовки:
Не рви-ка, мой братец, алых цветиков...
Алы цветики – то краса мая...
Не бяры-ка, братец, черной смородины...
Черна смородина – то глазки мои.¹⁰

Произведение явно не вписывается в хороводный репертуар, связанный с формированием брачных пар. При внимательном прочтении становится ясно, что перед нами не отдельные мифологические мотивы, ставшие ху-

дожественными образами, но весь сюжетный стержень представляет собой древний миф о первотворении живой природы. О том, что здесь имели место инцестуальные отношения, человеку, знакомому с языком символов, рассказывает ситуация переправы через реку: это и путь в потусторонний мир, и акт бракосочетания. Река мыслится как граница между мирами, в том числе представленными девичеством и замужеством.

Заслуживают внимания и другие балладные песни белорусов, в частности такие, исполнение которых можно считать замещением жертвоприношения. В их числе популярная в Приморском крае «Стрела». Современному человеку ее содержание непонятно. Хор женщин призывает стрелу убить доброго молодца, мотивируя это тем, что его некому оплакать. Однако финальные строки противоречат данному утверждению:

Сестра маленька, сестра маленька,
Матка старенька,
Ой ли, ой люли, матка старе...
Жана молода, жана молода,
Коло города...¹¹

Песня фиксировалась на всей территории расселения восточных славян, но чаще всего – в Белоруссии. Во многих местах Гомельщины ее исполнение связывалось с необходимостью защиты селения от небесной «стрелы-молнии»¹², следовательно, центральный образ надо расценивать как умиловительную жертву, хотя и не реальную, а «виртуальную».

Таким образом, анализ архаического пласта восточнославянского фольклора подтверждает единство мировой культуры на типологическом уровне. Неоднозначность, а порой и противоречивость толкований мифологических мотивов и образов объясняется их трансформацией в процессе длительного бытования. В традиционном обществе воспроизведение мифологической реальности осуществлялось в различных формах: от действий, повторяющих содержание мифа, до использования заместительных образов (скульптурные изображения; тканый, вязанный орнамент, вышивка; вербальные жанры и пр.). Представляется, что в балладном фонде, сложившемся на территории бывшей восточнославянской общности, миф получил воплощение в синкретическом единстве слова, напева и пластики. Об устойчивости древних мифологем свидетельствуют фольклорные материалы, которые записывались еще сравнительно недавно – во второй половине XX века.

1. Путилов, Б. Н. Миф – обряд – песня Новой Гвинеи / Б. Н. Путилов. – М., 1980. – С. 15.

2. Фетисова, Л. Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья / Л. Е. Фетисова. – Владивосток, 2002. – С. 121–123.

3. Славянская мифология: Энциклопедический словарь. М., 1995. С. 236–238.

4. Фетисова, Л. Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья / Л. Е. Фетисова. – Владивосток, 2002. – С. 121.

5. Там же. – С. 128.

6. Там же. – С. 124.

7. Смирнов, Ю. И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: опыт указателя сюжетов и версий / Ю. И. Смирнов. – М., 1988. – С. 20–21.

8. Фетисова, Л. Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья / Л. Е. Фетисова. – Владивосток, 2002. – С. 125.

9. См., например: Смирнов, Ю. И. Эпика Полесья / Ю. И. Смирнов // Славянский и балканский фольклор: генезис, архаика, традиции. – М., 1978. – С. 237; Климчук, Ф. Д. Песни из юго-восточного Загорья / Ф. Д. Климчук // Славянский и балканский фольклор: этногенетическая общность и типологические параллели. – М., 1984. – С. 222.

10. Фетисова, Л. Е. Белорусские традиции в народно-бытовой культуре Приморья / Л. Е. Фетисова. – Владивосток, 2002. – С. 93.

11. Там же. – С. 91.

12. Барташэвич, Г. А. Беларуска народная паэзія веснавога цыкла і славянская фальклорная традыцыя / Г. А. Барташэвич. – Мінск, 1985. – С. 91–93.

Персидские мотивы с чукотских берегов

Рукопись этой сказочной истории хранится в Государственном архиве Хабаровского края в фонде журнала «Дальний Восток». В замысловатом сюжете встречаются элементы сказок самых разных народов мира. Скажем, в главном герое – Федоре Бурмакине – поначалу явно угадываются черты Робина Гуда, а раскручивающиеся сюжетные линии иногда напоминают истории о Синбаде-мореходе.

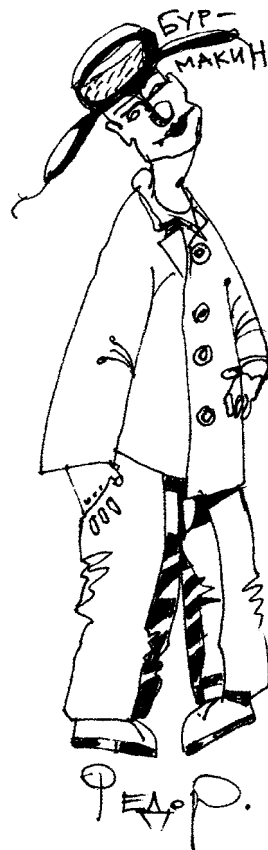
Рукопись предваряет письмо, которое пришло в Хабаровск с Камчатки перед самым началом Великой Отечественной войны в редакцию журнала «На рубеже» (с 1946 года – «Дальний Восток»). Его автор Михаил Уралов, по всей вероятности, собиратель фольклора, записал «Федора Бурмакина» в 1938 году на Чукотке и предложил для публикации в Хабаровске. Спустя почти 70 лет сказка, в которой Михаил Уралов уловил «персидские мотивы», наконец увидела свет.

Письмо редактору журнала «На рубеже»

Уважаемый товарищ редактор!

Мне удалось записать на Камчатке, вернее, на Чукотке, сказку «Федор Бурмакин». Это явление поразило меня. Персидский мотив русской интерпретации бытует... на Чукотке! Камчадал Степан Плешков за «присказку» отсидел в Петропавловской тюрьме при губернаторе целый месяц. Я хотел эту сказку включить вготавливаемый мной сборник камчатско-чукотских сказок, но... она выпадает из общего колорита. Предлагаю Вашему вниманию. Если подойдет для журнала, буду рад. Если Вас будет интересовать фольклор, черкните мне по адресу: Петропавловск, почта, до востребования. Вышлю.

Жму руку, с приветом
Михаил Уралов.
Петропавловск.
01.07.41 г.

Федор Бурмакин – ПОБЕДИТЕЛЬ ЗЛЫХ СИЛ

Иллюстрации Игоря ГРАБОВСКОГО

Комсомольск-на-Амуре

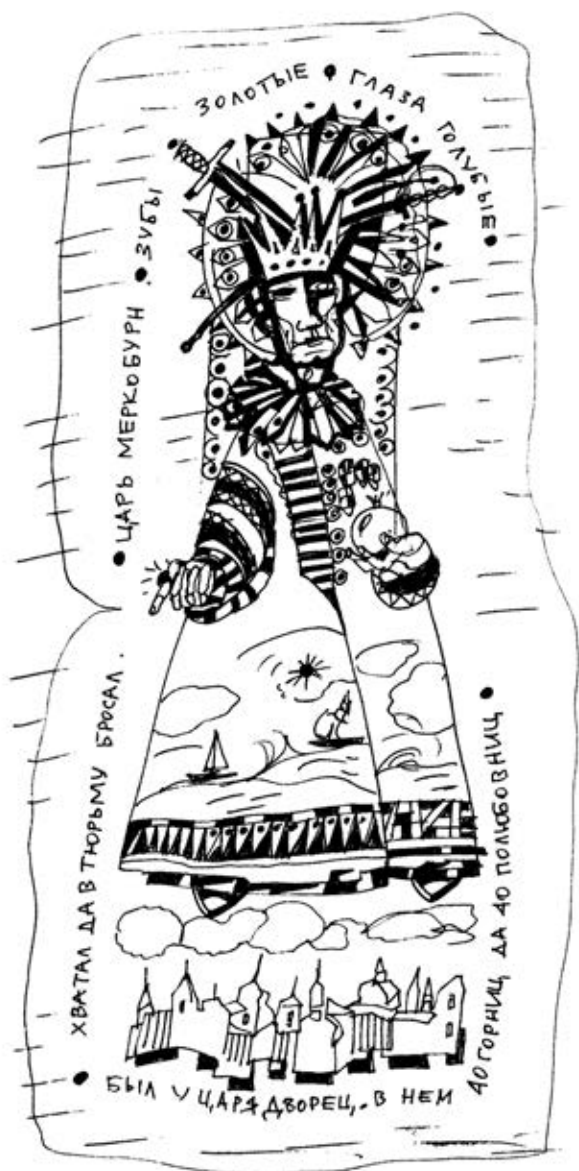
Сказка записана в 1938 году на Чукотке в Анадырском районе в оленсовхозе «Снежное» Михаилом Ураловым со слов камчадала Степана Ивановича Плешкова

ПРИСКАЗКА

Присказка начинается, сказка пока оставляется. Шли мы по городу гуськом, получая по затылку битком. Спереди – конвой, позади – кнубой. По груди – штыком, по спине – кнубом. Направо взглянешь – вдовы да сироты плачут; налево взглянешь – князя да бояре пляшут. Среди них – царь: царь богатой на брюхе пузатой. Зубы золотые, глаза голубые. Этими ручищами да острыми когтищами он нас хватал да в тюрьму бросал. От нашего тела он золотом стал, нашими деньгами карманы бояр да князьев набивал; с боярынями да княгинями на гульбищах гулял.

Был у царя дворец. В нем сорок горниц да сорок любовниц, сорок первая – царица: лицом круглолица, вся в мехах да в шелках. Работниц своих она шибко «любила». Утюги докрасна накаляла да голое тело их прижигала...

Ну, присказка на этом кончается, сказка теперь начинается.

В некотором царстве, в неважном государстве был царь Меркобурн.

Был у него любимый работник Федор Бурмакин. Вот стал этот Федор Бурмакин в чинах повышаться да до царской казны добираться. С рабочим народом дружбу водит – руку в царскую казну запускает да народ деньгами наделяет.

Все это подсмотрели министры да бояре и царю на Федора Бурмакина донос донесли. Так и так, царь-батюшка, ты Федора Бурмакина в чинах повышаешь, а он твоему престолу подкоп делает, с черным народом водится и деньгами царскими их наделяет.

Разгневался царь Меркобурн на Федора Бурмакина и решил с белого свету его сжить. Но какую смерть ему придумать? Если всенародно казнить, народ Федора Бурмакина любит, на бунт поднимется; если так отпустить, другим повадно будет. Долго думал царь Меркобурн, как быть. И тут кто-то ему сказал, что в некотором царстве, в далеком государстве Девка-Змеевка живет, и что у нее золотое кольцо с золотой тросточкой есть будто бы. Они ярче солнца светят. Но кто бы к ней ни засылал сватов, всем-де отказ, кто бы ни пытался у нее кольцо и тросточку украсть, всем смерть. Пусть-ка Федор Бурмакин

к Девке-Змеевке съездит да для тебя, царь-батюшка, ту тросточку с золотым кольцом добудет. А не добудет – туда ему и дорога.

«Пусть раздобудет!» – согласился Меркобурн и вызвал Федора Бурмакина.

– Вот что, Федор Бурмакин, я тебя люблю и тебе поручаю: съезди в далекое царство к Девке-Змеевке и раздобудь у нее золотое кольцо с тросточкой да привези мне. Снаряжай мой корабль, бери на него в матросы кого пожелаешь и завтра же в путь отправляйся.

Поклонился Федор Бурмакин царю, задумался: «Это, наверное, бояре на меня донесли. На верную смерть Меркобурн посылает». И решил Федор Бурмакин тех бояр себе в матросы взять. Обратился к царю с ответом:

– Вашу волю, царь-батюшка, я исполнить готов. А в начальники над моими матросами дай мне твоих бояр.

Догадался царь, что Федор Бурмакин отомстить боярам хочет, заупрямился.

– Бери кого хочешь, но только не бояр.

Тут Федор Бурмакин осмелился, да и говорит:

– Твое слово, царь-батюшка, для меня закон. Я бояр беру по своему желанию, как ты сказал. Или ты в своем слове не крепок?

Видит царь, что Федор Бурмакин не отступится, согласился отдать ему своих бояр.

Снарядил Федор корабль, приказал боярам поднять паруса и в тот же день поплыл в заморские страны в царство Девки-Змеевки.

Долго ли, мало ли плыл Федор Бурмакин, никто дней не записывал, недель, месяцев не высчитывал, а только приехал он в царство Девки-Змеевки. Якорь в бухте бросил, спустил на воду шлюпку и отдал боярам приказ:

– На берег не сходить! Якоря не поднимать! Меня ждате!

Отдал приказ и поплыл на шлюпке к берегу, который весь в садах утопает. Подплыл Федор Бурмакин к берегу, оглянулся и тут только понял, что к самому дворцу Девки-Змеевки подплыл.

Не успел он на землю ступить, как балконная дверь приоткрылась, и огненные лучи ослепили ему глаза. А это Девка-Змеевка рукой дверь приоткрыла, золотое кольцо и тросточка своим блеском сверкнули. Улыбнулась Девка-Змеевка, приветствует гостя.

– Здравствуй, Федор Бурмакин! Знаю, знаю, зачем ты в гости ко мне приехал! Но знай, если бы ты для себя хотел раздобыть мое золотое кольцо и тросточку, я бы тебе их так подарила, а для царя Меркобурна ни за что не отдам. Ко мне приезжали и цари-царевичи, и короли-королевичи, и никто обратно ни живым, ни мертвым не уезжал. И ты не уедешь... А, впрочем, давай сыграем со мной три раза в шахматы? Если ты меня обыграешь, я отдам тебе и кольцо, и тросточку; если я тебя обыграю, ты будешь моим мужем и что я захочу, то с тобой и сделаю. Согласен?

– Согласен, – ответил Федор Бурмакин, а сам думает: «Что же это такое – шахматы? И в глаза-то я их не видел!»

– Пойдем в шахматную комнату! – сказала Девка-Змеевка и вперед пошла.

Идет за ней Федор Бурмакин и думает: «Кто такие шахматисты и как бы в этом деле Девку-Змеевку опередить?»

Пришли в шахматную комнату. Пол, стены в пестрых клетках. Посередине дубовый стол, а на нем хитроумно фигуры вроде царей, цариц, пушек и солдат в ряды выстроились, будто два войска воевать друг против друга собрались.

Ну, села Девка-Змеевка с одной стороны стола, гостя с другой посадила. Сидит Федор Бурмакин и делает руками то же, что и она. Девка-Змеевка двинула солдатику вперед, и Федор Бурмакин двинул навстречу ему своего, она выбросила коня через две клетки на третью, и он своего коня подтолкнул туда же. Захохотала Девка-Змеевка, поняла, что Федор Бурмакин в шахматах-то не силен. Раз-раз и крикнула:

– Мат! Обыграла!

Ладно, думает Федор Бурмакин, дело тут немудреное, ежели мозгами поработать. И решил в другой раз ее ходами ходить. А Девка-Змеевка по-своему смекнула: с таким игроком играть, можно и на шахматы не глядеть. И не сводит своего взгляда с красивого лица Федора Бурмакина. Меньше играет, больше его усами любит.

А Федор Бурмакин ее старые ходы все запомнил и давай солдат да офицеров, да коней вперед гнать. Гнал, гнал да пригнал девкиного-то короля в угол и крикнул:

– Вот тебе! Мат или как его там!

На лице Девки-Змеевки гневный румянец вспыхнул.

– Ну, это я так тебе проиграла. Давай третью партию!

Расставили фигуры и снова двинули друг против друга солдат да коней. Только в середине игры взглянул Федор Бурмакин на Девку-Змеевку и видит, что она с ног до пояса уже змеей сделалась. Испугался он и говорит:

– Нет! Не буду больше играть, неправильные у тебя шахматы.

– Почему неправильные? – спрашивает Девка-Змеевка.

– А потому, что тут руками работать надо. А у меня вот на корабле есть живые шахматы! Там только думай, куда как ходить, а фигуры сами согласно твоим мыслям по доске ходят.

Захотелось Девке-Змеевке в живые шахматы поиграть, пристала она к Бурмакину:

– А ты мне живые шахматы сюда принеси. Я тебе за них кольцо и тросточку отдам.

– Ладно, принесу. Давай кольцо и тросточку.

Сняла Девка-Змеевка с руки золотое кольцо, тросточку отдала и говорит:

– Ну, иди за живыми шахматами, да только одну ногу здесь оставь, а то обманешь меня.

– Я живо сбегаю: одна нога будет здесь, другая там.

Перешагнул Федор Бурмакин порог, зажал в дверях сапог и крикнул Девке-Змеевке:

– Держи дверь, ногу прижми, а я живо...

Обеими руками ухватилась Девка-Змеевка за скобу, дверь держит, с подметки бурмакинского сапога глаз не спускает. А Федор вытянул ногу из сапога и бегом к своей шляпке. Прибежал к берегу, а его корабля в бухте как не бывало! Бояре подняли якорь, натянули паруса, да и обратно в царство Меркобурна укатили. Задумался Федор: «Как быть? Девку-Змеевку обманул, пустой сапог в дверях заставил держать, и корабля нет... Убьет теперь меня Девка-Змеевка. Куда деваться?» И решил вдоль берега в царство Меркобурна пешком идти. И пошел он при одном сапоге.

Шел, шел, шел... Где ночь темная застигнет, там и ночует, где ягоду или гриб найдет, тут и поест-попьет. Вдруг позади себя страшный крик услышал. Оглянулся и видит: за ним погоня! Девка-Змеевка по воздуху летит, кричит:

– А-а-а... Федор Бурмакин! Вот я тебя и догнала! Обманул ты меня. Страшной смерти заслужил, да уж ладно, молодость твою жалко. Возьми свой сапог, я его целый день в дверях держала. Да прими от меня в подарок перочинный ножик. Когда тебе смерть угрожать будет, ты вспомнишь про него. Только знай, Федор Бурмакин, от меня ты легко ушел, но от брата моего, удава-оплетателя, не уйдешь!

– Спасибо за добрый совет, Девка-Змеевка, – ответил ей Федор Бурмакин. – А что касается твоего брата удава, там видно будет.

И пошел дальше вдоль берега, а Девка-Змеевка к себе улетела.

Идет Федор: где ночь застанет, там и переночует, где гриб или ягоду найдет, там и пообедает. Вот как-то в лесу под могучим дубом уснул и вдруг слышит – свист, гром. А это удав-оплетатель человеческий дух учуял и по чаще торопится.

Вскочил Федор да бежать, а удав-оплетатель – за ним. Только бежать удаву-оплетателю по чаще неловко, где хвостом за дерево заденет – дерево с корнем вырывается, где пень зацепит – пень из земли выскакивает. За все удав-оплетатель цепляется и не может Федора Бурмакина догнать-поймать. А лес все реже, реже, и вот Федор на чистое место выбежал. Зло зашипел удав-оплетатель:

– Ладно-ладно, Федор Бурмакин! Ты от Девки-Змеевки ушел, от меня, удава-оплетателя, ушел, но от сухопутных людей-монахов никуда не уйдешь!

– Эй! – крикнул ему в ответ Федор Бурмакин. – От вас ушел, а от монахов и по давню!

И опять дальше пошел. Шел-шел, в густой лес зашел, а там, посередине болота, двухэтажный дом стоит. В нем сухопутные люди-монахи живут. Увидали они прохожего человека, в один голос закричали, будто обрадовались:

– А, Федор Бурмакин!

– Федор Бурмакин! Откуда идешь, да как ты к нам попал?

Рассказал им Федор Бурмакин, как Девку-Змеевку обманул, как от удава-оплетателя ушел...

– Ну а от нас, как от самой смерти, никуда не уйдешь. С нами жить будешь, – засмеялись монахи.

Задумался Федор Бурмакин.

– Ну что ж! С веселыми людьми весело и пожить.

А сам размышляет: «Кто такие сухопутные люди? Не сеют, не жнут, а чем-то живут?» День прошел, другой прошел. На третий день сидит Федор Бурмакин за столом, щи хлебает. Вдруг слышит, сухопутные люди между собой про него разговаривают:

– Слышал, Федор Бурмакин умер?

– Слышал, слышал. Умер, говорят.

– Как умер? – закричал Федор. – Вот он я!

– Да нет, нет – умер! – отвечают ему монахи. – Сейчас хоронить будем...

Оглянулся Федор Бурмакин и видит – уже гроб сколачивают.

– Да что вы делаете, люди добрые? Я совсем и не думал умирать!

– Да ты уже умер! – отвечают ему. – Хоронить пора.

Тут кто-то подбежал, схватил его за ногу, поднял, взглянул на подметку сапога и закричал:

– Сухая! Подметка сухая – умер! Давайте гроб...

Притащили монахи гроб. Схватили Федора Бурмакина кто за руку, кто за ногу, в гроб положили, крышку гвоздями заколотили и железные обручи на гроб надели.

Слышит Федор Бурмакин, его куда-то на руках несут. Гроб качается: несут и несут. Видно, в могилу закапывать будут. Что делать? Колотит кулаками в крышку, а ему никто не отвечает. Несут куда-то и несут. Монахи до моря дошли, поставили гроб на каменную плиту, поговорили что-то и ушли.

Тихо так стало, только и слышно, как море шумит, шумит... День прошел, ночь наступила, а Федор Бурмакин в гробу лежит и думает: что же с ним теперь будет и куда сухопутные люди его золотое кольцо с тросточкой денут?

Вдруг зашумело, заволновалось море. Плывет к берегу какое-то морское чудовище, от страшного рычания берег содрогается. Подплыло чудовище к берегу, подползло к каменной плите и лизнуло крышку. Раз лизнуло – железные обручи лопнули; другой раз лизнуло – крышка раскололась!

«Ну, – думает Федор, – лизнет третий раз, от меня ничего не останется! Живьем проглотит». Вспомнил про перочинный нож, что Девка-Змеевка подарила, достал из кармана, раскрыл.

Третий раз чудовище гробовую крышку лизнуло, а Федор Бурмакин не будь плох, да и подставил ему острие ножа – так язык у морского чудовища и развалился на две половины. Страшный рев оглушил Бурмакина. Прыгнуло чудовище в море, настоящую бурю там сделало.

А Федор Бурмакин вылез из гроба, отряхнулся, оглянулся и снова к сухопутным людям пошел – золотое кольцо с тросточкой выручать.

Далеко еще было, как монахи заметили Бурмакина. Испугались, крик подняли:

– Спасайтесь! Спасайтесь! Анафема идет!

И разбежались кто куда.

Прошел Федор Бурмакин в дом, а тросточка с кольцом

на столе лежат. Взял он их, со стены двустольное ружье снял, сумку с провиантом на себя надел и дальше побрел в царство царя Меркобурна. А монахи ему вслед кричат:

– Ну, счастлив ты, Федор Бурмакин! От нашей сестры Девки-Змеевки ушел, от брата, удава-оплетателя, ушел, от нас сумел уйти, но от нашего старшего брата, богатыря одноглазого, тебе не уйти. Убьет он тебя!

Сказали это и залились раскатистым хохотом.

– Ладно! Смейтесь! – ответил им Федор Бурмакин. – От вас, двуглазых чертей, ушел, а с одноглазым мне и делать нечего!

Идет дальше: где ночь застанет, там и ночует, где глухаря или рябчика убьет, там и пообедаст. Шел, шел, шел, а в комнате на койке богатырь одноглазый лежит и здоровый глаз рукой закрывает, стонет... «Вот он где, одноглазый-то! Дай-ка я его полечу».

И запел Федор Бурмакин песню:

Я ли не доктор был?

Я ли не лекарь был?

По селам ходил —

У больных глаза лечил.

Услыхал одноглазый богатырь песню, обрадовался, закричал:

– Кто ты, божий человек? Заходи в горницу.

Зашел Федор Бурмакин в горницу. Отвесил одноглазому богатырю низкий поклон, а тот его и спрашивает, откуда, мол, куда и зачем идешь.

– Да вот я, городской лекарь, услыхал, что по деревням и селам страшная болезнь людей косит. Ходил, лечил...

– А не вылечишь ли ты мой глаз?

– Да лекарств у меня подходящих не осталось, варить надо.

– А ты свари!

– Да где я материал достану?

– А какой материал требуется?

– Нашатырь, олово да огонь...

– Нашатырь и олово у меня найдутся. Иди на кухню, там и таган есть.

Развел Федор Бурмакин огонь, поставил на таган котел, набросал в него олова и нашатыря, расплавил все это до бела огня и говорит богатырю одноглазому:

– Ну, лекарство у меня готово. Готов ли ты?

– Готов, готов, – отвечает богатырь и здоровый глаз рукой закрывает.

А Федор Бурмакин и ему пояснение делает:

– Не-е-т, я лекарство в здоровый глаз лить должен.

– Как так? – заупрямился богатырь. – Здоровый глаз у меня не болит!

– Вот и хорошо, что не болит, – храбрится лекарь. – Лекарство-то через здоровье пройдет, в больной глаз выйдет и мигом оба глаза одинаковы будут. Как рукой снимет. Уж ты не беспокойся. Мне не впервой.

Поверил богатырь одноглазый, больной глаз рукой закрыл, здоровый подставил. Зачерпнул Федор Бурмакин из котла целый ковш расплавленного олова, да и вылил в здоровый-то глаз.

– А-ай! А-а-ай! А-ай! – взревел богатырь одноглазый и с койки соскочил.

Бросил Федор Бурмакин ковш, выбежал в сени, а на улицу-то выскочить не успел. Одноглазый богатырь крикнул:

– Двери, закройте!

И сразу все двери захлопнулись.

Шарит ослепший богатырь по стенам руками, в сени дорогу ищет.

«Ну, – думает Федор Бурмакин, – наверное, мне теперь смерть пришла».

Мечется в сенях и все на коровьи туши натывается. Незадолго до его прихода богатырь одноглазый целый десяток коров на завтрак себе зарезал. Уже туши разделять стал, да глаз заболел. Сел Федор Бурмакин в уголок и сидит, а богатырь одноглазый добрым голоском его спрашивает:

– Да где же ты, Федор Бурмакин? Как мне к тебе пройти?

– Я здесь, – откликнулся лекарь и тихонько в другой угол перебегает.

А богатырь добрел до того угла, пошарил и опять спрашивает:

– Да где ты, Федор Бурмакин? Как мне тебя найти?

А Федор опять:

– Да здесь я, здесь, – и сам тихонько в другой угол присел. Тронул рукой, догадался, что там коровья туша с распоротым животом лежит и кишки выпущены. Залез Федор Бурмакин в эту тушу и брюшиной закрылся. Измучился богатырь одноглазый, то и дело за коровьи туши запинается, и ласковым голоском все спрашивает:

– Федор Бурмакин, как мне тебя найти?

– Да ты выброси коровьи туши на улицу! Я один останусь, вот и найдешь.

– Правду ты говоришь, выбросить надо! – обрадовался богатырь и крикнул: – Двери, раскройте!

Распахнулись двери. Схватил он одну коровью тушу, пощупал-пощупал руками, да и выбросил на двор. Другую схватил, пощупал-пощупал – выбросил, и третью тоже. Вот и ту схватил, в которой Федор Бурмакин ни жив ни мертв лежит, изо всей силы распоротую брюшину на себя натягивает. Богатырь шкуру пощупал, брюхо давнул, да и вышвырнул тушу за дверь. Федор Бурмакин из шкуры на землю вылетел, на ноги вскочил и весело захохотал.

– Что же ты, кривой богатырь, наделал? Ведь меня на улицу выбросил!

Разозлился одноглазый богатырь, злобно закричал:

– Ну, моли бога, Федор Бурмакин! А то бы я тебя на завтрак зажарил... И от меня ты ушел, но от царя Меркобурна никуда не уйдешь!

– Эге! – усмехнулся Федор Бурмакин. – Царь Меркобурн меня любит. Я его приказ выполнил, кольцо с тросточкой раздобыл.

И снова пошел Федор Бурмакин своей дорогой. Долго ли, мало ли он шел да шел – никто дней не записывал, месяцев не высчитывал. Вдруг видит – на поляне около леса Лев с Идолищем поганым дерутся, один другого насмерть бьют. Увидали они Федора, наперебой кричат, помощи просят, каждый на свою сторону переманивает. Идолище поганое кричит:

– Федор Бурмакин, помоги мне Льва убить, золотом тебя озолочу.

А Лев кричит:

– Федор Бурмакин, не помогай ему! Он тебя обманет, да еще и убьет. Помоги мне с ним справиться. Я верную службу тебе сослужу, куда угодно тебя доставлю.

Задумался Федор Бурмакин. Сел на пенек, затылок чешет: «Хм... Кому помочь? Идолищу помочь – человек обманчив, еще обещанного золота пожалеет, обманет. Зверю помочь? Зверь честней человека, свое слово сдержит».

Снял с плеча двустволку и выстрелил в Идолище поганое. Обрадовался Лев, поблагодарил Федора Бурмакина и говорит:

– Ну, требуй чего хочешь, все исполню.

Улыбнулся Федор Бурмакин и отвечает:

– Свези меня поскорее к царю Меркобурну.

– К царю Меркобурну? – удивился Лев. – Да знаешь ли ты, что он убить тебя хочет?

– За что ему меня убивать? Я его приказ выполнил – золотое кольцо и тросточку для него добыл.

– Все равно он тебя убьет. Не ходи к нему. Выбирай себе любое другое царство, я тебя живо туда доставлю. А то пойдем со мной, сами свое царство устроим.

– Нет, нет, нет! – настаивает на своем Федор Бурмакин. – Вези меня к царю Меркобурну.

Покачал головой Лев.

– Ладно, свезу. Садись на спину да крепче держись за мою гриву.

Сел Федор Бурмакин на спину Льва и в гриву обеими руками вцепился. Лев прыгнул через кусты и помчался в царство царя Меркобурна. Долго ли, мало ли он бежал, на берегу моря царский дворец показался. Остановился Лев около кустарника и говорит:

– Слезай, Федор Бурмакин, вот я твою просьбу и выполнил. Только жаль мне тебя, из твоего же ружья убьет тебя царь Меркобурн. Прощай!

Сказав это, Лев протянул свою лапу Бурмакину. Взял Федор лапу Льва в обе руки, крепко к сердцу прижал.

– Не бойся за меня, добрый мой Лев. Не за что царю Меркобурну убивать меня. Ну а если что случится, выручай, брат, век твоей услуги не забуду.

– Ладно, – ответил Лев и, прыгнув, исчез в кустах.

Явился Федор Бурмакин во дворец, поклонился в ноги царю Меркобурну, сказал:

– Вот золотое кольцо и тросточка, за которыми ты меня посылал, царь-батюшка.

Усмехнулся царь Меркобурн, отшвырнул золотое кольцо и трость ногой, рявкнул:

– Вот удивил чем – золотое кольцо у моей сестрицы украл! Моего удава-оплетателя обманул! Моих монахов-отшельников разогнал! Моего верного стража – богатыря одноглазого изувечил! Идолище поганое убил! Да знаешь ли ты, что я за все это и смерть такую тебе придумаю?!... Да уж ладно. Люблю я тебя. Сам выбирай, что с тобой сделать: из пушки тебя выстрелить или на столбе повесить. Даю тебе срок: день с ночью.

Схватила стража Федора Бурмакина, связала ему руки и ноги, в темницу бросила. Лежит Федор Бурмакин на земляном полу и думает: «Вот какие цари злодеи. Ну, погоди же! Как бы только освободиться! Я с тобой расправлюсь».

День прошел, ночь наступила. К Федору Бурмакину мышка подбежала, села на задние лапки перед ним, мордочку умывает. Говорит ей Федор Бурмакин:

– Сбегай, мышка, в лес, разыщи Льва, передай ему, что, мол, Федора Бурмакина на рассвете казнить будут. Пусть он меня выручает.

Пискнула мышка, хвостиком махнула и в лес убежала. Много ли, мало ли времени прошло, по лесу страшный звериный рев поднялся. Лесной царь Лев звериные полчища свои собрал и на царя Меркобурна войной пошел. Тут крестьяне про беду Федора Бурмакина услышали, топоры, вилы, колья схватили, тоже к царским хоромам бросились.

Мышки-хлопотушки в темницу ворвались, веревки на руках и ногах у Федора Бурмакина перегрызли. Кузнецы прибежали, чугунные двери сломали. Встал Федор Бурмакин, вышел из темницы, народу низко поклонился, такую речь сказал:

– Люди добрые! Совет дайте, что с царем Меркобурном делать будем?

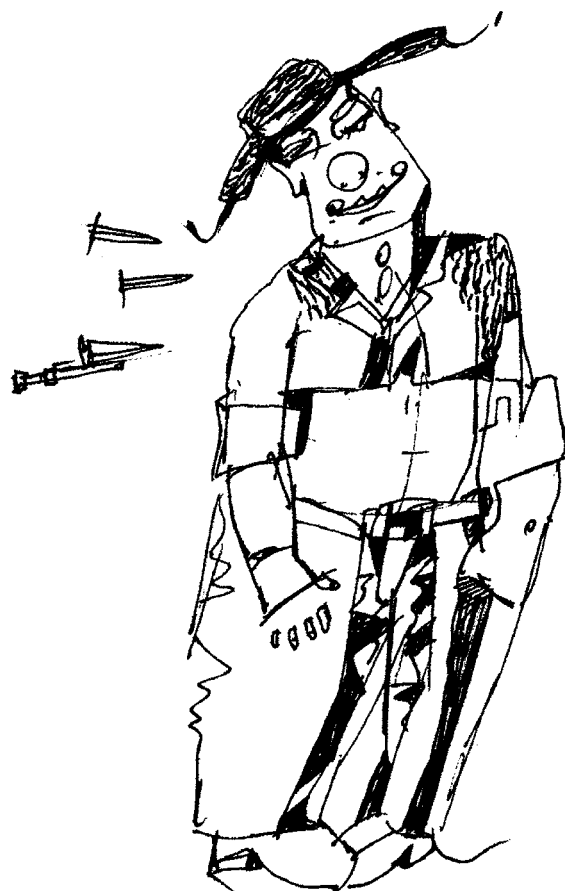
– Смерть! Смерть царю! – в один голос ответил народ.

– Быть смерти, – согласился Федор Бурмакин и приказал схватить Меркобурна с боярами да из пушки выстрелить.

Зарядили мужики пушку, затолкали в нее царя Меркобурна и... выстрелили! Разлетелся царский прах на четыре стороны, а за ним разлетелись и злые бояре. Последним был выстрелен царский венец. На этом и славной сказке конец.

Публикация С.И. Красноштанова

ФЕДОР БУРМАКИН

Славянская руница на священных камнях

Сергей КРАШНОШТАНОВ, профессор
Хабаровск

Со школьной скамьи мы знаем имена Кирилла и Мефодия и благодарно называем великими просветителями славян. Не случайно в Москве и во Владивостоке им поставлены памятники, ежегодно отмечаются праздничные дни в их честь.

В Средние века во всей Европе христианское богослужение велось на латыни. Кирилл и Мефодий вопреки установившейся традиции просвещали славян на их же языке. Эти миссионеры, причисленные к лику святых, переводили с греческого священные книги, что явилось началом формирования славянского книжного дела.

Существует устойчивое мнение, что Кирилл является создателем славянской письменности, что до него у славян письменности не существовало. На эти сложные вопросы отвечает известный российский ученый Валерий Алексеевич Чудинов в своих книгах, написанных для широкого

Общий вид корчаги из Гнёздово и ее надписи

Надпись на камне с Валаама и прочтение надписи В.А. Чудиновым

круга читателей: «Загадки славянской письменности» (М., 2002), «Руница и тайны археологии Руси» (М., 2003), «Священные камни и языческие храмы древних славян» (М., 2004), «Тайные руны древней Руси» (М., 2005) и др.

Сегодня мы стоим перед разгадкой: оказывается, задолго до создания кириллицы у наших предков существовал собственный вид письма. Возникает вопрос: если такое письмо было, почему ученые так долго его не замечали? Действительно, через руки археологов прошли тысячи явно не кирилловских надписей на памятниках Руси и других стран. Одни надписи были приняты за случайные царапины, другие не рассматривались из-за их «неясности», третьи приписывались неславянским народам. Но только профессор из Москвы Валерий Алексеевич Чудинов их прочитал. Около 2 000 надписей дешифровано на камнях, древнем оружии, княжеских знаках, украшениях, монетах, картах на гальке, граффити в церквях, берестяных грамотах. И что поражает: на каждом предмете было выцарапано слово – имя вещи.

На мой взгляд, исследования Чудинова касаются совершенно фантастической проблемы – существования в Древней Руси самобытной системы письма, так называемой руницы, изображающей своими знаками не отдельные буквы, а целые слоги. Более того, Чудинов отмечает, что на Руси было несколько систем письма, и руница – одна из них.

О существовании письма у славян до глаголицы и кириллицы высказывались многие выдающиеся деятели минувших эпох, включая М. Ломоносова, Екатерину Великую, первого русского историка В. Татищева.

Давно было известно, что к периоду создания кириллицы в славянских странах существовало загадочное письмо «алфавит икс». Только сейчас выяснилось, почему руница оказалась таинственной. Прежде всего, из-за своей необычной графики. Славяне писали вовсе не так, как мы пишем сейчас: вид букв, орфография, правила переноса, выделения, направление письма и прочее были другими. Слоговое письмо – не буквенное. Каждый слог обозначается одним знаком, и потому слоговое письмо не имеет алфавита. Чудинов открыл около 60 знаков, составил их таблицы.

До сих пор любители старины находят на камнях, на предметах знаки руницы. К примеру, в одном только ракурсе валуна Макоши, главной славянской богини, най-

денного на Валааме, можно прочесть целую «эпоху», уходящую в седую древность. На этом камне начертаны слова «Перунова Русь» и «Святая Русь», что обозначает Карельский перешеек, где находится Валаам. А основная надпись посвящена богине судьбы Макоши: «Чай чело въ камоне, но и тело ищи Магужино» («Уповай на голову в камне, но и тело ищи Магужино»).

А как же к этому открытию относится академическая наука? Думаю, что ученым признать это просто невыгодно. Открытия Валерия Чудинова ломают стереотипы и устоявшиеся взгляды на письменность древних славян. Но вот что сказано в «Житии Кирилла». Со слов его брата Мефодия сообщается, что в 861 году во время поездки с делегацией в Хазарию Кирилл останавливался в Херсонесе. Он «нашел здесь Евангелие и Псалтырь, написанные русскими письменами, и человека нашел, говорящего на том языке, и беседовал с ним, и понял смысл этой речи, и, сравнив ее со своим языком, различил буквы гласные и согласные, и, сотворя молитву Богу, вскоре начал читать...». Этот факт говорит не только о грамотности славян задолго до Кирилла, но и о том, что они уже были христианами.

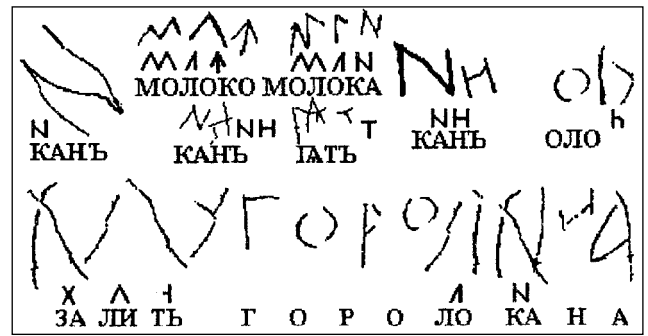
Чудинов пишет: «Кирилл азбуку не изобрел. Он сократил известную ему по Херсонесу славянскую письменность до 14 графем, но увеличил до 24 графем греческую часть. Эта письменность стала удобной для Византии и была названа именем своего реформатора». То, что Кирилл не создатель, а реформатор азбуки, не умаляет его значения.

Азбука Кирилла – основа церковной письменности, христианское письмо. Церковная литература создавалась на старославянском языке. Старославянский, или церковнославянский, язык сыграл большую роль в культуре русского средневековья. Русская Православная Церковь и сегодня ведет богослужения на этом языке.

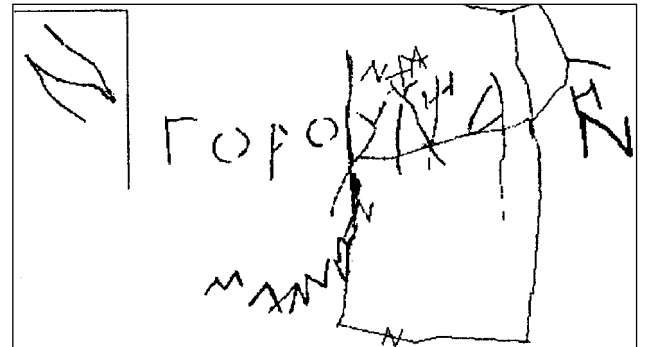
В давние времена Европа была заселена славянами. К примеру, в нынешней Германии сохранилось много славянских названий. Бранденбург когда-то назывался «Бранный лес», то есть оборонный лес. Росток явно славянского происхождения. Город Липск (равнозначно Липецку) немцы переименовали в Лейпциг. Все эти города изначально были славянскими.

Славянское письмо оказалось живучим. С момента гонений церковников на волхвов и предания анафеме славянских богов оно продолжало существовать вплоть до Петра Первого. В Средние века слоговое письмо было очень известным, постепенно письменность стала совмещать слоговое письмо с буквенным кириллическим. К началу XVIII века кириллица окончательно вытеснила слоговое письмо. Если в Средние века кириллица использовалась как образец делового, литературного и религиозного письма, то руница активно использовалась в быту. Наши предки предстают как люди высокой грамотности, гораздо более высокой, чем мы могли себе представить. А каменные святилища Макоши, Рода, Сварога, Велеса, Перуна, и других славянских богов до сих находят от Пиренеев до Южного Урала.

Лишь сегодня мы открываем для себя, что тысячу лет назад существовала своеобразная «паспортизация» личности, где данные располагались в поясном наборе. На специальном кольце можно было прочитать имя, фа-

Прочтение В.А. Чудиновым второстепенных и основной надписи корчаги из Гнёздово

Прорисовка надписи на гнёздовской корчаге

милию, профессию древнего славянина. Название вещи впечатывалось в саму вещь, благодаря чему оно могло быть прочитано спустя века.

В книге «Руница и тайны археологии Руси» Чудинов обращается к известной по учебникам публикации о корчаге (большой глиняный горшок с зауженным горлом. – Прим. С. К.) из курганного могильника в Гнёздово и надписи на ней: «ГОРОУХЩА», прочитанной как «горчица».

Что в сосуде помещалась горчица, я поверил: оба слова по звучанию почти совпадают. На поверку никакой горчицы в сосуде не бывало. Чудинов рассказывает, как много усилий приложили исследователи, предлагая различные варианты своего прочтения: горчичные зерна, горячая жидкость (нефть), горячие щи, наконец, писание Горуна. Валерий Алексеевич нашел, что на сосуде сохранилось не одно, а несколько слов. Надписи стирались и писались снова. Смысл их сводился к тому, что посуда опустела и надо ее снова залить. Чем залить? Оказывается, молоком.

Эпиграфисты так и не смогли правильно прочесть текст, опираясь лишь на кириллицу. Вот что пишет Чудинов: «Эта наиболее ранняя русская надпись по-своему весьма интересна. Прежде всего, она состоит из нескольких слов, а не одного-двух: двух слов МОЛОКО, из пяти слов КАНЬ (посуда – Прим. С. К.) и из слов ЯТ (пуст – Прим. С. К.), ЗАЛИТЬ и ГОРЛО – всего из 10 слов..., на 7 букв кириллицы (ГОРО из слово ГОРОЛО, НА из слова КАНА и Я из слова ЯТЬ) приходится 17 слоговых знаков – вдвое больше. Это означает, что наиболее древняя кирилловская русская надпись была построена в более крупный текст руницы. А из этого следует не менее важный вывод о том, что кирилловские надписи X века без знания руницы читать и понимать невозможно.

Иллюстрации из книг В.А. Чудинова

Елена ГЛЕБОВА

Фото автора

Фото А. Орлова

Софийский собор – сердце Великого Новгорода

Голубь-легенда над куполами

*Я бы хотела жить с Вами
В маленьком городе,
Где вечные сумерки
И вечные колокола...*

Марина Цветаева

Купола Юрьева монастыря

Почему-то именно эти строки приходят на память, когда я думаю о Великом Новгороде, о его зеленых улицах, солнечными лучами протянутых к Кремлю-детинцу, о белых храмах-кораблях под серебряными парусами куполов. Марина Цветаева много лет мечтала о тихом маленьком городе, где по вечерам «из какой-нибудь мансарды – флейта», но так и не нашла его. Нить жизни поэта оборвалась в августе 1941 года в унылой Елабуге с обезглавленными церквями и не слишком отзывчивым людом. В это же время в судьбе Новгорода и его «вечных колоколов» трагичный поворот: в августе 1941-го древнейший русский город оккупирован фашистскими войсками и практически три года находится на линии фронта.

Немцы стояли в Кремле и Юрьевом монастыре, а свои наблюдательные и корректировочные пункты устраивали в древних храмах. Они знали, что советские войска на противоположном берегу Волхова не станут стрелять по уникальным архитектурным памятникам, но сами безбожно обстреливали сторону противника. Церкви, расположенные там, превратились в руины. Город-мечта тоже стал руинами, обезлюдел и к моменту освобождения практически был стерт с лица земли.

Пронзительны по эмоциональной окраске воспоминания Дмитрия Сергеевича Лихачева, который хорошо знал Новгород, бывал в нем несколько раз еще до войны и сделал серию замечательных карандашных зарисовок храмов и монастырей новгородской земли, которые позднее были объединены в «Новгородский альбом» и изданы в 1999 году «Русско-Балтийским информационным центром БЛИЦ». В мае 1944-го, как только была восстановлена дорога, Лихачев поехал в освобожденный город. «В Новгород я приехал утром. Поезд остановился в поле. Поле это и был Новгород. Потом я разглядел Софию и некоторые церкви... При мне прибыл состав с другими семьями. Это были семьи бывших новгородцев. Боже, какой поднялся плач, когда люди увидели, что долго мечтаемый ими Новгород не существует. Это был плач, который надо было за-

Фото А. Орлова

Новгородский Кремль. Дворцовая башня

писать фольклористу. «Новгород ты наш распрекрасный, что же с тобой сделали...» Плакал весь поезд красных товарных вагонов, плакали дети, женщины ничком бросались на землю...»

Город с крылами птицы Феникс

Архитектурный портрет Новгорода довольно необычен. Практически все постройки относятся к 1950–1960-м годам: город отстраивали заново, потому что после оккупации, по официальным данным, из 2 345 домов частично уцелело лишь 40. И вот среди зданий середины и второй половины XX столетия рассыпаны белые жемчужины древних церквей, чудом уцелевших в жерновах войны. Город взмахнул крылами и возродился из пепла, как легендарная птица Феникс.

Впрочем, в истории Великого Новгорода было немало тяжелых моментов, и всякий раз он возрождался, поднимался с колен. Многие исторические события переплетены с древними легендами и преданиями. Одна из них, наиболее яркая, связана с сердцем Новгорода – шестиглавым Софийским собором, расположенным в Кремле. Это самое древнее в России каменное сооружение, своего рода тайный шифр к пониманию Руси, было возведено в 1045–1050 годах князем Владимиром – сыном Яросла-

Древние стены новгородских храмов

Юрьев монастырь

Знаменский собор

Рюриково городище

ва Мудрого. Храм получил имя Святой Софии – Премудрости Божией. Софийский собор был сердцем Новгорода. Здесь хранилась городская казна, велась новгородская летопись, здесь оглашались указы и происходили многие важные события. В XII веке Новгород представлял собой вольную республику, и в лихие годы новгородцы шли воевать «за Святую Софию».

На кресте одного из куполов Софии – голубь, символизирующий в христианстве Святой Дух. Согласно легенде, он появился здесь после того, как в 1570 году Иваном Грозным вместе с опричным войском в Новгороде был учинен страшный разгром, погублено несколько тысяч жителей, и воды Волхова стали багровыми. Как рассказывает легенда, летел голубь над городом, увидел зверства опричников и мучения новгородцев и окаменел. Но если он слетит с креста, «так и Новгороду конец».

Софийский собор служил усыпальницей: здесь погребались высшие лица Новгорода. Конечно, не все захоронения сохранились, и тем не менее сегодня здесь находятся раки с нетленными мощами святой благоверной княгини Анны, жены Ярослава Мудрого, ее сына Владимира, построившего этот собор, новгородского архиепископа святителя Иоанна, который спас город от суздальских войск с чудесной помощью иконы «Знамение». И это еще одна удивительная легенда.

Икона Божией Матери «Знамение» – поясное изображение Богородицы, благословляющей мир, с Младенцем в центре. Такое название чудотворная икона получила в 1170 году, когда помогла новгородцам одержать победу над суздальским войском. По легенде, положение было уже критическим, враг одолевал, и тогда святитель Иоанн поднялся на стену крепости с образом Богородицы, горожане с молитвами обратились к заступнице, и произошло чудо. Одна из суздальских стрел попала в святой образ, и внезапно из глаз Божией Матери потекли слезы. В тот же миг во вражеском войске началась паника, и суздальцы в страхе бежали. С тех пор икона Богородицы «Знамение» – защитница Новгорода. Специально для этого святого образа воздвигли Знаменский собор. В 1566 году новгородцам было явлено еще одно чудо: в городе разбушевался страшный пожар, и прекратился он лишь после того, как икону Божией Матери «Знамение» с молитвами пронесли вдоль Волхова.

Сегодня новгородская святыня находится в Софийском соборе перед главным иконостасом. Справа от Царских врат расположена главная икона этого храма – «София – Премудрость Божия», относящаяся к XV веку.

Рисунки из книги Д. Лихачева «Новгородский альбом»

Новгород на бересте

Можно сказать, что многие важнейшие страницы истории Великого Новгорода – берестяные. Речь идет об уникальных археологических находках – берестяных грамотах (письма и документы XI–XV веков). Причем эти живые отпечатки истории на бересте, названные впоследствии мировой археологической сенсацией XX столетия, впервые были обнаружены именно в Новгороде в 1951 году научной экспедицией под руководством А.В. Арциховского. Так что в 2006-м исполнилось ровно 55 лет со дня той знаковой находки, обозначенной номером 1. По этому случаю в городе установили два памятных знака. Один на фасаде жилого дома по улице Десятинной, где жила Нина Федоровна Акулова. По сути, она не имела к археологии никакого отношения (находясь в декретном отпуске, женщина решила немного подработать), но оказалась счастливицей, обнаружившей берестяную грамоту № 1. К слову, она до сих пор является самым большим берестяным письмом, где перечисляются села, платившие повинность в пользу какого-то Фомы. Второй памятный знак расположен на улице Великой как раз на том месте, где чуть больше столетия назад была найдена первая берестяная грамота.

Результат полувека археологических поисков в Великом Новгороде и его окрестностях – 959 писем и документов на бересте, из них в сезоне 2006 года – три новые грамоты. О них и других интересных находках ученые рассказывали на «Археологической пятнице», которая традиционно проходит в Новгороде в последнюю пятницу августа.

Тема берестяных грамот удивительно интересна. Когда читаешь переведенные и адаптированные к современному языку послания из прошлого, возникает ощущение, что столетия перемещаются и образуют единое историческое пространство.

«Поклон от Ефрема к брату моему Исихию. Не расспросив, ты разгневался. Меня игумен не пустил, а я отпрашивался. Но он послал меня с Асафом к посаднику за медом. А вернулись мы, когда звонили. Зачем же ты гневаешься? Я ведь всегда твой. Для меня оскорбительно, что ты так плохо сказал «И кланяюсь тебе, братец мой!» Ты бы хотя бы сказал: «Ты – мой, а я – твой!» (Берестяная грамота № 605).

«Поклонение от попа к Гречине. Напиши мне двух шестикрылых ангелов на две иконки на верх Деисуса. И целую (приветствую) тебя. А Бог (не постоит) за наградой, или же уговоримся между собой». (Берестяная грамота № 549).

«От Никиты к Ульянице. Иди за меня за муж. Я тебя хочу, а ты меня. А на то свидетель Игнат Моисеев». (Берестяная грамота № 377).

Берестяные грамоты – находки археологического сезона 2006 года

Письма на бересте в Новгороде называли «берёсто». Свои сообщения новгородцы наносили на гладкую и чуть бархатистую поверхность березовой коры при помощи костяного или металлического стержня. Судя по содержанию найденных берестяных посланий, население древнего Новгорода было грамотным от мала до велика, и писать письма, а иногда и обычные записки с какими-то повседневными

«Древнерусский кентавр» из XI века

Жемчужины деревянного народного зоодчества, собранные в музее под открытым небом «Витославицы» на берегу озера Мячино

просьбами или короткими репликами, считалось делом самым обычным. Что-то вроде сегодняшних sms. Ну вот, к примеру, одна из них: «От Бориса ко Ностасии. Како приде ся грамота, тако пришли ми цоловек на жерепце, зане ми здесе дел много. Да пришли сорооцию, сорооцию забыло. (Борис просит прислать одного из слуг с жеребцом и сорочку, которую он забыл.) (*Берестяная грамота № 43*).

Одной из самых ярких находок считают рисунки мальчика Онфима. Этот берестяной «альбом для рисования» можно увидеть в экспозиции Новгородского историко-архитектурного музея-заповедника. Лично меня поразило то, что забавные человечки и лошадки напоминали рисунки моего сына, когда ему было года четыре. Видимо, дети всех столетий похожи.

Ученые предполагают, что культурные слои в Новгороде могут хранить не менее 20 тысяч берестяных грамот. Причем «берёсто» отлично сохраняются благодаря уникальной новгородской почве: она состоит из глины, обильно смоченной водой, и является превосходным консервантом.

Каждый археологический сезон приносит те или иные открытия, которые становятся очередным шагом в мир древне-

го Новгорода. Руководитель Новгородской археологической экспедиции, академик Валентин Лаврентьевич Янин, посвятивший «берёсто» многие годы своей научной деятельности, сравнивает их «с разбитым на сотни кусков громадным зеркалом, каждый осколок которого запечатлел небольшую, случайно отразившуюся в нем частицу давно исчезнувшего мира».

На «Археологической пятнице» 2006 года академик Янин, к слову, почетный гражданин Великого Новгорода, рассказывал о найденных берестяных грамотах. Среди них, например, письмо № 957, датированное XII веком. Причем это днище берестяного лукошка, на котором начертано следующее: «Воибудено луконце. Иже е укладет да проклят будет. А Шевко писал». Вот как ученый комментирует эту надпись: «Воибуда – это имя, состоящее из двух слов: «воин» и «будешь». То есть «будешь воином». Далее текст понятен кроме слова «уклодет». Такого глагола нет. Его можно прочесть как «украдет», «уложит». Или второе значение: «уклодет» – положит сюда (в данном случае в лукошко) что-то без разрешения хозяина». Что касается автора столь устрашающего послания из XII столетия, имя «Шевко» происходит, по словам академика Янина, от слова «швец» – то есть портной, сапожник и т. п. В общем, этот Шевко сделал надпись на луконце своего знакомого (или друга) Воибуды. Чтобы боялись и чужого не трогали.

Археологический сезон 2006 года подарил около 2 тысяч находок: монеты, гребни, стеклянные бусы, ключи различной формы, счетные бирки, обломок гуслей, фрагменты кольчуги, перстни и нательные крестики, а также тележную ось, которую археологи относят к редким артефактам. На Рюриковом городище под Великим Новгородом найдены две амфоры, изготовленные в I–II тысячелетиях до н. э., а на Посольском раскопе в самом Новгороде обнаружена редчайшая каменная икона, где хранили реликвии. Этот реликварий, по оценке ученых, был изготовлен в Византии в XII веке. Но, пожалуй, самой удивительной находкой стал «Древнерусский кентавр». На Троицком раскопе, который расположен в самом центре Новгорода в районе Кремля, в слоях XI века найдена резная фигурка мужчины с копытами на ногах и луком за плечами. Древний мир послал ученым очередной «зеркальный осколок», в котором отражена Русь – загадочная и прекрасная.

Командировка в Великий Новгород состоялась при поддержке АНО «Единство журналистики и культуры» и фонда Форда.

Источники:

1. Великий Новгород и его окрестности. – М.: Аякс-Пресс, 2002.

2. Янин, В. Л. Я послал тебе бересту ... / В. Л. Янин. – Изд. 2-е, испр. и доп. новыми находками. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1975. – 238 с.

3. Янин, В. Л. Новгородские грамоты на бересте: (из раскопок 1977-1983 гг.) / В. Л. Янин, А. А. Зализняк. – М.: Наука, 1986. – 309 с.: ил.

4. Владимиров, М. Прото-Новгород / М. Владимиров. – Новгород. ведомости. – 2006. – 25 авг.

5. Культура Новгородской области : информ. портал.

Хабаровск. Улица Муравьева-Амурского. XIX век. Фото из книги «Хабаровский край. Страницы истории»

ЗНАКИ И СИМВОЛЫ НАШЕЙ ИСТОРИИ

Когда говорят музы, пушки молчат

Искусство на Дальнем Востоке в годы Великой Отечественной войны

Ирина ДОБРОВОЛЬСКАЯ,
кандидат исторических наук
Хабаровск

Великая Отечественная война и многие явления, связанные с ней, уникальны. Эта война представляла собой не просто единоборство вооруженных сил фашистской Германии и России, но и поединок нравственный: противопоставление идеологии народов, борющихся за суверенитет своей Родины, идеологии захватчиков, поработителей, нацистов, стремящихся уничтожить целые народы, в том числе и славянские, или превратить их в рабов.

Правительство СССР времен войны уделяло должное внимание патриотическому воспитанию людей, которое осуществлялось многими путями, в том числе через распространение ярких художественных произведений – музыкального и вокального искусства, драматургии, живописи, литературы.

Гастроли отдельных артистов, музыкальных и театральных коллективов с различным репертуаром, особенно патриотического содержания, были типичным явлением того времени. Песни, музыка, созданные в годы войны, в большинстве своем были очень популярны во всех регионах тогдашнего СССР, да и сегодня воспринимаются как шедевры не только в нашей стране, но и за рубежом.

На Дальнем Востоке в годы войны эти произведения слушали по радио, исполняли в фойе кинотеатров, во время гастролей, на шефских концертах для раненых, находящихся в госпиталях, в школах на уроках пения и на занятиях кружков.

Особой популярностью пользовались такие произведения как Седьмая симфония Д. Шостаковича, песни «Священная война» А. Александрова, «Заветный камень» Б. Мокроусова, «Вечер на рейде», «Соловьи», «На солнечной поляночке» В. Соловьева-Седого, «В лесу прифронтовом» М. Блантера и многие другие.

В 1943 году в связи с празднованием 25-летия Красной армии видные деятели искусства обратились с призывом к советской интеллигенции активизировать шефскую деятельность в рядах Красной армии и флота, организовать творческие рапорты работников культуры перед воинами. Это обращение подписали такие прославленные деятели искусств как В. Барсова, В. Качалов, И. Козловский, С. Лемешев, М. Рейзен, А. Тарасова, Д. Ойстрах, В. Яхонтов, И. Моисеев, В. Захаров и др.

Лучшие представители советской литературы создавали классические произведения, вдохновляющие и фронтовиков, и тружеников тыла. Произведения А. Корнейчука, К. Симонова, А. Твардовского, В. Василевской, А. Сурова, А. Толстого, М. Шолохова, А. Фадеева сыгра-

ДОБРОВОЛЬСКАЯ Ирина Владимировна, потомственный преподаватель, кандидат исторических наук, профессор. Ее отец, Добровольский Владимир Семенович, долгие годы преподавал в училище им. Баумана в Москве.

В 1983 г. И.В. Добровольская защитила кандидатскую диссертацию на тему «Развитие художественной культуры Дальнего Востока СССР

в послевоенный период (сентябрь 1945 – 1961 гг.). Автор десятков опубликованных статей, тезисов по проблемам культуры. В 2000 г. вышло методическое пособие для студентов «Особенности развития художественной культуры Дальнего Востока в 1990-е годы».

В настоящее время Ирина Владимировна читает курсы лекций по социологии, социологии культуры, истории Дальнего Востока России и другим учебным дисциплинам в Хабаровском государственном институте искусств и культуры.

ли огромную роль в патриотическом воспитании советских людей.

В это же время на Дальнем Востоке, далеко от Москвы, на страницах печати были опубликованы стихи о военных буднях В. Афанасьева, Г. Кравченко, А. Артемова, П. Комарова, С. Смолякова, А. Ивенского, С. Феоктистова. Так, Петр Комаров в стихах «Красноармейцу Пашкову, вставшему из могилы», «Старик», «Мы все бойцы» писал о боях, о партизанском движении, о стойкости и смелости русских воинов. А тема единства фронта и тыла, деревни военных лет нашла отражение в стихотворениях «Амур-сталь», «Ночной цех», «Награда».

В трагические решающие дни, когда все силы русского народа были брошены на поединок с фашизмом под Москвой, Комаров публикует стихотворение «Тебе, Москва», где пишет о верности дальневосточников родной столице, о готовности защитить ее, не щадя своей жизни, как это и было в действительности:

Москва! В суровый этот час
Ты не одна в борьбе, –
Нет, миллионы верных глаз
Устремлены к тебе!

Кто от Москвы был так далек, –
Он близок в этот миг.
Хабаровск и Владивосток
Стоят у стен твоих.

Дыханье наше, стук сердец
Ты слышишь за собой.
Скажи – и каждый, как боец,
Пойдет в смертельный бой.

И каждый смерть принять готов,
Чтоб ты была жива,
Мать всех советских городов –
Любимая Москва.

Другой дальневосточный поэт Сергей Феокистов талантливо показывает любовь соотечественников к родному Ленинграду, выражая уверенность в победе защитников города на Неве:

Как маяк,
Он высится над миром
Город-песня, город-исполнин.
В нем работал
Наш любимый Киров,
Пламенный трибун и гражданин.

Не сожгут
Ни «понкерсы», ни пушки
Смольный, отвоеванный в борьбе,
Улицы, где жил великий Пушкин,
Где Некрасов пел о голытьбе.

Неотступна русская твердыня!
Питерская гвардия жива!
Разве может сделаться рабыней
Гордая красавица Нева?!

Город Добролюбова и Блока,
Город славы, чести и дворцов
Разобьет сурово и жестоко
Банду обнаглевших подлецов.

А. Гай и Г. Халилецкий были свидетелями боевых действий по разгрому милитаристской Японии в 1945 году. Отсюда возник цикл стихов Гая о маньчжурском походе Советской армии, где поэт подчеркнул освободительную миссию советских солдат. А в стихах Халилецкого слышится радость в связи с приближающейся победой, окончанием Второй мировой войны.

В годы Второй мировой войны художники Дальнего Востока также внесли свой вклад в борьбу с фашизмом и милитаризмом. Возрождены были традиционные формы плакатного искусства, которые активно использовались в России в годы Гражданской войны и строительства нового экономического уклада. Краевые отделы по делам искусства объявляли конкурсы на лучшие плакаты, посвященные военным событиям. В феврале 1942 года на конкурс лучшего плаката хабаровские художники представили 54 работы. Жюри присудило премии ряду авторов: И.А. Горбунову – за плакат «Смерть немецким оккупантам!», Г.С. Булгакову, представившему плакат «Стахановским трудом в сельском хозяйстве обеспечим Красную армию хлебом, мясом, овощами», художнику Н.И. Туркину – за работу «Дай лес фронту».

Плакаты художников, а также карикатуры с меткими стихотворными обобщениями выставлялись в витринах магазинов, на специальных стендах, публиковались на страницах периодической печати. Так, в марте 1943-го на страницах «Тихоокеанской звезды» была опубликована карикатура с пародийными стихами. Авторы В. Павчинский и Л. Дешко извещали о крахе итальянского главаря фашизма Муссолини:

...Соратников громко он кличет
И маршалов грозно зовет...
Но спят усачи-гренадеры
В равнине, где Волга шумит.
Под снегом холодным России,
Под знойным песком пирамид.

Большое значение в 1941–1945 годах имело театральное искусство. Обладая обширным репертуаром, создававшимся еще со времен Древней Греции, работники театров имели возможность выбрать для постановки то, что являлось наиболее целесообразным и полезным для военного времени. Кроме того, вызревала новая классика, которая тут же воплощалась на сценах различных театров страны.

Лучшими драматическими произведениями, написанными в дни войны, были признаны пьесы «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонов, «Нашествие» Л. Леонова. В спектакле «Русские люди» в Московском театре драмы и во МХАТе режиссер и артисты стремились передать жизнеутверждающий драматизм пьесы. Кульминацией спектаклей была сцена допроса Федора в гестапо, когда народный мститель гордо отвечал палачам: «Я русский и защищаю родину».

На Дальнем Востоке искусство театра в годы войны также занимало одно из ведущих мест в духовном воспитании общества. В это время в регионе работали четырнадцать профессиональных театров: Александровский драматический – на Сахалине, Благовещенский драматический театр, Биробиджанский драматический имени Л.М. Кагановича, Владивостокский драматический имени А.М. Горького, Комсомольский-на-Амуре кукольный театр, Магаданский музыкальный театр, Нанайский национальный театр, Николаевский-на-Амуре драматический театр, Петропавловский-на-Амуре кукольный театр, Хабаровский театр музыкальной комедии, Хабаровский кукольный театр.

С самого начала войны при театрах создавались специальные группы, бригады для обслуживания воинских частей, военных госпиталей, полевых станций, предприятий региона. Коллективы театров давали концерты, ставили спектакли, инсценировки. Когда началась война, в Хабаровске завершал свою работу широко известный Центральный театр кукол под руководством С.В. Образцова. Новым смыслом были наполнены слова Алладина из спектакля театра: «Сделай так, чтобы следа не осталось от этого человека. Он умел делать только зло».

Большой популярностью пользовались спектакли Хабаровского театра музыкальной комедии. Зрители не только имели возможность отдохнуть, по-новому воспринимая юмор классических оперетт, но и знакомились с премьерами, которые были особенно необходимы в суровые военные дни.

27 марта 1942 года театр показал премьеру спектакля «Ночь в июне» А. Рябова и М. Блантера, повествующую о первых трагических днях войны. Полноценное художественное решение получил спектакль «Раскинулось море широко» В. Вишневского и В. Азарова. Премьера состоялась в мае 1944-го. Это была героическая комедия, посвященная подвигу советских людей, отстоявших Ленинград. С интересом воспринимались зрителями в то время спектакли на историческую тему «Честь мундира» С. Заранск и Л. Павлова, а также «Табачный капитан» В. Щербачева.

В августовские дни 1945-го артисты Хабаровского театра музыкальной комедии, передвигаясь по Маньчжурии вместе с наступающей Советской армией, давали концерты в экстремальных условиях. Особенной популярностью и любовью зрителей пользовались артисты И. Войнаровский, Г. Климов, А. Рыжков, С. Моргулис, Н. Симонова, А. Грибкова, А. Черкасова.

Коллектив Камчатского областного драматического театра в дни боев с японскими милитаристами на Ку-

рильских островах, откуда японцы готовили наступление на Камчатку, вел успешную работу по обслуживанию солдат и офицеров в районе боев, в госпиталях и на мобилизационных пунктах. Не считаясь с трудностями, артисты театра в течение 15 дней с успехом поставили 50 спектаклей. Командующий войсками Камчатского района выразил творческому коллективу благодарность, отметив хорошую работу директора театра Г. Гловацкого, актеров А. Паванцевой, Е. Варнавской, Ф. Ламакина, К. Родионова, В. Андрианова.

Гастрольные поездки стали типичными для Николаевского-на-Амуре областного драматического театра, выступавшего перед рыбаками Де-Кастри, горняками Колчана, колхозниками Ульчского района. Только за время гастролей летом 1942 года театр дал 66 спектаклей, обслужив свыше 20 тысяч зрителей.

Приморский кукольный театр, совершая поездки по городам и селам Дальнего Востока, обновил свой репертуар миниатюрами сатирического содержания, в которых метко высмеивались планы и дела Третьего рейха: «Сон в руку», «Кого мы били, бьем и будем бить», «Веселый Петрушка» и др.

С 1 сентября 1941 по 1 октября 1943 года активно выступал в регионе Хабаровский краевой агиттеатр. Основной задачей театра являлась пропаганда средствами эстрадных малых форм темы защиты Родины, разгрома фашизма. Большим успехом пользовались так называемые «Оборонные программы» агиттеатра. Первая из них имела характерное название «Огонь по врагу». Она состояла из небольших одноактных пьес, злободневных инсценировок, миниатюр и за семь месяцев была показана 89 раз.

Вторая и третья программы («Фронт и тыл» и «Только раз») подчеркивали единство фронта и тыла, показывали трудовой подвиг народа в годы Великой Отечественной войны, вселяя твердую уверенность в разгрома фашизма. Театр побывал во многих городах и селам Дальневосточного региона. Его с радостью принимали труженики Комсомольска-на-Амуре и Благовещенска, рыбаки Охотского побережья. Спектакли играли в разделочных цехах, на складах, в палатках, на пристани. Особенно тепло встретили зрители спектакль «Профессор Полежаев», напомнивший об одной из героических страниц русской истории. Были и другие удачные спектакли (художественный руководитель Б.Ф. Заяц).

Отдел по делам искусства исполнительного комитета Хабаровского краевого Совета депутатов трудящихся особым приказом № 130 от 22 сентября 1943 года отметил значительное улучшение работы Александровского-на-Сахалине областного драматического театра: повысилось качество репертуара этого театра, вырос творческий коллектив, улучшилось обслуживание зрителей, укрепились финансовое положение театра.

В течение трех лет (1940–1943 гг.) на Дальнем Востоке работал Ленинградский Новый театр. За это время он показал 1 260 спектаклей, провел 800 шефских концертов, лекций, бесед.

21 марта 1942 года в Хабаровске увидел свет рампы спектакль «Профессор Мамлок» по пьесе В. Вольфа. Постановщик и исполнитель главной роли Борис Сушкевич так определил основную идею пьесы: «Две основные темы должен вести театр в дни Великой Отечественной войны. Первая – безмерная любовь и преданность советского гражданина к своей родине и вторая – неумолимая ненависть к врагу. Спектакль «Профессор Мамлок» пос-

вящен второй теме. Передать общественную атмосферу 1932–1933 годов в Германии, отразить влияние событий на развитие характера каждого действующего лица – такова задача, стоящая перед театром».

Особую воспитательную ценность представляли такие постановки театра как «Фронт» А. Корнейчука, «Русские люди» К. Симонова, «Кремлевские куранты» Н. Погодина. Словно приказ в грозные дни 1943 года звучали слова Сафонова (артист Ю. Щербаков): «Стой, Сафонов, и ни шагу назад! Умри, а стой! Дерись, а стой... Десять ран прими, а стой!». Творческий рост коллектива был отмечен Комитетом по делам искусств при СНК СССР, театру присвоена первая категория.

К героическому прошлому русского народа обращался Московский театр сатиры, гастролировавший в Дальневосточном регионе в 1942 году. Он выступил с пьесой И. Кочеткова «Надежда Дурова» (постановщик – заслуженный артист РСФСР Э.Б. Краснянский). В исполнении артистки Н. Слоновой Надежда Дурова – отважный и целеустремленный человек. Также успешно выступил в роли фельдмаршала Кутузова заслуженный артист РСФСР П.Н. Польш, подчеркнув мудрость и военный талант легендарного полководца. Талантливому артисту И.А. Любезнову удалось правдиво показать гусара Андрея Клименко.

Выразительное оформление художника М. Варпеха, музыка Я. Чернявского подчеркивали режиссерский замысел спектакля.

Постановка столичного театра не только сыграла заметную роль в патриотическом воспитании дальневосточников, но и оказалась полезной для театральных трупп региона как школа высокого художественного мастерства.

В суровые дни войны дальневосточники познакомились с творчеством мастеров вокального искусства Украины – артистов Киевского академического театра оперы и балета имени Шевченко. Яркие таланты народной артистки УССР З. Гайдай, народного артиста УССР А. Иванова, заслуженных артистов М. Бэм, Н. Платоновой, Н. Захарченко внесли лепту в воспитание дальневосточников.

Примечательно, что начало гастролей на Дальнем Востоке совпало с освобождением Советской армией Харькова – второй столицы Украины. Постановки русской оперной классики, в том числе «Ивана Сусанина» Глинки, были событием в художественной жизни региона. Таким образом, используя новые формы и методы воздействия на зрителей, деятели искусств в годы войны внесли свою лепту в патриотическое воспитание тружеников тыла, воинов действующей армии.

Именно здесь, на Дальнем Востоке, воинами Советской армии был завершен разгром милитаристской Японии.

Источники:

1. Российская Федерация сегодня. – 2005. – № 9. – С. 57
2. Ко всем работникам советского искусства // Лит. и искусство. – 1943. – 13 февр.
3. Тихоокеан. звезда. – 1941–1943.
4. Дал. Восток. – 1947. – № 1. – С. 127–129.
5. ГАХК. Ф. р. 1691, оп 1, ед. хр. 13, с. 23.
6. Дмитриев, Ю. А. История русского и советского драматического театра / Ю. А. Дмитриев, Г. А. Хайченко. – М., 1986. – С. 117–119.
7. ГАХК. Ф. р. 1691, оп 1, ед. хр. 7, л. 279.
8. ГАХК. Ф. р. 1691, оп. 1, ед. хр. 13, л. 263.
9. ГАКО. Ф. р. 271, оп. 1. 6, д. л. 2.
10. Красное знамя. – 1943. – 13 нояб.
11. ГАХК. Ф. р. 1691, ед. хр. 15, с. 148.
12. ГАХК. Ф. р. 1691, ед. хр. 15, с. 126.

Реставрируется уникальный тобольский Кремль

Молчаливые свидетели эпох

Размышления участника V Всероссийского съезда органов охраны памятников истории и культуры

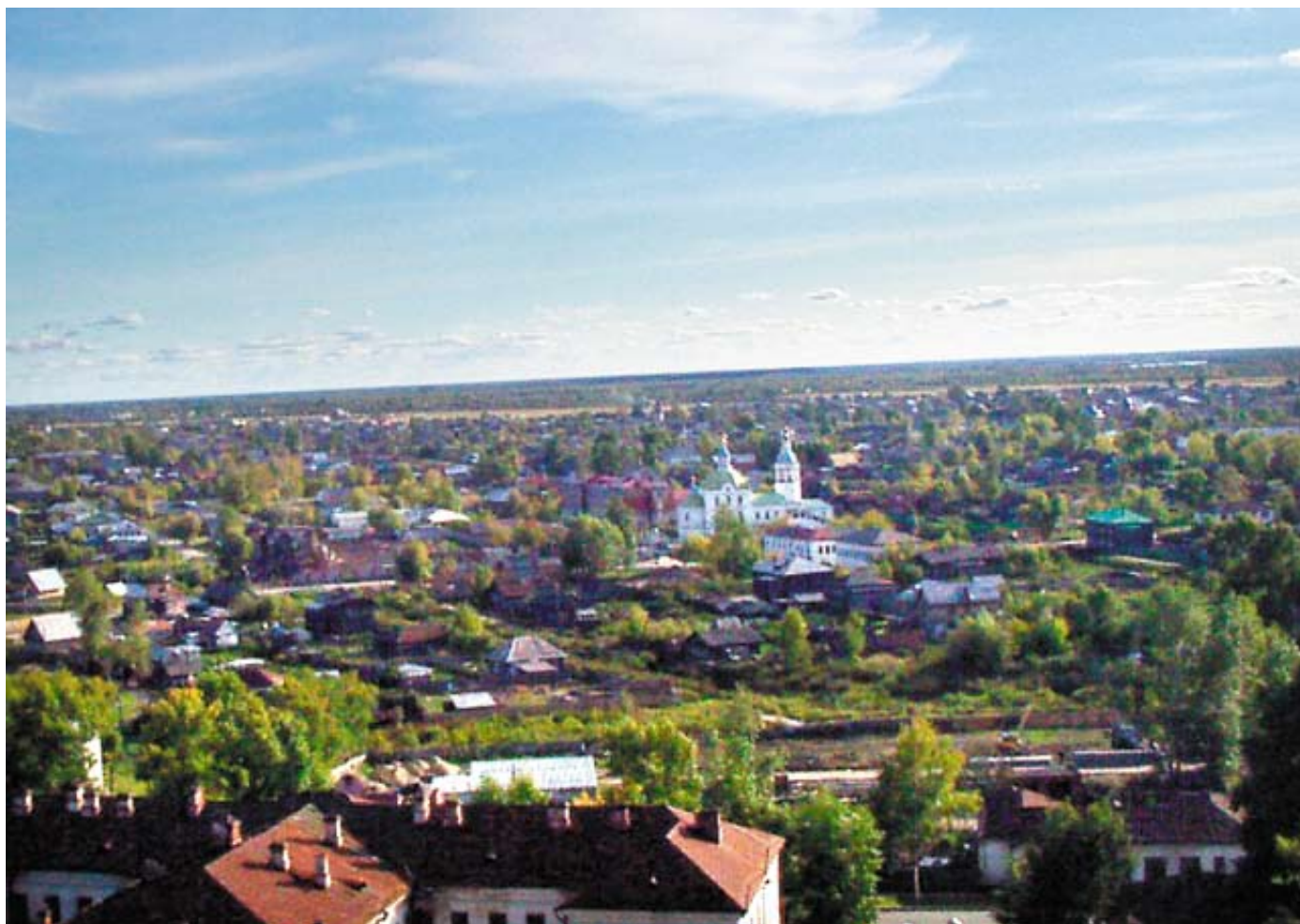
Галина Егошина,
искусствовед
Хабаровск

Всероссийские съезды органов охраны памятников истории и культуры не избалованы вниманием газетчиков и телевизионщиков. Они не так известны и популярны, как кинофестивали, например. Да это и понятно. Ведь главные герои этих событий не раскрученные, окруженные толпами фанатов звезды, а памятники – молчаливые вехи истории, бессловесные и беззащитные. Они нуждаются в нашем внимании и помощи, требуют вложения средств.

1990-е годы оставили на фасадах дворцов и храмов, чудом выстоявших в годы революции, неизгладимые следы разрушения. Особняки и элитные высотки, возводимые для богачей начала нового тысячелетия, теснят и стирают с лица земли жемчужины деревянного зодчества, редкие в провинции особняки в стиле модерн и лаконичные творения конструктивизма.

Сделать действенными механизмы охраны памятников, прекратить бессмысленное уничтожение исторических центров городов и поселков России – вот главные вопросы, стоявшие перед участниками V Всероссийского съезда органов охраны памятников истории и культуры.

Съезд проходил в сентябре 2006 года в Тюмени. Добираться мне пришлось через Новосибирск. Прилетела я в Новосибирск утром, поезд отправлялся ближе к ночи. Коллеги из Новосибирска, доброжелательные, как и подобает истинным сибирякам, помогли определить вещи в камеру хранения и довели до картинной галереи. А там, на мое счастье, была выставка графики Альбрехта Дюрера.

Тобольская духовная семинария расположена в Кремле, на холме, откуда виден весь старый город. Старый Тобольск (Нижний город)

Поезд до Тюмени шел 16 часов, за окнами, как водится, кружились бесконечные хоромы желтеющих берез. Мы с попутчиком все время удивлялись жирным сибирским черноземам на свежевспаханных полях. Зброшенных полей почти нет: трудолюбивые, цепкие и прагматичные сибиряки не желают заменять свои овощи и рожь привозными – китайскими.

Увидев Тюмень, поняла, как мало мы знаем о своей стране. Нефтяная столица, центр добычи черного золота, оказалась старинным городом, центром богатой историческими традициями области.

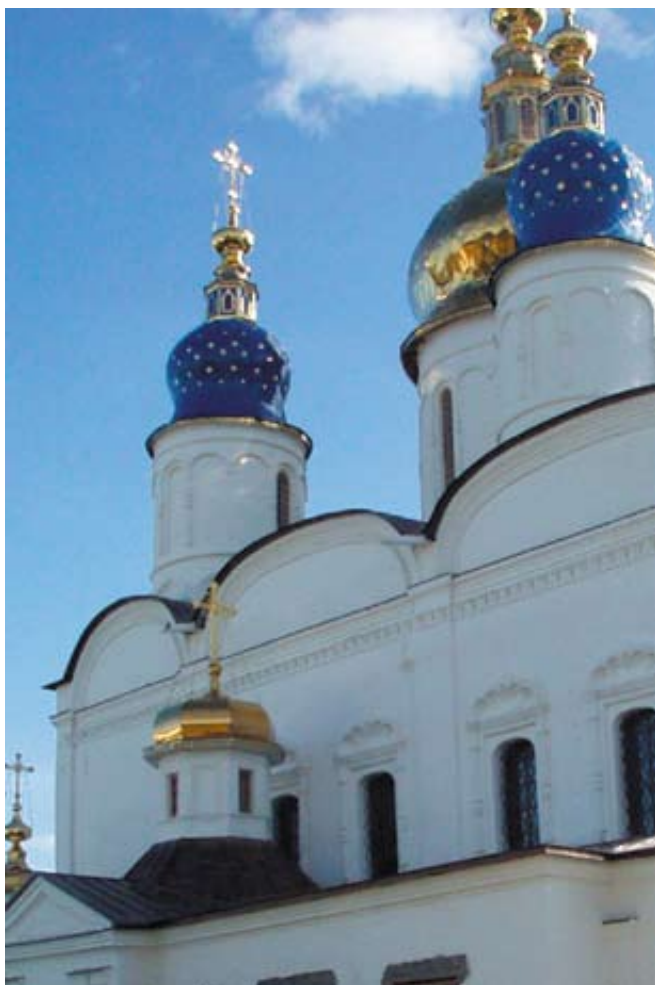
Вид на озеро Тараскуль

Показателем отношения к проблемам охраны памятников истории и культуры в Тюменской области стало деятельное участие губернатора В.В. Якушева в организации и проведении съезда. В своем выступлении он подчеркнул, что сохранение объектов культурного наследия – одно из важнейших направлений политики руководства области. В структуре областной администрации создан государственный орган – Комитет по охране и использованию объектов историко-культурного наследия. Комитет разработал целевую программу «Сохранение и использование объектов культурного наследия в Тюменской области» на период с 2006 по 2010 год.

Губернатор сделал участникам съезда два незабываемых подарка: проживание в санатории «Тараскуль» и поездку в старинную столицу Сибири – город Тобольск.

Тараскуль – озеро с лечебными грязями, окруженное еловым бором. Над озером кружатся чайки, по его глади скользят и поминутно прячутся в прибрежных камышах кулики и утки. Перед корпусом санатория морозоустойчивые уральские розы: даже при небольших заморозках их лепестки не вянут. Тараскуль – уникальный природный объект, бережно охраняемый и активно используемый сегодня.

Не везде в нашей стране такое бережное отношение к сохранению памятников истории и культуры, заметил в своем докладе руководитель Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (Росохранкультуры) Б.А. Боярсков. Органы охраны

Этот храм практически отреставрирован

объектов культурного наследия, подобные тюменскому комитету, существуют только в семи субъектах Российской Федерации, в большинстве же автономных республик, краев и областей эти задачи решают один-два человека в составе министерств и управлений культуры, а в одиннадцати вообще отсутствуют органы государственного управления, наделенные полномочиями в деле охраны памятников.

Необходимо, подчеркнул руководитель Росохранкультуры, создать в России единую систему органов охраны памятников истории и культуры, объединяющую федеральные ведомства, органы государственной исполнительной власти в субъектах Российской Федерации и муниципалитетах, четко разграничив при этом их задачи и назначение. Незавершенность реформы федеральных органов власти привела, по мнению Б.А. Боярскова, к тому, что в стране на настоящий момент нет государственного органа, осуществляющего историко-культурную экспертизу и ведение общего свода памятников истории и культуры.

Замедляет и сковывает развитие в области охраны объектов культурного наследия, считает он, неудовлетворительное состояние нормативно-правового регулирования в этой сфере.

Большое опасение у руководителя Росохранкультуры вызывают наличие черного рынка археологических ценностей, грабительская деятельность «теневой» археологии, уничтожающих памятники археологии. Не от-

А этот столб с удивительным навершием еще ждет своей очереди

лажен нормативно механизм надзора за проведением археологических раскопок, за сдачей добытого в экспедициях материала в государственные хранилища.

Тревожит и состояние реставрационной деятельности в области объектов культурного наследия: в некоторых субъектах Федерации нет реставрационных кадров. На Дальнем Востоке это Камчатка и Еврейская автономная область. У строителей и архитекторов практически нет возможности повысить свою квалификацию в области реставрации на местах.

Советник президента Российской Федерации Ю.К. Лаптев посвятил свое выступление вопросам нормативно-правового регулирования в сфере охраны культурного достояния страны. Он отметил, что в отдельных регионах России, в частности в Хабаровском крае, вопросами охраны объектов культурного наследия продолжают заниматься государственные учреждения – научно-производственные центры по охране и использованию памятников истории и культуры, что противоречит нормам действующего законодательства.

В центрах исторических городов России, отметил советник президента РФ, активно ведется неограниченная строительная деятельность: возводятся безликие современные постройки, одинаковые во всех городах мира, исчезает неповторимость исторического поселения.

Деятельное участие в работе съезда проявила Русская Православная Церковь, владеющая и пользующаяся ценнейшими историческими памятниками: храмами,

На втором этаже окна «Рабочего кабинета Николая II»

монастырями, палатами. С проникновенным приветственным словом Патриарха Московского и Всея Руси Алексия II к участникам съезда обратился протоиерей А.Ю. Абрамов, руководитель службы протокольного обеспечения Московской Патриархии.

Пути развития паломнического туризма и опыт его осуществления на основе поклонения чудотворной иконе Абаканской Божией Матери и посещения Тобольской духовной семинарии осветил в своей речи владыка Дмитрий, архиепископ Тюменский и Тобольский. Нам удалось не только услышать его выступление, но и побывать в старой столице Сибири, сердцем прикоснуться к сибирским святыням.

Монастыри и храмы Тюмени и Тобольска возрождаются, они пока еще в лесах, но принимают паломников. В Тобольске я загадала желание, чтобы жители Дальнего Востока смогли побывать в этих местах, в первую очередь, конечно, дети.

По Кремлю нас водил дьякон отец Владимир, наставник Тобольской духовной семинарии. Высокий, подтянутый, с красивым проникновенным голосом, он удивил неожиданно глубокими знаниями в области истории и архитектуры.

С Тобольском связаны и трагические дни 1917 года. Здесь в ссылке жил арестованный Временным правительством Николай II. Жители Тобольска восстановили рабочий кабинет последнего монарха по фотографиям, подобрал в антикварных салонах подобную мебель. Сохранился, правда, подлинный стул царя.

Музей «Рабочий кабинет Николая II» находится в здании администрации Тобольска. На второй этаж поднимаемся по старинной деревянной лестнице.

Мэр Тобольска в своем выступлении перед участниками съезда сообщил, что историко-познавательный ту-

ризм – одна из главных статей дохода муниципального бюджета и важная составляющая патриотического воспитания молодежи. Его мечта – сделать путешествие в Тобольск доступным для широких слоев россиян.

Автором насыщенной программы и главным организатором съезда является А.В. Работкевич, начальник Управления государственной охраны объектов культурного наследия Росохранкультуры. Свое выступление на съезде он посвятил актуальным вопросам государственной охраны объектов культурного наследия. Особое беспокойство у Александра Викторовича вызывает медленно и вяло идущий процесс утверждения проектов зон охраны памятников истории и культуры. За два года существования Росохранкультуры он объехал почти все субъекты Российской Федерации и везде видел одно и то же: большинство памятников находится в объединенных охранных зонах, хотя это не предусмотрено законом. В проектах зон охраны нет режимов описания и использования земель, не установлены зоны регулирования застройки, или они находятся прямо на территории памятников. В такие проекты надо срочно вносить необходимые исправления. Там же, где проекты зон охраны не выполнены, прямо на предполагаемой территории памятников ведется строительство, угрожающее сохранности памятников.

Острые вопросы обсуждались участниками съезда в кулуарах, с этой целью организаторами было предусмотрено деловое общение в вечернее время и даже выделены комнаты для него. В ходе делового общения преодолевались пресловутые ведомственные барьеры, завязывались горячие споры, обреталось взаимопонимание.

Следующий съезд пройдет в 2007 году в Новосибирске. Надеюсь увидеть там больше дальневосточников. В этот раз нас было пятеро.

Собирающий МГНОВЕНЬЯ

Светлана ФУРЦОВА
Хабаровск

Разглядывая старые фотографии, кажется, что само время, огромный исторический пласт, разбившись на мелкие осколки, отразилось во множестве кадров то уголками старого города, то лицами ушедших навеки людей, то подсмотренной объективом жанровой сценкой, происходящей за кулисами. за несколько минут до выступления. Актеры, музыканты, чтецы, первые музыкальные ансамбли, цирк шапито, оркестр, который играл в старейшем кино-театре «Гигант» перед сеансами, – все это осталось лишь в памяти и на фотоснимках, которые уже давно не вмещаются ни в какой альбом; они лежат огромными грудками на столе, на полках, в шкафу...

Валерий Данилович Яковлев – профессиональный музыкант, альтист. После окончания Дальневосточного института искусств много лет работал в Дальневосточном симфоническом оркестре, затем в оркестре театра музыкальной комедии. После преподавал музыку детям. И хотя большая часть жизни Яковлева прошла в Хабаровске, своей родиной Валерий Данилович считает Биробиджан – небольшой городок с шумящей листвой деревьев и ледяной речкой Бирой. Здесь прошло детство, отсюда ушел на фронт отец. Наконец, именно в Биробиджане на строительстве города познакомились будущие родители, молодые Даниил и Шифра.

На свадьбу молодоженам подарили роскошный альбом для фотографий – старинный, кожаный, с серебряными уголками и блестящим замочком. Альбом, судя по буквам, выгравированным на замке, был сделан в Англии в 1876 году и каким образом попал в Россию, неизвестно. Мальчишкой Валерий любил брать альбом в руки, рассматривать его и трогать плотные страницы из гладкого матового картона. А когда вернувшийся с войны отец привез в подарок сыну немецкий аппарат «Лейка», фотография вошла в жизнь всерьез и надолго. Сначала-то Валерию просто нравилось появляться среди сверстников с новой «игрушкой» и щелкать, делая вид, что снимает, но постепенно, поощряемый родителями, подросток втянулся и полюбил искусство светотени, когда из ничего, из ниоткуда, на квадратике бумаги вдруг начинают возникать остановленные мгновенья времени. Легкий, почти неосознаваемый след, как пыльца крыльев бабочки.

С тех пор скрипка и фотоаппарат – неизменные спутники Валерия Яковлева.

На сегодняшний день в его архиве по самым скромным подсчетам хранится более трех тысяч фотографий – уникальные снимки, запечатлевшие историю артистического Хабаровска. Вот гастролеры, в разное время приезжавшие в наш город, – известные дирижеры Натан Рахлин, Карл Элиасберг (это он дирижировал в блокадном Ленинграде

знаменитой Седьмой симфонией Шостаковича), певица Елена Образцова, композитор Дмитрий Кабалевский. Но больше всего, конечно, дальневосточников, тех, кто составлял гордость и славу нашего края: Борис Бабенко, Виктор Тиц, Игорь Войнаровский и многие, многие другие... Всех разве перечислишь!

Некоторые из тех, с кем будущий фотохудожник вместе учился в музыкальном училище или сидел за одной партой в школе, впоследствии стали прославленными людьми, их имена широко известны не только в России, но и во всем мире. Так, Валерий Данилович до сих пор поддерживает дружеские отношения, ведет переписку с семьей Валентины Пономаревой. В их доме (на том месте располагается гимназия № 3) он не раз бывал в юности.

«Я хочу, чтобы мой архив был доступен людям, – мечтает Валерий Данилович, – ведь в нем запечатлена память души. В Хабаровске прошли две мои фотовыставки – одна в фойе Концертного зала, другая по инициативе профессора Алексея Никитина в зале Детского эстетического центра, где он является директором... Но этого мало. Ведь с каждым снимком связана своя история, веселая или грустная, о которой хотелось бы рассказать. Пока есть силы, память, желание, не оставляет мечта создать большой подарочный альбом с комментариями, воспоминаниями и посвятить его Хабаровску».

Артисты
Хабаровской
филармонии.
1943

Участники
спектакля «Чайка
над морем».
Хабаровский те-
атр музыкальной
комедии. 1954

Артисты первого камерного оркестра Хабаровской филармонии, созданного на базе симфонического оркестра под руководством скрипача этого оркестра Арнольда Гутмана в 1967 г. Третий справа Виктор Тиц

Эстрадно-танцевальный оркестр Дворца культуры завода «Энергомаш». 1954

П. А. Крахмальников, преподаватель
Хабаровского музыкального училища
в 1950-х. Новосибирск. 1982

Артисты Хабаровского театра музыкальной комедии в спектакле «Цирк зажигает огни». 1960

Артисты оркестра кинотеатра «Гигант»: В.С. Горбунов (кларнет), Н.М. Лесков (контрабас), Д.З. Ковальский (аккордеон), В.В. Пономарев (гитара). 1951

Оркестр Хабаровского цирка. 1955

Артистка хора Хабаровского театра музыкальной комедии Л.А. Яковлева. 1985

«Свадьба в Малиновке». В центре дирижер Хабаровского театра музыкальной комедии А.Л. Бедрак. 1958

Оркестр кинотеатра «Гигант»

Опальный зверобой

Владимир ИВАНОВ-АРДАШЕВ, историк и публицист
Хабаровск
Фото из архива Валерия ЯНКОВСКОГО

Насколько я знаю, винтовкой с оптическим прицелом эмигрант Валерий Янковский не пользовался, но его меткой стрельбе и умению выследивать зверя мог бы позавидовать любой снайпер. И этот охотничий дар едва не сыграл роковую роль в его биографии. Но прежде чем рассказать об этом эпизоде, напомним об эмигрантской эпопее Янковских – наших удивительных соотечественников, обживавших некогда Приморье, а затем выброшенных на чужбину, но сохранивших и там хорошие чувства к своему неласковому отечеству.

Так, еще вчера богатый помещик, Юрий Михайлович оказался в положении загнанного в угол полуннищего белоэмигранта.

И все-таки отец не растерялся ни на минуту, не пал духом. Продал катер, баржи, автомобиль. Основал пекарню, скобяной магазинчик, взял подряд на строительство дома для богатого японца. Но главное – организовал засолку и копчение сельди и иваси, отправку этой рыбы в бочках из Кореи в Маньчжурию, в Харбин.

Несколько выручала охота. Благо японские власти – а в начале двадцатых годов прошлого века Корея уже состояла под протекторатом Японии – разрешили прибывшим «белым русским» сохранить привезенное охотничье оружие, в том числе и нарезное. Правда, заставили сдать на хранение на полицейские склады все военное снаряжение: пулеметы, гранатометы, большую часть винтовок и боеприпасов. Оставили в пользовании, кроме дробовиков, несколько винчестеров, маузеров, русских трехлинейек и даже японских арисак. Когда запас патронов подходил к концу, придумали испрашивать разрешения ездить на склад для чистки оружия. И пока смазывали стволы, успевали набить патронами специально подшитые карманы: воровали собственное имущество, а дежурные по складу не замечали хитрости. Или делали вид.

В общем, охота несколько выручала, помогала кормить семью и домочадцев, но не более, поэтому при первой возможности отец решил организовать, как теперь принято говорить, сафари, платную охоту».

И самым дорогим трофеем для богатых иностранцев стали полосатые хищники, наводившие ужас на корейских

В.Ю. Янковский. 2006

В.Ю. Янковский. 1940

Об этом, корейском, периоде Валерий Юрьевич Янковский, которому в нынешнем году исполнилось девяносто пять лет, поведал в книге «От гроба Господня до гроба Гулага». Немало охотничьих подробностей сообщил он в письмах и автору этой статьи.

Вот как вспоминает этот период старейший ныне российский писатель:

«Нелегко складывалась жизнь эмигрантов-дальневосточников, в спешке бежавших с насиженных мест. Хотя наш отец проявил кипучую деятельность. Увез на своем катере, с баржами на буксире, почти весь домашний скарб, восемь дойных коров и всех домочадцев. Взял рабочих и служащих, не пожелавших остаться под властью приближавшихся к Владивостоку большевиков. На плечах отца повисла орава в семьдесят душ, которую пришлось поить и кормить на чужбине...

1943. Маньчжурия

крестьян. Охота на этих зверей для Янковских началась еще в Приморье, о чем Валерий Юрьевич поведал в письме:

«Тигры и барсы (леопарды. – В.И.), конечно, мне очень близки. Правда, с другой точки зрения. Это были злейшие враги. И очень серьезный объект охоты. Дед Михаил Иванович писал, что за первые годы освоения его «Конного хутора» тигры, «не считая собак, свиней и рогатого скота», задавили более 50 лошадей. А на мысе Гамова, в оленеводческом хозяйстве, которым руководил наш дядя Ян Михайлович, их мучили барсы. На них ставили капканы. А дядя нашел в пещере двух барсят, один из которых жил в их доме ряд лет, как домашняя кошка».

«Война» с тиграми у Янковских продолжилась и в эмиграции. В то время японские оккупационные власти строжайше запретили корейцам и китайцам иметь огнестрельное оружие, и «белые русские» были единственными защитниками несчастных крестьян, едва ли не молившихся на отважных зверобоев. Услуги «белых» стрелков вообще пользовались большим спросом. Тысячи русских наемников сражались в армиях враждующих китайских генералов. Бравые сибирские бородачи охраняли посольства и концессии, служили телохранителями. Были и такие, к чьим услугам прибегали в крайних случаях...

Однажды предложили стать киллером и Валерию Янковскому, в то время тридцатилетнему охотнику, имевшему на своем счету уже немало тигров.

В тот день важный японский поли-

цейский чин в мундире цвета хаки и золоченых погонах вручил парню разрешение на право охоты в районе легендарной горы Пяктусан, богатой всяким зверьем, но пользующейся дурной славой пристанища корейских партизан во главе с их знаменитым вожаком, будущим лидером Северной Кореи.

Янковский, ликуя в душе, принял вожделенный документ с большой красной печатью, поблагодарил и готов был откланяться, когда чиновник-самурай попросил задержаться, спросил: «Сколько вы выручаете за убитого тигра?» Парень прикинул: «Ну, за крупного самца тысячи три». Он кивнул, выдвинул ящик стола и положил перед охотником небольшую фотокарточку. «Вот за этого тигра мы готовы заплатить десять тысяч! Знаете, это Кин Ичи Сэй!»

На Янковского смотрел юный, но волевой человек с темными бровями, короткими, зачесанными назад, черными волосами, в студенческой тужурке. Ах, вот он какой – Ким Ир Сен, или Кин Ичи Сэй (в японском чтении этих иероглифов). Как не знать! Однако борьба против корейских партизан вовсе не входила в планы молодого охотника. В душе русские эмигранты даже симпатизировали партизанам.

И парень ответил дипломатично:

– Господин начальник отдела, мы ведь охотимся на четвероногих хищников...

Чиновник был явно раздосадован. Убрал карточку в стол:

– Ну, смотрите. Только о нашем разговоре никому ни слова!

Об этом эпизоде Валерий Юрьевич Янковский поведал читателям полвека спустя, когда за плечами уже было немало ярких, но и печальных страниц, службы в легендарном СМЕРШе и отсидки в чукотских лагерях. И когда он сам превратился в легендарного зверобоя и старейшего очевидца той, эмигрантской поры.

О своей переписке с этим удивительным человеком я поведал в книге «Эхо Русского зарубежья», изданной Хабаровским краеведческим музеем, там немало эпизодов другой, северной охоты Валерия Юрьевича, когда он, освободившись из лагеря, но еще не имея возможности выехать «на материк», работал в лесхозе и частенько бродил по сопкам и тундре с ружьем, предаваясь воспоминаниям. Таким, энергичным и волевым, запечатлен он и на любительских фотоснимках. В них тоже частица былого лихолетья и упрямая тяга к жизни.

Вот такой он, опальный зверобой – Валерий Янковский, наш современник.

1943

Вера Янковская, первая супруга писателя

Колымский период в жизни бывшего эмигранта

Прекрасный час ученичества

Светлана ФУРЦОВА
Хабаровск

Хабаровчанам хорошо известно четырехэтажное здание по улице Шевченко, в котором размещается средняя школа № 35. На фасаде здания имеется мемориальная доска выдающемуся исследователю Арктики Георгию Алексеевичу Ушакову, который некогда учился в этом доме – бывшем Унтербергеровском реальном училище. В декабре 2006 года школа отметила 70-летие со дня присвоения ей номера 35.

Здание Унтербергеровского училища, открытого в 1910 году

Спустя двадцать лет хозяином здания стал купец И.Н. Васильев, но вскоре городские власти откупили у него дом и разместили в его стенах Унтербергеровское реальное училище, которое впоследствии стало носить имя русского писателя Ивана Тургенева.

На протяжении десятков лет в здании, сменяя друг друга, размещались различные учреждения: товарищество «Коммунар», управление Уссурийской железной дороги и др. Но в 1925–26 годах в связи с острой нехваткой учебных заведений в Хабаровске здание вновь переоборудовали под школу.

Первоначально школа называлась именем Октябрьской революции, затем стала носить имя Николая Бухарина. На протяжении десятков лет здание перестраивалось, ремонтировалось, в 1930-е годы были надстроены третий и четвертый этажи, пристроены мастерские для проведения уроков труда. А в декабре 1936-го, после того как в ее ряды влились учащиеся из средней школы им. Ленина, ей присвоили номер 35 и стали именовать ленинской.

С тех пор прошло семьдесят лет. За эти годы стены, лестничные пролеты, узкие коридоры, классные кабинеты с высокими окнами видели бесчисленное количество школьников, преподавателей, выпускников – и в мирное время, и в трудные для всей страны военные годы.

С 1963 года в школе открылась и стала работать комната боевой славы, где ребята под руководством учителя истории Зои Семеновны Федоренко занимались поисками выпускников, погибших на фронтах Великой Отечественной войны. Уже через два года, в 1965-м, школа удостоилась чести представлять Хабаровский край на Первом всесоюзном слете поисковых отрядов в Бресте, где ребята заняли призовое место и получили три диплома, подписанные маршалом Коневым, – за лучшую поисковую группу, за фотальбом и за выступление на слете.

Дом Эмери по улице Алексеевской. В 1914 году в это здание было переведено с улицы Лисуновской Унтербергеровское училище. Сейчас в надстроенном четырехэтажном здании находится школа № 35

С. Шепетнов – первый комиссар народного просвещения Дальнего Востока. Погиб в 1918 году

Однако не все знают, что история старинного здания, в котором прошли школьные годы не одного поколения жителей краевого центра, уходит корнями в далекий ноябрь 1885 года, когда глава хабаровской фирмы «Эмери и К°» Иннокентий Семенович Эмери выкупил участок земли и под руководством проектировщиков, гражданских инженеров А. Беринца и Л. Чайковского, построил на нем двухэтажный дом для своей фирмы. Из окон здания открывался вид на величавый Амур и на сопки, с которых на город обрушивались ледяные пронизывающие ветра.

Постепенно в фондах комнаты боевой славы стал накапливаться разнообразный материал о тех, кто учился в этих стенах раньше: документы, фотографии, свидетельства очевидцев. А так как история родной школы, вплетенная в историю города и края, всегда вызывала жадный интерес учащихся, организаторы стали подумывать о создании музея истории на базе собранного материала. Инициаторами и вдохновителями этой идеи стали организатор по внеклассной работе Изабелла Николаевна Яковенко и Тамара Георгиевна Никульникова, которая в это время работала в школе директором, преподавала русский язык и литературу; она и сейчас не жалеет сил для того, чтобы воспитать в учениках любовь к России, которая начинается вот с этой школьной скамьи, со странички учебника, с первой лекции, прослушанной в комнате музея.

В 1985 году, к 40-летию Великой Победы, состоялось торжественное открытие музея «История школы № 35», на которое пригласили выпускников прошлых лет, ветеранов Великой Отечественной войны. Это был настоящий праздник.

Экспозиция музея начинается со стенда, посвященного Георгию Алексеевичу Ушакову. В процессе работы выяснилось, что о личности человека, чье имя заявлено на фасаде школы, в общем-то мало что известно. Поисковая группа под руководством классного руководителя Людмилы Петровны Крадиной по крупицам стала собирать сведения об Ушакове. Узнав, что в Москве, в бывшем папанинском доме, живет семья Ушакова, ребята списались с дочерью Георгия Алексеевича (он умер в 1963 году), позже побывали у нее в гостях. И постепенно, из скурых строчек, из рассказов очевидцев и членов семьи стал вырисовываться облик исследователя Арктики Георгия Ушакова, который был учеником другого ученого, путешественника и исследователя Приамурского края – Владимира Клавдиевича Арсеньева, личности не менее удивительной и масштабной. Оказалось, что Ушаков также был первым губернатором на Дальнем Востоке – на острове Врангеля; в своих научных трудах и исследованиях оставил описание Северной земли, сделал много уникальных открытий в Арктике.

Тогда-то, в 1987-м, и появилась на школе мемориальная доска, посвященная Ушакову, открытие которой стало событием не только для школы, но и для краевого центра. Кстати, одно из направлений работы школьного музея – описание всех мемориальных досок, которые находятся

в районе улиц от Шевченко до Запарина.

Сегодня в музее накопился богатый материал о жизни и деятельности Георгия Ушакова, материал, которого до сих пор не было даже в фондах краеведческого музея.

В 2001 году, в честь 100-летия Георгия Ушакова, в Хабаровск приезжала дочь исследователя, о ее пребывании в архиве музея сохранились снимки.

Центральное место экспозиции музея посвящено выпускникам 1941 года, ушедшим на фронт. Те, кто вернулся с войны, стали первыми помощниками по розыску своих товарищей, до сих пор они желанные гости всех школьных мероприятий.

В 1970 году при входе в актовЫй зал установили мемориальную доску в честь выпускников, не вернувшихся с фронта. Сегодня к ним добавились еще две фамилии, об одном из погибших, Марте Тенцове, узнали всего два года назад.

Заслуженная учительница школы РСФСР, отличник народного просвещения, учительница начальных классов А.М. Адамович. Работала в школе с 1942 по 1960 год

Тамара Георгиевна Никульникова – директор школьного музея

Встреча с Михаилом Задорновым

В музее

Первое знакомство с музеем

В течение десяти лет музей дружит с ветеранской организацией управления железной дороги под руководством Ивана Петровича Нестеренко. Принимая участие в смотре-конкурсе музеев, посвященном 60-летию Победы, музей «История школы № 35» занял первое место в городе и крае, а его директор Тамара Георгиевна Никульникова награждена юбилейной медалью «За подготовку и проведение праздника Победы».

В музее имеются также группы экскурсоводов, ведется сбор материалов для пополнения фондов. Школьников учат составлению и оформлению экспозиций, работе с документами. Ребята пишут лекции и рефераты, выступают на конференциях с докладами и сообщениями. Так, за доклад о деятельности Ушакова на краевом смотре-конкурсе учащиеся школы № 35 заняли второе место.

Музей, как магнитик, притягивает к себе многих творческих людей. В нем проводятся встречи с дальневосточными литераторами, готовятся циклы бесед о знаменитых людях. В экспозиции музея стихи Бориса Копальгина, Лидии Геммы, Людмилы Миланич, книги Всеволода Сысоева, Николая Задорнова, Юлии Шестаковой, которые в своих произведениях воспевали красоту дальневосточного края. С тех пор, как на набережной Амура был установлен памятник Николаю Задорнову и ребята взяли над ним добровольное шефство (они чистят постамент, следят за порядком на территории), завязалась дружба с сыном писателя, сатириком Михаилом Задорновым.

Так, постепенно, музей превратился в центр духовной и культурной жизни школы, где проводятся общественные мероприятия, уроки патриотического воспитания, встречи. В сентябре с историей школы знакомят первоклассников, для которых подобные классные часы не только источник конкретных знаний, но и увлекательное путешествие в прошлое города и школы, где малышам предстоит учиться десять лет. Многие студенты хабаровских вузов нередко обращаются к фондам музея для изыскания материалов к своим научным статьям и курсовым работам, ибо музей давно перешагнул рамки школьного и стал источником уникальных сведений.

И все тот же вид из окон на Амур, как десять, двадцать, пятьдесят лет назад, и все те же сопки, то сиреневые, то розовые – в зависимости от времени дня и года...

И пусть для многих из нас школьные годы остались в далеком прошлом, час ученичества – прекрасный час! – продолжается, и уже кто-то из сегодняшних первоклашек, проходя мимо исторического здания по улице Шевченко, негромко, с неизменной теплотой и благодарностью в голосе произносит: «Это моя школа».

Фото Елены Глебовой и из архива музея средней школы № 35 (Хабаровск)

Владимир Хрустов. Воскресенье. Зима. Х., м. 2004

ГРАНИ ДУХОВНОСТИ

Св. апостол Иаков. Из Благовещенского кафедрального собора в Биробиджане. Иконописная мастерская. Серпухов. 2005

Воплощенная МОЛИТВА

Светлана ФУРЦОВА
Хабаровск

Первые на Дальнем Востоке Кирилло-Мефодьевские образовательные чтения на тему «Православная современная икона: традиции и современность» состоялись в столице краевого центра в рамках Дней славянской письменности и культуры.

Св. апостол и евангелист Лука, пишущий икону Божией Матери. Из частного собрания. Авторы: Вл. Евтушенко, В. Евтушенко. Хабаровск. 2003

Богоматерь Знамение. Из собора Рождества Христова в Хабаровске. Художественное предприятие «Софрино» Русской Православной Церкви. Москва. 1999

В последнее время интерес к вопросам духовного возрождения на Дальнем Востоке обусловлен тем, что в крае открываются и освящаются новые храмы, развивается искусство иконописания, близится к завершению строительство духовной семинарии. На первых Кирилло-Мефодьевских чтениях присутствовали ведущие специалисты Иконописной школы при Московской духовной академии игумен Лука и заведующая кафедрой реставрации Российского государственного гуманитарного университета Нина Квливидзе. Московские гости встретились с владыкой Хабаровским и Приамурским Марком, провели семинары, мастер-классы, посетили строительство здания духовной семинарии.

Как отметили организаторы и устроители чтений, проведение этого масштабного мероприятия должно способствовать повышению уровня квалификации иконописцев, реставраторов, а также развитию профессиональных связей на всем пространстве Дальнего Востока.

Самым ярким событием чтений, без сомнения, стало открытие в Дальневосточном художественном музее выставки «Современная православная икона», которая подготовлена совместно с Хабаровской духовной семинарией. В этой уникальной экспозиции было представлено более семидесяти произведений из храмов, музеев и частных собраний не только Дальневосточного региона, но и Москвы, Софрина, Серпухова, Кашино. Наряду с древними, датированными XVIII веком, на выставке можно увидеть иконы, созданные современными мастерами.

О том, как творения рук и души становятся предметом поклонения и что такое икона, спорили издревле. В VIII веке в Византии было сформулировано учение об иконах, в котором говорилось, что священные свойства иконы заключаются в том, что возжигая перед ней свечу и вознося молитвы, молящиеся воздают поклонение Богу. Именно через иконописное изображение Бог слышит человека и через икону же воздает ему. Отсюда большое количество чудотворных икон, приложившись к которым, можно исцелить, воскресить, получить защиту от врагов. Не вещь как таковая, а благодатная сила святости, действующая через икону, и создает это святое произведение.

«Икона – один из самых высоких видов искусства, – поделилась Нина Квливидзе. – Ее эмоциональное и эстетическое постижение зачастую по-

могает прояснить мир светской культуры. Изучая икону, можно заметить, как, с одной стороны, постепенно углублялся смысл и содержание иконы, а с другой – изменялись те художественные средства, которые позволили воочию увидеть внутреннюю духовную красоту человека. Современная иконопись, как видно на примере экспозиции в Хабаровском художественном музее, – это разнообразие стилей и жанров, в которых отражаются и художественные вкусы современного мира, и те устремления и чаяния, которые характеризуют сегодняшнего человека».

Надо заметить, что икона в своем развитии прошла большой и сложный путь. Достаточно вспомнить первые иконы, датированные VI веком, чтобы увидеть, как они похожи на античные портреты людей, которые были современниками художников Рима и великих святых ранней церкви. Постепенно развиваясь, икона передает события христианской истории, находя те художественные средства, которые позволяют воочию увидеть духовную красоту человека.

«Икона также является сокровищем литературы – как византийской, так и древнерусской, – размышляет Нина Квливидзе. – На любой иконе можно обнаружить подписи: имена святых, тексты, повествующие об их житии. Эта связь изображения и слова позволяет нам узнавать о событиях в литературе давних времен, а читая древнюю литературу, представлять иконные образы. Иконописание неразрывно связано с культурой той эпохи, в которой оно существует.

Так что привычка называть церковное искусство древнерусским теперь постепенно отходит, и мы начинаем говорить об искусстве церкви того или иного времени, осознавая, что икона – это современное искусство, которое в будущем обещает обогащаться новыми духовными постижениями».

Еще один штрих. Открытие выставки в Хабаровске началось с праздничного молебна в храме Успения Пресвятой Богородицы на Соборной площади, после чего под ликующий звон колоколов все отправились в музей, где в залах русского искусства открылась красота и уникальность иконописи, в которой старина и современность сплелись в пленительный образ гармонии и красок.

Нина КВЛИВИДЗЕ, заведующая кафедрой реставрации Российского гуманитарного университета:

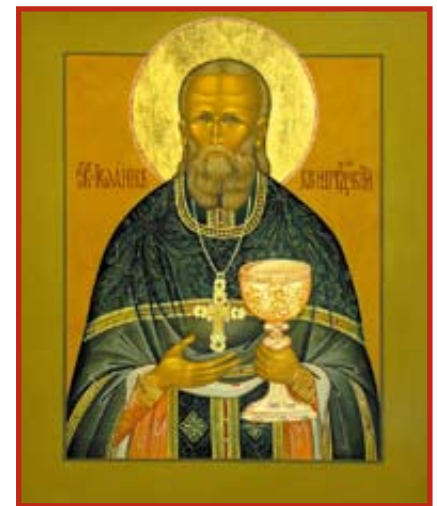
– Мы впервые на Дальнем Востоке. Поразили размах города и края, созвучные размаху страны. Кирилло-Мефодьевские чтения, которые широко отмечаются по всей стране, на Дальнем Востоке проводятся впервые. Должна сказать, что материал, по которому можно проследить традиции православной иконы, в Хабаровске имеется богатейший. Мы не ожидали, что в фондах художественного музея далекого дальневосточного города сохранились и находятся в прекрасном состоянии уникальные старинные иконы. Отраднo наблюдать столь высокий интеллектуальный потенциал, не уступающий столичному. Именно здесь, на Дальнем Востоке, ощущаешь себя духовным наследником истории. Выставка православной иконы – это и некоторый итог того, что сделано музеем за все годы, это и возможность учиться и идти дальше.

Игумен Лука, заведующий Иконописной школой при Московской духовной академии:

– Благодаря удачно составленной экспозиции можно проследить преемственность традиций иконописания. Это проявляется и в способе изображения, и в технологии, несмотря на то, что сегодняшние мастера используют в своей работе современные материалы. Благодаря этой экспозиции православная русская культура становится особенно близкой и понятной. Не случайно первые на Дальнем Востоке Кирилло-Мефодьевские чтения посвящены иконе. Являясь воплощенной молитвой, икона призвана возвышать, радовать своими небесными красками, успокаивать человека, который приходит в храм. Вообще современная иконопись разнообразна, в ней нет того монолита, который присущ древнему искусству. Однако, многообразная по жанрам и направлениям, иконография по-прежнему верна традициям, благодаря которым икона становится высоким произведением искусства, где сохраняется преемственность веков. Первые Кирилло-Мефодьевские чтения – это то слово в русском богословии, которое звучало на протяжении развития истории русской, средневековой и новой культуры.

Св. Василий Великий, св. Иоанн Златоуст.
Из Хабаровского епархиального управления.
Иконописные мастерские Донского монастыря.
Москва. 2005

Св. праведный Иоанн Кронштадтский.
Из частного собрания. Авторы: Вл. Евтушенко,
В. Евтушенко. Хабаровск. 2003

Св. равноапостольные Кирилл и Мефодий.
Из Спасо-Преображенского кафедрального собора
в Хабаровске. Авторы: Д. Ларионов, Г. Ларионова.
Москва. 2006

Внутренний мир, хранимый иконой

Елена ГЛЕБОВА

Московской Православной Духовной Академией в 2005 году издана книга «Смысл и содержание иконы. Слово иконописца монахини Иулиании (Соколовой)».

Это редкое издание имеется в фондах библиотеки Дальневосточного художественного музея, и потому каждый, кто пытается постичь мир иконы, имеет

возможность прикоснуться к мощному духовному пласту, основанному на глубоких знаниях православной культуры, наработанному иконописцем за всю его долгую и благочестивую жизнь.

Монахиня Иулиания (1899–1981), в миру Мария Николаевна Соколова – личность очень известная в среде иконописцев. Но я узнала о ней лишь четыре года назад, когда впервые попала в Троице-Сергиеву Лавру, и мне посчастливилось побывать в Иконописной школе. Там я поняла, что матушка Иулиания была и остается для студентов одним из главных духовных наставников. И вообще было ощущение, что в Иконописной школе, расположенной в одной из древних стен Лавры, все пронизано ее любовью и заботой о начинающих иконописцах. А в мастерской девушек-старшекурсниц я заметила на стене черно-белую фотографию. Худенькая женщина с большими глазами смотрела ласково и одновременно строго. И забыть этот взгляд уже было невозможно.

Монахиня Иулиания начала серьезно изучать древнюю русскую икону еще в начале 20-х годов XX столетия. Ее путь как иконописца пришелся на один из самых непростых периодов в жизни России и Православной Церкви. В 1946 году матушка Иулиания стала одной из тех, кто возрождал Троице-Сергиеву Лавру, находящуюся тогда в полном запустении. Именно в этих стенах в ней открылся дар иконописца. Она реставрировала и писала иконы, у нее появились первые ученики. Спустя время, в 1957-м, монахиня Иулиания организовала при Московской Духовной Академии иконописный кружок и долгие 23 года руководила им. Как отмечает Н.Е. Алдошина, автор предисловия к книге «Смысл и содержание иконы», «монахиня Иулиания создала программу и метод обучения, читала лекции по истории искусства, технике иконописи, иконографии. Через общение с ней у студентов открывалось понимание иконы».

Во времена, когда жила и трудилась матушка Иулиания, не всеми воспринималась истинная ценность древней иконы, уникальность ее изобразительного языка. Причем, как отмечает Н.Е. Алдошина, непонимание возникало иногда даже со стороны некоторых представителей духовенства, отдававших предпочтение живописным изображениям. Поэтому роль матушки Иулиании в со-

хранении иконописных традиций, ее стойкость в защите древней иконы – неоценимы.

Ярким дополнением к портрету монахини Иулиании авторы книги сделали слова архимандрита Иоанна (Крестьянкина) (1910–2006): «О матушке Иулиании надо и должно вспоминать не как об иконописце только, но как о человеке-христианине, жившем Богом не только своей специальностью, – но всеми своими проявлениями. А это в наше время становится исключительной редкостью, и это блестики Руси уходящей, Святой Руси».

Книга «Смысл и содержание иконы» – это лаконичные, но вместившие огромный пласт знаний, размышления монахини Иулиании о самом глубинном понимании иконы, которая и есть «окно в вечность». Кроме того, автор детально рассматривает историю иконографии таких святых образов, как «Воскресение Христово», «Сошествие Святого Духа на апостолов», а также известнейшую икону преподобного Андрея Рублева «Пресвятая Троица».

На страницах этого номера журнала «Словесница Искусств» мы публикуем отдельные фрагменты из книги.

Смысл и содержание иконы

Слово иконописца монахини Иулиании (Соколовой)

...Искусство Церкви, и в частности изобразительное искусство (а оно занимает значительное место в храме), получило особое направление, совсем особое содержание, а содержание обусловило и совсем иные формы, то есть внешность его. Уже этой необычностью своих форм Церковь служит спасению человека, напоминая, что есть иной мир и что наша настоящая жизнь лишь малая ступенька к ожидающей нас будущей жизни. Всеми своими установлениями Церковь еще здесь приоткрывает таинственную завесу вечности и ведет к благодатному общению с Богом, Который есть жизнь и дыхание, пища и питье блаженной вечности. Но начало иной жизни должно быть положено здесь, на земле. Одним из таких установлений Церкви является церковное изобразительное искусство.

Образ и подобие Божие в человеке

... Образ Божий в человеке заключается в его разумности, свободе и бессмертии.

...Образ Божий – неотъемлемая принадлежность каждого человека (каждение священнослужителей в храмах предстоящим есть каждение образу Божию).

... Под подобием разумеется способность, возможность, потенциал идти к Богоуподоблению, что совершается по свободному произволению каждого через принуждению себя к добру.

...Совесь (со-весть, со-ведать). Самое слово говорит о том, что это есть некто, сопresentствующий человеку и вместе с ним знающий все, что он делает, до последних мелочей. Это есть голос Божий в человеке, указывающий ему, что хорошо и плохо. Указав, совесть требует исполнения указанного и за исполнение награждает успокоением, за неисполнение наказывает угрызением и лишением покоя и даже неотступным преследованием. Это – законодатель и блюститель закона, неподкупный Судья, обмануть и обойти которого невозможно.

Церковь – тело Христово

Приступая к изучению иконописания, технике написания иконы, необходимо уяснить себе, что это искусство не имеет самостоятельной жизни, как всякое другое (портрет, пейзаж и проч.), оно является частью жизни Церкви.

Зрение духовное

...изобразительное искусство основывается на зрении. Если обычному художнику, чтобы что-то изображать, необходимо прежде научиться видеть, то касающемуся искусства церковного, возвышенно-духовного, необходимо прозреть в этой области. А чтобы прозреть, надо в ней ожить, ощутить ее реальность, задышать ее

воздухом (молитвой), почувствовать ее ... бесстрашие, плениться красотой ее чистоты, радостью благоговейного предстояния перед Лицом Божиим.

...К такому духовному зрению приложимо наименование созерцания того, что открывается по воле Божией. Одним из откровений является древняя икона, одиноко стоящая в изобразительном искусстве всех времен и всех народов.

Икона – свидетельство Боговоплощения

Боговоплощение есть основной христианский догмат, по которому Второе Лицо Пресвятой Троицы, оставаясь совершенным Богом и в Своем Божестве неопишущим Словом Отчим, стал Человеком. Заимствовав у Божией Матери человеческую природу в ее полноте, не изменяя Своего Божества и не смешивая его с человечеством, Он явился Богом и Человеком в одно и то же время. Это – снисхождение, истощание Бога. Тот, Кто совершенно недостижим, «неприступен» для твари и ни в коей мере не изобразим, стал описуемым и изображимым, приняв человеческую плоть.

Образ, икона Христова, есть выраженный в образе догмат о Боговоплощении.

Люди, окружавшие Его, видели в Нем только человека, часто и пророка. Божество же его было скрыто под величайшей простотой внешнего зрака раба. Даже любимые ученики лишь однажды, на Фаворе, узрели Христа в Его прославленном, обожженном человечестве. Церковь же Святая имеет очи, чтобы видеть, а также уши, чтобы слышать (Отк. 2,7), поэтому в Евангелии она слышит Божие слово, а также с непоколебимой верой смотрит на Христа как на Богочеловека.

Поэтому и в иконе она показывает Его не как обыкновенного человека, но как Богочеловека в Его славе, даже в моменты Его крайнего унижения. Именно поэтому Православная Церковь никогда не изображает на своих иконах Христа как просто человека, страдающего телесно и душевно, как это делает религиозное искусство в картине. На иконах православных и Младенец Христос является как Богомладенец в присущем Ему могуществе и царственной славе.

Этого никак не могли понять иконоборцы. Они спрашивали: как можно изобразить два естества Христа? Православные же совсем не думали изобразить ни Божественную, ни человеческую природу Христа самое по себе, но изображали Его личность Богочеловека, соединившую в Себе два естества без смешения и разделения... Изобразимость Богочеловека основывается на изобразимости Его Матери.

Рождаясь от Отца неопишущего, Он не может иметь образа. «Какому равному образу, – говорит преподобный Феодор Студит, – могло быть уподоблено Божество, изображение которого совершенно запрещено Свя-

щенным Писанием? Но с тех пор, как Христос родился от описуемой Матери, Он, естественно, имеет образ, соответствующий образу Его Матери, то есть описуемый. И если бы Он не мог быть изображаем при помощи искусства, это значило бы, что Он рожден только от Отца и не воплотился. И если мы иконы отвергаем, то и явление Христа отвергаем.

...Для познания Святой Троицы у нас один только ключ – мы знаем Отца через Сына: Видевый мя, виде Отца (Ин. 14,9; Ин. 12,45).

Следовательно, мы можем изображать только то, что нам открыто: воплотившееся Лицо Сына Божия – Иисуса Христа и Святого Духа. Святой дух изображается в том виде, в каком Он являлся: в виде голубя – при Богоявлении и в виде огненных языков – в день Пятидесятницы.

Присутствие же Бога Отца или вообще присутствие Божие изображается благословляющей рукой, выходящей из неба.

Смысл и содержание иконы

...Древняя икона – составная часть жизни церкви, основанной на земле Христом Спасителем. Христос же, Глава Церкви, сказал о себе: Царство Мое не от мира сего (Ин. 18, 36). И Церковь Христова не от мира сего; ее природа иная, нежели у земного мира... Все в Церкви приведено в соответствие с ее надмирной природой, и все согласовано служит ее конечной цели – спасению мира...

...в противоположность искусству светскому, древняя икона возникала не на воображении и фантазии художника, не на его личном восприятии и толковании сокровенной Божественной истины, а, с одной стороны, на богопросвещенном разуме святых отцов Церкви, с другой стороны, на самоотреченном послушании голосу Церкви святых иконописцев, которые через свое послушание также приобщались к духовному опыту Церкви, то есть духовному опыту всех предшествовавших поколений отцов, учителей и святых иконописцев, вплоть до святых Апостолов.

Непоколебимость Богооткровенной истины, составляющей содержание изобразительного искусства Церкви, требовала и соответствующей себе формы. И была постепенно (за первые пять – семь веков) выработана разумом Церкви особая форма, отличная от всякой другой формы, постоянная, единая, твердая – канон; форма, призванная выражать не случайность личного мировоззрения художника, а вовеки незыблемую Божественную истину.

Какова же эта форма?

Если картина с внешней стороны есть окно в мир вещественный, то икона по внешней форме есть тоже окно, но в мир духовный, невещественный, не имеющий ни времени, ни пространства в нашем понимании. Отсюда и плоскостность иконописного образа, нейтральный золотой фон и многое другое. Этот мир дается в иконе не в свете личного понимания мастера, а в свете общецерковного духовного понимания.

...Нам известно, как трудились святые иконописцы. Готовясь написать святую икону, древний, истинный иконописец готовил прежде всего себя самого через мо-

литву и пост, через послушание своему духовному руководителю. Он готовился через самоотречение, для того чтобы в его святое церковное дело не вторглась его человеческая, себялюбивая, страстная природа и не исказила Божественную истину; чтобы самому приблизиться, насколько возможно, к миру, которого ему предстоит касаться кистью.

...Свято следуя церковному преданию и завещанию, благоговей перед высотой и глубиной священного образа, древний иконописец, забывая свои личные интересы, почитал себя счастливым, что труд его позволял ему как бы касаться ризы Христовой. И ни один из них не дерзнул подписать созданную им икону своим именем, ибо в ней он не почитал ничего своим, ни содержания, ни формы.

Картина и икона

...Признаком всякой жизни является, прежде всего, дыхание; все живое дышит. Есть дыхание и в области духовной. Святоотеческий опыт свидетельствует: «дыхание души есть молитва». Древние подвижники, встречаясь, спрашивали друг друга не «как поживаешь» или «как твое здоровье», а «как твоя молитва»?.. Живой не может не дышать, живой духовно не может не молиться...

...предстояние перед Богом, эту молитву, составляющую дыхание духовной жизни, выражает икона. Она есть сама молитва, выраженная в линиях и красках. Молитвенность – единый внутренний мир, неизменно хранимый иконой во все века.

О древней иконе:

1. В изображениях святых очертания почти плоские, почти силуэтные, лишены особенностей земной плоти, а всегда наполнены молитвенной отрешенностью, тишиной бесстрастия, величием простоты и смирения, сдержанностью в движениях.

2. Икона показывает и природу: землю в виде своеобразных, стилизованных гор, воду и растительность, все на плоскости, без пространственной глубины, и никогда икона не дает самостоятельного пейзажа без чело- века, как это бывает в картине.

3. Икона запечатлевает и события, но опять не в их земной обстановке, а в их сверхвременном значении и смысле. Она являет лик события...

...Все древние иконы были чудотворны. Начиналась икона молитвой, по правилам Церкви писалась молитвой, завершалась молитвой. Первый, кто ей молился, был сам иконописец...

...Картина есть окно в мир вещественный, пространственный, чувственный, и если она дает событие, то непременно в его исторической обстановке и последовательности, обязательно через призму личного, земного и часто страстного понимания ее автора.

Икона – окно в вечность, ее образ сверхчувствен, бесстрастен; она представляет события в их сверхвременном значении и смысле через призму церковного, соборного сознания...

В материале использованы фотографии из книги «Смысл и содержание иконы. Слово иконописца монахини Иулиании (Соколовой)».

Благодать коснулась нас

Ольга КУЛАГИНА
Хабаровск

27 мая 2006 года архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк совершил чин освящения первого храма Свято-Петропавловского женского монастыря в честь первоверховных апостолов Петра и Павла. Владыке сослужили епископ Биробиджанский и Кульдурский Иосиф и духовенство Хабаровской епархии.

Холодный утренний воздух бодрил тело и дух. Небо хмурилось тучами, но душа светилась радостью. Автобусы привезли из Хабаровска в Петропавловку множество паломников. Люди, искренне и тепло верующие, входили в храм, чтобы полюбоваться на славу Божию.

Члены духовного тела Церкви, ее нерукотворные храмы, вступали в храм рукотворный. За закрытыми царскими вратами совершалось таинство, подобное тому, что делается для освящения каждого человека в таинствах крещения и миропомазания.

Священнослужители, участвующие в освящении храма, облачились во все священные одежды, а поверх этих одежд надели белые защитные запоны (передники) и подпоясали их. После молитвы и призывания Святого Духа был утвержден престол и совершено его омовение – сначала теплою водою с мылом, а потом розовою водою с красным вином. После помазания престола святым миром на него возложили и осветили две одежды, соответствующие духовному значению престола как гроба Господня и Престола Царя Небесного.

После освящения престола, жертвенника и утвари осветили и весь храм. Его стены были окроплены святою водою и помазаны святым миром. И совершалось это уже под покровом чистой лазури неба. Так родилась еще одна церковь Христова.

Все в ней мило, все родное. Удивительная красота резных киотов, сотворенных местными художниками, тихий свет икон, написанных монахинями Петропавловского монастыря. Продолжается праздник, совершается Божественная литургия. В белых ризах духовенство, ликуют звуки хора.

И сердце живо чувствует и жадно впитывает в себя эти лучи небесной славы, и мечтает, что над молящимся людом стоят сами первоверховные апостолы Петр и Павел, давая свое благословение.

Фотографии из архива Хабаровской епархии

Осенью 2006 года по благословению Патриарха Алексия II из московского Свято-Даниловского монастыря на Дальний Восток был доставлен ковчег с мощами святителя Николая Чудотворца – самого почитаемого Вселенским христианством святого, который жил на рубеже III – IV столетий. Ковчег со святыней сначала побывал в Приморье, а затем и в Хабаровском крае.

Святитель Николай Чудотворец обошел дальневосточные земли

Елена ГЛЕБОВА

Фото автора

Хабаровск

Святитель Николай Чудотворец, покровитель путешественников и моряков, защитник всех нуждающихся и несправедливо обиженных, пришел в далекие земли ко всем, кто чтит его святое имя. И, наверное, не стоит обьянять, насколько значимо это событие для православных дальневосточников, многие из которых лишены сегодня возможности выехать далеко за пределы своего региона и бывать в святых местах России.

В приморской столице ковчег со святыми мощами находился в Свято-Никольском кафедральном соборе, а затем был перевезен в Рождество-Богородицкий женский монастырь. По прибытии в Хабаровск святыню торжественно перенесли в Спасо-Преображенский кафедральный собор, где в течение нескольких дней проходили молебны с акафистами святителю Николаю Чудотворцу, которые совершали священнослужители всех хабаровс-

ких приходов. И шли нескончаемо люди, чтобы поклониться святителю, вознести молитву к нему, попросить о самом сокровенном.

В один из дней состоялся крестный ход из Спасо-Преображенского собора в храм Святого Иннокентия Иркутского с ковчегом и праздничной иконой. Верующие говорили: «Святитель Николай к святителю Иннокентию в гости идет!»

Огромный поток людей, таких радостных и счастливых, пересекал городские бульвары и центральную улицу Хабаровска. Во главе торжественной процессии – архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, хабаровское духовенство. Пространство наполнено звоном колоколов, солнцем и благодарственной молитвой: «Величаем ты, святителю отце наш Николае, и чтим святую память твою, бы бо молиши о нас Христа Бога нашего!». И словно бы это единое целое: золото осенней листвы, золотые отблески ковчега, праздничные ризы священников, золоченые хоругви.

А путь святителя Николая Чудотворца по дальневосточным землям продолжался. Он побывал в Свято-Петропавловском женском монастыре, расположенном недалеко от Хабаровска, затем в городах Комсомольске-на-Амуре, Амурске, Бикине, в поселках Троицкое, Эльбан, Солнечный. И всюду проходили праздничные молебны, в каждом городе или поселке люди с благодарностью совершали крестный ход с верой и надеждой, что святитель Николай не оставит их своей благодатью.

Добрые пастыри воспитываются здесь

Елена ГЛЕБОВА

Фото автора
Хабаровск

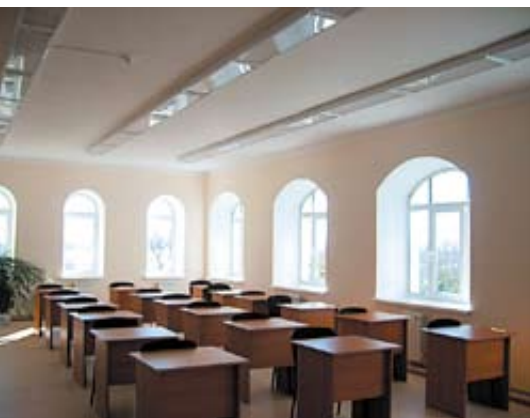
В день рождения Хабаровского края 20 октября 2006 года состоялось торжественное открытие первой на Дальнем Востоке духовной семинарии, созданной по решению Священного синода Русской Православной Церкви. Ректор этого учебного заведения – архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, проректор – иеромонах Петр.

Первый камень будущей семинарии и памятная капсула были заложены ровно год назад, тогда же семинария официально начала свою работу. Теперь ее самый первый набор семинаристов перешел на вторую ступеньку, а их место заняли новые студенты. Пока семинария строилась, занятия проходили в помещении Хабаровской епархии. В программе обучения – история и культура богословия и русской церкви, церковнославянский и другие языки, история России, философия, информатика. Курс обучения рассчитан на пять лет.

Комплекс зданий духовной семинарии включает учебно-административный корпус и храм для будущих священнослужителей. В июне 2007 года будет построено общежитие для студентов, преподавателей и гостей. В качестве главного проектировщика этого проекта выступает институт «Хабаровскгражданпроект». Строительство осуществляется за счет спонсорских средств и пожертвований.

На торжественной церемонии открытия губернатор Хабаровского края Виктор Ишаев вручил награды людям, которые внесли особый вклад в создание духовной семинарии. Так, орденом Русской Православной Церкви Святителя Иннокентия награждены начальник ГУСС «Дальспецстрой» при Спецстрое России Юрий Хризман, генеральный директор КГУП «Хабаровскгражданпроект» Евгений Семенов, а также главный архитектор этого института Николай Прокудин.

В своем выступлении на церемонии открытия архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк отметил: «Строительство семинарии является заботой не только о жителях Хабаровского края, но и всего Дальнего Востока и Забайкалья. Когда мы еще только обсуждали со святейшим Патриархом Московским и всея Руси Алексием возможность открытия семинарии в Хабаровске, нами уже тогда ставилась самая высокая планка – ее статус должен стать региональным, чтобы в ее стенах воспитывались добрые пастыри для всего Дальнего Востока и Забайкалья. И я вполне уверен, что нам это удалось».

Христианский диалог на Дальнем Востоке

ХАБАРОВСК. Осенью 2006 года в дальневосточной столице состоялась международная научно-практическая конференция «Христианство на Дальнем Востоке», организатором которой выступила Хабаровская духовная семинария.

В работе конференции приняли участие ректор Московской духовной академии, профессор, архиепископ Евгений Верейский, протоиерей Петр Иванов из Московского института востоковедения РАН, архиепископ Хабаровский и Приамурский Марк, проректор Хабаровской духовной семинарии игумен Петр (Еремеев), Ю.М. Галенович, профессор Института Дальнего Востока РАН, а также священнослужители из Китая, Японии и Кореи. Делегацию Японской Автономной Православной Церкви возглавил епископ Сендайский Серафим, а монгольскую православную общину представил настоятель Свято-Троицкого прихода в Улан-Баторе священник Александр Трубач.

Конференция, тема которой охватила историю и перспективы развития христианства на Дальнем Востоке, пригласила к диалогу не только представителей православия, но и католиков, протестантов.

Святейший Патриарх Московский и всея Руси Алексий II в своем обращении к участникам этого события отметил, что тема конференции особенно актуальна сегодня, когда государства Азиатско-Тихоокеанского региона играют все более определяющую роль в современном мире. «Ваш форум открывает новую страницу в истории Хабаровска, который в дни проведения конференции становится центром христианского диалога на Дальнем Востоке».

В докладах выступающих поднимались вопросы современного существования и дальнейшего развития Русской Православной Церкви и автономных православных церквей сопредельных государств, духовного взаимопонимания в отношениях России и Китая, говорилось о перспективах культурного диалога христианской и дальневосточной цивилизаций, о развитии христианской проповеди народам Дальнего Востока и т. д.

Зеркала возрожденных куполов

*ВЛАДИВОСТОК.
Храм Покрова
Пресвятой Богородицы,
расположенный в
Покровском парке, увенчали
зеркально-голубые купола,
ставшие завершающим штрихом в
деле его возрождения.*

Почти два года назад, в 2005-м, архиепископ Владивостокский и Приморский Вениамин в сослужении городского духовенства совершил молебен и заложил в основание будущего храма камень и мощи священномученика Константина Богородского. Новая церковь воссоздана на фундаменте разрушенного в первой половине XX века храма. По замыслу авторов проекта (он разработан специалистами Дальневосточного научно-исследовательского института морского флота) возрожденная пятиглавая церковь максимально приближена к первообразу, построенному в свое время по канонам древнерусской архитектуры.

Краткая история Покровской церкви такова. Она была возведена в 1902 году на территории первого городского кладбища в Покровском парке. Освятил ее епископ Евсевий. Как значится в летописи Владивостока, на этом кладбище покоились основатели города и люди, сделавшие для него очень многое. Среди них, например, первый редактор городской газеты Соллогуб, основатель Дальневосточного морского пароходства Шевелев, герои Цусимского сражения и др. Однако в 1923 году по общепринятой в Стране Советов традиции кладбище закрыли, могилы уничтожили (всего около 120 тысяч захоронений) и сровняли с землей. Спустя несколько лет, в 1935-м, разрушили и Покровский храм. Опять же по традиции на территории оскверненного кладбища разбили городской парк, который со временем пополнялся всеми необходимыми атрибутами: танцплощадкой, колесом обозрения и прочими увеселительными аттракционами. Сохранилось только старое название: парк по-прежнему носил имя «Покровский».

Так что владивостокцы веселились и отдыхали в буквальном смысле на костях. Время от времени сильные приморские дожди вымывали из земли человеческие кости или вдруг откуда-то неожиданно возникали разбитые надгробия. Лишь в 1990-х годах Покровский парк возвратили Русской Православной Церкви.

Неподалеку от храма Покрова Пресвятой Богородицы в память о тех, кто нашел последний приют на Покровском кладбище, установят мемориальный знак.

ВЛАДИВОСТОК.
С просьбой о внесении в Церковный календарь дня празднования Порт-Артурской иконы Божией Матери («Торжество Пресвятой Богородицы») обратилась к святейшему Патриарху Владивостокская епархия.

Торжество Пресвятой Богородицы

Как сообщает интернет-портал «Православие на Дальнем Востоке», архиепископ Владивостокский и Приморский Вениамин подал рапорт на имя святейшего Патриарха с прошением об установлении общецерковного почитания Порт-Артурской иконы Божией Матери, об установлении даты ее празднования и о внесении ее в списки почитаемых образов Русской Православной Церкви.

Обновленная часовня Святого Воина Федора Ушакова

ВЛАДИВОСТОК. На территории госпиталя Тихоокеанского флота после ремонта вновь открылась часовня Святого Праведного Воина Федора Ушакова.

После торжественного богослужения и водосвятного молебна, совершенного в честь принесения иконы с частицей святых мощей святого праведного воина Федора Ушакова на вечное хранение в часовню, ее настоятель иерей Алексей Сабанский отворил двери обновленного храма для прихожан.

Частица мощей святого праведного воина Федора Ушакова была привезена во Владивосток в 2002 году. Святиню поместили в реликвиарий его иконы, выполненной владивостокским иконописцем Сергеем Щекалом. Выпускник иконописной школы Свято-Троицкой Сергиевой Лавры расписывает храмы Владивостокско-Приморской епархии, в частности Свято-Никольский кафедральный собор и храм Иоанна Кронштадтского.

Рядом с храмом-часовней Святого Праведного Воина Федора Ушакова расположена арка с колоколами.

Память о святителе Николае Японском

МОСКВА. В стенах домового храма Святой Мученицы Татианы при Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова состоялась выставка «Апостол Японии», посвященная 170-летию со дня рождения архиепископа Николая (Касаткина).

Экспозиция, рассказывающая о святителе Николае Японском (в миру Иван Дмитриевич Касаткин), была организована небольшой инициативной группой при поддержке Патриаршего Подворья Русской Православной Церкви в Токио и других благодетелей, а также при участии Японской Автономной Православной Церкви, Ар-

хива внешней политики Российской империи Историко-документального департамента МИД РФ, Психологического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, Оренбургского государственного университета. Главная задача выставки, по мнению ее организаторов, в том, чтобы она послужила проповеди Православия в современном обществе.

Основу экспозиции составили редкие фотографии конца XIX – начала XX веков, предоставленные библиотекой города Хакодате (Япония), иконы, написанные в Японии, оригиналы переводов Евангелия, молитвословов и других богослужебных книг, жизнеописания святителя на японском языке, а также вещи некоторых православных японцев в качестве дара Японской Православной Церкви. Часть материалов выставки отражают современное положение Японской Автономной Православной Церкви.

Елена ГЛЕБОВА

В материале использованы фотографии информационно-аналитического портала «Православие на Дальнем Востоке»

Магаданский священник Сергей

Путь святой Параскевы

Продолжение истории о чудотворной иконе, явленной в Магадане

Елена ГЛЕБОВА

Фото автора

Хабаровск

Прошло уже два года с того момента, как на съезде Дальневосточной епархии Русской Православной Старообрядческой Церкви (Белокриницкое согласие) образ святой великомученицы Параскевы, привезенный из Магадана, был признан чудотворным. (Подробнее об этом: «Словесница Искусств», № 17, 2006 г.). Еще раньше, в марте 2005-го, икона начала мироточить, и чудо это продолжается по сей день. Не иссякают потоки благоуханного миро на иконе, открываются другие источники, происходят все новые и новые исцеления страждущих, и продолжается путь дальневосточной святыни.

Совершив большое путешествие по православным приходам Приморья, Амурской области, Иркутска, Якутии, Читы, Новосибирска, образ святой Параскевы побывал в Сербии, куда по приглашению отправился управляющий Русской Старообрядческой Церковью Магаданской, Чукотской и Камчатской областей отец Сергей Галанов. Магаданская мироточивая икона была выставлена в сербском православном монастыре, где хранится частичка святых мощей мученицы Параскевы. Около тридцати тысяч паломников пришли поклониться чудотворному образу. Поток людей был так велик, что возле стен обители возник целый палаточный город. Приезда иконы ждали с радостью и трепетом.

Пути Господни неисповедимы. Получив официальное приглашение архиепископа Албанского, отец Сергей отправился в Албанию, чтобы дать возможность православным и этой страны прикоснуться к иконе, получить надежду, исцеление. Конечно, рискованный шаг, но есть вещи, которые от человека не зависят. Русский священник, несмотря на предостережения сербов, рассказывающих о настоящем геноциде албанских христиан, передвигался по беспокойным дорогам Албании в специальной

Хабаровский Покровский храм

Помазание святым миром от чудотворного образа

машине в сопровождении французских солдат. Неподалеку от города Штрипцех прогремел взрыв – автомобиль подорвался на mine. Машина превратилась в груды искореженного металла, но никто не погиб. Миссионеры отделались легкими ранениями, отец Сергей получил контузию. Какое-то время он лежал в сербском госпитале, его навещали, желали скорейшего выздоровления и все время спрашивали, не пострадал ли чудотворный образ. Нет, мироточивый холст не пострадал. Только треснуло стекло – знак хрупкости человеческой жизни. И знак чудесной защиты, которая намного сильнее темных сил.

Перед самым возвращением в Россию отец Сергей получил из рук архиепископа Сербии Арсения награды, среди которых посох и наградной крест. Были и другие удивительные дары для российских православных христиан: частица мощей святой великомученицы Параскевы и частица камня, на котором была усечена ее глава. Прикоснуться к этим святыням смогли и хабаровчане, когда в сентябре уходящего года отец Сергей вернулся в дальневосточную столицу.

И снова поток людей в небольшой старообрядческий храм Во Имя Покрова Пресвятыне Богородицы, удивительный запах святого миро, напоминающий то розу, то гвоздику, а то и смолистую хвою, помазание от чудотворной иконы, молитвы о заступничестве перед Господом великомученицы Параскевы (здесь говорят Прасковеей). А в промежутках между церковными службами и молебнами отец Сергей везет чудотворный образ в больницы, где, возможно, он становится для кого-то последней надеждой.

А надежда есть всегда. Она так же реальна, как и чудо, дарованное нам от дальневосточной святыни. Исцеляются люди, уходят тяжелые недуги, и случаи эти зафиксированы официально. «Образ святой Прасковеей – не надуманная святыня», – говорит отец Сергей.

Сегодня икона находится в красивом киоте (четыре месяца назад она была без стекла, в обычной деревянной раме, что, впрочем, не умаляло величия чудотворного образа). За стеклом стоят сосуды – золотой и серебряный. В них набирается миро, которым помазывают прихожан и которое понемногу наливают в бутылочки и раздают. Тут же, в киоте, дары – золотые украшения, положенные теми, кто получил исцеление. Они пойдут в общую копилку, где собираются средства на строительство храма в честь святой великомученицы Параскевы. «Мы должны все вместе украсить чудотворную икону, создав ее храм, куда бы могли приезжать дальневосточники для поклонения этой святыне», – размышляет отец Сергей. Где будет располагаться храм в честь святой Параскевы и где обретет свое постоянное место чудотворный образ, еще не решено. Но необходимо уже сейчас делать первые шаги.

Завершить эту историю хочется также рассказом о чуде. Удивительно, но именно в Хабаровске икона святой Параскевы начинает мироточить с особой силой. Это произошло весной, когда она находилась в старообрядческом храме Во имя Покрова Пресвятыне Богородицы, а затем и в Хабаровском кафедральном Спасо-Преображенском соборе. Теперь, в сентябре, когда икона вернулась из длительного путешествия, на щеке святой Параскевы появился еще один источник миро, а вокруг лика – словно бы испарина из прозрачных маслянистых капель. Как говорит магаданский батюшка, любовь хабаровчан к иконе настолько сильна, что она платит им тем же...

С. Мартыновский. Букет Снежной Королевы. Фотография

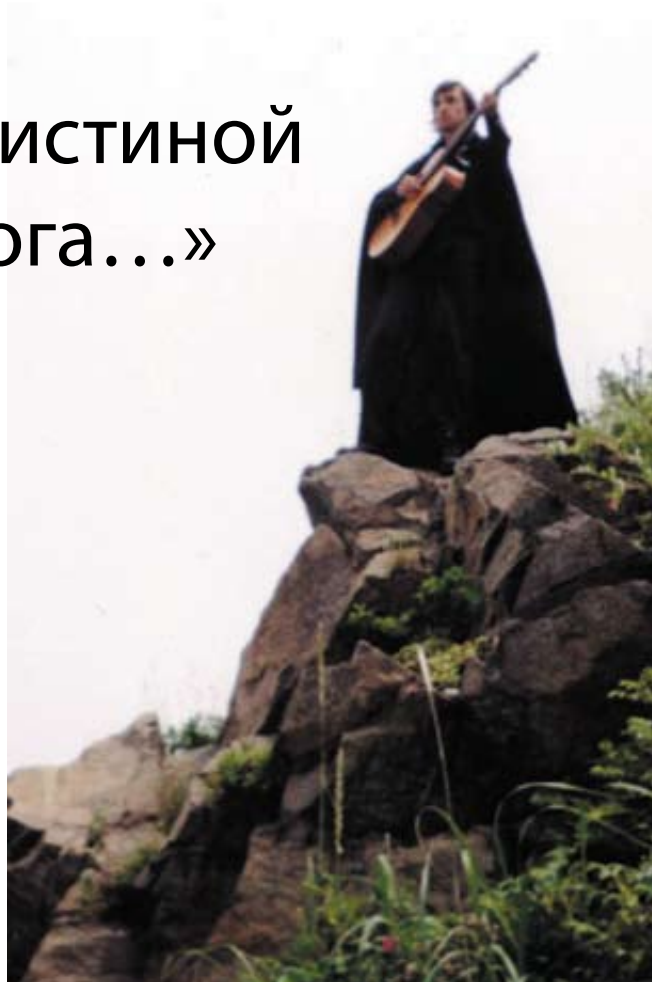
ЛИТЕРАТУРА

«И единственной истиной мне остается дорога...»

Светлана ФУРЦОВА
Хабаровск

Испокон веков скоморохи и менестрели ходили по дорогам, забавляли народ песнями. Привлеченные музыкой, люди собирались вокруг, слушали, дивились. И казалось, что окружающий мрак начинает рассеиваться, лица делаются осмысленнее, глаза веселее.

Дальневосточный поэт, член Союза писателей России, лауреат фестивалей авторской песни Андрей Земсков не расстается с гитарой. Из хаоса рифм и образов возникает мелодия, которую подхватывают струны, и тут же рождаются строчки, просясь быть воспетыми голосом их автора. И хотя в свет вышли два поэтических сборника Земского, «Ветер» и «Бездорожье» (третий – «Там, где ты живешь» – пока лишь в рукописи, но его сигнальный

экземпляр передан в личный архив Е.А. Евтушенко), он продолжает писать песни, считая их основополагающей частью творчества. Ибо стихи, по мнению Андрея, не востребованы сегодня. «Повзрослевший мальчишка с гитарой и шпагой, безнадежно оружие твое», – так писал он в одном из своих стихотворений.

Андрей Земсков родился в Комсомольске-на-Амуре, окончил факультет филологии Хабаровского государственного гуманитарного университета. В 2001 году был зачислен на Высшие литературные курсы Московского Литературного института им. М. Горького, но от учебы отказался и вернулся к творческой работе во Владивостоке.

На сегодняшний день в творческом активе Земскова, который называет себя поющим поэтом, около двухсот стихотворений, написанных им за последние пятнадцать лет, публикации в литературном журнале «Дальний Восток», несколько музыкальных альбомов. Поэтический цикл Андрея Земскова «Стансы к Марине Цветаевой», созданный в 2001 году, исполнен дальневосточницей, заслуженной артисткой России Ириной Никифоровой на Цветаевских чтениях в Елабуге (Республика Татарстан) и получил высокую оценку. Андрей Земсков на протяжении многих лет занимается серьезным изучением творчества Владимира Высоцкого. А еще на его счету огромное число концертов, с которыми он побывал в Магадане, Хабаровске, Владивостоке, Благовещенске, Перми, Москве. «И единственной Истиной мне остается Дорога», – признается поющий поэт.

– Андрей, что, на ваш взгляд, важно и нужно сегодня людям? О чем вы стремитесь рассказать в своем песенном творчестве?

– Получая большой объем информации, мы становимся все более ленивыми и нелюбопытными, отучаемся мыслить самостоятельно. А поэзия, тем более поэзия песенная, подвигает к тому, чтобы задуматься над многими вопросами, поразмышлять о себе и мире, который нас окружает. Много работая с молодой аудиторией и в Хабаровске, и во Владивостоке, свою задачу вижу в том, чтобы успеть преподавать детям уроки нравственности еще до того момента, когда их начнет поглощать волна техно- и поп-музыки. Убежден: тот, кто полюбит и поймет песни Высоцкого, Визбора, не пойдет совершать насилия над другими людьми – убивать и грабить.

– Вы верите в это?

– В этом я вижу свою миссию. Поэтому, если после моих выступлений я найду понимание у двух-трех человек – это уже хорошо. Дело в том, что я живу в этой стране и хочу, чтобы меня и моих близких окружали нормальные люди, разговаривающие на нормальном языке. Вот и вся задача. А в авторской песне это не просто слово, а поэтическое песенное слово, которое скорее доходит до сердца и влияет на личность. Человек, воспринимающий и уважающий слово, будет с уважением относиться к себе, как к части культуры. А с уважения к себе и себе подобным и начинается личность, неважно сколько ей при этом лет.

– Когда вы начали писать песни?

– Когда впервые услышал с катушек песни Высоцкого. Меня это сразу зацепило. О Владимире Высоцком я могу говорить часами. В Иркутске познакомился с писателем Леонидом Манчинским, который был другом Высоцкого. Он пришел на мой концерт, потом сказал: «Ты его почувствовал». Потом в Москве мне довелось побывать в музее Высоцкого, прикоснуться к его гитаре...

– Вы много путешествуете. Есть любимые места?

– Пожалуй, Забайкалье, где я служил в армии, Владивосток, там ветер пахнет морем и живут мои друзья... Я очень люблю путешествовать, но чтобы потом обязательно возвращаться. В 2001 году по рекомендации Хабаровского отделения Союза писателей России поступил в Литературный институт имени Горького в Москве. Но через две недели удрал оттуда, потому что понял: не могу жить вдали от Дальнего Востока.

– Другой менталитет?

– Страна другая. Вообще в последние годы у меня возникло ощущение глобального потолка. Вроде и песни новые пишутся, и диски выходят, и программы верстаются, но все это происходит словно в замкнутом пространстве. А я все брожу между серых и сирых домов, / Я поднимаюсь к теплу вертикально, как дым, / Таю в триаде зеркал среди сонных снегов за три дня до Весны./ Может, потому что я все делаю сам – пою, договариваюсь, организовываю. Знаете, что самое сложное? Убедить людей в том, что им это необходимо. После концерта они благодарят и просят приезжать еще, говорят, что не думали,

как это оказывается здорово – вот такие встречи. А ты при этом думаешь: «Ну почему?!»

– Но если они не понимают, то тогда зачем?!

– Если песни пишутся, хочется, чтобы их слышало как можно больше людей.

Что ж, в дорогу, сынок, в дорогу!
Знать бы – долго ль наш путь продлится?
Тело – дьяволу, душу – Богу,
Людам – выцветшие страницы,
То ли тройка в дорожной пыли,
То ли крест в ледяной купели...
Так ли мы безрассудно жили?
Так ли петь и любить умели?

– Это строки из «Стансов к Марине Цветаевой». Расскажите, как родилось это произведение?

– К стыду своему признаюсь, поэзию Марины Цветаевой я раньше мало знал, в основном относился к поэту как к личности, на долю которой выпали тяжелейшие испытания. Но в 2001 году прочел книгу Марины Белкиной «Скрещенье судеб», и весь мой цикл «Стансы к Марине Цветаевой» – это последний год жизни Цветаевой, навеянный страницами этой книги. Стансы написались на одном дыхании, хотя прежде подобные литературные драматические произведения я не писал. Это был такой мощный энергетический выплеск.

У меня есть немало песен-посвящений, и я заметил, что, посвящая тем или иным людям стихи, невольно входишь в их образ, начинаешь проникаться их судьбой, глубже понимать. Можно и улететь вслед за ними... Нет-нет, я вполне отдаю себе отчет, что это лишь песня. Просто в такие минуты ощущаешь себя медумом.

Стансы к Марине Цветаевой

Андрей ЗЕМСКОВ
Владивосток

Портрет работы К.Б. Родзевича

1.
За горою кричит печально
Пароходик-калика.
На горе – на горе – молчанье
Громче всякого крика.
Белый свет проклянута – и все же
От себя не отрину.
Я прошу – ты слышишь, прохожий? –
Помолись за Марину!..
2.
Осень в огонь замела букет
Поздних сухих цветов.
На колокольне в Елабуге
Нету колоколов.
На берегу паромщики
Картошку пекут в золе.
Блеклые колокольчики
Катаются по земле.
3.
Ветер, ветер, бродяга-ветер,
Что ж ты стал холоднее стали?
Неуютно на этом свете,
А на тот нас пока не звали.
Ветер, ветер, усталый странник,
Не легко быть незванным гостем.
Где мы память свою оставим –
В чьем дому и на чьем погосте?
4.
Вольною быть – верною стать,
Сильною быть – грозной,
Пере-любить, пере-листьять,
Пере-бороть – поздно!
Вера моя – воля,
Лики озер – мои образа,
Певчие – ветры в поле,
Сила моя – гроза!
5.
Не изменит река течение,
Лед, как шапку с чела, – долой!
Возвращение, возвращение
Из чужбины – к себе – домой!
Ностальгии – ни капли. Только лишь
Глянута в омут – темным-темно...
Все равно – то ли Прага, **тбжж?**
Возвращение – все равно!
6.
Что ж, в дорогу, сынок, в дорогу!
Знать бы – долго ль наш путь
продлится?
Тело – дьяволу, душу – Богу,
Людам – выцветшие страницы.
То ли тройка в дорожной пыли,
То ли крест в ледяной купели...
Так ли мы безрассудно жили?
Так ли петь и любить умели?
7.
Польша – польмя, факел – Франция,
Тень от черных паучьих лап.
Эмиграция, эвакуация, –
Хорошо еще – не этап.
Да и здесь жернова вращение
Не замедлят, горя горя.
8.
Не ко времени возвращение –
По записке секретаря...
8.
С каждым днем труднее
к коммуне путь, –
Значит, больше в пути потерь.
Каждой ночью беда к кому-нибудь
Сапогами стучится в дверь.
Кайтесь, грешники! Индульгенция –
Только пуля в затылок.
Профессура, интеллигенция, –
Чернозем пересылок.
9.
Тиран – узколобый демон,
В усах копошится мгла.
Где дом твой, Марина? Где он?
На родине – без угла.
Лампа коптит в подвале,
Выцвела зелень глаз.
Ася, Сережа, Аля,
Как докричаться до вас?
10.
Письма – от случая к случаю –
Редкие, жданные гости.
Проволокой колючею
Заборы на Княж-Погосте
В землю вросли мерзлую,
За камни цепляясь, за горы.
По северам – верстами –
Заборы, заборы, заборы...

- 11.**
В очереди к окошку –
Дочка, невеста, брат
Вытоптали дорожку
Возле тюремных врат.
Крестного этот горше путь –
Всеми кругами ада.
Но пере-жить, пере-шагнуть,
Пере-бороть – надо!
- 12.**
И снова – к столу, и вновь на слуху
Межа между строчками.
Поэту до сумерек, как на духу,
Дышать над подстрочником.
Он вещего слова не вымолвит зря, –
И только поэтому
Во все времена царёво – царям,
Поэту – поэтово.
- 13.**
Что выдаст в поэте – Поэта?
Зеленый – рассеянный – взгляд.
Парит тополиное лето,
В Сокольниках липы шумят,
И жизнь начинается заново...
Но взорвана тишина!
На западе – злое зарево,
И страшное слово – война!
- 14.**
Стекла мутные, словно лед,
Самолеты в прожекторах,
Рев сирены, первый налет,
Облака на длинных шнурах.
И ладонь прижимая к виску,
Ты гадаешь по сводкам сухим:
Неужели их пустят – в Москву?
Неужели сдадут ее – им?..
- 15.**
Только б, как прежде, стойкой быть –
Сердце в горсти.
Не до надежды – только бы
Сына спасти!
Душу свою и плоть свою –
Пере-корю,
Пере-воюю, пере-вью,
Пере-борю!
- 16.**
Куда спешишь ты, одинокий,
Подобный тени пилигрим?
Ведут разбитые дороги
В сожженный варварами Рим.
И пепел, разлетаясь, душит
Мольбу, сорвавшуюся в крик.
- Твои б слова – да Богу в уши,
Но только – что Ему до них?..
- 17.**
Отпусти, разойдись кругами
Хоть на пару часов, боль!
Пароходик ползет по Каме,
На пригорке – Чистополь.
Может, сбудется наконец-то
Правота вместо фальши?
Но в Чистополе нету места.
Вам в Елабугу – дальше.
- 18.**
День заполняет собой пустоту,
Образовавшуюся в ночи.
Мы – светлячки на дневном свету,
Мы – стеарин стаявшей свечи,
Мы – уязвимая чья-то цель,
Сопротивленье движенью вспять.
Не состоится у нас дуэль!
Друг против друга не нам стоять!
- 19.**
Точки над і расставляет рассвет,
Зеркало смотрит в дверной проем...
Не состоится у нас дуэт –
Слишком по-разному мы поем.
Что же, опять, как всегда, одна?
Всяк отмахнется, глаза отведет.
Не до поэзии, если – война...
И судомойкой никто не возьмет.
- 20.**
Была грозная – сильной, –
сил не осталось.
Была верная – вольной, –
волю отняли.
Было белое платье –
поистрепалось.
Были песни – да нынче
вспомню едва ли...
- 21.**
Склянка чернил – вот она,
Столик возле стены.
Предана – но не продана:
Нету такой цены!
Нету цены отчаянью –
Платою за побег.
Там, за волной причальной
Скрылся Серебряный Век.
- 22.**
Уголья в печи – чужие –
В Чехии, в Польше...
Где еще жить, скажите?
- Некому больше
Над Рильке корпеть, над Лоркой, –
Спи, баркарола!
Горенка – надвое – переборкой.
Пере-борола.
- 23.**
Остаться одной, остаться –
Не все ли равно, когда!
Потерянным иностранцам
И родина – лебеда.
На сердце – сплошные раны,
Счастье – забытый гость.
А в балке – четырехгранный,
Крепкий, старинный гвоздь.
- 24.**
Слово – как склянку – оземь,
Чтобы и смерть – не зря.
Завтра наступит осень,
Первое сентября.
А пароходы – страшные,
В Каме вода остыла.
Други мои вчерашние,
Не оставляйте сына!
- 25.**
Все, что пишу, безжалостно
Жгите, не издавайте,
Только прошу – пожалуйста! –
Сына! – не оставляйте!
Правда – страшнее вымысла,
Когда никому не нужен...
Мурлыга! Прости! Не вынесла.
Дальше было бы хуже.
- 26.**
В платье лилового ситца,
Вскользь – через душу – трещина.
Кто это? Это царица? –
Нет, это просто женщина.
Веревкой – внахлест – по вере!
На нитке, скоба, держись,
Чтоб не ломали двери
Те, что сломали жизнь.
- 27.**
Отныне себе, как и вам, одна,
Забытая – где – Бог весть,
Простите, Марина Ивановна,
Что Ваша могила – здесь.
Под сенью осенних трав она,
Вдали от досужих мест.
Простите, Марина Ивановна,
Потерянный – нами – крест...

Татьяна ЛАВРОВА,
библиотекарь
Дальневосточного худо-
жественного музея
Хабаровск

О наивном

Призыв исследовать феномен наивного художественного опыта человечества, не разрушать, а сохранять, изучать и использовать, отчетливо прозвучал в начале XX века в России. «Ход истории заставил понять, что высокий статус творца присущ каждому. А основы этого понимания, сам того не ведая, заложил авангард». (Рылёва А. *О наивном*. М., 2005 г.).

Вальдемар Матвейс (Марков) (1877–1914) – литовский график и теоретик русского авангарда. Ввел в художественный контекст новые художественные ценности: каменные изваяния острова Пасхи, искусство эвенков, чукчей, эскимосов и других народов Северной Азии и Дальнего Востока, впервые затронул такие сферы народного творчества, на которые никто не смотрел как на искусство.

Свет далекой звезды

*Поклонись земле родной.
Прикоснись к струе бессмертной.*
А. Ходжер

Вызывает удивление и восхищение художественная культура малых народов Дальнего Востока: устное народное творчество, народное декоративное искусство, музыкальный фольклор и танцевальное искусство...

Мир мифов и легенд народов Амура густо населен. Сведения о персонажах и героях этого мира даны в двухтомной энциклопедии «Мифы народов мира» (М., 1987 г.) и в энциклопедических словарях «Мифология» (М., 1998 г.; СПб., 1996 г.).

Как всякий великий фольклорный памятник, это наследие – богатейший источник различных сведений для ученых разных специальностей и любознательных читателей.

Сегодня библиотекарю нетрудно составить библиографию опубликованных фольклорных источников каждого малого народа. Гораздо труднее заинтересованному читателю отыскать первоисточники мифов и легенд, потому что они, как правило, опубликованы в научной литературе. Фольклорные произведения в адаптированном виде, в литературном изложении «рассыпаны» в дальневосточной периодике и литературно-художественных альманахах дальневосточных издательств, изданы в сборниках: «Сказки народов мира» (1951, 1959), «Легенды и мифы Севера» (М., 1985), «Антология фольклора народов Сибири, Севера и Дальнего Востока» (Красноярск, 1989), «Древний свет. Сказки, легенды, предания народов Хабаровского края» (Хабаровск, 1990), «Мифы и легенды народов мира» (М., 2004).

Во второй половине XIX века и первые два десятилетия XX века по отношению к местному коренному населению прочно закрепились понятия «примитивное» и «первобытное». Весь XX век обсуждались вопросы бытования наивного искусства.

«Все европейские академии художеств, включая и петербургскую, строили свой учебный процесс на ценностях, завещанных греко-римским миром и эпохой Возрождения. Все остальное – Азия, Африка, Америка, Океания, создавшие самобытные культуры, оставались вне поля зрения художников». Главная заслуга Маркова заключалась в том, что он первый в России выступил против узости европоцентристской концепции искусства, считавшей образцом, на который нужно равняться, античный канон. Современная Европа, достигшая столь многого в науке, отмечал он, «очень бедна в отношении развития классических принципов, завещанных нам стариной». Отвергая точку зрения европоцентризма, Марков писал: «Древние народы и Восток не знали нашей научной рассудочности. Это были дети, у которых чувство и воображение доминировало над логикой. Это были неумные, испорченные дети, которые интуитивно проникали в мир красоты, которых нельзя было подкупить ни реализмом, ни научным исследованием природы». (Ковтун Е.Ф. *Русская футуристическая книга*. М., 1989 г.).

Пунин Н.Н. (1888–1953) – художественный критик, исследователь, педагог, музейный работник, администратор. Анализируя работы студентов-северян в статье «Искусство примитива и современный рисунок», он пишет: «Это «песнь хвалы» неприютным лесам, скудным кустарникам, друзьям – оленям, страшно своей силой медведю, рекам, серому небу и в нем летящим

птицам, и делает искусство народностей Сибири таким убедительным и глубоко человеческим». В книге Н. Пунина «*Мир светел любовью*». *Дневники. Письма*. (М., 2000 г.) читаем дневниковую запись от 2 августа 1925 г.: «Сегодня были в Этнографическом (Русском) музее. Анечке [Ахматовой] очень понравились шаманы (тунгусские), говорила об их одежде, что это такой изумительный, выверенный вкус. Они действительно производят огромное впечатление органической цельностью своего вида. Эти сумасшедшие нищие старики обладают неслыханным высококультурным чутьем – вкусом к железу и коже. Мне интересно, чтобы Татлин посмотрел этих шаманов. Кожа на них выглядит, как язык огня, а железо какое-то особенно железное».

Шнейдер Е.Р. (1897–1937) – ученый-северовед, основоположник научного этногеведения, преподаватель в Институте народов Севера, научный сотрудник Этнографического отдела Русского музея (Ленинград). В статье «Искусство народностей Сибири» он отмечает: «В долгие зимние вечера при свете костра, жирника, лучины или топящегося камина, в канонических и двускатных шалашах, палатках, землянках, войлочных кибитках и избушках безымянный художник – народ облакал свои чувства, мысли и идеалы в формы поэм, песен, сказок, скульптуры, рисунка и орнамента. Он бережно сквозь века нес свои достижения, передавая их из поколения в поколение».

Вот почему одни его произведения так волнующе просты,

лаконичны и вместе с тем предельно выразительны, другие поражают своей выработанностью и сложностью, подобно хрупкому механизму.

В этих, чисто объективных, особенностях и таится очарование туземного творчества – свежего и сильного, как первозданный мир. Вот почему, глядя на произведения туземного искусства, начинаешь чувствовать, что и там, в далеких бескрайних степях, лесах и тундрах бьется творческая мысль, бьется сердце первобытного художника, переживающего радости и муки творчества». Выдержки приведены из сборника научных трудов Гос. Русского музея «Искусство народностей Сибири» (СПб., 1930 г.).

В сборнике статей и материалов научной конференции «Фольклор и художественная культура» (вып. 13, 2004) сделан вывод, что «наша эпоха – эпоха реабилитация традиций и традиционной культуры как таковой». Традиционные культуры «способствуют выживанию людей, государств, народов и цивилизаций». Следовательно, фольклор малых народов Дальнего Востока нуждается в бережном сохранении, дальнейшем развитии и исследовании.

Из истории собирания фольклора

Несколько поколений ученых России, местные краеведы, общественные деятели, просветители во второй половине XIX века приступили к собиранию и изданию фольклора малых народностей Дальнего Востока. О них, пер-

вых собирателях, рассказывают книги Н.В. Кочешкова, Л.Я. Иващенко, Т.С. Шульгиной. В золотом фонде отечественной этнографической литературы представлены первые записи фольклорного наследия:

- Штернберг Л.Я. Образцы материалов по изучению гилияцкого языка и фольклора, собранные на о. Сахалин и в низовьях Амура // Известия Импер. АН, 1900, т. 13, № 4. Вошли 42 текста с подстрочными переводами на русский язык.

- Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Статьи и материалы. Под ред. и с предисл. Я.П. Алькор (Кошкин). – Хабаровск: Дальгиз, 1933. Вошли сказки, предания, легенды.

- Штернберг Л.Я. Материалы по изучению гилияцкого языка и фольклора – СПб., 1908. т. 1. Содержит 38 текстов на сахалинском и 1 текст на амурском ди-

чалось издание фольклора сахалинских нивхов из наследия ученого, собранного на Сахалине в 1890-х годах в период политической ссылки. Опубликованы материалы в краеведческом бюллетене Южно-Сахалинского краеведческого музея (1995, № 4); в Известиях Института наследия Бронислава Пилсудского (2002, № 6). В 2003 г. Южно-Сахалинский краеведческий музей выпустил книгу Б.О. Пилсудского «Фольклор сахалинских нивхов: (тексты: перевод)». В 1997 г. в монографии А.Б. Островского «Мифология и верования нивхов» были приведены 32 мифологических текста, из которых часть опубликована впервые. В основной фольклорно-этнографический материал о нивхах вошли изданные ранее нивхские тексты, записанные Е.А. Крейновичем, повествования и исследования В.М. Санги, Ч.М. Таксами, Г.А. Отаиной.

«Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока»

Так называется серия издательства «Наука» (Новосибирск, Сиб. отделение), которое осуществляется в рамках государственной научной программы «Сибирь» по постановлению Президиума Сибирского отделения АН. Основная цель серии – научное издание выдающихся в художественном отношении фольклорных произведений народов Сибири и Дальнего Востока. Всего должно выйти 60 томов.

В 1990 году вышел том *Эвенкийские героические сказания*. В книге впервые публикуются два уникальных эвенкийских героических сказания: «Храбрый Содани-богатырь» и «Всесильный богатырь Дэвэлчэн в расшитой разукрашенной одежде» – в исполнении крупнейшего сказителя Н.Г. Трофимова (1915–1971). На прилагаемой грампластинке воспроизводятся фрагменты магнитофонной записи другого сказания – «Иркисмондя-богатырь» в исполнении того же сказителя.

В 1996 году вышел том 11 *Нанайский фольклор: Нингман, сиохор, тэлунгу*. Это первое в отечественной фольклористике сводное издание нанайского повествовательного фольклора. 65 из 68 текстов, составляющих том, ранее не публиковались. Записи производились в десяти национальных селах Хабаровского края исследователем и знатоком традиционной культуры нанайцев Н.Б. Киле. В аудиоприложение к тому вошли сказки целиком или в отрывках.

В 1998 году вышел том 18 *Фольклор удэгейцев: Ниманку, тэлунгу,*

ехэ. Книга является первым академическим изданием удэгейского фольклора. В нее включены 78 текстов разных жанров. Большая часть текстов записана в полевых условиях в течение последних 30 лет. В основу тома легли тексты из личного архива одного из лучших знатоков культуры удэгейцев, составителя тома В.Т. Кялундзюга. Здесь же опубликованы архивные записи, в том числе впервые по полевым дневникам подготовлены к печати удэгейские фольклорные тексты, собранные в начале XX века выдающимся исследователем Дальнего Востока В.К. Арсеньевым.

Следует добавить, что вышли и из печати монографии:

- **Кормушин И.В.** Удэгейский (удэгейский) язык: Материалы по этнографии. Очерк фонетики и грамматики. Тексты и переводы. Словарь. – М.: Наука, 1998. Публикуется часть фольклорных текстов с переводами из большого собрания автора.

- **Старцев А.Ф.** История социально-экономического и культурного развития удэгейцев (середина XIX–XX вв.). – Владивосток: ДВГУ, 2000. См. раздел «Народное творчество».

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (Владивосток) совместно с другими научными учреждениями страны и издательством «Наука» (Санкт-Петербург) издает серию историко-этнографических коллективных монографий *«История и культура народов Дальнего Восто-*

ка». Она предназначена для этнографов, историков, краеведов, филологов и всех, кто интересуется дальневосточной историей и культурой. В серии изданы:

- **История и культура ульчей в XVII–XX вв.** Историко-этнографические очерки. Коллектив авторов (Л.Я. Иващенко, Н.Б. Киле, А.В. Смоляк, А.Ф. Сиарцев и др.). – СПб., 1994. См. «Язык и фольклор».

- **История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки.** Коллектив авторов (Н.В. Кочешков, А.П. Самар, В.А. Туголуков). – СПб., 1997. Первое в отечественной историографии комплексное исследование, охватывающее все основные территориальные группы эвенов. См. гл. «Фольклор».

- **История и культура орочей. Историко-этнографические очерки.** Коллектив авторов (В.А. Тураев, С.В. Березницкий, В.В. Подмаскин). – СПб., 2001. См. гл. «Устное народное творчество». Орочский фольклор опубликован в монографиях: «Орочские сказки и мифы». Сост. В.А. Аврорин и Е.П. Лебедева (Новосибирск, 1966) и «Орочские тексты и словарь» В.А. Аврорина и Е.П. Лебедевой (Л., 1978).

Что касается **негидальцев**, то в своем классическом труде «Путешествие на север и восток Сибири» (СПб. 1860, ч.1; 1878, ч. 2) А.Ф. Миддендорф впервые описал все девять негидальских родов. Предания о происхождении негидальских родов включил в свою монографию Л.Я. Штернберг «Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны». В 1982 году вышла книга В.И. Цинциус «Негидальский язык». В ней представлены сорок образцов устной словесности негидальцев, в том числе двенадцать преданий и легенд. О разнообразных жанрах в современном состоянии негидальского фольклора пишут сотрудники Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН М.М. Хасанова и А.М. Пивнов («Языки народов России. Красная книга». М., 2002; «Кунсткамера: Этнографические тетради». Л., 1998, вып. 12 и др.); старший преподаватель ХГПУ В.В. Лебедева («Национальное образование: реалии и перспективы». Хабаровск, 2003) и др.

Публикация малых народов Дальнего Востока продолжается, а проводимые исследования носят все более комплексный характер (см., например, научные работы Е.В. Шаньшиной). Впереди новые открытия и встречи с новинками литературы.

лектах нивхского языка.

- Лопатин И.А. Гольдские сказки – Петроград, 1917. Живая старина. 1916 г.

- Лопатин И.А. Гольды Амурские, Уссурийские и Сунгарийские: Опыт этнографического исследования. – Владивосток, 1922. Вошли предания и легенды.

- Шимкевич П.П. Обычаи, поверья и предания гольдов. // Этнографическое обозрение, 1897, вып. 3, кн. 3-4.

- Шимкевич П.П. Материалы для изучения шаманства у гольдов. (В IV гл. гольдские сказки и легенды). // Записки Приамурского отделения Императорского Русского географического общества. – Хабаровск, 1896. – т. 2, вып.1.

- Протодьяконов Тр. Гольдские песни, былины и сказки. // Записки общества изучения Амурского края. – Владивосток, 1896. – т. 5. Вып. 1.

- Маргаритов В.П. Об орочах Императорской гавани. СПб., 1888. (Вошли сказки и сказание).

- Пилсудский Б.О. Только в конце XX – начале XXI века на-

Иван Иванович Галактионов, военный моряк, капитан первого ранга. Детство прошло в селе Терентьевка Мелекесского района в семье крестьянина-середняка. Лес, который казался ребятам Вселенной, речка, собирание грибов и ягод, заготовка дров на зиму, охота на зайцев – все это оставило в душе мальчика самые светлые и теплые воспоминания на всю жизнь.

Бабушка Наталья Петровна знала много сказок, песен, побасенок и поговорок, умела интересно рассказывать о святых апостолах, о сотворении Богом Вселенной. «Как сейчас помню, – пишет Иван Иванович в своих воспоминаниях, – длинные зимние вечера. На улице мороз 20–25 градусов. Захочется нам выйти на улицу, но одним боязно, темно. Просим бабушку пойти с нами.. Выйдем с ней во двор, потом на улицу. В морозной тишине где-то на окраине села лает собака. Недалеко от нашего дома скрипнула калитка. Кто-то вышел во двор. На темном небе блестят мириады звезд, на востоке из-за леса поднимается луна золотистым диском, а вокруг нее белесый ореол – признак скорого ненастья».

С 1943 года Иван Галактионов был призван на военную службу, воевал на военных кораблях, имеет боевые награды... С 1974 года он почетный пенсионер, член клуба ветеранов «Морская душа». В своих воспоминаниях и рассказах щедро делится впечатлениями о походах, о том, что видел в плаваниях. Вместе с другими участниками войны Иван Иванович встречается со школьниками, он почетный лектор хабаровского общества «Знание». Несмотря на солидный возраст, по-прежнему любит охоту, рыбалку, глубоко чувствует и понимает природу. Об этом его многочисленные рассказы.

Ветерсберегов детства

Иван ГАЛАКТИОНОВ
Хабаровск

Поймали зайца

Село Терентьевка со всех сторон окружено лесом, богатым лесными дарами. Вдоль леса, за огородами протекает небольшая речушка Подбелка. В этой речушке и двух прудах водится разная рыба. Сама природа создала для жителей села земную благодать. Дрова, сено, ягоды, грибы, рыбалка, охота – все рядом. Только не ленись и пользуйся этим богатством!

С ранних лет я люблю лес. Еще мальчишкой ходил собирать ягоды, грибы, орехи, цветы. Со сверстниками бегали по полянам, лазали по деревьям, пили березовый и кленовый сок. А повзрослев, в лесу пришлось и трудиться: готовить дрова, косить траву, работать на посадке деревьев. Сколько себя помню, я всегда с жадностью слушал рассказы сельских рыболовов и охотников о том, как они охотились на зверей и птиц, о богатых трофеях. Одним из таких людей был Александр Николаевич Аверьянов. Возвращаясь с охоты, он часто приносил из леса глухарей, тетеревов, рябчиков, зайцев. Чучела добытых птиц и животных он мастерил сам.

Я не пропускал случая, чтобы посмотреть, как Александр Николаевич готовился на охоту. Ружье у него было двухствольное шомпольное 12-го калибра. Внимательно наблюдал, как он, отвешивая на маленьких весах заряды пороха, дробь, высыпал их в небольшие деревянные пенальчики, разделенные пополам. Отдельно с одной стороны – порох, с другой – дробь или картечь. Делал все аккуратно, не спеша. Мне, сидевшему с ним рядом, очень хотелось потрогать руками ружье, дробь, пистоны и другие охотничьи принадлежности, но Александр Николаевич вежливо, вместе с тем строго говорил: «Сейчас нельзя, еще рано. Вырастешь большим, будет у тебя и ружье, и на охоту ходить будешь».

Как я тогда горел желанием скорее стать взрослым и так же, как взрослые, ходить на охоту, на рыбалку!

Постепенно моя мечта стала осуществляться. Бывало, мы, ребятня, соберемся ватагой человек пять-семь и отправляемся в лес охотиться на зайцев. Сроки охоты мы не соблюдали, да и не знали их. Для нас было безразлично осень это или лето. Охотились на зайцев способом загона. Обычно уходили в лес, на Горку (так называ-

ется место за речкой, совсем недалеко от села). Выбирали участок, где вероятнее всего могут быть зайцы. Один из нас, у кого было ружье, вставал с ружьем на какой-либо дорожке или на просеке, а все остальные ребята шли в загон. Разойдясь в правую и левую сторону друг от друга метров на 50–70, цепью, с криками, шумом и гамом шли по направлению к стрелку.

От нашего крика с места срывалась всякая обитавшая в лесу живность. Птицы улетали, а зайчишки убегали в сторону охотника и там попадали под выстрелы. Охота почти всегда была успешной. С добычей возвращались к речушке Подбелке. Тут разделявали зайца. Кто-то из ребят собирал дрова и разводил костер, кто-то ходил «добывать» картошку и лук в чужом огороде. В ведре или чугуне, взятом из чужой бани, варили суп с зайчатинной и с большим аппетитом уплетали варево. В ту пору у нас была загвоздка с боеприпасами: с трудом доставали порох и дробь. Заряды делали уменьшенными, их называли полузарядниками. Дробь, картечь, пули делали сами из баббита, выплавленного из подшипников, добытых украдкой с эмтээсовских комбайнов.

До 1940 года своего ружья у меня не было. На охоту я ходил с ружьем, взятым «напрокат» у Федора Ильича Лапина. Стрелял уток, рябчиков, горлинок. Позднее Федор Ильич дал мне на временное пользование ружье, без приклада. Я сам сделал к нему ложе, мало чем отличавшееся от заводского. С этим ружьем я охотился до призыва на военную службу в 1943 году.

Добытчик с Подбелки

У рыбалки свои прелести. Только одни сборы чего стоят. Здесь важно все: и чем ловить рыбу, и в чем идти на рыбалку, особенно зимой. Надо знать особенности и повадки рыб, места, куда направляешься на ловлю, какую приманку использовать в то или иное время года. Много значит и то, с кем ты идешь на рыбалку. И многое-много другое, от чего зависит хорошая рыбалка.

Зато сколько удовольствия получаешь, когда подвернется удача вытащить из воды крупную щуку, увесистого золотистого сазана, красавицу ауху или двухкилограммового сига, уж не говоря о таймене! Приятно и радостно возвращаться домой с полным садком пойманной тобой рыбы. Но случаются и огорчения. То рыба не ловится из-за непогоды, то леска оборвалась, то «самая крупная» рыбина сорвется с крючка. Много бывало разных приключений! И смешных, и опасных. На рыбалке, как и на охоте, случается всякое.

Первый в моей жизни выход на рыбалку состоялся в раннем детстве. Было это весной 1930 или 1931 года в селе Терентьевке. Снег на полях растаял, очистились ото льда пруд и речка Подбелка, полая вода пошла на убыль. Сельские мужики с саками и ботами вышли рыбачить. Подбелка протекает вдоль села, недалеко за нашими огородами. Увидев рыбаков на речке, я направился к ним напрямик через огороды. Мне так хотелось быть рядом с ними, посмотреть, как они ловят рыбу!

Земля на огороде растаяла, но еще не подсохла. С трудом я сделал шагов двадцать-тридцать по огороду и сразу утонул по колено в грязи. Попытка выбраться, но с каждым шагом еще больше залезал в раскисшую землю.

Испугавшись, я стал истошно реветь. На помощь ко мне прибежала соседка наша Мария Васильевна Агапова. Вытащив меня из грязи, доставила домой. Родители немало пожурили меня за то, что ушел «на рыбалку» без разрешения. Отмыли от грязи. Посочувствовали моей «беде», а потом часто подтрунивали надо мной, вспоминая мою «первую рыбалку».

Когда я подрос, на рыбалку ходил часто. В пруду ловили бреднем, в речке – сачком. Попадались мелкие рыбешки: щурята, караси, налимы, сомики, вьюны, окуньки и пескари. С удочками ходили рыбачить на реки Тию и Черемшан. Там ловились рыба более крупная. Пойманную рыбу собирали в ведро с водой.

По окончании рыбалки улов делили на равные части. Складывали кучками. Потом один из нас отворачивался в сторону, чтобы не видеть рыбу, а другой, показывая пальцем на кучку, спрашивал отвернувшегося: «Кому?» Тот называл по очереди: «Кольке, Мишке, Ваньке», и так далее, пока не окончится дележ.

Свою долю за неимением другой «тары» чаще всего складывали в картузы или подола рубашек и несли домой. Родители старались похвалить за улов. Называли меня «рыбаком», «добытчиком»... От удачной рыбалки и похвал у нас, карапузов, гордости и радости не было конца. Желание ходить на рыбалку перерастало в твердую привязанность к этому «промыслу», и мы занимались ловлей рыбы очень часто.

С началом Отечественной войны мы, малолетки, оказались вынужденными работать вместе со взрослыми, рыбалкой заниматься было некогда. Но и тогда изредка ходили «половить на уху».

В лес за грибами

Несколько лет назад я рассказывал внучке Верочке придуманную мной сказку про медведя. В ней говорилось о том, как, собирая в тайге кедровые шишки, я встретился с медведем. Мишка ворчал, проявлял недовольство тем, что я собирал в его лесу орехи. Однако, несмотря на это, говорил я, орехов для внучки я набрал. Верочка очень любила слушать сказку про косолопаго.

В этом рассказе речь пойдет о настоящей встрече с медведями, мало похожей на сказочную...

... Возвратясь из леса, я поднялся на третий этаж и позвонил в свою квартиру. Дверь открыла жена Вера. Едва переступив порог, снял рюкзак, в котором была корзина с грибами, и с усмешкой, сиплым голосом спросил ее:

– Что ты сегодня видела во сне?

– А что случилось? – вопросом на вопрос ответила жена.

– Дрался. С медведем

– Как? С каким медведем?

Подавая ей палку, принесенную из леса, и стараясь успокоить испуганную супругу, я сказал:

– Что было, то уже позади. Я, как видишь, жив и здоров. А вот эта палка – моя спасительница.

Сбросив походную одежду и присев рядом с побледневшей Верой, я стал рассказывать о событиях, происшедших 18 августа 1984 года.

Накануне вечером мы с женой договорились, что завтра она поедет в кассу аэрофлота за билетами, а я перед отпуском схожу в лес за грибами. Напарника долго искать не пришлось. Позвонил по телефону приятелю Евгению Романовичу Зорину, он сразу ответил согласием.

Доехав до 20-го километра, мы с Евгением Романовичем вышли из автобуса, приготовили корзины, закинули за плечи рюкзаки и, свернув влево от дороги, зашли в лес, предвкушая грибную удачу. Как заправские грибники срезали палки. Я срезал ореховую, но она оказалась кривоватой и не очень надежной. Хотел найти другую, но лучшей мне не подалось, и так эта палка осталась в моих руках.

Шаг за шагом углубляемся в лес. Чтобы не разойтись далеко и не потеряться, временами перекликаемся, пересвистываемся. То тут, то там слышны: «Ау! Ау!» Несколько человек, повстречавшихся нам, вероятно из близлежащих селений, уже с грибами направлялись в сторону дороги.

Вдруг стали попадаться дубы, стволы которых поцарапаны когтями, а верхушки обломаны. На земле вокруг валяются поломанные ветки, на них листья еще не успели завянуть, оборванные желуди, часть из них погрызенные. По всему видно: здесь питался хозяин тайги – медведь.

Пройдя еще немного, я вдруг услышал сильный треск сучьев и шум кустов, а потом увидел метрах в семидесяти от меня бегущего зверя, но из-за частых кустов сразу его не определил.

Я остановился около молодой осинки и стал смотреть. Сначала подумал, что мы спугнули с лежки козу или изюбра. Потом увидел, как в кустах быстро мелькали черные спины бегущих зверей, сначала показалось, что это стадо кабанов, убегающее от меня. Но через несколько секунд рассмотрел быстро бегущего уже в обратную сторону... медведя.

Завидев меня, зверь резко свернул и большими прыжками помчался навстречу. С быстротой молнии в сознании промелькнула мысль: «Только бы не струсить, не побежать! А то плохи твои дела, Иван Иванович, будешь ты помят и искусан или причесан когтистой лапой медведя. Наступит конец твоим таежным похождениям».

К счастью, самообладание в тот миг взяло верх над испугом. Я быстро опустил на землю корзину и встал как вкопанный. Единственным оружием для защиты от зверя в моих руках была та самая ореховая палка, которую все хотел бросить и заменить другой. Был в кармане перочинный нож, но о нем в этот момент почему-то не вспомнил.

Стараясь отпугнуть косолапого, я закричал что было мочи, но на зверя это не подействовало. С каждым прыжком расстояние между мной и разъяренным медведем сокращалось. Я уже видел его взъерошенную на спине шерсть и закругленные торчащие вверх уши. Ощущал его дыхание. Подскочив ко мне метра на два, медведь в мощном порыве привстал на задние лапы. Рост его оказался на уровне моего. Мне запомнились маленькие черные злые глаза, черная кожа на носу, разинутая пасть с острыми белыми зубами и мокрым бледно-розовым языком. Я успел разглядеть грязно-зеленоватые подуш-

ки передних лап с черными длинными когтями, белую полосу на медвежьей груди.

Медведь прыгнул на меня. В тот же миг я изо всех сил ударил палкой зверя по морде. Удар пришелся по самому носу, я даже почувствовал, как медвежья пасть клацнула зубами. От боли медведь взревел со страшной силой и, задев мой левый бок, проскочил мимо (я успел чуть uklonиться вправо и поэтому устоял на ногах). Корзина опрокинулась, грибы из нее разлетелись в разные стороны. Медведь, продолжая реветь, убежал вперед по лесу на косягор. В тот же момент я увидел метрах в сорока небольшого медвежонка. Он продолжал бежать в том же направлении, что и взрослый медведь до того, как увидел меня.

Тут я понял, что это была медведица с малышом. Медвежонок-сеголеток, высотой более полуметра, в длину сантиметров около семидесяти.

Медведица убежала все дальше и дальше, а ее грозный рев еще долго разносился по лесу.

Вскоре прибежал запыхавшийся Евгений Романович.

– Что тут было? – спросил он.

– Медведица с медвежонком... пыталась напасть на меня. Вот смотри, ее работа... – сказал я, все еще не оправившись от стресса.

На листьях и траве мы увидели следы медведицы. Прыжки ее были трехметровой длины. В том месте, где она приподнялась на задние лапы и в прыжке намеревалась сбить меня с ног, трава и листья глубоко содраны когтями. Сломаны два небольших деревца и сучок. Они оказались на пути бежавшей медведицы. На коре молодой осины, около которой я стоял в момент нападения, виднелись три глубокие царапины – следы ее когтей.

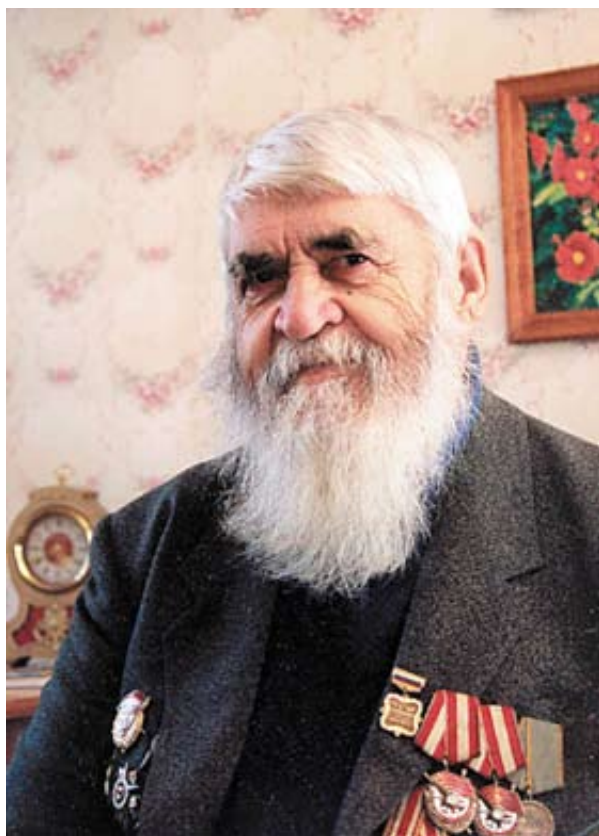
Если бы я не успел ошеломить ее ударом палки по морде и uklonиться от прыжка, досталось бы мне основательно.

Немного успокоившись, мы с Евгением Романовичем продолжали искать грибы, а из головы никак не выходили мысли о встрече с медведями. Пройдя немного от места происшествия, обнаружили еще несколько крупных дубов с обломанными ветками на вершинах. На одном из них кора сильно поцарапана медвежьими когтями. А когда мы взглянули наверх, увидели на дубе огромное гнездо. Оказывается, медведи на вершине обломали все ветви, в том числе крупные сучья и сделали из них настил, подобный гнезду, размеры которого были не менее двух метров в диаметре. Здесь они кормились и спали.

С тех пор я часто задавал себе вопрос: почему же медведица проявила такую агрессивность и пыталась напасть на человека? Наверное, дело в том, что грибники пришли в то место, где медвежья семья уже много дней и ночей лакомялась в дубняке желудями.

Медведи были потревожены людьми, их криками, свистом и шумом. Инстинкт защиты детеныша проявился с особой силой, когда медведица почувствовала, что она окружена людьми со всех сторон, вот и бросилась на меня – первого, кто повстречался на ее пути.

С тех пор прошло много времени. Эта необычная встреча с медведицей служит поводом для размышлений. А палка-спасительница до сих пор стоит у нас в квартире на почетном месте, в переднем углу.

КЛИПЕЛЬ Владимир Иванович – писатель, художник, краевед. Почетный гражданин Хабаровска, участник Великой Отечественной войны. Тема войны, сражений, участником которых ему довелось быть, нашла отражение в творчестве писателя. Его романы «Медвежий вал», «Испытание на верность», цикл очерков об однополчанах «Солдаты Отечества», дополненные архивными документами и перепиской с ветеранами войны, воссоздают фронтовые будни 1941–1945 гг.

Вторая тема, которая лежит в основе творчества писателя, – это уникальная природа Дальнего Востока. Свои впечатления о путешествиях по таежным маршрутам Владимир Клипель описал в повестях и очерках «Дебри», «Улыбка Джугджура», «Лесные узоры», «Попутчики», в которых личные наблюдения подкреплены глубокими энциклопедическими знаниями. Кроме того, Владимир Иванович, который в 2006 году отметил свое 90-летие, занимается живописью, резьбой по дереву, находя в этом занятии неиссякаемый источник вдохновения. Сборник «Праздные наблюдения», выпущенный Хабаровским региональным отделением Союза писателей, – это размышления Владимира Ивановича о жизни, времени, судьбе. Это та самая «заря вечерняя», когда хочется оглянуться на прожитое и неспешно поделиться своими раздумьями.

УСЛАДА ДЛЯ ДУШИ Из «Праздных наблюдений»

Владимир КЛИПЕЛЬ
Хабаровск
Графика автора

Жизнь – это работа и работа. Плуг железный, и тот в работе блестит, а без нее ржавеет. Не позволяй душе лениться. Отдыхает душа, дай дело рукам. Помимо основной работы имей в запасе дело, которое веселит и доставляет тебе радость. В ней твое избавление от тяжких ударов судьбы и переживаний.

Вокруг нас в камне, дереве, растениях и живых существах скрыта в изобилии еще не познанная красота. Вот я освободил резцом малую частицу ее, и это моя радость, услада душе, не имеющая ценностного обозначения, но так мне необходимая. На этот счет к нам пришло грубое, царапающее слух русского словечко «хобби». Я не приемлю его и оставляю за собой право на «усладу». Усладой для меня много лет была живопись, а теперь еще и резьба по дереву.

Я все ждал, что счастье будет где-то далеко впереди, мне казалось, что оно трудное, надрывное, почти не-

достижимое и какое-то особенное. А оно шло рядом, за спиной, тихое и неброское. Оказалось, что те дни и дела, которыми я занимался, те ровные отношения с людьми, меня окружающими, и были днями моего счастья. Только понял это, когда прошли годы и настало время оглянуться назад: оно было! Было!

Человек во многом зависит от природы, от ее состояния. Холод, ненастье – холод в душе, и ничего с этим не поделаешь. Надо просто ждать перемен и жить дальше, по примеру старого якута: «Холод, дождь – хорошо! После них появится солнышко, будет тепло!»

Утром с сыном выехали на дачу в Виноградовку. Солнечно, жарко, в незамутненном небе неторопно плывут белые кучевые облака, ровные, не заслоняющие солнца. Работали без рубах, я даже припалил себе кожу. Ласточки доверчиво снуют над нами, залетают в проемы двери и окон, а воробьи и вовсе оказались под сеткой вместе с цыплятами. Все зелено, цветет, и особенно густо – яблони. Не дерево, а невеста в свадебной фате. Как всего этого не хватает нам – горожанам! Как тоскуют душа и руки по простой, обыденной работе на подворье! Чтоб вместе с усталостью приходило душевное успокоение и никаких там нервов.

Как сладок запах сухого березового корня, когда работаешь и вскрываешь его нутро острым ножом и стамесками. Пахнет весенним соком, корой, свежим баным веником, запаренным в кипятке. К широким срезам хочется прильнуть щекой, так они гладки, так нежна их поверхность! Дерево – моя любовь, моя слабость. Оно духовитое, оно ближе, оно всегда рядом с нами от нашего рождения и до конца жизни. Не могу отказать в некоторой духовности и камню, но лишь после его обработки, когда он согрет теплом терпеливых человеческих рук. Особенно любы мне зрелые ивы-ракиты-вербы, как их называют, растущие на наших приречных лугах. Они такие просторные, не скованные тесным жизненным пространством, развалистые, как славно потрудившийся человек, дозволивший дать себе отдых. На лугах они смотрятся зелеными шатрами неведомых кочевников, и травы меж ними колышутся волнами. Такими я их помню с детства...

С понедельника начинается Масленица. Ее принадлежностью, такой же, как куличи на Пасху, является масляный блин, символ животворного солнца и народного, здоровья, пожелание, чтоб у всех была круглая и румяная мордашка. А в конце недели прощенный день, когда надо просить прощения у старших и самому прощать обиды. Близкие труды на земле требовали единения, чтоб работе не мешали давние распри.

Нынешняя Россия тоже требует согласия, но как его достичь между теми, кто работает, и теми, кто ворует?

Наши беды – нищета, безработица, задержки платы за работу, пенсий, исходят от одной главной беды: страна чрезмерно перегружена чиновниками всех мастей, силовыми структурами для внутреннего пользования – для удержания власти тех, кто больше украл в смутную пору. Общественная пирамида лишилась устойчивости, она напоминает ваньку-встаньку, поставленного вверх ногами: в основании весьма шатком – полуразвалившиеся сельское хозяйство и промышленность, а над ними раздутый верх, жадно высасывающий все жизненные соки. Должны же быть какие-то разумные пределы разбуханию бюрократии!

Из письма А.П. Чехова 1890 года. «Китайцы возьмут у нас Амур – это несомненно. Сами они его не возьмут, но им отдадут его другие, например, англичане, которые в Китае губернаторствуют и крепости строят. По Амуру живет очень смешливый народ; все смеются, что Россия

хлопочет о Болгарии, которая гроша медного не стоит, и совсем забыла про Амур. Не расчетливо и не умно»!!! Более ста лет назад, а будто о нас – сегодняшних сказано. Хлопочем о сербах в Косово, о Чечне, и совсем забыли о проблемах Севера и Дальнего Востока. И опять, не сами китайцы полезут на нас, а выкупят Дальний Восток у американцев за долги наши, в которые мы влезли по самые уши, так, что не расплатиться и за сотню лет. Такой вариант возможен?

Опять из писем А.П. Чехова, 1890 год. «Китайцы напоминают мне добрых ручных животных. Косы у них черные длинные, как у Натальи Михайловны»...

Вот уж обманчивые представления! Китайцы очень склонны к мимикрии, а в душе люди жесткие, упорные и ради выгоды не спустят и своему. Жизнь на протяжении тысячелетий выковала им такой характер, обрекая

балансировать на грани выживания. Встречая в 1945 году нашу армию, освободившую их от японцев, они выказывали массовый восторг, размахивая перед нами бумажными флажками, желая тысячу лет жизни и... через неделю на уличных базарах без зазрения совести продавали нашим солдатам отравленную водку. Травили, как заклятых врагов, как и ныне, эфедрином. Доверяться им в торговых делах нельзя, тут же обманут, подсунут гнилье, все надо проверять, чтоб не попасть впросак. Народ хоть и умелый, трудолюбивый, но хищник по складу души и таким его надо принимать. Не иначе...

Люди все больше отгораживаются от мира замками, решетками, железными дверями, лишая себя воли. Законопослушные граждане с наступлением темноты спешат укрыться в жилище – своей норке, а на воле широко, распахнуто чувствуют, ведут себя воры, грабители, мошенники всех мастей. Пошел было к приятелю поздравить его с праздником. А дверь подъезда на замке, не зная шифра, не откроешь. Поцеловал пробой и вернулся домой! В стране созданы когорты силовых структур, чуть ли не равные по численности армии, а изменить положение не могут: по сути, нас, как овец от волков, на ночь загоняют в корали. Видимо, не с того конца берем-ся решать проблему! Или нынешнее положение кого-то устраивает?

«Повинуюсь своим склонностям и прихотям; это мое несчастье и, может быть, моя самая большая радость», – так сказал о себе Пикассо. Но в высказываниях о нем, в воспоминаниях, промелькнуло другое: он поклялся разрушить искусство. Думаю, что не получив широкого признания за свои первые работы, такие как «Девочка на шаре» и «Арлекин», он, наверное, ощутил злобное чувство зависти и решил подменить прекрасное уродливым и бессмысленным, и в этом разрушении достиг большего, чем в искусстве. Само общество переживало болезненный кризис, пресыщенное, оно жаждало новых откровений, и Пикассо их преподнес. Стоит мне глянуть на его портрет, на глаза с налетом какой-то сумасшедшинки, и я вижу в них огонь ненависти, злобную энергию разрушения. К сожалению, сама природа наградила разрушителя злобной энергией, неукротимой, сметающей препятствия на пути к цели.

Авангардизм, абстракционизм и прочие отпочковавшиеся, в последнее столетие проявившиеся направления не более, как ракушки, налипшие на днище корабля, далекие от искусства. Произведения художественные несут в себе заряд духовности, они идут от сердца, от души человека, в то время как авангардизм – произведение ума. Это ребусы, кроссворды, назовите как-то иначе. Произведения авангардизма требуют разгадки, изложить их смысл порой затрудняется сам автор. Мне даже кажется, что такие произведения есть плод болезненного воображения, надломленной психики, а порой – простой спекуляции на загадочности изображения ради известности. Многие следуют велению моды, не задумываясь

над смыслом. Такие дилетанские мысли бередят порой мою душу. В авангардизме заложен политический заказ на разрушение личности, и это самое печальное, чего не хотят замечать.

Беранже говорил, что человек сам создает свой ад. Все, что несет в себе, как бы заложено в нем – все трудности, неудачи, победы. А мой фронтовой друг, капитан, с которым я полтора года шел бок о бок по фронтовым дорогам, из-за тяжелого ранения ставший инвалидом, поваром, говорил на этот счет проще: «Человек подобен колбасе. Чем его набьют, то он в себе и носит до самого гроба!»

Чего нельзя делать после шестнадцати, так это считать себя взрослым на том основании, что получен паспорт. Взрослость начинается, когда человек не только берет от общества, но и сам что-то отдает. А это происходит порой много позднее, иногда чуть не к тридцати годам. Причина в затягивании сроков обучения. Престижность высшего образования толкает иногда молодежь к профессиям, которые им не по душе – лишь бы в институт, а узнав, что их ждет, меняют направление.

Великая Отечественная война... В зрелом возрасте для людей, прошедших через испытания, это огромный жизненный материал, анализ которого помогает уяснить главные закономерности исторического процесса, свою роль в нем как гражданина, свой долг перед Отечеством и необходимость этих чувств. И, конечно, память о войне должна претворяться в уважение и заботу о тех, кто защищал Родину. Без этого патриотизм – только слова, слова...

Любоваться гармонией и прекрасным естественно для каждого. А они могут проявляться не только в камне: в цветущих садах и пыльных стенах древнего сооружения, в гремящем накате морской волны и в диком развале скал на вершине горного хребта, в грации животных и в простом золотистом песке, просыпающемся из горсти сквозь пальцы. Все это природа в ее мудрой и прекрасной гармонии. Уметь наслаждаться ею – залог душевного здоровья...

В.С. вычитал в письмах Толстого, что боль и страдания и есть жизнь, а богатство и безудержное удовольствие – смерть. Думаю, что под этим подразумевается не смерть физическая, а гибель человека как гражданина – личности. Страдания и смерть вызваны самой природой человека, они индикаторы: достигая предела, становясь невыносимыми, толкают народы на переустройство общества, на социальные потрясения.

Поиски счастья такая хитрая штука, что посвящать жизнь лишь его достижению – напрасный труд. Надо просто жить, не препятствуя велениям самой природы. Ищем его далеко, за тридевять земель, кидаемся за тем, что блескучей, а оно рядом, в повседневной жизни: в достижении посильных целей, в труде, который по душе, в семейной согласии, в добром здоровье. Но долгого постоянного счастья не бывает, оно как взлеты, после которых случаются и падения, либо с плавным приземлением, либо резкое с тяжкими ушибами. Такие периоды надо просто терпеливо переживать, как непогоду, как явления, предначертанные судьбой. В итоге, на финише, имеете право сказать, что вы счастливы.

Вечером после дождя на востоке густо синело небо, там еще оставались облака. На этом фоне чисто, пронзительно бело, с налетом предзакатного румянца, сияли стволами стройные березки. Чистота была необыкновенная, какая-то необъяснимая, и нежность исходила от этой предзакатной картины... Такие световые эффекты удалось отразить в картинах лишь Куинджи.

Ничто в памяти человека не держится так цепко, как картины далекого детства. Они отрадны для души, омывают ее, как «слепой» дождик землю в жаркую пору августа, когда сыплется он крупными алмазными каплями, пронизанный солнечным яркими лучами, а вслед ему по небу выгибается цветистая радуга. У Грина есть слова, что детство живет в человеке до седых волос. Я бы сказал, что еще дольше, до конца жизни.

Экслибрис. Наталья Чернецова. Рига (Латвия)

ЕДИНОЕ ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТУРЫ

Галерея «Palazzo» (Хабаровск)

Дни встреч и раздумий

Светлана ФУРСОВА
Фото Елены ГЛЕБОВОЙ

Концерт Дальневосточного симфонического оркестра под управлением дирижера Эккарта Шлойфера (Германия)

Заслуженная артистка России Ирина Никифорова (Хабаровск)

Заслуженный артист России Николай Лоскуткин (Новосибирск)

В девятый раз на фестивале Дней немецко-российской культуры встретились в Хабаровске представители двух народов, чтобы на языке художественных выразительных средств: музыки, пения, пластики, красок и графики, продолжить диалог. Как сказал директор экономического отдела, первый советник Посольства Федеративной Республики Германия в Москве Вольфганг Дик: «У меня такое чувство, что между россиянами и немцами это получается уже очень хорошо, даже через расстояние в 10 000 километров».

Выставочный проект «Германия, взгляд с неба»

Вокальный ансамбль «Dialog a' cappella» (Хабаровск)

«9» – спектакль-инсталляция театра КНАМ (Комсомольск-на-Амуре)

Одна из «комнат» в спектакле-инсталляции «9»

Вячеслав Курицын – журналист, литературный критик (Санкт-Петербург)

В этом году девизом фестиваля, главным организатором которого выступает хабаровская Евангелическо-лютеранская община Святого Иоанна при поддержке Министерства культуры края, стала строчка из стихотворения Булата Окуджавы: «Расслышать друг друга...».

Разумеется, это невозможно без новых интересных идей как с одной, так и с другой стороны, именно они стирают стереотипы мышления и призывают человека увидеть мир таким, каков он есть – прекрасным, вечным, гармоничным, когда каждый народ говорит на своем языке, но все понимают друг друга без переводчика. Ибо язык подлинного искусства призван соединять, а не разобщать людей.

Так, открытие фотовыставки «Германия, взгляд с неба», которую предоставило Посольство Германии в Москве, имеет сегодня немаловажное значение. Фотографии германских городов, сделанные немецким воздухоплавателем из Йены Эрнстом Вандерслебом с высоты птичьего полета еще до Первой мировой войны, – это своеобразное сентиментальное путешествие в прошлое Германии.

Вооруженный самой современной на тот момент фототехникой молодой физик Вандерслеб поднялся в воздух на воздушном шаре и с помощью пластиночного фотоаппарата сделал более 400 фотографий, на которых запечатлены не только замки, дворцы и площади, но и деревни, хутора, промышленные объекты. Часть этой коллекции – одного из крупнейших собраний аэрофотографий периода до Первой мировой войны – была представлена немецкой стороной на выставке в Хабаровске.

Экспозиция коллекции разместились в трех залах. И если в первом зрителей не оставляло ощущение полета над маленькими и большими германскими городами, с их едва различимыми в утренней дымке очертаниями улиц, рек, ландшафтов, то в другом поражали внимание виды довоенного Дрездена во всем великолепии архитектуры барокко. И наконец, в третьем зале снимки запечатлели то, что осталось от прекрасного города после войны: мертвые руины, пепел, сожженные дома... Не правда ли, как похоже на российские города после бомбежек и нашествия гитлеровской армии!

Но чтобы не завершать путешествие по Германии на столь печальной ноте, в этом же зале, среди фотографий послевоенной Германии, демонстрировался фильм о восстановлении Дрездена. И казалось, что прямо здесь, на твоих глазах, словно по волшебству встает из руин та, по определению Эриха Кестнера, «несравненная красота», сметенная с лица земли за каких-нибудь два часа февральской ночью 1945 года. Но это «волшебство», в результате которого Дрезден вновь сделался частью городского пейзажа, – итог невероятных усилий многих и многих просвещенных немцев, воспринимающих всякую войну как общечеловеческую беду, уносящую множество жизней ни в чем не повинных женщин, детей, стариков.

В рамках Дней немецко-российской культуры в краевой столице состоялись конкурсы, доклады, показ кинофильмов, выступление вокального ансамбля «Dialog a'cappella», который давал возможность услышать голоса далеких эпох и современников, а также презентация очередного номера журнала «Словесница Искусств», посвященного теме «Дальний Восток в пространстве Мифа и Легенды». Авторами замечено, что с приходом на Дальний Восток переселенцев из российских губер-

ний, а также Украины и Белоруссии, в мифы и легенды постепенно стали вплетаться славянские образы, а с распространением Православия начали происходить чудеса, которые легли в основу христианских легенд.

Премьеру нового спектакля «Девять» показал на фестивале театр из Комсомольска-на-Амуре КНАМ. «Девять» – это девять комнат, в каждой из которых зритель, пришедший на спектакль, находится всего девять минут. В течение этого времени он может использовать шанс и проявить себя, вступив во взаимодействие с пространством, звуком, человеком. Поэтому содержание каждого спектакля меняется в зависимости от ощущений и действий тех, кто его наполняет.

Один из гостей фестиваля – Вячеслав Курицын. Журналист, создатель и ведущий сайта «Современная русская литература», лауреат премии Андрея Белого, составитель антологии «Стихи в Петербурге. XXI век» выступил с лекцией «Мутация информационного поля в России последних 20 лет: от глотка свободы до ведра помоев». Однако заявленная в заголовке эпатажная тема неожиданно обернулась исповедью человека, который находится на пороге глобальных перемен, ибо мир, в котором мы живем, по мнению Курицына, неуклонно катится к катастрофе четвертой мировой войны, которая уже давно идет между двумя мирами – христианским и мусульманским. Как всякая война, она призывает к подвигам и ждет новых героев, а если точнее, жертв и крови. А пропагандист постмодернизма и журнала «Огонек» Вячеслав Курицын, родившийся в один день с вождем мирового пролетариата, издавший несколько сборников неоднозначной прозы, от публицистики до боевика, не хочет совершать подвигов и проливать кровь. Как творческий человек он пребывает нынче в некоторой растерянности, которая сродни кризису поколения, единственный выход из которого он видит в том, чтобы не включать телевизор и не читать газет (пресловутое «ведро помоев»).

Похоже, что проблемы и размышления молодого литератора о времени и о себе – это проблемы многих талантливых людей независимо от места проживания, будь то Россия или Германия. Проблемы, от которых не спасает даже немислимой красоты искусственная роза в петлице курицынской куртки, очень похожей на куртку мастерового.

Ярким аккордом фестиваля можно назвать музыкальный вечер, посвященный 100-летию со дня рождения великого композитора и музыканта Дмитрия Шостаковича. Написанное им в свое время сатирическое произведение «Антиформалистический раек», где объектом сатиры Шостакович сделал советских вождей во главе со Сталиным, стало настоящей сенсацией в мировом музыкальном мире.

Впервые в Хабаровске прозвучала сюита для баса на стихи Микеланжело Буонаротти Дмитрия Шостаковича (Россия) и Четвертая симфония Антона Брукнера (Австрия) в исполнении Дальневосточного симфонического оркестра под управлением Экарта Шлойфера (Германия) и солиста Николая Лоскуткина (Новосибирск). Слова «Для будущего», написанные Брукнером на полях партитур своих сочинений, можно в полной мере отнести к жизни и творчеству Шостаковича, который, несмотря на сложности своего времени, не отступил от однажды намеченного пути.

Современная немецкая графика из коллекции Юргена Вайхардта

Эльвира Бах.
Без названия. 2001.
Цветной офорт.

Анастасия БЕРКОВСКАЯ, заведующая отделом
западноевропейского искусства ДВХМ
Хабаровск

В рамках Дней немецко-российской культуры в Хабаровске в залах Дальневосточного художественного музея состоялась выставка уникальной коллекции работ немецких художников второй половины XX века.

Хэльга Янке. Au Bord de la Mer. 1994. Офорт

Юрген Вайхардт и Вольфганг Дик

Евгения Горчакова

Благодаря усилиям организаторов фестиваля более 100 произведений современной немецкой графики (аукционной стоимостью более 100 тыс. евро) было подарено музею в канун празднования его 75-летия частным коллекционером и меценатом из Германии Юргеном Вайхардтом – известным специалистом по восточногерманскому искусству, арт-критиком, владельцем собрания. Вайхардт совместно с художницей Евгенией Горчаковой (Ольденбург) преподнесли в дар музею образцы современного искусства, представленные именами художников, которые уже приобрели мировую известность. Среди них Гюнтер Юккер, Вольфганг Трошке, Йозеф Бойс, Хорст Бартниг, Ян Кобласа.

Накануне открытия выставки состоялась пресс-конференция, в работе которой приняли участие Юрген Вайхардт, Евгения Горчакова, а также первый советник Посольства Федеративной Республики Германия в Москве Вольфганг Дик.

– В очередной раз в рамках фестиваля Дней немецко-российской культуры Дальневосточный художественный музей представляет выставку современного искусства. С чем, по вашему мнению, связан высокий интерес зрителя, несмотря на сложность восприятия современных образов?

Евгения Горчакова:

– Не так давно я участвовала в симпозиуме, где шла речь о возможных экологических катастрофах на планете. Один из присутствовавших, исповедующий буддизм, на вопрос, есть ли для людей какой-нибудь выход, сказал: «Выход есть для всех. Это – выход для каждого из нас». По моему мнению, выход возможен для каждого из нас и благодаря искусству. В современном мире, когда творческое выражение стало безграничным, зритель выставки может наглядно увидеть, как художник углубляется в самого себя и познает окружающий мир через свою собственную уникальность. Исследуя искусство, можно в первую очередь научиться понимать себя и открывать в себе новое.

– Известно, что г-н Вайхардт передавал часть своей коллекции в собрания некоторых российских музеев. С чем связан его интерес?

Юрген Вайхардт:

– Я сотрудничаю с русскими художниками, музеями, творческими организациями в России с 1987 года. Все началось с того, что я организовал выставку советского искусства в Германии. Для меня общение с русскими художниками – уникальная возможность развития взаимоотношений, обмена опытом. В 1990-е годы мои контакты стали шире благодаря Евгении Горчаковой. В это время в России появилась возможность проводить выставки иностранных художников. Здесь музеи преимущественно имеют собрания произведений до 1930-х годов. Таким образом, в России в большинстве коллекций искусства возник пробел, который, по моему мнению, нужно было заполнить. Я начал передавать образцы современного искусства в дар музеям Нижнего Новгорода, Перми, Москвы. Впоследствии в некоторых му-

Хорст Цикельбайн.
Без названия. 1975.
Сериграфия

зеех стало возможным открыть отделы современного искусства.

Евгения Горчакова:

– Проведение выставки современной немецкой графики в Хабаровске было бы невозможным, если бы не ответный интерес Дальневосточного художественного музея к деятельности г-на Вайхардта. Организация подобной акции требует больших усилий.

– А как сегодня представлено в Германии современное русское искусство?

Юрген Вайхардт:

– Сегодня между немецкими и российскими художниками налажен интенсивный обмен. Недавно в Москве прошла акция «Берлин – Москва», благодаря которой художники имели возможность выезжать в обе страны.

Евгения Горчакова:

– На Западе есть единое понимание – современное искусство национальных различий не имеет. На первом месте – факт открытия, индивидуальный

Михаэль Шёнхольц.
Фауст (Кулак). 1969.
Литография

Надасди Янос. Натюрморт. 1977.
Сериграфия

В. Маттойер.
Сизиф. 1977.
Литография

опыт каждого художника – это основа современного искусства.

– *Евгения, вы представляете свои работы как художница из Германии, но носите русское имя и прекрасно говорите по-русски, расскажите о себе.*

Евгения Горчакова:

– Шестнадцать лет назад, когда после перестройки появились возможности открывать выставки за рубежом, я сразу стала пользоваться этим. Организовывала сама, принимала приглашения. Во время путча в Москве я была в Париже – одна художница пригласила меня. Тогда во Франции считали, что в Россию возвращаться опасно, и дали мне небольшую стипендию и ателье на полгода. Это было мое первое пребывание за границей не на короткое время. У меня появилась возможность смотреть работы современников не по репродукциям, не на бегу, а каждый день и сколько угодно. И хотя мне было очень тяжело жить одной после того, как обо мне заботились как о госте, приглашая на рауты, концерты, в ресторан, я в итоге стала самостоятельной художницей.

Посещая выставки, познакомилась с творчеством Агнеш Мартин: она писала о тишине, об очищении себя. Ее работы были одного размера, одной текстуры. Я поняла тогда, что именно к этому мне нужно стремиться. Работала в мастерской день и ночь. Когда я жила в Советском Союзе, мне казалось, что существую в каком-то тумане. Теперь я знаю: мое состояние было связано с тем, что социальная жизнь не помогала, а препятствовала пониманию себя в этом мире. За границей я начала трудную работу по углублению в себя. Мой художественный стиль кардинально изменился. Сегодня я могу жить где угодно: здесь в России или в Нью-Йорке. Везде я нахожу то, что имеет отношение к моей личности. Когда-то я получила филологическое образование, изучала историю искусств – этого мне было недостаточно. И только когда я взяла в руки кисть, поняла – это мое.

– *Г-н Вайхардт, приобретаете ли вы картины русских художников для своей коллекции?*

Юрген Вайхардт:

– Я не приобретаю картины, путешествуя по странам. Я не миллионер, а обычный преподаватель гимназии. Моя коллекция формировалась долгие годы, начиная с 1960-х, в силу глубокого исследовательского интереса. Тем не менее в моем собрании есть работы русских художников, Дмитрия Пригова например. Я огорчился, что в Дальневосточном художественном музее

1

2

нет зала современного русского искусства. Этот период мне интересен (ДВХМ имеет прекрасную коллекцию современного искусства, но она не выставляется из-за ограниченности в экспозиционной площади – А.Б.).

– Как вы оцениваете результаты проведения акции?

Юрген Вайхардт:

– Я думаю, выбор музея для дара коллекции оказался верным. Внушает уважение профессионализм сотрудников: выставка была смонтирована за 24 часа.

Евгения Горчакова:

– То, что дар осуществился, не является само собой разумеющимся. Принять такой дорогостоящий дар – это большая ответственность. Понимание современного искусства – следствие длительной интеллектуальной работы. Дальневосточный художественный музей – единственный региональный музей, известный не только в России. И один из немногих, интересующихся русскими художниками за рубежом. Теми, кто не вписывается в зарубежную культуру и уже выпал из русской. Сотрудники художественного музея уже давно работают над проектом «Русское зарубежье». Для нас было важно подарить работы в такой музей, где к этой коллекции будет достойное внимание.

3

4

1. Фонги. Апельсины. 1969.
Сериграфия

2. Петер Нагель.
Женщина с юлой. 1972.
Цветной офорт

3. Т. Кох-Гибель. Серия W. 1995.
Линогравюра

4. В. Тафельмайер. Перчатка. 1970.
Офорт

Миямото Цутому родился в 1922 году. С 1996 года каждый год проводит выставки графики и живописи в Музее изобразительных искусств г. Комсомольска-на-Амуре. Все работы оставляет в дар музею. Также состоялись выставки в Дальневосточном художественном музее (г. Хабаровск), в музее г. Николаевска-на-Амуре.

Наполнить сердце добротой...

*Давайте,
зачерпну вам тишины
Ковшом из россыпи
сверкающих созвездий ...*

Светлана Вялкина

Таяние

Ольга ПРИВАЛОВА,
член Союза художников России,
директор галереи современного
искусства «Метаморфоза»
Комсомольск-на-Амуре

Отдалиться от Родины

Жизнь человека непредсказуема, и некая логика выстраивает ту одну-единственную Судьбу.

Изначально статья задумывалась как анализ абстрактной живописи японского художника Миямото Цутому. Абстрактное искусство всегда предполагает поиск художником оригинального стиля, но и в этом случае абстракция может остаться формальной композицией, если художник не передаст энергию души в картину. Абстрактное творчество Миямото Цутому привлекает ярко выраженной манерой, присущей Мастеру. Его живописные работы соединяют в себе символически абстрактно-образный подход, пластические поиски фактуры, свойственные современности, и традицию японской живописной культуры. Они также имеют необычный формат и дизайн. В целом, хотелось поговорить о сущности абстракции, об отношениях этого непростого жанра – континуума живописного Космоса – со зрителем. Но волей-неволей мысли обращаются именно к личности этого неординарного художника. Приезд Миямото Цутому в Россию – это всегда праздник общения для поклонников его искусства, друзей. От него исходит та мудрость, которая возвышает обыденность, заставляет многое переосмыслить.

Из воспоминаний художника Миямото Цутому:

«В детстве из-за болезни потерял слух, образовался вакуум в общении с друзьями. Мама меня научила рисовать, и с тех пор я хотел быть только художником... Когда я окончил школу, то учитель, инструктировавший нас по поводу продолжения учебы, отругал меня словами: «Непатриотично думать о работе художника в военное время!», и я отказался от этого стремления, был призван в армию и определен в артиллерийское училище в Харбине. Началась война с Советским Союзом, и сразу же – плен. Наш лагерь находился в районе Дуки. Как и все военнопленные, валил лес, мостил дороги, копал траншеи, строил дома для местного населения. Холод, голод, тоска по родине, – мои товарищи уходили навсегда. Белый-белый снег – безнадежное непреодолимое пространство, бессмысленность происходящего, я хотел уйти к ним, и вдруг в снегу заметил маленькую ягоду шиповника, она горела цветом жизни, и я понял: надо жить – выжить вопреки обстоятельствам...»

Дерево, павшее от ветра

Ягода шиповника

Заброшенный дом

Белый плотный пласт, фактурой имитирующий снежные сугробы, и на нем ягоды красного шиповника, как капли горя, застывшего в сердце человека, и в этой боли – страстное желание преодолеть безжизненность белого пространства, вернуться на родину и посвятить жизнь памяти товарищей, искусству, чтобы «нести добро, свет Красоты». Как определить жанр этой небольшой картины, здесь бессильны любые слова – перед нами жизнь человека с болью, до сих пор переживаемой.

Из предисловия к альбому абстрактной живописи Миямото Цутому:

«Так к чему же я хотел обратиться, когда вновь стал писать картины после возвращения из плена? Я хотел этим сказать: «Нельзя, чтобы вновь повторились жестокие сцены войны». Хочу, чтобы как можно больше людей узнало о моем сожалении оттого, что мои товарищи умирали во время таких жестоких испытаний.»

Ранняя весна

Холодный ветер

Сверкание реки Амур

Чтобы не забывать о бессмысленности войны, я вложил различные мысли в это собрание картин. И буду несказанно рад, если у вас возникнут какие-либо чувства после них. Для меня абстрактное искусство – это духовно-образная живопись, здесь я могу выразить свои чувства полнее».

Картины японского художника хотя и сдержанны по цвету, но его емкость достигается разнообразием нюансов гризайля, чему способствуют и пастозность фактуры, и элементы коллажа. Цветосветовое пластическое решение в работах явственно имеет семантическое выражение (содержание). «Луна в квадратной форме», «Снежный свет» схожи по образу и композиции. Как правило, светопередача в живописи имеет рассеивающий характер, например, в композиции художника «Огонек» понятен прорыв света в темном пространстве. Но в этих картинах необычны плотные прямоугольные световые пятна, резко контрастные с фоном, они привлекают внимание и непривычным композиционным расположением. Простой ответ перенес в то далекое время плена, когда в безысходности ночи квадратное окошко палатки заполнялось или луной – «она приближалась близко-близко, и ее единый для всех свет переносил меня на родину» – или снежным светом, и эта ночная картина осталась навсегда в сердце художника. В «Двойной луне» мерцающий приближающийся свет от далекой лунной точки тоже имеет квадратную форму.

Из воспоминаний художника Миямото Цутому:

«Здесь познакомился с художником Васютиным, ленинградцем, который после фашистского плена работал как вольнонаемный в лагере. Он снабжал меня чернильным порошком из канцелярии, а рисовать приходилось на мешках из-под цемента и пороха. Мы подружались, благодаря его поддержке я не стал калечить себе руки, чтобы избежать огромной физической нагрузки. Плен длился четыре года. В 1949 году я вернулся на родину. После войны родные посчитали, что художественные занятия несерьезны, к тому же я понимал, что материально трудно, поэтому окончил естественный факультет университета. Работал в школе, преподавал математику, физику и химию, у нас это называется естествознанием. Новое свободное время продолжал рисовать. В 38 лет состоялась моя первая персональная выставка, и впоследствии каждые 2–3 года, а после ухода на пенсию – в год, делаю по две выставки».

Из предисловия к альбому абстрактной живописи Миямото Цутому:

«Я вместе с господином Миямото несколько разездил на места захоронений японских граждан, интернированных на российский Дальний Восток и в Сибирь. Он повсюду непрерывно занимался эскизом. Я проникся к нему уважением из-за его острого взгляда на природу. Эти работы были собраны в серию «Пейзажи России» и выставлены в художес-

твенных музеях Дальнего Востока. Дело господина Миямото будет продолжаться, «пока есть жизнь». Особенность его работы заключается в параллельности реального отображения природы, переходящего в абстрактность, что характеризует его изначальную сущность. В одном из интервью господин Миямото сказал: «Что касается моего взгляда на искусство, то я считаю, что оно не должно просто отображать природу – это может сделать фотография». Как точно сказано!

Я осознаю, что в картинах Миямото имеется философское проявление, которое нельзя выразить простым реалистичным изображением природы... Развивая через картины дружбу между народами Японии и России, господин Миямото постоянно старается передать свой жизненный опыт и знания молодому поколению. О достижениях этой идеи после возвращения на родину он писал в книге воспоминаний «На ягодах шиповника на снегу».

**Эгуги Тосикадзу,
редакционная группа для записи
переживаний японских военнопленных**

Из воспоминаний Миямото Цутому:

Сразу после войны никаких чувств не испытывал. Я был в таком состоянии, что почти потерял интерес к жизни, и именно память о моих товарищах заставила меня вернуться к жизни, как будто прозвучал наказ: работать за них и за себя. Я сделал серию пейзажей современной Японии и привез ее в Комсомольск, чтобы они «увидели» ее. Во время подготовки первой выставки «Мой Дальний Восток» я думал о своих погибших товарищах. Она посвящена им, и с тех пор оставляю работы музею в дар моим погибшим друзьям, их душа есть здесь. В эти работы я также пытался вложить и чувство благодарности амуурской земле, людям, помогающим нам. Освободиться от воспоминаний невозможно. Я стал много рисовать природной природы во время поездок в Россию».

Абстрактное искусство – это эмоциональная реальность, созданная мыслью, чувствами и визуально чувственным опытом человека. Сам цвет вызывает определенные ощущения, переходящие в осознанные чувства-образы. Нам приятно отдыхать среди зелени, а красная цветовая гамма вызывает экспрессию чувств; нежные пастельные тона уводят в тонкое лирическое переживание, а мечтами мы устремляемся к голубому небу. Образное значение цвета есть первоначальный импульс, исходящий из глубин человеческого подсознания. Абстрактная картина осмысливается постепенно, она требует неспешности, опыта гармоничного общения с природой, вчувствования в цвет. Зрителю важно понять, что любое цветовое пятно в абстракции может изменить, дополнить изначальную идею художника, т. е. цветовая палитра, ее фактура приобретает субъективную эмоциональность – в процессе работы художник мыслит пластическими образами. В абстрактной живописи Миямото Цутому проявлена углубленная созерцатель-

Луна в квадратной форме

Таяние снега

Люди разные

Хризантема

Ступать на снег

Озеро

ность природного мотива, свойственная японской ментальности. Художник избирает самые привычные проявления природы, повсюду нас окружающие. Они абстрактны по цветоощущению, по рождающимся образам во время наблюдения, эти мотивы гармонично дополняют эмоциональный настрой человека, они музыкально ассоциативны: таяние снега, зимняя спячка насекомых, гул моря, струящийся воздух, белая ночь, выветривание – в них ритм природы, сопровождающий жизнь человека. Человеку, находящемуся на грани небытия, ценно и значимо все, что говорит о непрерывности бытия. Поэтому картина даже небольшого формата – это фрагмент бесконечности. Неслучайно Миямото Цутому порой живописную композицию размещает в углу или сбоку на деревянной плоскости, что, в целом, кстати, напоминает традиционную архитектуру Японии.

Из интервью:

– В Японии предпочитают реалистическое искусство, вы большую часть творчества посвящаете абстрактной живописи. Почему?

– Может быть, это покажется странным, но поездки в Россию для меня являются источником вдохновения абстрактного творчества. Я очень волновался во время открытия первой выставки в Комсомольске-на-Амуре. Заметил, что она вызвала горячие отклики, а также некоторые споры: не было равнодушных зрителей. Разница между посещениями России до выставки и после ее открытия громадна. Именно это время больше почувствовал комсомольчан. Приобрел много друзей, приветливых и искренних. Незабываемы чаепития с ними, с художниками, разговоры о жизни, об искусстве. Именно в России я и наиболее чувствительных абстракции, ее эмоционально-чувственным образам, здесь много спрашивают о технике письма. У меня появилась серия графических абстрактных работ, выполненных в разных материалах одновременно, в том числе и тушью. Я теперь с нетерпением жду встреч с российскими зрителями, они любопытны, эмоциональны, откликаются на динамику абстракции. В общении с ними, с природой России у меня появляются новые образы.

В далекой Японии в мастерской художника холст, заполненный темно-серым пространством с повторяющимся ритмом серебристо-белых линий, – знакомое ощущение чего-то близкого – конечно же, это Амур с его осенними звуками-всплесками волн. Здесь же находились две абстрактные композиции, экспрессивные по цвету, так непохожие на цветовую образность Миямото Цутому – в них была энергия образа русского художника Дмитрия Гугова, и действительно они посвящались ему....

Поистине энергия духа преодолевает физическое расстояние, непонимание и соединяет людей.

Светлана ФУРОВА
 Фото Елены ГЛЕБОВОЙ
 и Глеба МОРДОВЦЕВА
 Хабаровск

Театр из Бурятии: десять лет спустя

Заметки зрителя на полях театральной программки

Нас возвышающий обман

Летом 2006 года на Дальний Восток впервые после десятилетнего перерыва приехал Бурятский государственный академический театр оперы и балета. Созданный в 1939 году по инициативе народного деятеля искусств СССР Г.Ц. Цыдынжапова (его имя носит театр), молодой коллектив заявил о себе на Первой декаде бурят-монгольского искусства в далеком 1940-м. С тех пор на сцене театра осуществлены постановки более 260 спектаклей отечественного и мирового музыкального репертуара, сменилось не одно поколение артистов, труппа пополнилась новыми солистами и танцовщиками. Расширилась также география гастрольных маршрутов. Только за последние пять лет коллектив побывал в США, Монголии, КНР, Украине. С творчеством единственного в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке театра оперы и балета познакомились жители Иркутска, Читы, Барнаула.

На гастроли в Хабаровск гости из Улан-Удэ привезли пять балетных и шесть оперных спектаклей, среди которых «Лебединое озеро», «Ромео и Джульетта», «Жизель», «Севильский цирюльник», «Пиковая дама». И конечно, не обошлось без вершины оперного искусства – Верди. В репертуаре гастрольной афиши оперы «Травиата» и «Трубадур», причем последняя исполняется на языке оригинала.

Как сказал художественный руководитель Бурятского театра оперы и балета заслуженный деятель искусств РФ Валерий Галсанов, свою задачу художественное руководство театра видит в сохранении традиций, которые были заложены теми, кто стоял у истоков.

Знатки оперного искусства до сих помнят голос удивительного певца Лхасарана Линховоина. На Второй декаде национального искусства в 1959 году исполненная им ария Кончака из оперы «Князь Игорь» навсегда прославила театр из Бурятии. Голос певца сравнивали с шалпинским, а Улан-Удэ с чьей-то легкой руки стали называть «Милан-Удэ». Это был золотой век театра.

Сегодня на сцене другое поколение. Батор Будаев, Марина Коробенкова, Эржена Базарсадаева, Оксана Хингеева, Владислав Калашников, Лариса Соковникова – эти имена стали залогом успеха любого оперного спектакля. Многие артисты Бурятского театра сегодня работают в других российских городах. Так, на гастроли в Хабаровск были приглашены солистка Мариинского театра оперы и балета заслуженная артистка РФ Валентина Цыдыпова и солист Новосибирской оперы Константин Буинов. Любители оперной музыки увидели этих артистов в спектаклях театра «Трубадур», «Пиковая дама». А ведь оба певца начинали на сцене Бурятского театра.

Гастроли оперы – всегда праздник для города, где подобный жанр не имеет широкого развития. Праздник музыки, праздник прекрасного вокала. Однако, унося в сердце очаровательную «болтовню» Россини или полные драматизма мелодии Чайковского, справедливо задаться вопросом: а достаточно ли следовать только традициям, заложенным более полувека назад? Не пора ли немного стряхнуть с кулис эту «академическую» пыль, попробовать изменить мизансцены, сценографию, поставить перед исполнителями другие, адаптированные к сегодняшнему дню, задачи? Ведь опера – это не только дивные голоса и великолепная музыка, но и конфликт, характеры,

действие, которых сегодня в оперных спектаклях Бурятского театра явно недостает. Создается впечатление, что театр, несмотря на трели мобильных телефонов, врываются в звуки увертюры, и катаклизмы, сотрясающие мир, предлагает зрителям все тот же мир «плаща и шпаги», в котором герои со времен Древней Греции картинно страдают и не менее картинно умирают, а злодеи под занавес непременно разоблачены и в финале торжествуют добро и справедливость.

Хотя, кто-то, напротив, спешит усмотреть в этом избыточность традиций: значит, старая добрая опера с ее более чем условными сюжетами и абстрактными героями вечна, и люди всегда будут стремиться поверить в этот жалкий и великолепный, с облезлой позолотой и шатающимися колоннами прекрасный обман...

И, казалось, только Джузеппе Верди, поглядывая из-за пюпитра на душераздирающие страсти на сцене, молчливо усмехается.

Бал для фортуны

Первое, что бросается в глаза при встрече с балетным искусством Бурятского театра оперы и балета: труппа, состоящая в основном из питомцев Бурятского хореографического училища, очень молодая. Многие из артистов продолжают учебу в вузах Москвы, Санкт-Петербурга, Улан-Удэ. Как отмечают столичные критики и специалисты, в труппе сохранены и развиваются традиции ленинградской балетной школы, имеется крепкий кордебалет. Художественный руководитель балета народная артистка РФ, лауреат государственной премии Республики Бурятия Екатерина Самбуева много внимания уделяет воспитанию, формированию и подбору кадров.

Выпускница Бурятского хореографического училища Самбуева закончила Ленинградское академическое хореографическое училище (ЛАХУ) имени Вагановой и пришла в театр, когда на сцене блистали Лариса Сахьянова, Петр Абашеев, Ольга Короткова, Людмила Кондратьева. Затем балерина стажировалась в Мариинском театре у знаменитых мастеров Нинель Кургапкиной и Габриэлы Комлевой. После завершения карьеры танцовщицы и окончания факультета ГИТИСа Екатерина Самбуева, несмотря на заманчивые предложения из столичных трупп, вернулась в родной театр, где в течение 16 лет ведет педагогическую деятельность. В сложные для страны 1990-е годы балет в театре практически пришлось создавать заново. «То, что вы видите сегодня, – поделилась Екатерина Балдановна, – это лишь первые ростки того, что я начала собирать, формировать, пестовать в то время».

В прошлом году в театре впервые проводился международный фестиваль балетных спектаклей, для участия в котором были приглашены солисты из Монголии, Кореи, Украины, Москвы, Санкт-Петербурга, Чувашии, Якутии. Вообще любой фестиваль, как говорит балетмейстер, это не только праздник общения, но и возможность оценить себя со стороны, это опыт, обогащающий молодых артистов, а также школа.

Приглашения на ведущие партии известных солистов из других трупп становятся в театре доброй традицией. Так, на гастролях в Хабаровске партию Альберта в «Жизели» исполнил солист Башкирского театра оперы и балета Михаил Евгенов (он же принц Зигфрид, он же Ромео).

Прекрасные внешние данные артиста, полетный шаг, мужественность и обаяние оттеняли хрупкость Жизели (заслуженная артистка РБ Вероника Миронова), изящную холодноватость повелительницы виллис Мирты (Анастасия Самсонова). Во многом благодаря этим исполнителям самый старый в репертуаре спектакль заиграл новыми красками.

Открывали гастролы на Дальнем Востоке гости из Бурятии «Лебединым озером» Чайковского. На протяжении своей истории театр предлагал зрителям несколько редакций этой жемчужины мировой балетной классики, каждая из которых вызывала неизменный интерес. Для осуществления новой редакции был приглашен главный балетмейстер Башкирского театра оперы и балета заслуженный артист РФ, народный артист Республики Башкортостан Шамиль Терегулов. Соединив четыре картины в два действия, и в то же время не нарушая привычной канвы либретто, постановщик придал старинной красивой легенде о прекрасной девушке Лебедь динамичность и цельность.

Одетта–Одиллия в исполнении солистки балета Анастасии Самсоновой – лиричная, одухотворенная, нежная и в то же время сильная, обладающая колдовскими чарами – настоящая королева не только среди лебедей, но и на сцене. Актриса работает в театре второй сезон, но в ее творческом активе не одна ведущая партия в балетах «Ромео и Джульетта», «Жизель», «Кармина Бурана».

В роли Шута хабаровчане познакомились с заслуженным артистом РФ Боярто Дамбаевым, артистом яркой индивидуальности, тяготеющим к гротеску, перевоплощению. Может, благодаря тому, что Боярто уже с девяти лет снимался в кино, его героев на сцене, будь то Шут, Меркуцио, Джотто или Ловящий Фортуну, отличают театральность, неожиданность, легкость. Искусство этого мастера ассоциируется с праздником, каждое явление которого, несмотря на постоянство повторений, всегда сюрприз.

«Нет повести печальнее на свете, чем музыка Прокофьева в балете», – так, перефразировав классика, сказала некогда Галина Уланова, приступая к репетициям в балете Сергея Прокофьева «Ромео и Джульетта». В ту пору балерина не подозревала, что роль Джульетты принесет ей мировую известность, а «неудобная» музыка Прокофьева станет классикой и войдет в историю музыки.

Начиная работу над постановкой спектакля «Ромео и Джульетта», премьера которого состоялась в марте 2006 года, Бурятский театр решил, что молодежи, воспитанной на боевиках, бесконечных шоу, триллерах, необходимо приобщаться к лучшим классическим образцам. Спектакль, восходящий к любви, нежности, чистоте и пылкости первого чувства, адаптирован к сегодняшнему дню, в нем звон клинков, непримиримая вражда соединены с отзвуками карнавала, праздничность жизни со смертью. Отсюда напряженность, насыщенность действия, окрашенная яркой эмоциональностью, а сценография и костюмы, решенные московским художником Дмитрием Чербаджи в духе раннего Ренессанса, дополняют романтическую картину одной из самых светлых трагедий о любви.

В спектакле немало интересных актерских работ. Самой драматичной фигурой, без сомнения, является Меркуцио в исполнении Боярто Дамбаева, герой которого искрится молодостью, переполнен радостью жизни и озорством. Его предложение проникнуть под маской в дом Капулетти, чтобы повеселиться на балу, тоже от пол-

ноты жизненных сил. Ни он, ни его друзья не принимают вековую вражду двух кланов всерьез. Уличные стычки и бои между членами враждующих семейств и их слугами – это скорее игра, некий ритуал, которому все следуют больше по привычке, чем от ненависти. Поэтому кинжал непримиримого Тибальта, который настаивает Меркуцио на самом взлете, так похож на предательство. После смерти Меркуцио повесть о Ромео и Джульетте, достигнув наивысшей точки кипения страстей, неумолимо катится к своей трагической развязке.

В ролях веронских влюбленных хабаровские зрители увидели молодых актеров Веронику Миронову и Баира Жанбалова. Их герои проходят в спектакле сложный путь взросления – от первой беспечной встречи на балу и ночного свидания до последней, в мрачном склепе, за несколько минут до смерти.

И все-таки молодость и сила чувств побеждают вековую вражду, торжествуя над смертью.

Изюминкой гастрольного репертуара стали одноактные балеты «Франческа да Римини» Петра Чайковского и «Кармина Бурана» немецкого композитора Карла Орфа, объединенные в вечер балета. Как сказал постановщик спектакля, автор и хореограф заслуженный деятель искусств РФ Георгий Ковтун (Санкт-Петербург), эти две истории – пронизанный лиризмом шедевр Чайковского и средневековые песни на музыку Орфа – происходят в стране, имя которой Театр. В содержательной канве либретто любовь и разлука, добро и зло, судьба и случай. Объединяет балеты лаконичная и выразительная сценография А. Горенштейна, хор, который выступает в спектакле равнозначным партнером балетному искусству, и тема судьбы, представленная в спектакле образом Фортуну (Анастасия Самсонова).

Непредсказуемая, переменчивая, в развевающемся алом платье, то милостивая, то коварная, она врывается в размеренный ход жизни, разрушает, торжествует, возносит на вершину блаженства и низвергает в пучину ада. Словно окружающие ее люди с их несовершенствами и страстями – всего лишь подмости для прекрасной пьесы под названием Жизнь. Пьесы увлекательной, но опасной, играть в которой все равно что балансировать по канату над бездной: любое неверное движение – и гибель неизбежна. Но зрители уже собрались, дышат в затылок, подстегивают и отказываются от смертельной игры выше сил!

Под стать ей только Ловящий Фортуну в исполнении Боярто Дамбаева, для которого кураж риска, постоянное пребывание между жизнью и смертью и есть настоящий смысл и праздник жизни.

Хореограф использует в спектакле наряду с элементами классического танца приемы танца-модерн, свободную пластику, почти акробатику. Отсюда ощущение непрерывного движения, праздника, ощущения чувственности и веселья.

«Мой спектакль, – говорит Георгий Ковтун, – это утверждение любви в любых ее проявлениях. Утверждение праздника и естества... Много солнца, праздника, вина и секса... Здесь первородная радость земли и здесь же ад, где мучаются, пытаюсь обрести друг друга, Паоло и Франческа. Они всегда рядом, эти два мира...»

В 2006 году спектакль был удостоен Государственной премии в области литературы и искусства, а главные исполнители получили звания лауреатов.

Приглашение на маскарад

Тамара БАБУРОВА
Хабаровск

Вроде бы все кувырком в нашей жизни. Однако нельзя предаваться унынию, и любимый театр, который отметил 81-й сезон, подает пример своим зрителям. Оперетта – это великое искусство жить не легкомысленно, но легко. Нам кажется, что мы постигли драматическую глубину жизни, а она вдруг выкидывает какой-нибудь фокус, легкомысленный, канканный, оффенбаховский, чаще всего с людьми, которые не умеют танцевать и не готовы к этому. Вот про такие моменты и говорят: «Оперетта!»

Фото Валерия Яковлева

Веселье, молодость, артистизм – составные жанра оперетты

Тамара Бабурова – заведующая литературной частью Хабаровского краевого театра музыкальной комедии, заслуженный работник культуры РФ. Окончила режиссерское отделение Хабаровского государственного института культуры. Автор и ведущая телевизионных программ «Театральная гостиная», «Звезды театра и кино в Хабаровске», автор более ста публикаций в различных СМИ.

Немного ретро

Первый дальневосточный трудовой коллектив артистов комической оперы был открыт опереттой «Сильва» в октябре 1926 года волею его первого организатора и педагога, наставника и реформатора Н.Н. Туманова. И это было чудо! Поначалу театр работал в Хабаровске не более двух-трех месяцев в году, остальное время делил между Читой, Благовещенском, Владивостоком. А через два года, 7 ноября 1928 года, очередной сезон открылся в новом здании (ныне там расположился Концертный зал) премьерой первой советской оперетты «Женихи» Максима Дунаевского.

В репертуар театра тогда входили в основном классические оперетты: «Голубая мазурка», «Фраскита», «Танец стрекоз», «Марица», «Баядера»... Жили тесно, но интересно и дружно, работали с тем азартом, на который способны одержимые люди. Билеты на спектакли спрашивали на Комсомольской площади, а очередь занимали с ночи. Особенно любили «Карамболину». Казалось, что ложи, балкон сейчас обрушатся от оваций. Это неудивительно, ведь состав исполнителей был поистине звездный: Б.Д. Ростинин, Н.И. Урванцев, Н.Л. Энбе, Г.И. Доре, Н.Д. Молчанов, Н.П. Нальский, О.П. Менжелей, Б.А. Серова,

«Я всегда мечтала танцевать»

Нелли Ванзина – ровесница Хабаровскому краю

Любить театр – редкая профессия

А.В. Грибкова, В.Н. Рекова, Н.Е. Валин, Д.Д. Пекарский, С.Г. Моргулис, Л.П. Горич, О.П. Грабовская, Д.Г. Митин, Г.Н. Епифанова, И.К. Ипатов, Л.Н. Ицков, Н.И. Симонова, И.Ю. Войнаровский, М.И. Верезов, В.А. Гримм, З.П. Гримм-Кислицина и многие, многие другие.

Ставились спектакли, писались рецензии, отмечались юбилеи, и всегда в театре царил дух веселья и артистизма, талантливой дерзости и азарта. И главное, что все, от самых знаменитых актеров до новичков, жили единой семьей.

Вспомните лица людей на старых фотографиях и афишах: солидные мужи и прелестные дамы с лукавыми улыбками и неподражаемым шармом. Они были первыми, эти корифеи театра, в котором уже около века живет искусство оперетты всех жанров, времен и народов.

Однако у каждого, кто служит этому театру, свой счет сезонов – у тех, кто только начинает творческую жизнь, и у тех, кто был любим не одним поколением зрителей. Так, о заслуженной артистке России Нелли Ванзиной можно сказать: ее жизнь и судьба состоялись и связаны именно с этим театром. И хотя сегодня балерина уже не танцует (вот уже 20 лет она на административной работе), мысленно она всегда вместе с артистами на сцене. За почти полувековую жизнь в краевом театре музыкальной комедии Ванзина приобрела редкую и непростую профессию – любить театр, со всеми его сложностями и проблемами, плохим и хорошим, радостным, волнующим, непредсказуемым, ради чего каждый вечер зажигаются огни рампы и открывается занавес.

Вспоминает заслуженная артистка России Нелли Ванзина...

Ах, «Рио-рита»!

Подумать только, я ровесница Хабаровскому краю. Коренная хабаровчанка, в школе училась вместе с Валею Пономаревой (исполнительницу цыганских романсов сегодня знает вся страна), вернее, было так: она пела, а я танцевала. Партнеров у меня не было, я о них только мечтала. И когда нашу женскую школу объединили с мужской, у меня появились два ученика... Пожизненной каторги не хватило бы на то, чтобы их научить! Мучилась я, мучилась, а потом взяла и поставила сама себе номер – «Рио-риту», под баян. Успех был сумасшедший!

Рояль в кустах

В педучилище, в балетной студии с нами занималась Ольга Грабовская, прима-балерина театра музыкальной комедии. Мне было 19 лет, когда она сказала: «Тебе надо идти в театр». Помню, на первом просмотре в жюри сидели балетные зубры: балетмейстер театра Евгения Эджубова, солист балета Анатолий Зуев, в дальнейшем мой любимый партнер, главный режиссер Леонид Ицков... Меня пригласили к станку и – о ужас! – стали экзаменовывать по балетной школе. В класс набежал народ, все смотрят... Наконец встает Грабовская и говорит: «Хватит над ней издеваться! Танцуй все, что умеешь».

Сцена восполняла недостающее

С любимой подругой Ираидой Зуевой

Я только этого и ждала. В кулисах баянист мой, как рояль в кустах, заждался совсем. Не помню, как и что я тогда танцевала, но выдала все, что умела. «Школы нет, – вынесла вердикт комиссия, – но каков темперамент! Надо брать». И взяли. Ученицей в балет.

В созвездии талантов

Я пришла в Хабаровский театр музыкальной комедии в пору его творческого расцвета, когда на сцене блистали Игорь Войнаровский и Нина Симонова, Валентин Гримм и Зеля Гримм-Кислицина, Николай Молчанов, Лидия Горич, дирижер Игорь Ипатов. Из балетных – Владимир Засухин, Александр Александров, Анатолий Зуев. Вообще балет был очень сильный. Ставилось много классики, и солистам было что танцевать и петь... Я мечтала танцевать, поэтому не отходила от станка ни днем ни ночью. Я вцепилась в него, как утопающий цепляется за соломинку. Человек я волевой, родилась под знаками Скорпиона и Тигра и была уверена, что все у меня получится. В это время в Красноярске открылся музыкальный театр, и многие стали уезжать работать туда. Уехала и незабвенная Ольга Грабовская, а на ее плечах был весь репертуар. В театре начались срочные вводы. Характерных балерин было мало, и меня взяли в третий состав.

Дебют

Я репетировала цыганский танец в оперетте Легара «Цыганская любовь», когда наконец меня решили выпустить. Помню, это была суббота, в зале – аншлаги... За пять часов до начала спектакля я поставила перед собой фотографию Грабовской в этой роли и начала гримироваться. Первый выход на сцену всегда большое событие, в то время актеры его ждали годами. За кулисами все сбежалось посмотреть на новую балерину. Вот открылся занавес и... Таких аплодисментов я не слышала за всю свою долгую творческую жизнь, в зале стон стоял. Прошло столько лет, а я до сих пор полна горячей благодарностью к зрителю, который поверил в меня. Дорогие мои, я пронесла это через всю жизнь!

Какая чудная игра

Мы никогда не думали о деньгах. Моя первая зарплата была 30 рублей. Когда добавили еще 15, я прыгала от радости. Сцена всегда восполняла недостающее. Я обожала театральные костюмы, только они скрашивали нищенский актерский гардероб. Все в театре было интересно! Тогда художественный совет обладал большими полномочиями: мог принять или не принять спектакль, похвалить или снять с роли артиста. Проводились открытые художественные советы с подробным профессиональным разбором спектаклей, к нам приезжали критики из Москвы. Все хорошее и плохое разбиралось на труппе. Конечно, сегодня изменились требования к актерской игре, к ее стилистике. И тут я отдаю должное режиссеру Юлию Гриншпуну. Его актерская школа до сих пор жива в театре. И наша труппа всегда блистала, даже когда у нас были проблемы с вокалистами – если не за счет лириков, так за счет комиков.

Открывая вместе с театром 81-й сезон, имею право сказать, что наша труппа находится в хорошей творческой форме. Возвращается классика, появились хорошие вокалисты. В репертуаре интересные спектакли как для взрослых, так и для детей. Слаженно работает вся постановочная команда: балетмейстер, художник, дирижер. Главное, что они слышат и понимают друг друга. А когда есть любовь, творческая атмосфера, тогда и рождается что-то настоящее...

Фото из архива театра

«Алый парус» – символ сбывшейся мечты

Анастасия ЕРШОВА
Хабаровск

Сцена из спектакля «Первый поцелуй»

Руководитель театра-студии «Алый парус» и краевой театральной академии «Мельпомена», отличник народного просвещения, заслуженный работник культуры России Сергей Юрьевич Кидин

Что такое «Алый парус»? Это символ сбывшейся мечты Ассоль. А еще детский театр, руководит которым бессменный капитан Сергей Юрьевич Кидин, отличник народного просвещения, заслуженный работник культуры России. Для него «Алый парус» давно стал биографией и самым главным смыслом в жизни.

В 2006 году театру-студии «Алый парус» исполнилось 30 лет, и за это время он достиг немалой известности. Его творческие работы смогли видеть жители Алтая, Приморья, Хабаровского края, Якутии, Красноярского края, Крыма (Украина), Москвы, Санкт-Петербурга. А еще студии «Алого паруса» выезжали в международный лагерь «Артек», что в болгарском городе Варна.

Всего за 30 лет «Алый парус» под руководством своего капитана поставил 54 спектакля, которые были сыграны 898 раз! И все же главная цель капитана Кидина – сделать из ребенка прежде всего человека. В театре-студии ребята проходят уроки речи и пластики, актерские тренинги и психологические тесты. В совокупности

все это – «уроки жизни», воспитание театром, приобщение к культуре.

Да, Сергей Юрьевич Кидин не ставит задачи сделать из детей актеров, и все же среди его выпускников есть те, для которых театр становится главным в жизни. Например, Андрей Непомнящий, заслуженный художник России, уже много лет является главным художником Хабаровского театра музыкальной комедии. Дмитрий Петрунь, выпускник 1992 года, закончил МХАТ и стал режиссером. Он ставит свои спектакли на сценах московских театров имени Вахтангова, имени Ермоловой и в «Табакерке». Денис Желтоухов, выпускник 1993 года, сегодня ведущий актер Хабаровского театра музыкальной комедии. Не так давно ему присвоено звание заслуженного артиста России. А самой первой заслуженной артисткой России среди выпускников «Алого паруса» стала Ольга Гусилетова. Покинув стены студии в 1986 году, она поступила во ВГИК и окончила его. В настоящее время бывшая хабаровчанка – ведущая актриса московского театра «Школа современной пьесы».

Впрочем, неважно, стал человек актером или нет. Сергей Юрьевич убежден в одном: главное, что все его выпускники, а за три десятилетия их было 258, стали замечательными людьми. И если человек талантлив, он талантлив во всем.

Театр-студия «Алый парус» – это сказка, добрая и настоящая. И традиции, которые сложились здесь, тоже настоящие и «бессмертные». Пожалуй, самая важная и волнующая – «посвящение», когда

Лауреаты II Международного фестиваля детских театров в Артеке

Финальная сцена спектакля «Здравствуй, Пеппи!»

новичков берут на борт корабля. «Новобранцы» проходят серьезные и довольно сложные испытания, а в конце получают членский билет.

Не менее волнующая традиция – выпускной, который устраивают для тех, кто достиг 17 лет и покидает «Алый парус». В этот вечер студии говорят прощальные слова, показывают свой последний капустник. Повзрослевшие ребята уходят, но не навсегда. «Алый парус» и его капитан всегда рады новым встречам. К слову, выпускники Кидина нередко приводят в театр-студию уже своих детей, и одно поколение сменяется другим.

Закончился очередной учебный год и театральные сезоны, подведены итоги «Весенней анкеты», награждены лучшие исполнители, пора отдыхать. Как раз в это время «Алый парус» собирается на Зеленый остров, который еще именуется островом РОЗ (Робинзоны Острова Зеленый). Остров тоже становится школой жизни. «Парусята» приобретают здесь стойкость, выносливость, благородство и получают уникальный шанс посвятить себя в робинзоны. Каждый вечер юные романтики собираются у костра, обсуждают прожитый день, поют песни под гитару, подводят итоги и непременно награждают отличившихся цветными галстуками.

А теперь о самом важном в жизни театра-студии – о спектаклях. В театральной истории «Алого паруса» были такие яркие постановки, как «Ночь после выпуска», «Федякин крупным планом», «Дискотека», «После нас на Земле», «Золушка», «Обыкновенное чудо», «Самые плохие дети», «Ромео и Джульетта», «Вне игры», «Первый поцелуй». Знаковым

спектаклем Сергей Юрьевич Кидин считает «Команду». После него, по словам Кидина, появилось важное зерно: единство, дружба и действие.

В юбилейный год у «Алого паруса» произошло немало событий, но самым главным стала победа на международном фестивале любительских театров «Радость игры», который проходил в Щелково, в усадьбе великого русского драматурга Алексея Николаевича Островского (город Кинешма Костромской области).

На гастролях ребята пробыли неделю, за это время им довелось увидеть театральные работы из Германии («Синяя птица – Как жаль, что ты еврейка»), Исландии («Дела сельские»), Латвии («Собачка»). Очень интересной оказалась программа российских театров: ТЮЗ из города Первоуральска представил постановки «Мертвые души» и «Хорошая погода, не правда ли?», театр-студия «Пластилин» из города Новоуральска – «Фантомные боли» и др.

Хабаровчане привезли на фестиваль свою недавнюю премьеру – спектакль «Первый поцелуй» по пьесе Алексея Франкини «С сентября по июнь». Решением жюри, куда входили многие известные театральные деятели России, театр-студия «Алый парус» был награжден дипломом первой степени.

Сергей Юрьевич Кидин говорит, что признание на таком уровне, конечно же, приятно. Но главное, победа на международном фестивале стала для нового поколения «Алого паруса» прекрасным уроком того, как побеждать достойно. И еще капитан уверен: высокая награда фестиваля «Радость игры» подтвердила: «Алый парус» не стареет, несмотря на свои 30 лет.

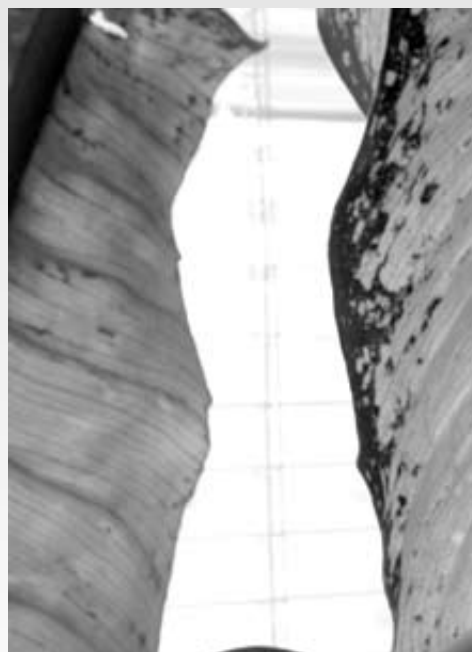
«А кто звездочку нарисовал? – «Мы!» – «Зачем?» – «Пусть манит...»

Спектакль «Ночь после выпуска» восстановлен по новому сценарию через 24 года

Весна

Инь

С другом. Автопортрет

«Фотография для меня неисчерпаемый источник радости...»

Ольга ПРИВАЛОВА,
член Союза художников
России, директор галереи
современного искусства
«Метаморфоза»
Комсомольск-на-Амуре

Сергей Мартыновский родился в 1970 году в Челябинске. Фотографией увлекается с 14 лет. Первая выставка состоялась в 2004 году. За два года сделал девять персональных выставок в Комсомольске-на-Амуре, Хабаровске (театр «Триада»), Йокогаме (Япония). Он удивил уже первой выставкой «Небо над городом» в арт-галерее «Метаморфоза» г. Комсомольска-на-Амуре: провинциальный город на фотографиях обрел столичный образ, но более значимо то, что объективные фотографии города с его туманами, архитектурными элементами обрели образ эмоционального камерного ощущения, ауру романтичности. Городская тема прозвучала как осмысление пространства, лирического и иронического, в котором живет современный человек. На этой выставке зритель почувствовал, что такое стиль в фотографии и что художественная фотография – это мысль, а не факт; идея-образ обращения к душе человека.

Художественная фотография предполагает талант чувствования колорита, графической культуры и, самое главное, талант композиционного видения, потому что композиция определяет картинный образ, его отбор. Фотография занимает своеобразное место в

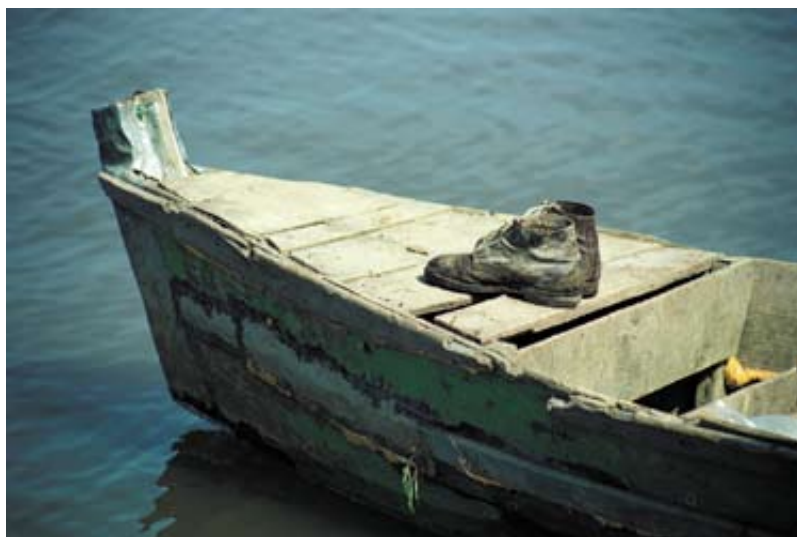
Поцелуй

Из серии «Раритет»

искусстве: с одной стороны, несомненна ее документальность, поэтому кажется легкодоступной, но, с другой стороны, она, оказываясь, способна открывать заново окружающий мир, удивительный и эмоционально выразительный, будоражит наше воображение. Мир природной красоты существует сам по себе, это своего рода безбрежный хаос, а человеку свыше дан уникальный дар чувствовать эту красоту, осмысляя ее через образы – метафоры бытия. Парадоксальность жизни человека как раз в том, что он редко оставляет паузу для созерцания в суете повседневности. И художники, исследуя окружающий мир, создают картинный образ мира. Искусство – именно то пространство идеального, где властвует запечатленная Красота....

Тонкая ветвь белой сакуры с нежными розовыми оттенками в бездонной глубине цветков на фоне необъятного голубого пространства – и перед нами образ рассвета, затерявшегося в белоснежных лепестках... Изысканный серебристый колорит зимы – и сухой превращен в букет Снежной королевы; фантастична пастельная живопись полевых цветов; в прозрачной капле весеннего дождя средоточие истины – простые мотивы обращены в сказку, и мы испытываем восторг от мира, в котором живем. Сергей Мартыновский ищет сокровенные точки соприкоснове-

ния человеческого глаза, души с природой, метафизический смысл которой – обнаружить в человеке поэзию. Тем самым он, фотохудожник, создает новое пространство для воображения, чувственно-ассоциативных образов. Это и есть тайна творчества, когда душа художника изменяет действительность.

Сергей Мартыновский пользуется обычной фотокамерой Canon 30, обычной фотопленкой, использует известные приемы, но исключает компьютерные программы, а на

От кутюр

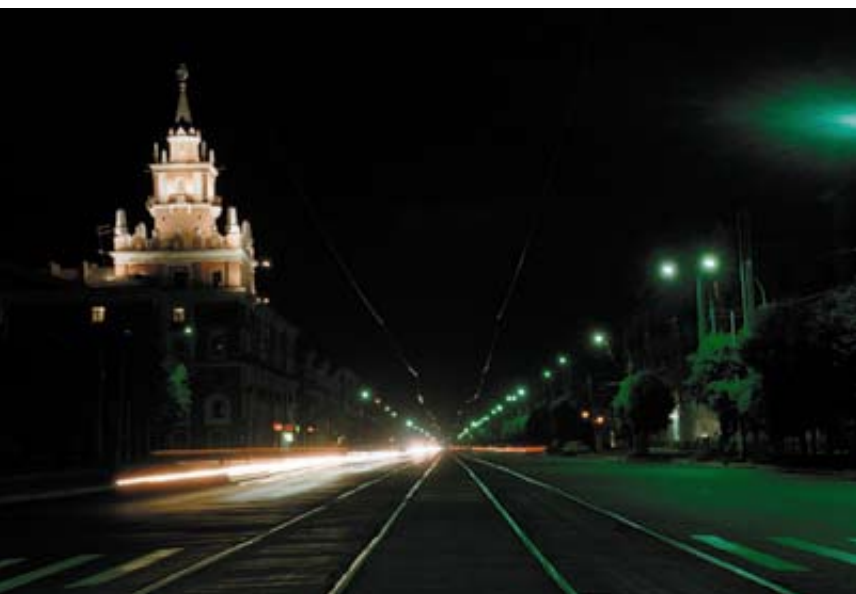
Рериховские мотивы

Точка росы

Есть в памяти одна строка

Площадь Ленина в Комсомольске-на-Амуре

выставках вновь и вновь звучат слова: «что и как», «быть этого не может», «где и когда», да «цвета такого в природе не существует», и порой профессиональные фотографы сомневаются в естественности кадра. Да и как можно поверить, что этот трогательный поцелуй автор подсмотрел в снежных заносах? Кому интересна грязная палитра весенней распутицы с невнятным цветом снега с бурными проталинами? А фотохудожник увидел сердце – образ оттаявшего сердца, образ скромного сердца, и он прекрасен. Выделением главного достигается эффект отстраненности от обыденной реальности, получается другая смысловая реальность. В фотографиях Сергея Мартыновского природная натура обретает общекультурный смысл и лирического содержания, и интеллектуальной пластической выразительности. Его абстрактные формальные композиции великолепны не только композиционной цельностью, выверенным колоритом, как будто он пишет кистью, а ощутимы глубиной образа метафоры-анalogии. (Графическая черно-белая композиция, просвет в комнатных листьях образует статный женский профильный торс – «Инь».) Из элементарной среды, прозаических бытовых явлений автор создает новую реальность вневременного качества: старые разрушенные мосты летают в небе как фрагменты романтических иллюзий, баркас – красавец в прошлом – затерян в тайге, странной судьбой закинута ранней весной пластинка – мелодия любви – на ветви с еле видимыми зелеными листочками на окраину небольшой деревни... Сюжеты жизни.

Метафора природы и парадокс человеческого Бытия – это язык постижения сути явления. Сергей Мартыновский в начале творческого пути, но обладает ценным профессиональным качеством – критическим взглядом на свое творчество. Вершина творчества для него всегда впереди, он постоянно в поиске новых открытий – новых горизонтов.

Джонни Райнхард – фаготист, композитор, музыковед, специалист по микрохроматической музыке и музыке с альтерированной температурой – живет в Нью-Йорке. Он основатель и директор Американского фестиваля микрохроматической музыки (AFMM), который проводится уже двадцать пять лет (с 1981 г.). Райнхард выступает как виртуоз-фаготист, а также играет на блок-флейте и занимается вокалом. Среди композиторов, чьи сочинения исполняются на Американском фестивале микрохроматической музыки, Алоиз Хаба, Иван Вышнеградский, Харри Парч, Чарлз Айвз, Хулиан Карильо (Мексика), Мордекай Сандберг и современные авторы.

В роли солиста Райнхард выступал в Европе, Соединенных Штатах, Японии, Канаде и России. Он выступал с такими известными виртуозами, как Теодосий Спасов, исполнитель на кавале (Болгария), Лидия Кавина, исполнительница на терменвоксе (Россия), гобоист Брам Креффтмайер (Голландия) и квартет ФЛУКС (США). В течение пятнадцати лет Райнхард играл на электрофаготе в рок-группе Джона Катлера «Микротона».

Райнхард закончил за других композиторов ряд важных сочинений. Среди них в особенности выделяется его завершение Вселенской симфонии Чарлза Айвза, мировая премьера которого прошла в Алис Тулли холл в Линкольн-центре в Нью-Йорке в 1996 г., а также его завершение сочинения Эдгара Вареза (1883–1965, Франция – США) «Графы и время» (премьера прошла в Центре Помпиду в Париже в 1987 г.). Исполнение Райнхарда, его сочинения и транскрипции записаны на компакт-дисках в США (компакт-диск «Between the Keys», выпущенный фирмой Newport Classics) и России (SoLyd Records).

Райнхард также активно занимается преподавательской деятельностью. Он профессор по классу фагота в Нью-Йоркском университете. Прежде он вел классы музыкальной композиции и теории в разных университетах в Нью-Йорке и его пригородах, выступал с лекциями во многих университетах и консерваториях США и в других странах, включая Манхэттенскую школу музыки в Нью-Йорке, Университет искусств в Калифорнии, Гамбургскую Хохшуле в Германии, Московскую государственную консерваторию имени П.И. Чайковского в России и Йоркский колледж в Англии.

В 2005-м в фирме The Stereo Society (Нью-Йорк) вышел в свет компакт-диск с легендарной Вселенской симфонией – сочинением Чарлза Айвза.

Голоса земли и воды во Вселенской симфонии Чарлза Айвза

Джонни РАЙНХАРД

США

Перевод Антона РОВНЕРА

Москва

Западная музыка стала развиваться в направлении жанра симфонии, когда освободилась от форм, продиктованных лежащим в ее основе текстом. Помимо некоторых танцевальных форм, таких как, например, гокет (по названию произошедший от определения человеческой икоты), в Средние века музыка была целиком ограничена объемом словесного текста. Как только заканчивались слова, музыка также иссякала.

Первой музыкальной формой, развивавшейся независимо от текста, оказалась инструментальная сюита времен барокко (1600–1750). Такие сюиты использовали известные танцевальные формы тех лет и трансформировали их в ряд коротких частей, к которым часто добавлялась более масштабная увертюра или прелюдия. Поскольку все отдельные части сюиты были написаны в единой тональности и доступны благодаря ритмическим отсылкам к широко узнаваемым танцевальным формам, таким как ирландская жига (gigue), испанская сарабанда или более поздние французские танцы (courante), стало возможно создавать более крупные абстрактные музыкальные сочинения.

В эпоху барокко инструментальные партии были расписаны с учетом того, что у каждой партии будет только один исполнитель. Вероятно, самые блистательные примеры абстрактных сольных музыкальных голосов, воплощенных в форме сюиты, – знаменитые Шесть сюит для соло виолончели Баха. По мере того как композиторам и слушателям становились нужны все более масштабные группы струнных инструментов, появилась необходимость в технике управления большим количеством инструментов. Для этого были найдены самые разные решения.

Мы можем отдать должное композитору Карлу Штамицу из германского города Мангейма за изобретение и использование «крещендо», одного из основных музыкальных средств усиления выразительности музыки. До него было возможно лишь отмечать в нотах «громкую» и «тихую» музыку. Крещендо и его зеркальное отражение – декрещендо, представляют собой градации амплитуды и таким образом дают возможность драматически изменить динамику инструментального ансамбля. Чтобы осуществлять эти новые изменения в области громкости, потребовались дирижеры, задачей которых было управлять различными исполнителями и обеспечивать ансамблевую выразительность. Подобные ансамбли послужили прообразом классического симфонического оркестра.

Первоначально руководители музыкальных ансамблей просто кивали, сидя за клавишными инструментами или играя на скрипках. Вскоре возникла отдельная функция руководящего музыканта, который сам не играл ни на каком инструменте. В Париже композитор-дирижер Жан-Батист Люлли ударял об пол большой палкой, отмеряя тактовые доли, что привело к заболеванию гангреной, (от которой он и умер) вследствие того, что однажды промахнулся и ударил палкой

по своей собственной ноге. Со временем эта большая палка размером с метлу значительно уменьшилась, в результате чего стало возможно искусно помахивать ею, держа в правой руке. (Это не было легкой физической заменой, поскольку некоторые из музыкантов наносили себе раны острием дирижерской палочки.) Некоторые дирижеры предпочитают дирижировать, пользуясь лишь своими руками, без какой-либо дирижерской палочки.

Прежде чем кто-либо мог достигнуть структурного апофеоза того явления, которое впоследствии стало полномерной симфонией, нужно было что-то сделать с самой формой. Прежние танцевальные формы не были пригодны для продолжительных сочинений. Возник новый вид формы под названием «Соната аллегро», которая внесла радикальные изменения в структуру некоторых из частей инструментальных произведений классического периода (1750–1820 гг.). Ее отличительным свойством было чередование различных контрастных музыкальных тем, за которым следовало их развитие. Главная тема контрастирует с побочной, но не настолько сильно, чтобы они совсем не имели друг к другу никакого отношения. Подобное соотношение музыкальных тем становилось все более усложненным.

Как это следует из названия *sonata-allegro*, эта часть симфонии обладает оживленным темпом и обычно является первой из трех или четырех различных частей, хотя ее музыкальный материал мог вполне возникнуть снова и в других частях цикла. Другие подобные формы могли также включать *пассакалию*, где используется повторяющаяся мелодическая басовая линия, чтобы внести последовательность в другие более продолжительные части, либо фугу, представляющую собой следование одной мелодии за другой, форму, получившую особенно широкую известность в произведениях И.С. Баха. Сочинители симфоний никогда не были слишком строгими в смысле количества частей (к примеру, Симфония № 11 композитора Хенри Кауэлла имеет семь частей).

Самым удачным свойством этих форм было то, что они представляли собой лишь отправную точку контрастирующих творческих решений симфонически настроенных композиторов. Моцарт мог вполне использовать до пяти различных тем, когда у него возникало такое желание. Бетховен мог вдвое удлинить необходимый для формы сонатного аллегро раздел разработки. Новаторство является качеством, внутренне свойственным творческому процессу, а рабская преданность математической формуле является свойством слишком раздражительным, чтобы быть чертой одаренного художника. Замыкая круг развития музыкальных жанров, стало возможным употребление в симфонии голоса с текстом, яркими примерами чего явились обширный хор из Девятой симфонии Бетховена и грандиозный объемный вокально-хоровой ансамбль во Второй симфонии Густава Малера «Воскресение».

К 1760 г. одновременно со старшими братьями Баха (Карлом Филиппом Эммануэлем и Вильгельмом Фридеманом) обитатель Лондона Вильям Бойс сочинил восемь «симфоний» для струнных инструментов, пары духовых, фюга и басы континуо (клавесина), в общей степени следовавших форме увертюры. Впоследствии «папа» Иосиф Гайдн напишет 108 симфоний (никто, по-видимому, не знает их точное количество). Спустя некоторое время симфонии отмежевались от клавесина. Моцарту довелось написать 41 симфонию, в то время как Бетховен смог написать лишь девять, а Брамс – четыре. По мере того как симфонии расширялись по объему и пропорциям, композиторам стало все сложнее и сложнее их сочинять, особенно если исполнение определялось финансовыми возможностями авторов.

Развивающаяся традиция симфоний порой включала яркие программные названия, иногда сочиняемые другими людьми после смерти композитора (например, симфония Моцарта «Юпитер»). В некоторых случаях нумерация симфоний

полностью отбрасывалась. Гектор Берлиоз написал свой величайший программный автобиографический опус *Фантастическую симфонию*, в которой повествует о трагической любви молодого человека. В то время как оркестровые сюиты обозначались, как правило, своими тональностями, симфонии, не несущие программного содержания, обычно нумеровались. Брамс был настолько одержим этой нумерологией, что даже воображал, будто его Первая симфония по сути является Девятой Бетховена.

Американские симфонисты достаточно поздно приобщились к традиции, установленной европейскими мастерами, посему у Айвза поначалу в помине не было идеи развить или отвергать эти традиции. В ту эпоху во многих странах стали возникать и громко о себе заявлять национальные музыкальные традиции. Финскую музыку представлял Сибелиус, чешскую – Дворжак, датскую – Нильсен, а американскую – Чарльз Айвз. Новые достижения американской музыки в то время олицетворяли такие композиторы как Самюел Барбер, Роджер Сэйнс, Рой Хэррис, Алан Хованес, Хенри Кауэлл и ряд других. Однако именно в лице Чарльза Айвза Соединенные Штаты впервые обрели великого симфониста мирового уровня. Не удивителен тот факт, учитывая общий консерватизм Америки в области музыки, что только после написания своей Четвертой симфонии он обрел известность.

Его *Первая симфония* была завершена в 1898 г. под попечительством профессора Хорейшо Вильяма Паркера из Йельского университета. По всей видимости, тот свободный дух, который Айвз развивал под опекой своего отца, был в некоторой мере обуздан, если молодому Чарльзу было дозволено окончить университет со степенью бакалавра. И действительно, Айвзу потребовалось сделать в этом своем экзаменационном сочинении некоторое количество изменений вполне консервативного характера для того, чтобы удовлетворить требования своего профессора. Это сочинение производит на слушателя поэтическое впечатление, и в нем особенно подчеркиuto свойство инструментальных тембров, взаимодействующих друг с другом попарно и всегда продвигающихся в строгом метрическом времени.

Вторая симфония Айвза (1897–1901) состоит из пяти частей: *Andante moderato*, *Allegro*, *Adagio cantabile*, *Lento maestoso*, и *Allegro molto vivace*. Использование Айвзом итальянских терминов для названий еще более привязывает его к европейской симфонической традиции, несмотря на то, что в это же самое время он начинает вырабатывать свой собственный стиль, потихоньку расшатывающий прежние устойчивые каноны. Это также проявляется в его несимфонических сочинениях с более трансцендентальными настроениями, таких как *Конкордная соната* (для соло фортепиано), «*Вопрос, оставшийся без ответа*» и *Увертюра Роберта Браунинга*.

Третья симфония, написанная композитором для небольшого оркестра (носящая подзаголовок *Camp Meeting*, «*Встреча в лагере*»), завершена в 1904 г., а окончательная ее редакция проделана в 1909-м. Она впоследствии получила Пулитцеровскую премию – в 1947 г., через год после ее первого исполнения. Названия ее частей: «*Старая родня собирается*», (*Old Folks Gatherin'*), «*День детей*» (*Children's Day*) и «*Причащение*» (*Communion*) ярко изображают сцены традиционной семейной жизни Новой Англии. Ее премьерой дирижировал композитор Лу Харрисон (который пошел еще дальше как экспериментальный композитор, позднее написав свою *Симфонию в свободном стиле* (*Symphony in Free Style*), весьма короткое по длительности сочинение, созданное из интервалов, базирующихся на обертоновом ряду).

Четвертая симфония Айвза (1910–1916), представляющая собой гораздо более амбициозное и массивное сочинение, чем вся его предыдущая музыка, использует в своем ансамбле большой хор, поющий ряд популярных протестант-

ских гимнов и литургических песен. В ней еще присутствует связь с традицией в лице четырех отдельных частей с итальянскими обозначениями темпов: *Прелюдия (Maestoso)*, *Комедия (Allegretto)*, *Фуга (Andante moderato con moto)*, и *Финал (Очень медленно – Largo maestoso)*. В партитуре Айвза представляется место органу, (по возможности) терменвоксу (ранний электронный инструмент, управляемый радиоволнами), струнами за кулисами, четвертьтоновыми роялями и сложными полиритмическими секвенциальными наложениями ударных инструментов, предвещающими похожее употребление этих приемов в его фундаментальном сочинении – Вселенской симфонии.

Некоторые из других сочинений Айвза тоже можно считать симфониями, хотя они не пронумерованы и не употребляется слово «симфония» в каком-либо их описании, сделанном композитором. Вероятно, их лучше всего обозначить как индивидуальные симфонические поэмы, объединенные в группы для небольшого оркестра, например *Праздничная симфония (Holidays Symphony)*, а также *Симфония Новой Англии (New England Symphony)*, вошедшие в состав Первого оркестрового комплекта (*First Orchestral Set*).

Вселенская симфония, хотя и пронумерованная и незавершенная композитором, тем не менее была решительно названа Айвзом «симфонией». Незавершенные симфонии занимают свое почетное место в западной художественной традиции, среди них *Девятая симфония* Брукнера и *Восьмая Шуберта (Незаконченная)*, и часто являются коронными номерами концертных репертуарных программ. В настоящее время полностью реализованная Вселенская симфония весьма заметно отличается от более ранних сочинений Айвза, как, впрочем, и от любого другого сочинения какого-либо другого композитора. Здесь отсутствует разделение на отдельные части, однако существует множество музыкальных разделов, определенных космическим содержанием. Каждый раздел следует за предыдущим без перерыва, а открывается вся симфония большой музыкальной преамбулой.

I. (Раздел А) (Прошлое) «Формирование вод и гор».

II. (Раздел В) (Настоящее) «Земля, эволюция в природе и человечества».

III. (Раздел С) (Будущее) «Небеса, вознесение всего в область духовного».

Определенное употребление слова «симфония» в названии сочинения опровергает старую лживую легенду, сродни истории, рассказываемой американским детям о том, как Джордж Вашингтон срубил вишневое дерево. Симфония – полноправное крупномасштабное музыкальное произведение с начальными, конечными и всеми средними параметрами, совсем не оправдывающее причудливые описания Хенри Кауэллом некоего сумасбродного сочинения, задуманного для исполнения на двух холмах, между которыми должна располагаться долина. Эта симфония в действительности была предназначена для большой концертной сцены, способной разместить 77 музыкантов с множеством инструментов.

Радикальное новаторство в инструментовке является традицией Айвза, использованной в множестве его сочинений для инструментальных ансамблей численностью вплоть до 25 инструментов. Подобные композиционное экспериментаторство, самым известным примером которого является его сочинение «*Вопрос, оставшийся без ответа*» (для трубы/английского рожка соло, тройного духового состава и подсурдиненной струнной группы), предвещает гораздо более неортодоксальную инструментовку поздних сочинений композитора. Как правило, в обычном оркестре может присутствовать до четырех флейт, однако во *Вселенской симфонии* Айвз использует девять флейтистов. К тому же, четырнадцать перкуссионистов в его последней симфонии – такое количество превышает исполнительский состав целых трех полных современных оркестров.

Используя гораздо больший, чем это было когда-либо раньше, ансамбль музыкантов, играющих одновременно под руководством дирижера, эпоха романтизма (1820–1910) создала новое понятие для симфонии: «*rubato*». Это было буквальное «кражей времени», что стало возможным благодаря убыстрению и замедлению темпа. Хотя употребление *rubato* во *Вселенской симфонии* вполне возможно и, поистине, приветствуется и становится неизбежным, в той мере в какой дирижер реагирует на партитуру в процессе исполнения, в этом плане существуют некоторые ограничения в связи с лежащей в основе сочинения ритмической сложностью, строго указанной в партитуре. Даже с присущей сочинению плотностью ритмического взаимодействия существуют *accelerandi* и паузы *fermata*, иногда для некоторых выбранных участников оркестра. Требуется три дирижера для окончательного подразделения полного оркестра на три оркестра в одном: оркестров Земли, Небес и Пульса. (Настоящим темпом сочинения является рационально последовательный метр четверть = 30 в течение всего сочинения.) Тем не менее здесь не ощущается никакого «метра» в смысле традиционного смысла отсчета долей ногами.

В отличие от ранних симфоний Айвза во *Вселенской симфонии* не существуют никаких отсылок к другой музыке, даже к его более ранним сочинениям. Здесь нет каких-либо музыкальных тем, годных для вокальной музыки, которые присутствуют, к примеру, в его *Четвертой симфонии*, несмотря на то, что он продолжал использовать четвертьтона (которые Айвз часто характеризовал как «семейный предрассудок»). Ритмическое измерение «основной единицы» размером в 16 секунд, отсчитываемое целыми цифрами и выступающее в виде нарастающих и убывающих волн, представляет собой новаторское и вызывающее исторические ассоциации подобие пассакалии как принципа организации. Можно действительно услышать «мелодию» в изменяющихся соотношениях пульсации ударных инструментов в разных метровых подразделениях, которые одновременно входят в рамки нашего восприятия и совпадения и выходят за них. Как сам Чарльз Айвз объяснял: «У меня это было прочерчено достаточно детально, но не завершено – в действительности я не работал над этим с того времени, но я надеюсь его полностью завершить к этому лету». Раздел Земли представлен голосами, входящими в различных точках и на различных интервалах создающими своего рода неровную и накладываются полифонию, порой достигающую девяти или десяти голосов, представляющих формирования скал, камней, лесов и земли, линии деревьев и лесов, лугов, тропинок, рек и т. п. и волнообразные линии гор на расстоянии, на котором их видишь как часть просторного пейзажа.

Музыковед Ричард Тарускин был первым, кто провел общеизвестное сравнение Бетховена и Айвза, размышляя о сходных абстрактных качествах, обнаруженных в их величайших творениях: «Девятая с одного конца и *Вселенская симфония*, с другого: вместе они обнимают с двух сторон трансценденталистскую эпоху в музыке» («*Нью-Йорк Таймс*», 23 октября, 2004 г.).

Девятая симфония Бетховена имеет одинаковую длительность и аналогичный объем эстетического назначения. Вероятно, существует некая необходимая и подходящая длительность, которая свойственна композитору, написавшему сочинение, наделенное вселенским величием и значимостью. Только в настоящее время величайшее абстрактное творение Айвза представлено перед слушающей публикой. Ее сложные технические особенности, такие, как, например, полимикрорхроматическое содержание, употребление «инструментов домашнего изготовления», импровизации, радикальной инструментовки и внедрение «обертоновой машины», делают *Вселенскую симфонию* как в техническом, так и в эстетическом планах острее многих музыкальных явлений, возникших гораздо позже.

25 тысяч километров за 25 дней,

Антон ВОЛЬГУШЕВ, художник,
доцент кафедры изобразительного искусства ДВГУ
Хабаровск

ВОЛЬГУШЕВ Антон Евгеньевич. Родился в Хабаровске в 1960 году. Окончил художественно-графический факультет ХГПИ в 1982 году. С 1989 года преподает на кафедре изобразительного искусства ДВГУ. Член Союза художников России с 1996 года.

Персональные выставки: «Равноденствие» (живопись, графика, г. Находка); «Офорт. Эклибрис» (графика, г. Хабаровск); «Здесь и сейчас» (живопись, г. Москва).

Международные графические выставки: графическая выставка преподавателей и студентов университета г. Аугсбурга (1998 г., Германия), Российско-германская выставка преподавателей вузов «Ты не один» (2000 г., ДВХМ, Хабаровск), выставка экслибриса к 2000-летию христианства (г. Пескара, Италия), выставка экслибриса к 300-летию Санкт-Петербурга (2003), III биеннале графики (2006 г., Санкт-Петербург), XXXI конгресс экслибриса (2006 г., Ньон, Швейцария).

или что такое Конгресс экслибриса

*Я в Амур влюблен; охотно бы
пожил на нем года два. И красиво,
и просторно, и свободно, и тепло.
Швейцария и Франция никогда
не знали такой свободы.*

А.П. Чехов

Самое трудное для меня – не скатиться до банальных сравнений «нашей» и «той» жизни. Потому как и без путешествия за границу каждый знает, какие и насколько мы разные. Впрочем, я так же далек от беспристрастного рассказа о своей аванюре, как и от роли заочного гида по Швейцарии. Ведь именно туда мне довелось попасть нынешним августом.

До недавнего времени область моих географических-туристических интересов ограничивалась родным Дальним Востоком и Поволжьем, откуда идут мои корни. Как художник я помышлял даже о возможности свести в одной работе Амур-батюшку с Волгой-матушкой. Никакие заграничные не задевали меня своими красотами и комфортом. И хотя наши художники, среди которых есть близкие мне люди, не раз привозили из дальних краев множество интересных работ, я был уверен, что подобные пленэры не мой удел. И не по причине неизбежных финансовых сложностей, а потому что с некоторых пор мои вылазки на природу с рисовально-пишущими принадлежностями не давали ощутимых воплощений в творчестве. Да, есть такие художники, которые черпают свое вдохновение из литературы, размышлений, общения с интересными людьми и потому особо не стремятся к перемещениям по Земле. Таких с каждым годом становится все больше. А реальных пейзажей, натюрмортов, портретов все меньше встречаешь на выставках, да и в мастерских тоже. К сожалению или к счастью – не знаю, но в наши дни это уже мировая практика изобразительного искусства. Сегодня художник волен экспериментировать, медитировать, рефлексировать и синтезировать как того пожелает. Творчество и ответственность за созданные им творения – вот, думаю, что является оправданием всех поисков художника.

Моя давняя страсть – ЭКСЛИБРИС. Что это такое, как выглядит и зачем нужен – в двух словах не расскажешь, хотя без пояснений мое дальнейшее

Экслибрисы Антона Вольгушева

повествование потеряет всякий смысл. Ведь из-за экслибриса я отправился в эту альпийскую страну.

Традиционно понятие *ex libris* означает «из книг», то есть «книжный знак», которым издавна маркировали свои библиотеки истинные ценители книжного знания – библиофилы. С одной стороны, это «знак духовной связи владельца со своим богатством», с другой – «свидетель любви к книге и показатель образованности». А для художника, создающего экслибрис, он как «пробный шар для испытания своего композиционного дара и технического мастерства». Мне уже приходилось писать о том, что экслибрис – это графическая миниатюра, в символической форме отражающая характерные (личные, профессиональные и другие) качества владельца книжного или иного собрания.

Вслед за книголюбями ценность данного феномена поняли представители других интеллектуальных профессий: журналисты, юристы, ученые, врачи, бизнесмены, чиновники, военные, которые сначала в своих странах, а в 50-е годы прошлого века объединились в Международную организацию обществ коллекционеров и художников экслибриса (FISAE).

Конечно, интересы коллекционеров экслибриса весьма разнообразны. У некоторых собраны тематические коллекции: кошки, лошади, совы, морские коньки, музыкальные инструменты, шахматы или женщины, эротика, Дон Кихот, А. Сент-Экзюпери и др. А кто-то коллекционирует геральдические знаки, отдает предпочтение знатым фамилиям или географическим областям. Владелец коллекций т. н. генерального типа целенаправленно интересуется в экслибрисе его здоровое начало: периоды, страны, техники изготовления, художники. Таким образом, книжные знаки являются исчерпывающим источником особенностей развития вкусов и стилей времени. Кроме того, именно экслибрисы служат не только документом хозяина книги или коллекции, но являются сертификатом дружбы и сотрудничества между их владельцем и создателем.

Поразительно: нынче в России зарегистрировано 350 тысяч (!) общественных организаций, деятельность которых охватывает все стороны жизни государства: политику, экономику, религию, искусство, медицину, спорт и др. «Особый интерес представляют сообщества культуроведческого характера, ибо они объединяют людей не по профессии, общественному статусу, вероисповеданию или возрасту, а по увлечению и страсти», – пишет В. Беликов, президент Российской ассоциации экслибриса (РАЭ), созданной в 2003 году под эгидой Международного союза книголюбов.

Несмотря на многолетнюю активную деятельность Музея экслибриса (открыт в 1991 году в Москве), выставки экслибрисов не избалованы вниманием зрителей. Для многих это «непонятная художественная эквилибристика», как прозвучало в одном из отзывов к выставке, приуроченной к созданию РАЭ (г. Вологда). Экслибрисное дело сегодня в России менее всего выгодно с точки зрения конъюнктурного

Владимир Кортович

Олег Яхнин

Юрий Люкшин

«Создание базы данных экслибриса: на примере коллекции Франка в Британском музее» в изложении Э. Пинкотта;

«Новые пути в мире экслибриса» в изложении М. Байенса;

Дискуссия на тему «Как пробудить интерес к экслибрису?».

Среди главных впечатлений конгресса хочу отметить заметно превосходящий всех уровень работ наших художников. Имена из «первой десятки» известны сегодня коллекционерам и исследователям экслибриса во всем мире. Каждый из них почитает за честь иметь экслибрис, созданный М. Верхоланцевым, Ю. Ноздриным, В. Верещагиным, А. Калашниковым, Ю. Смирновым, О. Яхниным, Ю. Боровицким, В. Зуевым, В. Кортовичем, Ю. Люкшиным. Обладая ярко выраженным творческим почерком и достаточным авторитетом, эти мастера могут создавать свои композиции, не согласуя сюжет с заказчиком. Подобную «вольность» в других видах искусства позволяют себе лишь крупные художники. Забегая вперед, скажу, что у хабаровского зрителя скоро появится возможность увидеть оригинальную выставку лучших российских мастеров экслибриса. Первая передвижная выставка «Современный российский экслибрис» уже второй год путешествует по стране и ждет встречи с дальневосточниками.

Конгресс... Конгресс. Конгресс!

Видимо, были на то причины, и потому на церемонию открытия явились далеко не все аккредитованные участники (немногим более половины). В основном это коллекционеры из многих стран Европы, Азии и Америки. Остальные прибыли позже. Как правило, это мужчины возраста старше среднего. В первый день мне удалось пообщаться с представителями Нидерландов, Швейцарии, Германии, Испании и США и Тайваня, одной женщиной – менеджером Тайваньского общества экслибрисистов. А из наших соотечественников присутствовали питерские художники: Л. Строганов, В. Верещагин, Е. Киселева; московские: Ю. Ноздрин, Ю. Смирнов, А. Бобрусов; белорусские: Р. Сустов, А. Тихонова, А. Волчок; киевлянин Р. Виговский; Е. Сухова (Сургут), Г. Кулишов (Каргополь). Большинство художников имеют в активе несколько конгрессов, и, естественно, четко представляют, что их здесь ждет. Сюрпризы иногда случаются, но это скорее исключение, чем норма. Широко известные в мире экслибриса коллекционеры и исследователи У. Э. Батлер (знаменитый правовед из США, издатель, обладатель крупнейшей в Европе частной коллекции) и В. Худолей (академик от медицины, успешно сочетающий еще и обязанности вице-президента FISAE), конечно, тоже были здесь.

Конечно, знание языков значит многое и в нашем деле. Ведь участников конгресса интересуют не только новые и старые произведения, выполненные в виде графической миниатюры с обязательным наличием владельческой надписи. Приходилось отвечать на вопросы о моих любимых техниках исполнения, темах, сроках на выполнение конкретного заказа, комментировать готовые сюжеты и зашифрованные в них смыслы. А если контакт удавался без видимых

Люцерн, река Ройс

Люцерн,
пещера Льва.
Скала
Торвальдсен

Вид из окна фуникулера на одну из вершин

сложностей, приходилось иногда говорить и о себе лично, о том, что река Амур – самая крупная река в Азии, а мой родной город – столица Дальнего Востока России.

Любопытно, но факт: когда на второй день на конгрессе появилась большая группа участников из Китая, им тоже пришлось объяснять многое из того, что было неведомо европейцам про нас. Дело усложнилось тем, что у них проблем с языком еще больше, чем у россиян. Впрочем, представители библиотек Шанхая и Пекина чувствовали себя свободно и в этой ситуации. Они брали числом и энергией. Еще одно наблюдение: представители КНР интересуются русской темой, особенно нашими «куполами».

Еще одна запоминающаяся встреча состоялась на третий день. Некая Натали Дитрих, родившаяся в Николаевске-на-Амуре, некоторое время была студенткой Хабаровского педагогического института (факультет физвоспитания), пока тридцать лет назад не вышла замуж за немца. Теперь она живет в ФРГ, работает переводчиком, а экслибрис – это ее страсть и средство полезного общения. Предложила мне свои услуги в качестве промоутера. Моя первая реакция – а почему бы и нет? – позднее сменилась на простое желание сделать для этой явно неглупой и энергичной дамы приличный экслибрис с заранее оговоренным сюжетом. Благодаря стараниям Натали я познакомился с доктором из Австрии, который просто очаровал меня тем, что проявил неподдельный интерес к латинским, итальянским и немецким надписям к моим экслибрисам (так называемые motto). Этот интеллектуал слово за словом интерпретировал их на свой лад, часто меня изначальный смысл выражения, которое я подбирал из словарей и дневников художников.

Коллекционеры – забавные люди. Чтобы это понять, стоило ехать на этот конгресс. Так, одна пожилая американка сразу призналась, что не является ни художником, ни «коллектором», ни издателем в привычном понимании. Показав свою небольшую коллекцию, напоминавшую больше собрание конфетных фантиков, она предложила мне обмен на одну из моих работ. Пока я подбирал английские слова для вежливого отказа, считая всякий обмен с ней неравноценным, миссис обмолвилась о том, что занимается собиранием и публикацией экслибрисов, выполненных другими мисс и миссис, и до сих пор она имела только американские знаки. Что же, решил я, час пробил – и обменялся экслибрисом моей бывшей студентки, весьма талантливой когда-то.

То, что международный конгресс экслибриса не очень похож на другие форумы подобного масштаба, стало ясно сразу. Каждый участник (художники, коллекционеры, чиновники от национальных культурных, книжных, экслибрисных и других ведомств) прибыл в Швейцарию за свой счет. Мотивов я насчитал не так уж много: либо показать новые свои произведения в надежде на спрос, либо приобрести ценный экземпляр, либо осуществить выгодный обмен, пополнив тем самым свою коллекцию. Наконец, получить возможность выхода на новый творческий и технический уровень. Это и была моя основная цель, ведь экслибрис как явление культуры наиболее активно развивается именно в последнее десятилетие. Не случайно в рамках XXXI конгресса в Ньоне проходил II Международный конкурс компьютерного экслибриса (т. н. CGD – Computer Generated Design), собравший свыше 280 участников из 35 стран.

В национальном музее Швейцарии хранится флаг, на котором вышито: Freiheit, Bildung, Mohlstand (Свобода, Образование, Благополучие), ставшие девизом этой страны. Наверное, каждому иностранцу, пребывая здесь, хочется пожелать подобные правила жизни своей стране, подумалось мне тогда. Позднее, уже пересекая Россию поездом в течение долгих шести суток, я вспоминал не только Альпы с высоты птичьего полета и озера, памятники и непуганых лебедей, но и тех хороших людей в нашей стране, благодаря которым осуществилась моя «блажь».

А в Китай я обязательно поеду тоже. Ведь следующий XXXII конгресс экслибриса будет через два года в Пекине.

Человек поезда, или Во что верят проводники

Татьяна МЕЛЬНИКОВА, кандидат исторических наук
Хабаровск

Наша жизнь пронизана суевериями. Наряду с общераспространенными можно выделить категорию профессиональных суеверий, бытующих среди узкого круга людей, объединенных общим делом. Формирование профессиональных примет шло одновременно со становлением отдельных видов хозяйственной деятельности, а потом и отдельных профессий.

Эти заметки посвящены профессиональным приметам проводников пассажирских вагонов. Если же говорить о них, то сначала вспомним приметы, родившиеся со средствами передвижения. Например, «Тише едешь – дальше будешь» – явно из разряда примет извозчика.

В том или ином объеме свои профессиональные приметы знали все собеседники-проводники, с кем довелось пообщаться в 2002–2006 гг., но относились к ним по-разному. Как выразилась одна из проводниц поезда Хабаровск – Москва в апреле 2002 г.: «Много всяких запретов потому, что тут всего боишься». Другой собеседник сказал, что не верит в приметы, но знает их. Третий утверждал, что проводникам нельзя верить в приметы.

Тем не менее во что верят проводники?

Во-первых, «если первый пассажир, пришедший на посадку, мужчина, то поездка будет хорошей». Притом что примета, по утверждению самих же проводников, «сбывается не всегда»: «Однажды была у нас поездка: мужчина сел первым, а в вагоне всю дорогу ехали одни пьяницы», тем не менее... «Стараемся первым запустить в вагон мужчину», – как сказала одна из собеседниц. «Мужчину обязательно первым пускаю, чтобы гладко прошла поездка», – подтвердила другая проводница и добавила: «Ну так, маленькие бывают накладки, но в целом хорошо» (поезд Хабаровск – Москва, апрель 2002 г.). Проводница поезда Владивосток – Хабаровск в ноябре 2002 г. поделилась опытом: «Запускаю в вагон первым мужчину, потому что запустишь первой женщину – и будет кувырком вся дорога: пьянка-гулянка, сколько раз замечала». Ее коллега, проводница соседнего вагона, сказала по этому поводу: «Мужчина первый в вагон заходит – благополучие, женщина – перепалки могут в пути возникнуть. Если можно выбрать первого пассажира, всегда мужчину первым пускаю в вагон».

Следует отметить, что в данную примету верит большинство проводников поездов из тех, с кем довелось пообщаться.

Неожиданное объяснение предпочтению мужчины в качестве первого пассажира дала проводница поезда Хабаровск – Москва (апрель 2002 г.): «Как на корабле. На корабле женщины к несчастью, так и у нас».

Ряд примет проводников железнодорожных поездов связан с проверкой их работы

ревизорами. Так, чтобы ревизоры не сели, служебные ключи на стол никогда класть нельзя. «Ключи на стол не кладут. Что-то это значит для ревизоров, что-нибудь да найдут», – поделилась своими наблюдениями проводница поезда Владивосток – Хабаровск (ноябрь 2002 г.). Проводник вагона поезда Владивосток – Благовещенск в июле 2006 г. в данную примету верил, однако выразился в беседе так: «Да, верю, но клади не клади, если ревизоры должны сесть в поезд на какой-то станции, они сядут». Верил он и в то, что «уронить вагонные ключи – к неприятностям». По словам начальника поезда, следовавшего по маршруту Хабаровск – Москва в апреле 2002 г., «если упадут служебные ключи, говорят, на следующей станции сядут ревизоры». Хотя это покажется странным, но о существовании зависимости падения служебных (вагонных) ключей и прихода ревизоров говорили большинство собеседников. Уловка – постучать упавшими ключами о пол, чтобы нейтрализовать нежелательные последствия падения ключей, не помогает. «Стучу ключами, стучу, все равно приходят», – сетовала проводница в апреле 2002 г. Более верным способом противодействия негативным последствиям падения служебных ключей можно рассматривать следующее поведение проводника: «Если уронила вагонные ключи в купе, где отдыхаем, я их не поднимаю, беру у напарницы и работаю» (поезд Хабаровск – Москва, апрель 2002 г.).

Проводница поезда Хабаровск – Чегдомын в августе 2005 г. метко сравнила эту профессиональную примету с общераспространенной: «Дома, когда ключи падают – к гостям, а здесь говорят – к ревизорам». Эта собеседница сразу предупредила, что не верит в приметы.

Еще, чтобы ревизоры не проверяли, говорили мне проводники поезда Хабаровск – Москва (апрель 2002 г.), надо нож поставить наискосок (вертикально) между рамой и стеклом.

Чтобы хорошо отъездить, иметь левый заработок, чтобы все хорошо было, надо вилку заткнуть под панель или под ручку над дверью. Молодая проводница поезда Хабаровск – Москва рассказывала, что «однажды, в начале карьеры, работала с напарницей. Она как зашла в вагон, нож на окне заткнула, а вилку под ручку. Хорошо тогда съездили, без происшествий».

«Найденные в вагоне монетки надо ссыпать в угол рабочего купе, чтобы деньги водились», – делилась профессиональным секретом проводница поезда Хабаровск – Москва (апрель 2002 г.). В правом углу рабочего купе собеседницы действительно лежали монеты разного достоинства. Об этой примете как верной говорил и проводник поезда Владивосток – Благовещенск в июле 2006 г.: «Деньги в правый от двери угол рабочего купе бросать, чтобы прибыль была». Проводница поезда Хабаровск – Владивосток в июне 2006 г. утверждала, что деньги эти для домового вагона – вагонного: «Деньги в правый угол от входа в рабочее купе кладешь, чтобы домовый любил тебя. Есть домовый, а есть вагонный. Чтобы он любил. Как выглядит, не знаю, но бывает добрый, бывает – нет. Когда уютно себя чувствуешь в вагоне,

спится между сменами, а бывает неуютно во время отдыха, не спишь, ворочаешься и т. д. В угол кладут монетки, найденные в вагоне». Следует подчеркнуть, что в правый угол рабочего купе проводники кладут деньги, найденные в вагоне.

По мнению проводницы вагона поезда Хабаровск – Москва, «чтобы счастье не вымести, пол надо подметать от входной двери – «головы» вагона к рабочему тамбуру». Из трех опрошенных собеседниц этого поезда, данную примету соблюдала только одна, рассказавшая о ней. Однако чаще проводники говорили мне о другой примете, связанной с бытованием веника в железнодорожном вагоне. В ноябре 2002 г. проводницы поезда Владивосток – Хабаровск говорили: «Веник надо ставить метелкой вверх, ссоры чтобы не было, с пассажирами не ругаться». Или: «Веник вверх метелкой ставлю. Кто к деньгам говорит, кто – к благополучию, чтобы дорога спокойной была. И к тому и к другому ставлю».

Бытуют среди проводников и общераспространенные приметы, адаптированные к профессиональной деятельности.

Так, проводники считают: шить в дороге – дорогу зашивать. Проводники не шьют, «чтобы не было неприятностей». По этой причине оторвавшуюся пуговицу проводники не пришивают, а закалывают булавкой. «Плохо это – зашивать что-то в дороге», – поделилась одна из собеседниц (поезд Хабаровск – Москва, апрель 2002 г.). Другая свое отношение к данной примете обозначила еще более категорично: «Зашивать во время поездки нельзя. Даже нитки с собой в поездку не берем» (поезд Хабаровск – Чегдомын, август 2005 г.).

Не принято давать соль кому-либо. «Вот сейчас еду без соли, забыла, не прошу. Может, и дадут соль, но знаю примету», – рассказывала мне в апреле 2002 г. проводница поезда Хабаровск – Москва.

Некоторые проводники носят с изнаночной стороны одежды булавки – от сглаза. «Мы через столько глаз проходим, а глаза-то разные, поэтому носим булавки на изнанке одежды. Хорошо бы еще от сглаза белее наизнанку носить, да как-то не могу», – пояснила одна из проводниц поезда Хабаровск – Москва (апрель 2002 г.).

Из бесед с проводниками выяснилось, что профессиональные приметы они перенимали от напарников, с которыми ездили в свой первый рейс, – по принципу наставничества, а одна из собеседниц – дочь профессионального проводника со стажем несколько десятилетий.

А завершить свои заметки о профессиональных приметах проводников пассажирских поездов хотелось бы рассказом студентки, работавшей в летние каникулы проводницей поезда Хабаровск – Чегдомын (август 2005 г.): «В прошлом году ездила в паре с профессиональным проводником. И та рассказывала о приметах своей профессии. Нельзя ронять вагонные ключи – ревизоры придут. Верная примета. Всегда падают к ревизорам. В прошлом году ездила на поезде в Нерюнгри. На этом маршруте всегда много ревизоров, и всегда перед их приходом падали ключи».

Илья ЛИХАНОВ – дальневосточный художник, выпускник художественно-графического факультета Санкт-Петербургского педагогического института им. Герцена, живет и работает в Хабаровском крае, в селе Сикачи-Алян. Работы Лиханова имеются в собраниях Дальневосточного художественного музея, Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры, а также в частных коллекциях в России и за рубежом.

Автопортрет. Бумага, карандаш

В разное время Илья Лиханов принимал участие в выставочных проектах Дальневосточного художественного музея и Хабаровского отделения Союза художников России. Персональные выставки состоялись в галерее «Арт-подвальчик» Хабаровского краевого благотворительного общественного фонда культуры, галерее современного искусства «Метаморфоза» (Комсомольск-на-Амуре), выставочном зале краевого Дома творческой интеллигенции (Хабаровск), музее истории села Сикачи-Алян (филиал Краевого краеведческого музея им. Н.И. Гродекова).

В картинах Ильи Лиханова нет ничего надуманного. Вечные камни, диковинные раковины, орнаменты сплетенных ветвей, ночные бабочки – это все рядом. Важно только разглядеть. В автопортретах, портретах мастера нет внешней оболочки-маски, здесь только глубины глубин человеческой души. В живописных полотнах и графических листах явно узнаваем Сикачи-Алян с его магическими символами и красотой окружающего пространства – и в то же время он отражение огромного мира, где все является единым целым.

Илья Лиханов – автор иллюстраций к циклу сказок и легенд коренных народов Приамурья «Уснувший Дракон».

Натюрморт. 2003. Холст, масло

Катя с мишкой. Бумага, гуашь

Без названия. 2003. Холст, масло

Портрет Димы. Холст, масло

Маки. Холст, масло